

ПРОТОИЕРЕЙ ВАСИЛИЙ НОВИНСКИЙ

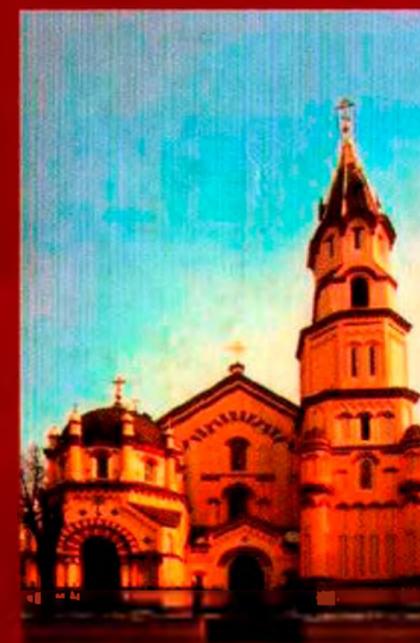
ОЧЕРК ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ЛИТВЕ

Протоиерей Василий Новинский (род. в 1939 г.) – настоятель церкви св. Николая в г. Вильнюсе. Окончил Минскую Духовную Семинарию, Ленинградскую (ныне Санкт-Петербургская) Духовную Академию и Аспирантуру при Московской Духовной Академии. Кандидат богословия. Работал в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии, имел послушание в Чехословакии (1971-1974 гг.) и Швейцарии (1979-1983 гг.), был настоятелем Пречистенского кафедрального собора в г. Вильнюсе (1978-1979 гг.) секретарём Епархиального управления Виленско-Литовской епархии (1978, 1983-1989 гг.). С 2001 г. – благочинный Виленского округа.

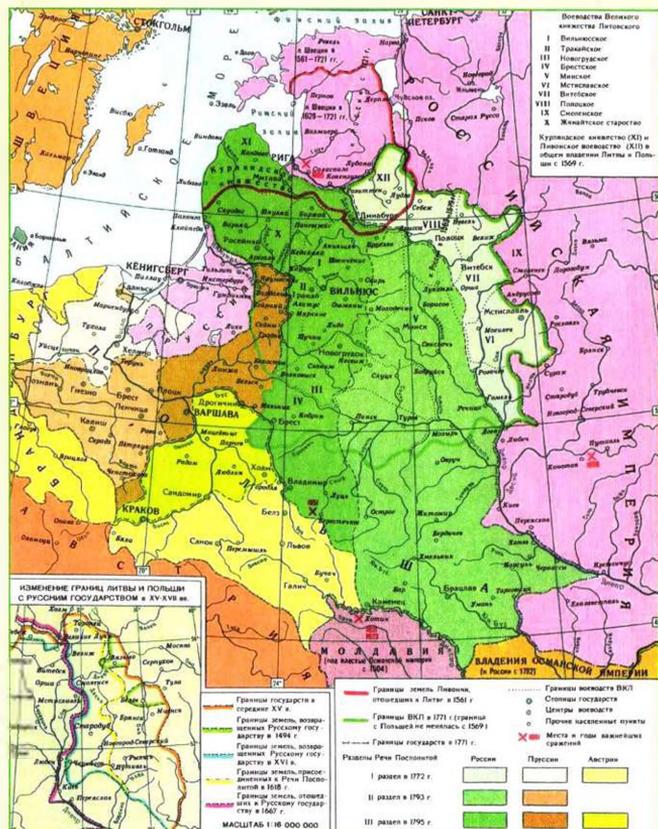
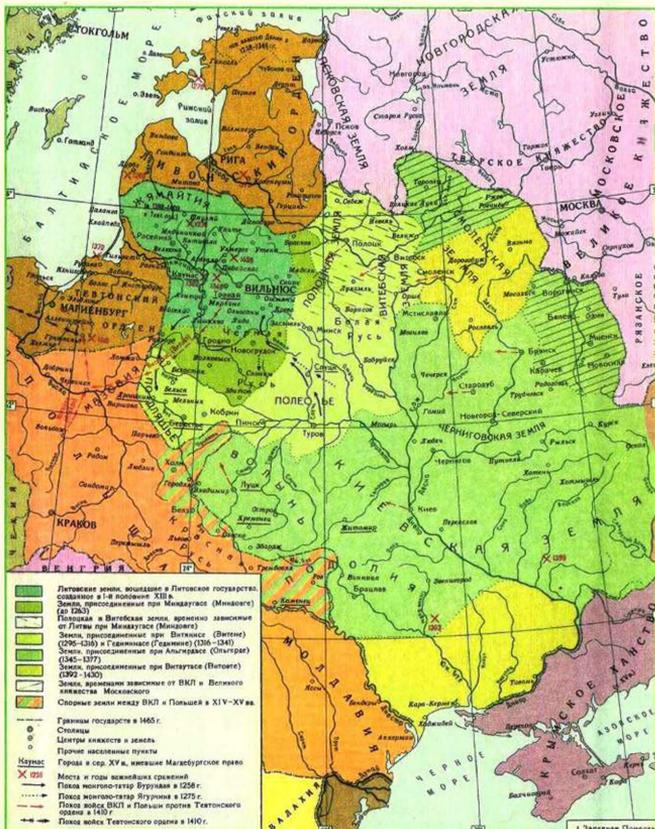
Во внимании к трудам на благо Православной Церкви награждён: орденом Православной Церкви в Чехословакии – Св. равноапостольных Кирилла и Мефодия III степени (в 1974 г.), орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени (в 1983 г.), орденом Польской Автокефальной Православной Церкви – Св. равноапостольной Марии Магдалины (в 1985 г.), орденом Св. равноапостольного Великого князя Владимира III степени (в 1987 г.) и орденом Св. благоверного князя Даниила Московского II степени (в 1999 г.).

Имеет ряд публикаций на богословские и церковно-исторические темы в отечественных и зарубежных журналах.

Великое княжество Литовское в XIII - середине XV в.

Великое княжество Литовское в XVI - XVIII в.
(в составе Речи Посполитой)

ПРОТОИЕРЕИ ВАСИЛИЙ НОВИНСКИЙ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИА
В ЛИТВЕ

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО ЛИТВЫ
ВИЛЬНЮС

2005

Православие в Литве уходит глубокими корнями в седую древность. Мощи святых Виленских мучеников до наших дней наглядно свидетельствуют о подвиге веры и любви ко Христу Спасителю. История Христианства в Литве в целом славна и трагична. Много было конфликтов и не соответствующих заповедям Господним поступков верующих людей, принадлежащих к различным конфессиям. Очень часто причиной небратских, враждебных проявлений друг ко другу являлся грех и грубое вмешательство государственной власти. Как бы ни тяжелы были условия для сохранения веры своих предков, она жила в сердцах людей и проявлялась в повседневной жизни усилиями добрых пастырей и благочестивых мирян.

Годы советской власти в Литве, были большим испытанием и подвигом для всех верующих людей, независимо от их религиозной конфессии. Эти годы насилия над верующими сблизили их между собой, ибо они были равно презираемы и гонимы государственными и партийными чиновниками. Вся мощь государственного репрессивного аппарата оказалась бессильной, чтобы окончательно уничтожить религию. Само великое богоборческое государство, без военного вмешательства извне, рассыпалось, как прах перед лицом ветра.

В третье тысячелетие православные Литвы вошли малым стадом Христовым, живущим

среди инославных. У нас богатое духовное наследие, накопленное предшествующими поколениями. Нам нужно учиться у них, ибо они живя на этой славной земле, усердно трудились, приумножая духовное наследие.

В демократической Литве нет ущемления прав верующих людей. Традиционные религии пользуются государственной поддержкой. Той свободой, которая имеется в стране, к сожалению, часто злоупотребляют средства массовой информации. Они, пользуясь вседозволенностью, своими материалами фактически пропагандируют аморальность и псевдокультуру, тем самым наносят огромный ущерб религиозной нравственности и духовности, заражая грехом особенно юные умы и сердца. Верующим людям всегда нужно было противостоять соблазнам и греху, исходящим от падшего мира, оберегая себя и своих детей от дурного влияния. В наше время эта опасность увеличилась многократно, особенно для молодежи, через телевидение. Верующие люди находятся среди бушующего моря страстей, стремящегося потопить их в пучине греха, но у нас есть надежный корабль - Церковь Христова, где мы можем укрыться от грозных штормов и доплыть до безопасной пристани - Царства Божия, как это делали наши предшественники по вере.

Нам нужно чаще смотреть в прошлое, в нашу историю, ибо она может многому научить

нас и от многого предостеречь. Нашим предшественникам по вере тоже было трудно идти за Христом, но они не изменили вере своих предков и донесли ее до нас, обогатив ее своим личным вкладом. На нас лежит ответственность - сохранить веру, традиции нашей Церкви, культуру и, передать их невреденно последующим поколениям, внося свою малую лепту.

Я приветствую выход в свет исторического обозрения православия в Литве протоиерея Василия Новинского. Убежден в том, что этот труд отца Василия принесет пользу всем, кто интересуется нашим прошлым. В истории Православия в Литве есть все: святость и грех, горение духа и теплохладность, усердие в благочестии и пренебрежение к нему, противление расколам и порождение их. Поэтому, советую читателю, используя мысль святителя Андрея Критского, выраженную им в Великом каноне: учиться доброму, подражать благочестивым людям и избегать подражания дурному, греховному.

В добрый путь, к читателю труд протоиерея Василия. Да послужит это историческое обозрение ко благу православных людей.

Да вознаградит Господь Своею благодатию пастыря Своей Церкви и дарует ему силы еще многие годы служить своей пастве.

Хризостом

Митрополит Виленский и Литовский

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...*

А. С. Пушкин.

Приведённые выше слова великого Пушкина, прозвучали на заре XIX века. Но сегодня они звучат ещё более актуально, чем в своё время, особенно для тех потомков православных, которые живут «в рассеянии», и ещё более актуально для тех, кто живет в не православной стране, к каковой относится Литва – страна, в которой мы живём.

Печальным фактом нашей действительности является то, что уже сегодня многие православные, живущие здесь, не знают истории своей Церкви, не ведают, что Православие в Литве – не случайный заезжий гость, не инородное тело этой земли, а древний спутник здешней культуры, живших здесь народов. Что же касается не потомков православных, то для многих из них речь о том, что католическая Литва первоначально была по преимуществу православной, прозвучит, может быть, вообще неправдоподобно, если не еретически. Тем не менее, несомненным фактом является то, что Православие в Литве имеет многовековую историю. И чтобы

современным потомкам православных не чувствовать себя здесь «иванами не помнящими родства», им эту историю надо ведать и помнить.

«Тот, кто не помнит своего прошлого, осуждён на то, чтобы пережить его вновь» (Д. Сантаяна).

Историю Православия в Литве можно (и по сути, и для удобства восприятия) разделить на отдельные периоды, связанными с теми или иными событиями и явлениями, которые оказали заметное влияние на её ход и развитие. Нам кажется возможным предложить следующую периодизацию:

I. От начала до династической унии (при кн. Йогайле) Литвы с Польшей;

II. От династической до государственной унии Литвы с Польшей;

III. От Люблинской (государственной) до Брестской (церковной) унии;

IV. В период насаждения церковной унии (до раздела Польши);

V. В годы присоединения к Российской империи;

VI. В годы I мировой войны и межвоенный период;

VII. В немецкой оккупации;

VIII. В годы советской власти;

IX. В независимой Литве.

Связующей нитью изложения или, образно говоря, вехами, вокруг которых группируется

собранный материал и связывается в единое целое, составитель избрал правящих Церковью архиереев, сосредоточив при этом внимание не столько на их биографии, сколько на делах и событиях происходящих в годы их управления.

Настоящий очерк не является новым исследованием в области истории, его составитель лишь попытался собрать воедино имеющиеся, известные ему свидетельства, говорящие о том, как возникла, становилась, жила и выживала Православная Церковь в этом крае от дней древних и до сего дня. Уповаю, что он найдёт своего читателя и будет хоть в какой-то мере полезен для тех, кто интересуется своими корнями, минувшей судьбой своей Церкви.

ВСТУПЛЕНИЕ

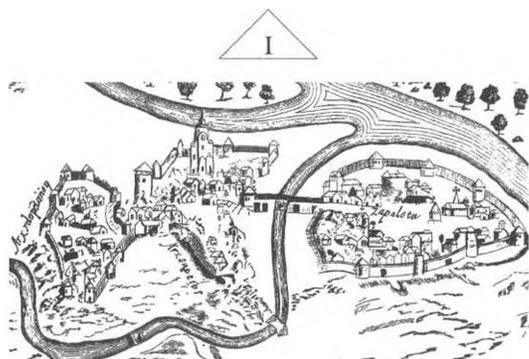
«Стачятикю», «православу», «греческая вера», «русская вера», «ортодоксу» – все эти определения, употребляемые в здешнем лексиконе, называют один и тот же феномен: то, что православный богослов прот. Сергей Булгаков определяет как «Церковь Христова на земле».

Если исходить из того, что название должно выражать суть явления, то наименее подходящим здесь названием является первое – «стачятикю», ибо оно называет явление по внешнему, не главному признаку: по манере предстояния перед Богом на молитве. Наиболее адекватным будет «ортодоксу» или его лингвистическая калька – «православу». Греческое слово «ортодоксия» означает «правильное представление (мнение)» и «правильная слава (прославление)». В нашем контексте «ортодоксия» означает – «правильная вера (вероучение)» и «правильное прославление Бога». Этим названием наиболее полно и выражается самосознание приверженцев Православной Церкви, а именно: что в нашей Церкви содержится истинная вера и вероучение, а Бог прославляется должным и наилучшим образом. И хотя другие традиции и всевозможные секты претендуют на то, что именно они имеют истинную веру, название

«православная» всё же прочно сохранилось за той Церковью, которая ничего не убавила и ничего несогласного не прибавила к сути вероучения Христовой, соборной и апостольской Церкви, а, наоборот, сберегла в полноте древне-христианскую веру и образ благочестия. Как справедливо писал В. Соловьёв, «Православие – это неизменное хранение учения Иисуса Христа и Апостолов, как оно изложено в Священном Писании, Священном Предании и древних символах Вселенской Церкви».

Согласно православному учению под Церковью Христовой на земле разумеется живой единый небесно-земной организм – Тело Христово, проявляющееся и исполняющееся во времени. И как таковая, Церковь имеет своё начало и свою историю во временном бытии, имеет и свою институцию. Начало её историческому бытию положило сошествие Святого Духа на Апостолов в день Пятидесятницы. Церковь Православная, как Церковь ничего не убавившая и ничего не прибавившая к Апостольской Церкви, вправе вести отсчёт своего исторического бытия именно от этого события, хотя в собственном смысле, как обретшая наименование «православной», она начинает свою историю с момента великого раскола – разделения первоначально единой Церкви на Восточную (Православную) и Западную (Римско-католическую), т.е. с 1054 года. Восточная или

Православная Церковь представляет собой семейство автокефальных, самоуправляемых церквей, связанных узами единства в вере и общения в Таинствах. В это семейство входит и Русская Православная Церковь, одну из епархий которой составляют сегодня православные Литвы. Так что своими духовными корнями сегодняшние православные Литвы входят в многовековую общую для Православия историю, и вместе с тем имеют и свою собственную весьма не простую историю, основные моменты которой мы и постараемся осветить в этом сочинении.

ОТ НАЧАЛА ДО ДИНАСТИЧЕСКОЙ УНИИ (ПРИ КН. ЙОГАЙЛЕ) ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ

ИСТОРИКИ СЧИТАЮТ, что в литовские земли Православие пришло с соседних славянских пределов вскоре после крещения Руси (988 г.). В силу этого оно и называлось иногда «русской верой». В 1994 году во время археологических раскопок в древнейшем литовском поселении (бывшей столице) Кярнаве были обнаружены захоронения, относящиеся, по мнению учёных, ко времени правления Великого князя Миндаугаса (1236-1263 гг.). Исследователи обратили внимание на то, что люди здесь были похоронены по православному обычаю (ногами на

Восток). Эта находка лишь подтвердила сообщения летописей (наприм. еп. Петра Камеранского) и выводы историков (М. Кояловича, Г. Киприяновича, П. Кукольника и др.) о том, что православная христианская вера начала проникать в Литву примерно с XI столетия. Проникновению и успешному распространению «русской веры» способствовали и географические, и исторические обстоятельства.

С незапамятных времён белорусские племена дригвичей и кривичей контактировали с племенами, жившими на территории нынешней Литвы. Историки отмечают, что ещё задолго до монголо-татарского нашествия на Русь имели место неоднократные «нападения литовцев на псковские, новгородские и даже тверские местности. Забираться так далеко в русские области литвины могли не иначе как через Белоруссию, следовательно, они здесь были уже свои люди, иначе не могли бы предпринимать через неё таких смелых походов в глубь России» (23). С нашествием же на Русь монголо-татар литовские князья, почти не встречая сопротивления, подчинили себе ряд белорусских и украинских земель, так как последние видели в этом подчинении спасение от более страшной беды – нашествия монголо-татарских орд. Кроме того, вторжение в северные земли Литвы Ливонского и Тевтонского орденов понудило северных литовцев двинуться не только на юг

Литвы, но и в пределы Белой и Чёрной Руси. «Это вынужденное движение литвинов с северо-запада на юго-восток ещё более,- по мнению проф.М. Кояловича,- ускорило образование литовско-русского государства и народное объединение литвинов и русских». «Великое Княжество Литовское, Жмудское и Русское» (так называлось Литовское государство в те времена; прим. наше) на две трети состояло из народов принявших Православие. Естественно, что в этих условиях Православие стало распространяться и среди языческой «трети» княжества. Прежде всего, оно нашло признание при великокняжеском дворе. Известно, что сын Великого князя Миндаугаса Войшелк (Вайшвилак) был православным монахом и в конце XIII века стоял во главе Литовского государства. Подсчитано, что до времени «крещения Литвы» в католическую веру (1387 г.) 56 литовских князей были православными. Правда, следует заметить, что нередко ту или иную веру князя принимали из политических соображений, а не по убеждению. По политическим же мотивам нередко заключались и брачные союзы. Известно, что 15 литовских княжон было выдано замуж за русских (православных) князей, и 16 русских православных княжон вышли замуж за князей литовских. Нередко вместе с ними ко двору приводились их приближённые православные люди, в том числе и священники. Их заботами

в литовской столице строились православные храмы (напр. Пятницкая, Никольская и Троицкая церкви в Вильнюсе), что немало способствовало укреплению и распространению православной веры.

Другой фактор, способствовавший распространению и укреплению Православия в Литве – это мастеровые и торговые люди, выходцы из русских уже христианских земель, осевшие в Литовском княжестве, особенно в крупных городах. Уже во времена Великого князя Гедиминаса в Вильнюсе было столько подобных людей, что хроникёры называли его «Русским городом» (*civitas Ruthenica*). Не удивительно поэтому, что к XV в. в Вильнюсе для удовлетворения духовных нужд православных имелось 14 больших и около 8 меньших (типа часовни) церквей, в то время как католических храмов – всего семь. Историки такую разницу объясняют следующим образом: «Известно, как мало отвечало своим целям вооружённое миссионерство крестоносцев. Силой навязанная религия, а вместе с ней чужое господство, не ослабили язычество литовцев, наоборот, придали ему больше силы и упорства в сопротивлении. Напротив, слова Евангелия, распространявшиеся мирным путём, находили более лёгкий доступ; Русь первая стала направлять в Литву проповедников учения Христова, проникнутых таким духом. И в самом деле, христианст-

во восточного исповедания с самого начала делало здесь значительные успехи» (56). Приверженцы веры отцов-язычники-противились, конечно, как могли, влиянию Православия, но это сопротивление не способно было переломить тенденцию и не имело характера острой враждебности. По словам историка Литвы Т. Нарбута, «от самого начала власти великих князей Литовских над землями русскими, несмотря на большую разность веры, никогда не было нетерпимости христианства; напротив, князья, уважая права, язык и обычаи покорённых народов, сами заимствовали у них, что признавали мудрым; поэтому православная вера путём краткого убеждения в святых истинах распространялась по Литве прежде, нежели правительство думало принимать к этому меры». История сохранила лишь один брутальный инцидент, когда в 1347 году по настоянию жрецов и придворной языческой партии Великий князь Альгирдас, в целом благосклонно относящийся к Православию (есть сведения, что он принял даже православную веру), приказал казнить придворных язычников Нежило, Кумеца (в «Исторических заметках» П.Кукольника - Михлей) и Круглеца, крестившихся в православную веру с именами Антоний, Иоанн и Евстафий. Такая суровость была вызвана тем, что язычники были весьма обеспокоены влиянием православных при дворе и стремились

любой ценой его ослабить, а заодно – утратить вероотступников, обращающихся в Православие. В целом же «ни прежде, ни после того, до введения римско-католической веры в Литве Ягайлом, православные христиане не только не терпели в ней никакого преследования, но пользовались совершенною свободою своего исповедания, покровительством государей и искренним сочувствием народа» (24). И имевшая место «жестокая казнь Антония, Иоанна и Евстафия не только не остановила обращения язычников в православную веру, но даже способствовала ему, ибо стойкость и мужество мучеников за веру сделали её ещё более притягательной. Более того, мученическая кончина исповедников веры Христовой ввела их в сонм святых Православной церкви, а нетленные их останки стали предметом благоговейного почитания для последующих поколений» (42). Канонизация (причисление к лику святых) литовских мучеников состоялась в Константинополе (между 1354 и 1374 гг.), а их нетленные мощи до ныне почивают в храме Свято-Духова монастыря в г. Вильнюсе. Возвращаясь же к истории Православия, мы с полным основанием можем сказать, что в ранний период Великого княжества Литовского православная вера без какого-либо насильственного насаждения и специальной миссии проникла «во все слои литовского общества и немного нужно было,

чтобы Литва сделалась государством восточного исповедания» (27). Известно, что с конца XIII века православные Литвы оформляются уже в отдельную епархию или, как она тогда именовалась, митрополию (от греческого слова *μητροπολις* – главный город).

ВПЕРВЫЕ ЛИТОВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ упоминается в «Росписи епархий Константинопольского престола», составленной при императоре Андронике Палеологе Старшем (1282-1327гг.). По мнению русского историка проф. Е. Голубинского учреждение Литовской митрополии произошло в 1316 или 1317 году. Польский историк проф. К. Ходыницкий считает, что Литовская митрополия возникла во время правления Великого князя Литовского Витениса (1260-1315). Современные исследователи полагают, что князь Витенис мог обратиться к Константинопольскому Патриарху с просьбой об учреждении Литовской митрополии и назначения для неё митрополита, а само событие произошло «в начале княжения его преемника Великого князя Литовского Гедымина» (3). Так или иначе, но известно, что под Актами деяний Константинопольского патриаршего собора 1317 года имеется уже подпись митрополита Литовского (*ὁ Λιτωανῶν*). Упоминание о Литовском митрополите имеется и в Актах Патриаршего синода 1327 и 1329 годов, в последнем он даже называется по имени – Феофил.

Это даёт основание предположить, «что первым литовским митрополитом был тот же Феофил, посвящённый Патриархом из греческого духовенства. Вероятно, что в том же году или в начале следующего года он умер, потому что имя его больше не упоминается в актах той же епархии» (3). Из сказанного выше не трудно догадаться (и так оно было на самом деле), что в церковном (каноническом) отношении Литовская митрополия находилась в юрисдикции (правовом подчинении) Константинопольского Патриархата. Здесь, между прочим, заметим, что, как следует из письма Великого князя Литовского Гедиминаса Папе Иоанну XXI-ому, в Великом княжестве Литовском в то время, когда православные имели уже митрополию, которая, по мнению одних исследователей (А. Павлов) состояла из двух епархий – Полоцкой и Туровской, по мнению же других (Н. Голубинский) она включала в то время и шесть епархий Галицкой митрополии, оставшейся к 1308 г. без митрополита, имелись только три католические храмы, один из которых – в Вильнюсе.

Учреждение и дальнейшие судьбы православной Литовской митрополии находились в тесной связи с политическими целями литовских и московских князей и византийских императоров. Само учреждение её состоялось по инициативе (можно сказать даже по требованию) литовских князей. Эта инициатива не

совпадала с желаниями и чаяниями московских князей и митрополитов. Вот что пишет в связи с этим упомянутый выше архиепископ Афанасий (магистр богословия Варшавского университета): «После смерти митр. Феофила митр. Феогност (Московский; примеч. наше) просил Константинопольского Патриарха не назначать в Литовскую митрополию особого митрополита, потому что он занялся объединением всей Руси под своим омофором (т.е. под своим управлением; прим. наше). Ему помогал в этом деле Великий князь Московский Иван Калита, которому это было выгодно для его государственных целей, потому что он сам стремился объединить всю Русь под своею властью». С другой стороны, «Литовские князья и польские короли неохотно допускали церковную зависимость своих православных городов и областей от московского митрополита, опасаясь того, что церковный союз их с Москвой поведёт за собой и политическое объединение их под короной Московского князя. Отсюда возникает желание или удержать митрополию на юге (имеется в виду Киев; прим. наше), или создать независимую от Москвы митрополию» (27). Некоторые литовские князья, как отмечают исследователи, мечтали и о большем. Например, Великий князь Альгирдас «хотел не только освободить свою Русь от власти митрополита, фактически ставшим московским, но и поставить от своего лица

такого митрополита на кафедру Киевскую и всей Руси, который бы управлял *всей* Русской церковью, но тянул её не к Москве, а к его литовской столице» (20). Означенное несовпадение интересов отрицательно сказывалось на жизни Православной Церкви в Литве. Каждая сторона, преследуя свои собственные цели, обращалась к Константинопольскому Патриарху, в канонической власти которого эта Церковь находилась, а те или иные решения Патриарха, в свою очередь, очень часто зависели от воли и политических планов императоров Византии. Для достижения целей здесь применялись и подкуп, и обман, и угрозы. Так, польский король Казимир, обращаясь в 1369 году к Константинопольскому Патриарху с просьбой назначить угодного ему митрополита, замечал: «А не будет милости Божией и вашего благословения на этом человеке, то после не жалуйтесь на нас: нам нужно будет крестить русских в латинскую веру, если у них не будет митрополита, так как земля не может быть без закона». В силу этих обстоятельств на Киевской кафедре иногда оказывались и по два митрополита (один предложенный Москвой, другой – Литвой), что вносило разделение в церковную жизнь и не было на пользу Церкви.

Несколько слов о том, почему у нас, и, прежде всего, в документах того времени, в связи с Литовской митрополией упоминается Киев, и

что в таком случае имеется в виду?

В ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ епископская кафедра, как правило, получала своё название по имени главного города епископии. Этот город обычно был и местом постоянного пребывания епископа. Фактически Литовская митрополия первоначально свою кафедру имела в Наваградке (ныне Новогрудок, Белоруссия) – стольном граде белорусского княжества, вошедшего в состав Великого княжества Литовского и Русского и ко времени учреждения Литовской митрополии бывшим его политическим и церковным центром. В соответствии с традицией, литовский митрополит, проживавший в этом городе, должен был получить титул «Наваградский» или «Наваградский и Литовский». Однако для Константинополя известной и освоенной кафедрой в Древней Руси была Киевская кафедра, митрополиты которой вплоть до XV в. именовались «митрополитом всея Руси». Для всей Руси – один митрополит, такова была основная тенденция. И даже уступая, по указанным выше причинам, домоганиям литовских князей, Константинопольские патриархи всё же старались по возможности соблюсти указанную тенденцию, поэтому, хотя и дали Литве отдельную митрополию, но она понималась ими скорее как епископия, приписанная к Киевской кафедре. Видимо поэтому Константинополь и называет нашу епархию не по имени

стольного града, а по имени княжества.

Вскоре после учреждения Литовской митрополии, в упомянутой выше греческой «Росписи» архиерейских кафедр относительно Литовской была сделана следующая заметка: «Эта митрополия раз утверждённая при императоре Андронике Старшем, охотно возводившем епископии на степень митрополий, потом совершенно упразднилась, частью потому, что в Литве христиан слишком мало, частью потому, что этот народ по соседству с Русью может быть управляем русским митрополитом». Собственно, в отношении православных Литвы титул «Киевской митрополии» сохранился, но после опустошения Киева татарами, «под Киевом здесь подразумевается Москва, где жили Киевские митрополиты» (3). Историки не без основания считают, что это упразднение было сделано по убедительной просьбе Московского митрополита Феогноста. После смерти митрополита Феогноста (1353 г.) Великий князь Литовский Альгирдас возобновил попытки добиться для Великого княжества Литовского отдельного, независимого от Москвы митрополита. Собственно, первая неудачная (вернее, не вполне удавшаяся) попытка была предпринята ещё при жизни митрополита. В 1352 г. Альгирдас направил к Константинопольскому Патриарху в качестве кандидата на Киевскую кафедру некоего Феодорита, но Константинополь отверг

это притязание, и Феодориту пришлось бежать в Тырново (Болгария). Здесь ему повезло более: Болгарский Патриарх, конфликтовавший в тот период с Патриархом Константинопольским, рукоположил его (назло, так сказать, соседу) «в русские митрополиты». И он, «по возвращении на Русь по крайней мере в течение двух лет управлял церковью в землях, подвластных Ольгерду. Более того, ему подчинялась важная с исторической точки зрения Киевская епархия.... Источники не конкретизируют епископский титул Феодорита: как посветили его в Тырново – митрополитом Литовским или «Киевским и всея Руси?»» (60). Вскоре, однако, «Феодорит был низложен и отлучён» (60) Константинопольским Патриархом. По смерти же митрополита Феогноста первым в Константинополь прибыл кандидат Москвы – епископ Владимирский Алексей. И хотя имелась предварительная договорённость относительно его кандидатуры, тем не менее, ему более года пришлось ждать в Константинополе своего поставления. Лишь в июле 1354 г. он был поставлен на вдовствующую Киевскую кафедру митрополитом «Киевским и всея Руси». Полагают, что такая проволочка «была вызвана не только необходимостью испытать русского кандидата, как утверждает соборный акт о его поставлении, но почти наверняка и тем, что Ольгерд через все дипломатические каналы на-

жимал на греков, сопротивляясь продвижению Алексия» (60). В конце концов, Альгирдасом был направлен в Константинополь новый кандидат – «Роман чернец, сын боярина тверского», родственник его жены Иулиании. «За исполнение своей просьбы он обещал Патриарху принять Православие и водворить его по всей стране» (20). Устоять перед таким обещанием Патриарх, конечно, не мог. В актах Патриархии осталась запись: «Когда был возведён и поставлен совершенным митрополитом Киева и всея Руси и благополучно отправлен кир Алексей, пришёл немного спустя и священнейший митрополит Литовский кир РОМАН, и был рукоположён митрополитом Литовским». Естественно, что, вернувшись домой, митрополит Роман, осуществляя планы своего князя, заявил свои претензии на Киевскую кафедру, отданную, как митрополиту «всея Руси», митрополиту Алексию, но находящуюся в пределах Великого княжества Литовского.

Таким образом, по милости Константинопольского Патриарха и вследствие притязаний Великого князя Литовского Альгирдаса на Киевскую кафедру одновременно имелись два митрополита. Старинная летопись, помещённая в хронике Даниловича, говорит: «Прииде из Литвы Роман чернец на митрополию и не прияха его кияне». Роман вынужден был уехать из Киева, но от претензий на митрополию не

отказался. «И сотвориша мятеж во святительстве, чего прежде никогда не было на Руси», — отмечает летописец (см. у С.Соловьёва). Кроме Киевской кафедры Роман заявлял претензии и на Тверскую епархию, что породило дальнейшее смятение и соблазн среди духовенства и мирян, не понимавших, которому из Владык им следует подчиняться. Поскольку в те времена и Московская, и Литовская митрополии находились в юрисдикции Константинопольского Патриарха, то ему, главным образом, и приходилось улаживать им же созданные проблемы. В данном случае спор был решён в пользу митрополита Алексия. Патриаршим Синодом было определено: «После тщательного исследования возбуждённых тем и другим архиереем вопросов, прежде всего, постановлено, что пресвященный митрополит Алексей есть и остаётся, как был рукоположён сначала, Киевским и всея Руси, по искони установившемуся обычаю». Подтверждено было совершенно ясно и упразднение митрополии в Литве. В синодальном акте 1364 г. говорилось: «И так настоящая наша сигиллиодская грамота повелевает, чтобы Литовская страна и всё то, что есть в ней самой и находится под её властью, поступило под власть Киевской митрополии, и, сделавшись с этого и на всё последующее время её епископию, должны признавать своєю митрополиєю Киев, в котором должен рукополагать епископ для неё

и должны по-прежнему входить в пределы Киевской митрополии» (4).

Поскольку же митрополитом Киевским и всея Руси признан был московский Алексей, то Литовская епископия, таким образом, по существу была подчинена Москве. В управление же Литовского епископа, как бы в качестве компенсации, передавались пять епархий Галицко-Волынского княжества: Владимирская, Луцкая, Холмская, Галицкая и Перемышльская. Но это «соломоново» решение не удовлетворило литовскую сторону. Великий князь Альгирдас настойчиво требовал у Константинопольского Патриарха: «Дай нам... митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород» (из письма князя к Патриарху). Для изучения вопроса на месте Патриарх в 1373 году направил в Литву своего чиновника иеромонаха Кириана. По словам церковного историка А. Карташёва: «В среде литовских князей он встретил самую горячую вражду к митр. Алексию и желание отделиться от него, а если можно, то и захватить в свои руки принадлежавшую ему церковную власть над всей Русью. Кириан незамедлил принять сторону Ольгерда, вошёл в его доверие и был облюбован им, как наилучший конкурент московскому митрополиту». В декабре 1375 г. Константинопольский Патриарх Филофей посвятил КИПРИАНА в сан митрополита Киевского с полным титулом — «вся

Руси». Таким образом, на Киевской кафедре и на «всей Руси» вновь оказались два митрополита одновременно. «Как Киприан, будучи славянином по происхождению, попал в число патриарших чиновников, это объясняется вероятно его происхождением из знатной болгарской фамилии Цамвлаков, некоторые члены которой занимали при Константинопольском дворе высокие должности. А каким образом он очутился на кафедре русской митрополии при живом митрополите, это уже объясняется его личными дипломатическими способностями и излишне гибким моральным поведением Константинопольской патриархии», – замечает по этому поводу проф. А. Карташёв. Ни Москва, ни Новгород, ни Псков не признали Киприана митрополитом «всей Руси». Лишь спустя 15-ть лет, в 1390, он был таковым признан и принят на Московскую кафедру и, тем самым, соединил под одним омофором Литовскую и Киево-Московскую кафедру.

После смерти (в 1406 г.) митрополита Киприана литовский князь, на этот раз уже Витаутас, посылает в Константинополь своего ставленника, Полоцкого епископа Феодосия, с просьбой поставить его преемником митрополита Киприана, т.е. посвятить в митрополита не только Литовского, но и «всей Руси», притом с условием, что он должен пребывать не в Москве, а в Киеве. «Постави его нам митрополитом,-пи-

сал Великий князь Патриарху,- чтобы он сидел на престоле Киевской митрополии по старине и строил Церковь Божью подавнему, как наш, потому что по воле Божией мы обладаем тем градом». Но Константинопольский Патриарх поставил (в 1408 г.) в митрополита Киевского и «всей Руси» своего кандидата – грека ФОТИЯ, которому и было поручено возглавление всех русских епархий, в том числе и Литовской. Первоначально, около года, митрополит Фотий пребывал в Киеве, занимаясь делами Литовской епархии и стараясь установить хорошие отношения с литовскими князьями, а затем переехал на местожительство в Москву. В Киев он приезжал в 1411 и 1412 гг., был в Луцке и Галиче, но не согласился остаться в Киеве на постоянное пребывание, как того желал Великий князь Витаутас. Такая ситуация, естественно, не могла удовлетворить Великого князя Литовского, желавшего иметь собственного митрополита в своём государстве. В начале 1414 года он созвал православных епископов Великого княжества Литовского и, по словам историка А.Карташёва, «заставил их подать себе жалобу на митрополита Фотия», будто бы митрополит не хочет посещать Литовскую половину своей митрополии, присвокупив к тому и обвинение его во многих грехах. Получив же необходимую жалобу, князь Витаутас снова созывает собор епископов и архимандритов своего княжества, на котором,

«несмотря на робкие возражения некоторых епископов, предлагавших князю примириться с Фотием» (20), велит им избрать своего митрополита - игумена Григория (Цамблака), племянника почившего митрополита Кириана. «Жаль мне смотреть на всё это,- говорил Витаутас своим епископам,- чужие люди станут толковать: „Вот государь не в той вере, так и Церковь оскудела...“; так чтоб этих толков не было, а дело ясное, что всё нестроение и запущение Церкви от митрополита, а не от меня», то нам необходимо иметь своего митрополита (Никоновская летопись). Епископы и архимандриты, в конце концов, согласились с предложением, но, не смея разрывать с Константинопольским Патриархом, просили князя: «Пошли ещё раз в Царьград к Императору и Патриарху» (43). Великий князь внял этой просьбе и направил в Константинополь своих послов и своего кандидата - Григория Цамблака для поставления его в митрополита. «Но ещё ранее Григория прибыли в Константинополь послы Фотия и вооружили Патриарха против литовской затеи» (20). Патриарх Евфимий II прибывших послов принял, но от поставления Григория отказался и даже предал его отлучению «за производимую им церковную смуту» (20). Великого князя Литовского это, однако, не остановило. Разгневанный отказом, он решил действовать, не считаясь с позицией Константинополя и Москвы.

Он в очередной раз созывает своих епископов и архимандритов и велит им избрать митрополита без согласия Патриарха. «Съехавшиеся епископы пытались представить Витовту канонические возражения, но раздражённый князь, по словам летописца, сказал им: «Аще не поставите ми митрополита в моей земле на Киев, то зле умрете» (3). Угроза эта не была пустым звуком: для князей того времени такой категории, как «права человека» ещё не существовало. Известно, что несколько позже Смоленский еп. Герасим, вызвавший подозрения у князя Свидригайлоса, был схвачен и сожжён. Так что епископы сочли за лучшее не перечить своему князю. 15 ноября 1415 года в Наваградке состоялась хиротония архимандрита ГРИГОРИЯ (Цамблака) в сан митрополита. Соборную грамоту об избрании и посвящении Григория в митрополита Киевского подписало 8 епископов: Полоцкий, Черниговский, Луцкий, Владимирский, Перемышльский, Смоленский, Холмский и Туровский. Как епископы, так и Великий князь это несанкционированное Патриархом поставление мотивировали заботой о благе Церкви. «Этим поступком, - писали епископы в соборной грамоте, - мы не отделяемся от Восточной Церкви, про-

Г. Цамблак

должаем почитать Восточных патриархов, митрополитов и епископов отцами и братьями, согласно с ними держим исповедание веры, хотим избежать только насилий и вмешательства мирского человека, симонии и всех беспорядков, которые происходили недавно, когда Кирилл, Пимен и Дионисий спорили о митрополии» (43). Подобные же причины указывает и Великий князь Витаутас в окружной грамоте, возвещая о поставлении нового Киевского митрополита. «Кто хочет по старине держаться под властью митрополита Киевского – хорошо, а кто не хочет, то, как хочет, – говорит князь; – знайте одно: мы не вашей веры, и если б мы хотели, чтоб в наших владениях вера ваша истреблялась и церкви ваши стояли без устройства, то мы бы ни о чём и не хлопотали; но, когда митрополита нет или епископ который умрёт, то мы бы наместника своего держали, а доход церковный, митрополичий и епископский, себе брали. Но мы, желая, чтоб вера ваша не истреблялась и церквам вашим было бы строение, поставили собором митрополита на Киевскую митрополию, чтоб русская честь вся стояла на своей земле» (43). «Это был смелый акт, – заключает современный исследователь, – который совершён епископами при воздействии светской власти. С государственной точки зрения этот акт был необходим, но канонически не может быть оправдан» (3). И естественно, что

как Патриарх Евфимий, так и последующий Константинопольский Патриарх Иосиф не признали это постановление и предали самочинно поставленного митрополита извержению из сана и анафеме. «Но долгое время, – замечает историк, – с удивительным невниманием относились в Литве к патриаршим проклятиям и не ими прекращён был мятеж, а добровольным удалением самого Цамблака с кафедры, приобретённой им такой дорогой нравственной ценой» (20). Произошло это около 1420 года. Русские летописцы и многие историки полагали, что прекращению мятежа положила смерть Григория Цамблака. В «Летописи церковных событий» архимандрита Арсения под 1419 годом записано: «Сего года умирает Киевский митрополит Григорий; Витовт, находясь в добром согласии с Великим князем Московским, не избрал ему преемника и вновь подчинил южнорусские епархии Фотию». А в «Литовских Епархиальных Ведомостях» сообщается, что митрополит Григорий погребён у церкви Успения Божией Матери в Вильне (№ 16, 1865 г.). Однако в румынских летописях имеется сообщение, что Григорий Цамблак не умер в 1419 году, а тайно ушёл в один из молдавских монастырей. В 1904 г. приват-доцент С.-Петербургского Университета А.Яцимирский опубликовал учёную диссертацию по этому вопросу, в которой приводит документальные подтверждения этой версии; в

частности, записки схимонаха Нямецкого монастыря Гавриила, из которых следует, что схимонах Гавриил и митрополит Григорий – одно и то же лицо. Проф. А.Карташёв тоже, как мы уже видели, склоняется к мнению, что бывший Литовский митрополит (с титулом Киевский) добровольно удалился с кафедры и «более тридцати лет неустанно работал на книжном поприще (был книжным писцом; прим. наше) и умер 88 лет. около 1452 г.». Возможно, что к такому неожиданному решению Григория понудил страх Божий за пренебрежение прещений Вселенского Патриарха, а может – страх человеческий за свою дальнейшую судьбу. Дело в том, что к тому времени изменилась политическая ситуация. Вот что пишет по этому поводу проф. А. Карташёв: «Во времени удаления Цамблака с кафедры, политические веяния, благодаря которым Витовт поторопился завести себе особого митрополита, изменились: вражда с Москвой улеглась, а на место её обострились отношения Витовта к Польше, от которой он втайне помышлял отделиться. Поэтому Литовский князь покорился решению Патриарха и отдал свои епархии снова Фотию». С именем митрополита Григория связано и ещё одно неясное обстоятельство. По желанию и настоянию Великого князя Витаутаса он в феврале 1418 года вместе с другими четырьмя епископами ездил на собор Западной церкви в Констанце

(собор продолжался с 1414 по май 1418 г.) и имел якобы поручение начать переговоры об унии с Римско-католической Церковью. Историк С.Соловьёв указывает, что такое же поручение имели и послы греческого императора Мануила. «Посольство греческое и литовское, – пишет этот историк, – были приняты торжественно, получили право отправлять богослужение по своему обряду, но уехали ни с чем, потому что собор разошелся, не начавши совещания о соединении церквей». Прусский летописец Линденblatt сообщает, что разговор об унии всё же имел место. Он пишет, что когда «посланные на Констанцкий собор Литовским князем Витаутасом епископы и священники, о которых Витаутас писал Папе, что они желают сделаться христианами, были спрошены об этом, то они через польских послов, отправленных на собор Ягеллом, заявили, что они вовсе не намерены покориться Римскому престолу, и приехали в Констанц только по требованию своего князя. Этим, прибавляет Линденblatt, было очень посрамлены поляки и осмеяны перед всем собором» (цит. по А.Карташёву).

После смерти митрополита Фотия (1431 г.), воспользовавшись смутами в Московском государстве, Великий Литовский князь Свидригайло направил в Константинополь Смоленского епископа ГЕРАСИМА для поставления его в митрополиты. Константинопольский Патриарх

Исидор удовлетворил просьбу князя. Произошло это в 1433 году. Нет только ясности в том, был ли епископ Герасим поставлен митрополитом для Литвы или и «всёя Руси». Так или иначе, но пребывание его в митрополичьем сане было весьма кратким: в 1435 г. (по другим данным в 1437 г.) Великий князь, как мы уже упоминали, сжёг его, заподозрив в политической неверности. Примерно в это же время Константинополь поставляет на Русскую митрополию своего избранника грека Исидора. Это назначение шло в разрез с установившейся уже практикой, когда Москва сама избирала себе митрополита и направляла его в Константинополь лишь для патриаршего утверждения. Данное же эксклюзивное поставление было вызвано как государственными смутами в Московском царстве, так, главным образом, и политической ситуацией в самой Византии. Византийский император Иоанн IV Палеолог, теснимый и одолеваемый турками, искал срочной помощи на Западе и готов был пойти на уступки даже в области веры, лишь бы получить помощь от Рима в борьбе с турецкими завоевателями. Ещё с 1433 года он вёл переговоры с Римским Папой Евгением IV о заключении церковного союза, и в русле этих переговоров дал согласие на созыв собора для обсуждения этого вопроса. Москва в это время прочила в митрополита «всёя Руси» Рязанского епископа Иону. Константинополь

опасался, и, как показали дальнейшие события, не без основания, что русский кандидат в митрополиты может создать проблемы в осуществлении замысла соединения с Римом. По мнению исследователей, «Исидор... был намеренно поставлен в Россию в митрополита..., чтобы втянуть Русскую церковь в унию с Римом» (27). Великий князь Московский Василий Васильевич «долго колебался и мыслил отвергнуть его», но «за моление императорского посла, благословение Патриарха, сокрушение, покорение, челобитие самого Исидора» (43) сменил досаду на милость и принял нового митрополита с подобающими почестями.

Вскоре после прибытия в Москву митрополит Исидор стал собираться на упомянутый выше собор в Ферраре. Русские сказания приводят напутствующие слова Великого князя: «Отцы и деды наши не хотели слышать о соединении законов Греческого и Римского; я сам не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди – не запрещаю тебе. Помни только чистоту веры нашей, и принеси оную с собою!» (19). Позднейшие историки (Е.Голубинский, А. Карташёв и др.) считают, что Великий князь «был убеждён Исидором, что соединение церквей, благодаря которому спасается греческая империя, возможно и без жертвы православным учением» (20), так что собор – доброе дело. Проф. А. Карташёв полагает даже, что, идя на собор, «гре-

ки были уверены, что им удастся доказать свою правоту и убедить самих латинян сделать им догматические уступки. И в Исидоре греки ценили не его готовность быть изменником вере отцов, чего они совсем не желали и не ожидали от него, а только его горячие симпатии к делу соединения и высокую образованность, как силу, с помощью которой они надеялись одержать победу...». Но из всех православных участников собора митрополит Исидор оказался самым рьяным сторонником унии на условиях Рима, и его считают «одним из самых главных виновников Флорентийской унии» (26). По окончании собора в Москву он вёз не «чистоту веры нашей», как просил его Великий князь Василий, а Унию. Поэтому понятно, почему Исидор, получивший за своё усердие от Папы Римского «сан кардинала-пресвитера и звание легата от ребра апостольского (legatus de later) для провинций Литвы, Ливонии, всей России и Польши» (20), не спешил в Москву, а направился прежде в Великое княжество Литовское.

ОТ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИИ ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ

В Великом княжестве Литовском после смерти Великого князя Альгирдаса для Православия наступило не лучшее время. В 1386 году была оформлена государственная уния Литвы с Польшей. Сын и преемник Альгирдаса Йогайло ради короны польской и руки польской королевы Ядвиги перешёл в Католичество и клятвенно обещал «призвать, привлечь, даже принудить (imo compellere) к повиновению Римской церкви всех литовцев обоего пола и звания и

состояния, к какой бы вере или секте они не принадлежали». Так что «уже при Ягайле в Литовско-Польском государстве стали обнаруживаться признаки вероисповедной нетерпимости, а с ними и притеснения православных, а в XVI в. открылось и явное их преследование» (15). По мере сближения Литвы с Польшей, усилились тенденции отмежевания от России, эти тенденции отрицательно отразились и на церковном положении. Ибо, если во времена первых литовских князей – от Гедиминаса до Альгирдаса – эта тенденция обуславливалась государственными интересами, то со времени Сигизмунда Кейстутовича к этим интересам прибавились и вероисповедные, обусловленные окрепшим вниманием римских пап к нашему региону. И поскольку уния, объявленная на Ферраро-Флорентийском соборе, не обрела ещё неприглядного лица Брест-Литовской унии, мы вправе согласиться с мнением исследователей, которые говорят, что «православные литовские князья приняли митрополита Исидора дружелюбно, как своего законного начальника, находя возможным на практике как бы замалчивать его униатство и кардинальство» (20), и «что Флорентийская уния долго держалась в Литовской Руси в продолжение XV века. Она заведомо существовала при митрополите Григории, ученике Исидора...» (37). Зато, когда спустя без малого год, митрополит Исидор решился

прибыть в Москву, Москва отвергла «латинского прелестника и еретика», он был осуждён, низложен и заключён в Чудов монастырь. В последствии ему дана была возможность бежать в Тверь, а затем, по словам летописца, он «поехал в Литву к Казимиру в Новый городок (Новогрудок; прим. наше) и побыв тамо поиде к Риму» (46). Отвергли Унию и Восточные Православные Церкви, только император и некоторые придворные епископы какое-то время были верны ей. Поставленный в 1440 году императором в патриархи Митрофан, другими патриархами был непризнан и низложен; та же участь постигла и его преемника, тоже поставленного императором, Патриарха Григория III (Мамма), которому вскоре после возведения на патриаршую кафедру пришлось бежать в Рим.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ наступил 1448 год, который стал поворотным в судьбе Православной Церкви на Руси. 15 декабря 1448 г. в Москве состоялся собор русских епископов самовольно, без согласия Константинопольского Патриарха, избравший «митрополитом на всю Русь» Рязанского епископа Иону. По сути дела это было объявление автокефалии Русской Церкви, её церковной независимости от Константинопольской Церкви. Толчком к этому решительному шагу послужило уклонение Константинополя в Унию, возвышение Московского государства и, наоборот, упадок Византии, а

также тревожная обстановка в так называемой Юго-Западной Руси. После изгнания митрополита Исидора из Москвы, вернуться туда обратно у него шансов не было. А вот обосноваться в Киеве и взять под свою власть западную часть этой митрополии, было вполне реально. «Боясь такой перспективы, в Москве преисполнились решимостью» (20) избрать своего митрополита, не дожидаясь согласия Константинопольского Патриарха. После избрания митрополит Иона «поспешил в Великое Княжество Литовское, чтобы объединить все епархии этого княжества под своим началом». Он посетил Киев, Галич, Львов, Вильнюс и Новогрудок. «Польский король и Великий князь Литовский признали за ним право на «столец митрополичь Киевский и всея Руси, как первые было по установлению и обычаю рускаго христианства» и в 1451 г. выдал ему об этом свою грамоту-привилегию, охранявшую его право в Великом Княжестве Литовском» (3). Такая благосклонность объясняется мирными на то время государственными отношениями Литвы с Московским княжеством. Но это обстоятельство встревожило Рим и он незамедлил принять контрмеры. «...Папа Каллист III добился... в 1458 г. того, что Казимир согласился на отнятие Литвы у Ионы и передачи её Исидору. Исидор в то время был, вероятно, стар (ум. в 1463г.) и не захотел идти на Русь сам. Папа оставил его с

титлом Московского и с номинальной властью над епархиями Московской Руси, а для фактического управления Литовско-Русской церковью назначил ученика и бывшего протодиакона Исидорова – ГРИГОРИЯ, который и был посвящён в Риме в сан митрополита Русского экс-Патриархом Константинопольским Григорием Маммой. Утвердительная грамота была выдана уже преемником папы Каллиста III – Пием II»(20). В силу этого, несмотря на дружбу с Москвой, Литовский князь-католик не посмел противиться воле Папы Римского и отдал в управление униатскому митрополиту (получившему титул – «Киевский, Московский и всей нижней России») Черниговскую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую и Галицкую православные епархии. Летописец сообщает: «При сем митрополите (Ионе) в Киеве отняся стол от русских митрополитов. Прииде бо из Риму Григорий митрополит и седе в Киеве и прият его король и с ним 8 епископов литовских» (26). По заключению некоторых историков, литовские епископы «довольно спокойно приняли Григория», видимо они и сами «желали быть независимыми от Москвы, которая с течением времени становилась им всё более не симпатичной по духу... Отсюда начинается особая история Западно-Русской церкви, и от Григория ведёт своё начало ряд независимых от Москвы западнорусских митрополитов» (20).

Эта разобщённость в какой-то мере была засвидетельствована и самой Москвой. Там в 1459 году митрополит Иона созвал собор епископов Северной Руси (без участия юго-западных), которые «дали здесь обещание: от святой Церкви соборной Московской и от господина и отца своего Ионы митрополита всяя Руси быть неотступными...». «Это обещание, обнародованное в соборной грамоте, важно для нас в том отношении, - отмечает историк, - что здесь впервые указано на Москву как на престольный город Русской митрополии...; до сих пор митрополит назывался Киевским и всяя Руси, или Русским...» (43). И когда в январе 1589 года утверждено было патриаршество в Русской Церкви, патриарший титул прозвучал, как «Патриарх Московский и всяя Руси». Что же касается Литовской епископии, продолжавшей находиться в юрисдикции Константинопольского Патриарха, то её архипастыри сохранили титул «митрополита Киевского» или «Киевского и Галицкого». «По старой традиции они называли себя митрополитами «Киевскими и всяя Руси». Но митрополитами «всяя Руси» они фактически не были, как не были таковыми и митрополиты Московские после разделения митрополии» (3). Даже местом постоянного пребывания митрополитов «киевских» был не Киев, а Наваградок (нынешний Новогрудок); так что оставшийся за ними титул имел лишь исто-

рическое, номинальное значение. Впрочем, как мы уже видели, у некоторых из них были и более амбициозные желания.

Хотя, как было уже сказано, литовские епископы и приняли митрополита-униата без особого сопротивления (воспротивился и в знак протеста уехал в Россию лишь епископ Черниговский Евфимий), это вовсе не означает, что они, а тем более паства, приняли униатство. Митрополит Григорий очень скоро убедился, что является митрополитом без народа и духовенства. О не успехе здесь Унии видно даже из сетования короля Казимира IV, который сообщал Папе Павлу II, что в Великом княжестве Литовском «обитает великое множество еретиков и схизматиков» (так католики в то время называли православных; прим. наше) и число их не уменьшается. Для успеха дела король, по совету Виленского католического бискупа Войцеха Табора, вызвал в 1468 г. из Польши в Литву миссионеров, монахов-бернардинцев, которые основались в Вильнюсе и повели активную пропаганду Католичества. Сам же митрополит Григорий решил отречься от Унии и возвратиться в лоно Православной Церкви... В 1469 г. он послал своего доверенного посла Мануила в Константинополь к Патриарху с просьбой принять его и утвердить на Киевском митрополичьем престоле» (3). Это утверждение состоялось лишь в 1472 году и остаток своих

дней (умер в 1473 г.) Григорий провёл как признанный Патриархом Константинопольским православный митрополит.

В 1475 г. на митрополичью кафедру был избран епископ Смоленский МИСАИЛ (Пеструч). Кто выдвинул эту кандидатуру – не известно. Польский король Казимир IV, в течение двух лет не утверждавший представляемых ему кандидатур, кандидатуру Мисаила утвердил, «но поставил условие, чтобы он принял католическую Унию» (3). Известно пространное, туманное и заискивающее, письмо епископа Мисаила Папе Сиксту IV. Проф. А. Картанёв считает, что епископ Мисаил был участником секретного стовора по введению Унии, но «был ли Мисаил униатом, никаких данных об этом нет» (3). На упомянутое письмо Папе ответа он не получил, не получил он, по мнению большинства исследователей, и утверждения от Константинопольского Патриарха. Правда, архимандрит Арсений в «Летописи церковных событий», сообщая под 1474 г. о вторичном патриаршестве Симеона, пишет: «В это своё патриаршество Патриарх Симеон дал своё благословение на митрополию Киевскую избранному собором южнорусских архиереев Мисаилу, епископу Смоленскому». Однако в пользу первого мнения, т.е. что он так и остался кандидатом на митрополию, может говорить и то обстоятельство, что ещё при его жизни Констан-

тинопольский Патриарх Рафаил посвятил (в 1477 г.) на Киевскую митрополию монаха Спиридона, по прозвищу «Сатана» (за присущие ему изворотливость и резвость). В Литве его права на Киевскую кафедру не признали. «...Как посвящённый без воли короля, он был по прибытии в Литву заключён в тюрьму, откуда сбежал в Москву и скончался в Феропонтове монастыре» (2).

НОВЫЙ МИТРОПОЛИТ был избран «по всем правилам». Правила эти в данный период сводились к следующему: православные изъявляют желание иметь митрополита и испрашивают на это согласие короля; имея согласие короля и избрав кандидата, православные с письмом, подписанным и королём, обращаются к Константинопольскому Патриарху, испрашивая его благословения и поставления; Патриарх, если согласен, присылает «благословенный лист» и своих полномочных, которые на месте и совершают посвящение. В предыдущий период, как можно было заметить, кандидаты в митрополиты должны были сами приезжать в Константинополь и там поставлялись или получали отказ. Первым, избранным по новым правилам, митрополитом Киевским стал (в 1481 г.) архиепископ Полоцкий СИМЕОН. «На этот раз король не предъявлял своих условий на принятие Унии» (3). По мнению исследователей, «случай с назначением Спиридона... без

воли Казимира и готовность духовенства и народа принять его (из-за недоверия к Мисаилу, как изменнику) заставили правительство Казимира считаться с фактом народно-православной воли» (20)

Митрополит Симеон умер в 1488 году. В 1492 г., говорится в Супрасльской летописи, «преставился Казимир, король Польский, Яггойлович, и великий князь литовский и русский, справедливый, добрый, при митрополите киевском Ионе Глезне». Об Ионе известно, что до избрания в митрополиты он был архиепископом Полоцким и имел репутацию «мужа святого, сугубо наказанного (т.е. сведущего; прим. наше) в Писаниях, могущего и иных пользоваться и противящимся закону нашему (т.е. православной вере; прим. наше) сильного возбранителя». Известно также, что русские князья Великого княжества Литовского обратились к Константинопольскому Патриарху с ходатайством о поставлении его на Литовскую митрополию. «Прошло четыре года со смерти митрополита Симеона, пока совершилось избрание Ионы и утверждение его на митрополичьем престоле» (3), иными словами, его утверждение приходится на 1492 год – год смерти «справедливого, доброго» короля Казимира, которого митрополит пережил всего на два года.

Со смертью Казимира IV в Польско-Литовском государстве произошло разделение власти:

Литвой стал управлять Великий князь Александр (Казимирович), а Польшей – его брат Ян Ольбрахт (Альбрехт, Альберт). По мнению русского историка прошлого века, «это новое разделение властей было благоприятно для Православия, укрепляя в Великом князе Александре чувство близости и благорасположения к литовскому и русскому населению» (20). Исследователи, изучившие более досконально тогдашнюю действительность – не столь положительно смотрят на самую личность Великого князя Александра и на положение православных в годы его правления. Так, автор «Исторического очерка церковной унии» прот. К.Зноско пишет: «Западнорусская Церковь, пользовавшаяся при Казимире IV сравнительным спокойствием, при преемнике Александре Казимировиче опять стала подвергаться притеснениям и преследованиям. При нём в Литве особенно усилилось влияние латинского духовенства, со стороны коего обнаружилась к Православию такая нетерпимость, какой не было со времён Ягайло...». Следует отметить, однако, что уже при «справедливом и добром» Казимире в 1480 г. был издан указ, воспрещавший православным строительство новых и ремонт имеющихся церквей. Полагают, правда, что этот указ был вызван «желанием угодить своему безнадёжно больному сыну»(15) – королевичу Казимиру, ревностному католику. Сам

король, похоже, не очень настаивал на исполнении этого указа. Известно около десятка церквей, построенных в годы правления Казимира IV, в том числе и существующий до ныне Жиро-вицкий монастырь. « В действиях Казимира по отношению к православным... наблюдалось некое благоволение... и даже открытое покровительство». «Истинными вдохновителями вражды к Православию, а вместе с тем и притеснениями православных в Литве, явились при Казимире IV латинские епископы и прочее духовенство, о чём засвидетельствовали православные митрополиты, духовенство и миряне в своём письме к Папе Сиксту IV» (15). Так что не удивительно, что при преемнике Казимира IV, когда усилилось влияние католического духовенства при дворе, для православных наступило не самое благоприятное время. В 1501 г. в Вильнюс были призваны из Польши ДОМИНИКАНСКИЕ МОНАХИ для миссионерской работы в Великом княжестве Литовском. В их распоряжение был отдан приходской костёл Св. Духа. Они заметно усилили пропаганду католической веры. Проповедники «целыми толпами разъезжали по всем областям Литовского государства с проповедью об Унии. Встречая же в православных непоколебимую преданность родной вере, проповедники Унии прибегали к насилию: они закрывали православные церкви, упорных защитников отдавали под суд, заключали в

тюрьмы и т.п. Папа Александр VI своими грамотами на имя Виленского бискупа поддерживал ревность своих слуг, а в грамотах королю восхвалял последнего за верность Риму» (15).

В таких вот, довольно не простых, условиях пришлось управлять Литовской митрополией митрополиту ИОНЕ (Глезна). Правление это было не долгим – в 1494 году митрополит скончался.

Столь же непродолжительным было управление и его преемника – архимандрита Виленского Свято-Троицкого монастыря МАКАРИЯ (по прозвищу – Чорт). Его избрание на митрополичью кафедру состоялось в начале 1495 года. Оно проходило с нарушением описанных выше правил избрания: Макарий I был избран и посвящён в митрополиты местными (трое из семи местных епископов отсутствовали) епископами, и только после хиротонии (post factum) направлены были к Константинопольскому Патриарху два представителя митрополии за благословением новому митрополиту. С подобной ситуацией Константинополю пришлось уже столкнуться при избрании Московского митрополита Ионы, поэтому Константинопольский Патриарх Нифонт не стал обострять отношения и направил в Литву своего представителя с просимым благословением. Посланец с благословенными грамотами прибыл в Вильнюс осенью 1496 г. и, вручая их в торжественной

обстановке, не преминул всё же заметить: «Впредь не ставьте митрополита прежде, чем получите от нас благословение, разве если случится великая нужда». Нужда, ввиду активизировавшегося наступления католицизма, безусловно, была, но проявить себя новопоставленный митрополит не успел: в начале мая 1497 года он был убит на пути в Киев, вторгшимися в пределы Литовского княжества татарами. Историки обращают внимание на то, что ещё при жизни митрополита Макария, за его, так сказать, спиной, придворная латинская партия во главе с бискупом Войтехом, затеяла интригу с поставлением нового митрополита. Она вступила в письменное сношение с Константинопольским Патриархом, предлагая на эту роль симпатизирующего ей Смоленского епископа ИОСИФА (Болгариновича), который, к слову сказать, не принимал участия в избрании митрополита Макария. Ещё за месяц до непредвиденной смерти (5 апреля 1497 г.) митрополита Макария пришло письмо – ответ из Константинополя. Обращает на себя внимание его начало – в нём об адресате говорится: «благочестивому и боголюбивому Иосифу, брату и сослужителю, митрополиту Киевскому и всея Руси...». Но ведь митрополитом «киевским и всея Руси» в то время был ещё Патриархом же утверждённый митрополит Макарий. Похоже, что мы имеем дело с обманом Патриарха и заговором против

митрополита Макария. Обращая внимание на то, что спустя буквально 10 дней по «неожиданной» кончине митрополита Макария в Литву якобы «прибывает» апокрисиарий Патриарха Нифонта для поставления нового митрополита – Иосифа, проф. А. Карташёв пишет: «Бесспорно ясно, что это было только извлечение наружу секретно уже существовавшего назначения Иосифа митрополитом. Равно и «прибытие» апокрисиария было тоже фиктивным. Он давно уже был секретно на месте». Имея всё это в виду, историк спрашивает: «Кто знает, не толкали ли придворные круги митрополита Макария с провокационными целями – экстерно ехать в Киев навстречу убийцам – татарам, чтобы освободить место заговорщику Иосифу Болгариновичу?» Ясного ответа на этот вопрос не имеется.

Став митрополитом, Иосиф сразу же начал работать в пользу церковной унии с Римом – сперва конспиративно, а затем и открыто. В 1500 году он направил Римскому папе Александру VI послание, в котором заверял Папу в своих верноподданнических чувствах, в признании им учения Католической Церкви и испрашивал благословения на своё служение и покровительства. Папа самого митрополита Иосифа ответа не удостоил, но в письмах Великому князю и католическому бискупу Войтеху сути этого послания касался. Он, например, писал, что Риму известно о том, что православные Лит-

вы не исполняют латинского закона, а в искренности митрополита Иосифа он сомневается и вообще его митрополитство не признаёт законным. «И мы не знаем, - пишет Папа, - как мог Иосиф без его (т.е. греко-униатского патриарха, находящегося в Риме; прим. наше) и моего согласия получить Киевскую митрополию? А потому не иначе можем исполнить его просьбу, если только, отвергнув поставление и посвящение на упомянутую митрополию, полученное им из другого места, примет поставление от нас и Апостольского престола.» «Впрочем, - добавляет Папа, - если Иосиф согласен принять определение Флорентийского собора, и признать и другие вселенские соборы и не разниться ни в чём от католической веры, удерживая только греческую обрядность..., если он обещает и будет содействовать, чтобы весь русский народ принял Флорентийский собор и отрёкся от своих заблуждений..., тогда мы простим Иосифу прежние его согрешения и утвердим его...». Сделать это митрополиту Иосифу было не под силу, да и дни жизни его были сочтены: в 1501 году митрополит Иосиф I (Болгариневич) скончался.

«С его смертью закончилось униатское дело» (3), апробированное ещё на митрополитах Исидоре и Григории. Некоторые проуниатские писатели (напр., митр. Ипатий Патея) склонны были утверждать, что церковная уния в Литве нашла своё признание и принятие со времён

Ферраро-Флорентийского собора (1437-1439 гг.). Что такие утверждения беспочвенны, видно как из только что процитированного отрывка из письма Папы Александра VI (в котором такое принятие ставится как задача), так и из сочинения современника митрополита Иосифа I некоего краковского каноника Ивана Сакрана, под названием «Изъяснитель заблуждений русского обряда». В нём автор констатирует: «Из всех народов, носящих христианское имя, но отделённых от Римской Церкви, нет ни одного, который бы был так непоколебим в защите своего схизматического заблуждения, как народ русский (под "народом русским", здесь разумеются православные Литвы. Прим. наше). По упорству в своей схизме русские не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никакого доказательства и на всё возражают... Едва только Великий князь Литовский Александр возымел намерение и начал в своих обширных владениях кроткими убеждениями обращать их – русских к единству с Римской Церковью, как князья и вожди их с яростью поспешили предаться Московскому Великому князю, защитнику их схизмы». Русский хроникёр архимандрит Арсений так описывает «кроткие убеждения» тех времён: «В Литве ещё с 1499 г. начались усиленные старания виленского католического епископа и бернардинских монахов, разъезжавших всюду, о завлечении

православных в унию или католицизм. Следствием этого было, что уже к апрелю 1500 года удельные русские князья – Симеон Черниговский, Василий Рыльский, князь Трубецкие и другие признали власть государя московского. Таким образом, безрассудство латинских миссионеров повело к потере Литвою власти в нынешних Калужской, Тульской и Черниговской губерниях». Правда, если сравнивать миссионерскую деятельность бернардинцев с последующими делами миссионеров-иезуитов, то, по сравнению с оными, деятельность первых действительно можно назвать кратким убеждением.

Следующим митрополитом Литовским стал архимандрит Минского Вознесенского монастыря ИОНА – «фигура, символизирующая временную победу над униатской интригой и мир с Москвой» (20). Польские униатские писатели (Дубович, Кульчинский и др.) сообщают, что он был духовником княгини Елены – супруги Великого князя Александра, ставшего к тому времени (в 1501г.) королём объединившего Польско-Литовского государства. Благословение и поставление на кафедру Иона II получил от Константинопольского Патриарха Пахомия. Во время его пребывания на митрополичьей кафедре опасность навязывания Унии заметно уменьшилась. Этому в первую очередь способствовало изменение позиции короля

Александра к православным. «Безумная политика притеснений православных... привела Литву к войне с Москвой (1500-1503), окончившейся в пользу Москвы, после чего Александр сделался снисходительнее к православным» (15). Он издал ряд грамот, ограждающих права православных, в том числе имущественные.

«Схизма (так латинские писатели называли православных; прим. наше) вновь подняла свою голову и утвердилась в странах Великого княжества Литовского и Польского» - сетовали католические писатели того времени. Король «изменил свои отношения и к своей жене Елене Иоанновне. Он пожаловал ей несколько имений и г. Могилёв, испросил у Папы разрешение не принуждать её к принятию римской веры, дозволить ей обновлять старые обителю, строить церкви и обеспечивать их щедрыми вкладами» (15). Если вспомним, что до этого времени оставался в силе запрет на строительство и починку православными своих церквей, изданный ещё Казимиром IV, то поймём, насколько всё это было значимо для Православной Церкви. Именно благодаря происшедшей перемене православными были построены несколько церквей и монастырей, том числе и известный, существующий и в наше время (близ г. Белостока, Польша) Супрасльский монастырь. В своём снисхождении к православным, король допускал даже своего рода православное мис-

сионерство, что можно видеть из следующих слов грамоты, данной им в 1503 году г. Витебску: «Которые будут литвин або лях крешены у Витебску в русскую веру... того нам не рушити, права их хрестьянского ни в чом не ломати». Так что в конце правления короля Александра (Казимировича) при митрополите Ионе II положение православных в Литве было относительно хорошим, по крайней мере, они могли пользоваться свободой исповедания своей веры и не были за эту веру гонимы.

В 1506 г. король Александр умирает, а спустя год скончался и митрополит Иона II. Преемником короля становится Сигизмунд I или Старый. Время его правления (1506-1548) характеризуется, как время «наибольшего спокойствия и процветания Православной Церкви в княжестве Литовском» (15). На митрополичью же кафедру в это время был избран (в конце 1507 или в начале 1508 г.) Смоленский епископ ИОСИФ, выходец из знатного аристократического семейства Солтанов. В начале 1509 года Патриарх Константинопольский Пахомий утвердил новоизбранного митрополита с титулом: «Митрополит Киевский и Галицкий». Митрополит Иосиф II был одним из достойнейших

Иосиф II

и активнейших архипастырей Литовской митрополии. При нём 25 декабря 1509 г. в Вильнюсе состоялся первый в Литве собор духовенства, посвященный не просто избранию митрополита, что бывало и до него, а упорядочению церковной жизни. В работе собора вместе с митрополитом принимали участие семь епископов (Полоцко-Витебский, Смоленский, Владимирско-Берестийский, Луцко-Острожский, Туровско-Пинский, Холмский и Перемышльский; не было лишь епископа Черниговского), шесть игуменов, семь протопопов, и «иные честные священники» - небольшое число столичного в основном духовенства. Как видим, собор был весьма представительный. Открытие собора в праздник Рождества Христова лишней раз подчёркивало его важность и значимость. Но главное – собор был весьма своевременен.

Помимо всё усиливающегося наступления «латинства» (так православные именовали тогда римско-католическое исповедание) как в административном плане (княжеский указ 1413 г. назначать на государственные должности только католиков; указ 1480 г. запрещавший православным строить новые и ремонтировать имеющиеся храмы и др.), так и на бытовом уровне, большой бедой для Православной Церкви Литвы обернулось право так называемого патроната (*jus patronatus*).

ПАТРОНАТ (или ктиторство) был поро-

ждён благими намерениями, усердием ревнителей Православия, которые строили на своей земле за свой счёт храмы и монастыри, снабжали их всем необходимым, заботились о благолепии богослужения, о приискании достойных священнослужителей и т.п. «По существу – это исконное в Восточной церкви право участия мирян в церковном строительстве и церковном обеспечении» (20). Его приятие в Литовской митрополии явилось защитной реакцией на те притеснения и угрозы, которые происходили от указанного выше наступления католицизма. Второй формой такой реакции явились православные братства. Но если православные братства действительно сыграли положительную роль в жизни и выживании Православной церкви в Литовско-Польском католическом государстве, то патронатство здесь вскоре приняло уродливую, неблагоприятную для Церкви форму. «Здесь, на литовско-польской почве,- замечает проф.А.Карташёв,- это нормальное мирянское право попечения о церковной жизни приобрело специфические черты, свойственные широко распространённому здесь праву патроната, которое на практике быстро выродилось в безграничный произвол». «Мало помалу патроны присвоили себе право выбирать по своему усмотрению на священнические или настоятельские места тех, кто был им лично угоден. Села и угодья, приписанные к таким церквам и мо-

настырям, стали рассматриваться как всякая иная частная собственность: их закладывали, променивали, отдавали в приданое; их дарили и продавали. Такое перенесение имущественных прав одного лица на другое было в то время передачей и самого патроната. Право такой передачи церкви или монастыря в другие руки называлось правом *подаванья* (*jus donandi*)» (54). Подобным правом патроната пользовались не только православная знать, но и литовские князья, городские общины и король. Так что «патронами» могли быть или стать не церковные и даже не православные люди. Для них храм Божий являлся лишь источником материальной выгоды. Королевское право подаванья не ограничивалось только храмами и монастырями, но распространялось и на епископские кафедры. Князья и короли не сомневались, что они являются «верховными подателями столиц (кафедр) духовных и хлебов духовных (вообще всяких мест церковных)» (20). В духе таких представлений «короли отдавали кафедры православных епископов... светским людям в награду за военные и гражданские заслуги либо за деньги. На практике это получалось так, что какой-либо шляхтич... получал в дар от короля епископию, иногда ещё при жизни епископа, и, не собираясь принимать священный сан, уже именовал себя «нареченным епископом» или «нареченным митрополитом». Такая практика

раздавания епископских кафедр называлась «подаваньем хлебов духовных». Поевши немного «духовных хлебов», «нареченный епископ продавал или уступал свою епископию другому такому же искателю «хлебов духовных» (3). И если даже православные патроны нередко радели не столько о Церкви, сколько о своей выгоде, то тем более «патроны католики в своих отношениях к православным церквам и монастырям мало руководились их интересами: они смотрели на них как на доходные статьи ... и отдавали их в распоряжение таким лицам, которые более всего заботились об увеличении своих материальных средств» (27). Само собой разумеется, что подобные ненормальности способствовали упадку церковной жизни, нравственности и порядку, они разрушали Православную Церковь, и, с другой стороны, вызывали большое сокрушение и озабоченность у преданных Церкви архипастырей, пастырей и мирян. Поэтому созыв митрополитом Иосифом II собора для суждения «о церковных вещах и об исправлении дел духовных» было явлением давно назревшим и очень нужным для Литовской митрополии.

СОБОР принял ряд определений, касающихся поставления духовных лиц, поведения духовенства и мирян, отношения светских лиц к Церкви и злоупотреблений на этой почве. Так, было определено не добиваться священного сана

путём подкупа, а епископов, рукополагающих за деньги, предписывалось лишать сана. Рукополагать надлежало лишь людей достойных, испытанных духовником, а тех, кто получил его обманным путём или обнаружит жизнью своё недостойнство, лишать священства. Священников, запрещённых в одной епархии, не принимать в другой без особых отпусковых грамот. Монахам запрещалось выезжать и уходить из монастырей без официальных отпусков настоятелей, а иеромонахам запрещалось священнодействовать вне своих монастырей без благословения епископов. Запрещалось также священнодействовать вдовым священнослужителям: «Попам и диаконам, не имеющим своих жён, запрещается священнодействовать во всём пределе митрополии Киевской и Галицкой и всея Руси...». По мнению историка А.Карташёва это суровое правило «диктовалось страшным пороком неумеренного русского пьянства, порождавшего в деревенском быту, зазорное житие духовенства». Епископам рекомендовалось не вмешиваться в мирские дела, а больше уделять внимания церковным делам, в частности, не уклоняться от участия в соборах. Относительно злоупотребления правом патроната определено, чтобы впредь князья и паны не отнимали церковных земельных участков и имущества, а также не лишали священников и игуменов

церквей и монастырей только по воле патрона, без сношения с епископом. В случае лишения места священнослужителя по распоряжению светского лица, не назначать на это место другого, пока не будет справедливо устроен уволенный. Определено также, что патроны могут оставлять свою церковь без священника не более трёх месяцев, если же они пренебрегают этим правилом, то епископам вменяется направлять священнослужителя на пустующее место по своему усмотрению. Священнослужители, поставленные на место служения по воле лишь патрона, без епископского благословения, лишаются сана.

«Все эти постановления направлены были к тому, чтобы для церковной иерархии обеспечить больше самостоятельности в делах церковных» (27). «...Митрополит Иосиф II стремился усилить власть митрополита над епископами, епископов над духовенством и власть духовенства над мирянами. Очевидно, примером ему служили порядки римско-католической администрации» (20).

Король Сигизмунд I утвердил решения Виленского собора. Оставалось только воплотить эти решения в жизнь. Но это и было самое трудное. Например, «право подаваний» до того глубоко укоренилось в Западнорусской Церкви, что привести его в норму, полезную для жизни Церкви, оказалось невозможным, и своеволие

патронов Церкви царило по-прежнему, а также и искание прибыльных мест и отдача их за деньги патронами повторялись постоянно» (15). «Сигизмунд I, утвердивший ... постановления, сам неоднократно и нарушал их, раздавая церковные должности по своему усмотрению» (27). В целом, по мнению некоторых исследователей, эти постановления Виленского собора, возвышавшие власть иерархии над мирянами, обернулись «не на пользу Православия. Впитавший в себя клерикальную заразу здешний епископат со сравнительной лёгкостью изменил Православию для Унии в силу своего авторитарного самосознания и ложного права – распоряжаться судьбой веры и без народа» (20). При некотором внешнем устройстве и оживлении церковной жизни, Православная Церковь в Литве «внутри... подтачивалась тем произволом, который царил в ней и подготовлял разложение высшей её иерархии, порождая в последней опасный индифферентизм к интересам Православия, который в дальнейшем повёл к измене ему и переходу в Унию» (15).

В XVI в. имели место и внешние события, оказавшие как положительное, так и отрицательное воздействие на состояние Православия в Литве. К положительным явлениям можно отнести возникновение и развитие книгопечатания. Ещё в 1491 г. в Кракове были напечатаны первые богослужебные книги на славянс-

ком языке. Около 1520 г. полоцкий уроженец Франциск Скорина основал в Вильнюсе типографию и издал на славянском языке (кириллицей) «Апостол» и сборник других церковных книг, а ещё ранее (в 1517-19 гг.) в Праге напечатал «Библию руску...». В правление Сигизмунда II Августа (1548-1572) в Литве нашли себе приют вынужденные бежать из Москвы первые русские книгопечатники Иван Фёдоров и Фёдор Мстиславцев. В Заблудове (близ Белостока) они напечатали «Евангелие учительное» и «Псалтирь», а в 1581 г. в г. Остроге так называемую «Острожскую Библию». Появление этих и других церковно-богослужебных книг в какой-то мере способствовало поднятию образовательного уровня православного духовенства, который оставлял желать лучшего, и облегчало богослужебную практику. Типографиями постепенно стали обзаводиться некоторые православные братства, и их наличие сыграло впоследствии немаловажную роль в противостоянии Унии.

В первой половине XVI в. в Литву проникает ПРОТЕСТАНТИЗМ. Протестантские проповедники имели здесь необычайный успех. «К концу правления Сигизмунда протестантство и кальвинизм до того усилились в Литве и Польше, что из нескольких сот католических приходов в Литве уцелело от протестантизма едва шесть»(15). Протестантство увлекло и многих

православных, особенно это коснулось знати. Например, в Новоградском воеводстве из 600 шляхетских православных семейств верными Православию осталось лишь 16. Историк А. Карташёв полагает, что в этом переходе православных в протестантизм заметную роль сыграл психологический фактор – это была защитная реакция против насаждения католицизма. «Опротестантиться, чтобы не облатиниться и не ополячиться», - таков был подспудный мотив. Но, несомненно и то, что для польской и литовской шляхты (здешняя аристократия), как католической, так и православной, протестантизм был привлекателен идеями либерализма и ренессанса, образовательной и просветительской деятельностью протестантских пасторов и миссионеров. Успех идей протестантизма имел для Православия в Литве не только негативные, но и некоторые позитивные последствия. Например, благодаря ему было по сути дела отменено дискриминационное для православных Городельское постановление 1413 года, лишавшее православных шляхетских привилегий и государственных должностей. В XVI в. православные вельможи имются уже даже среди членов Королевской Рады (Сената), а известнейший из них «пан Виленский, Гетман Наивысший, Староста Луцкий и Брацлавский, Маршалок Волынской земли» Константин Острожский занимал в ней второе по значи-

мости место. Подобное стало возможно благодаря идеям либерализма и веротерпимости, привнесённых протестантизмом. Ибо дальнейшее сохранение Городельских постановлений логически ставило под угрозу равноправие новоявленных протестантов, коими, как мы только что отметили, стали многие аристократы-католики. «Таким образом, эта кажущаяся щедлость по отношению к православным была попутным выигрышем русской веры на фоне забот о свободе аристократии протестантской» (20).

Митрополит Иосиф II (Солтан) скончался в конце 1521 г. В начале следующего года его преемником был поставлен ИОСИФ III, бывший архиепископ Полоцкий. О нём известно, что при поддержке К.Острожского он успешно защищал права православных церквей и монастырей и сам был непоколебим в православной вере, вследствие чего иезуитские писатели отзывались о нём, как о «схизматике не желавшем знать Унию» (3). Годы его управления Церковью падают на благоприятный период правления короля Сигизмунда Старого, который ещё в 1511 году выдал охранительную грамоту, согласно которой: «Имеет Киевский митрополит держать в своей власти все церкви греческого закона в нашей Отчизне и управлять ими: давать им по святым правилам епископов, архимандритов, игуменов и всякий священнический чин

греческого закона; судить и рядить как духовных, так и светских и виновных карать, и вообще отправлять всякие духовные дела по уставам Соборной Восточной Церкви совершенно невозбранно...». Так что больших проблем у митрополита Иосифа III не было и основной его задачей было воплощение в жизнь решений Виленского собора по упорядочению внутренней жизни Церкви. Правда, он был уже преклонен годами и имел проблемы со здоровьем, поэтому возможности его были этим ограничены. Вероятно, в силу этого обстоятельства он согласился на поставление ему ещё при жизни преемника. Во всяком случае, что такой факт был, следует из сохранившегося королевского Акта: «Был нам челом Луцкий и Острожский епископ Макарий и просил нас, чтобы мы пожаловали его хлебом духовным, митрополией Киевской и Галицкой и всяя Руси, которую занимал митрополит Иосиф. О том же говорила нам за него и наша Королева, и Великая княгиня Бона ... Ходатайствовали также перед нами воевода Виленский... Ольбрахт Мартинович Гоштальд и все князья и паны греческого закона... И сам митрополит Иосиф, ещё будучи здоровым, уступил ему ту митрополию по своей смерти. И мы, по своему государскому благоволению, во внимание к желанию нашей Королевы и ходатайству воеводы Виленского и князей и панов греческого закона, и находя его –

Макария на то годным, исполнили его прошение. Дали ему, владыке Луцкому и Острожскому Макарию митрополию Киевскую и всея Руси...». Акт датирован 1-ым января 1534 г. Полагают, что вскоре, т.е. в начале 1534 г. митрополит Иосиф III скончался.

Помимо прочего, из этого Акта видно, что к тому времени «польские короли забрали власть в свои руки при назначении митрополитов и епископов православных. Раньше православные избирали сами своих митрополитов и епископов на своих соборах, а при Сигизмунде это положение изменилось не в пользу Православной Церкви» (3)

Митрополит МАКАРИЙ II, был выходцем из «белого» (женатого) духовенства. Овдовев, он принял монашество и вскоре стал настоятелем Лешинского монастыря в Пинской епархии. Затем стал епископом Пинским и Туровским, а с 1528 г. – епископом Луцким и Острожским. В 1534 г., как мы уже знаем, он испросил у короля митрополию, а в 1535 г. был утвержден Константинопольским Патриархом как «митрополит Киевский и Галицкий и всея Руси». О нём известно (из сообщения униатского писателя), что он «был прежде придворным капелланом королевы Елены – москвитянки... Человек простой и на глаза подслеповатый, но в схизме твердый – видно, что родом был из Москвы». «Благодаря его усилиям Право-

славная Церковь в Великом княжестве Литовском при Сигизмунде II сохранила свои права ..., строила новые церкви и монастыри в Витебске, Новогрудке, Пинске. Однако моральное состояние духовенства митрополии заметно ухудшилось, участились случаи получения церковных должностей за деньги, увеличилось влияние светских лиц на церковные дела, чему митрополит Макарий фактически способствовал» (Энцикл. справочн.). Известно, что король, «услышавши от многих князей и панов о нерядности и несправе межи духовенства греческого закона...», поручил ему в 1546 г. созвать собор для устранения нестроений в митрополии. Однако сведений об этом соборе не обнаружено, так что, скорее всего, он не состоялся. При митрополите Макарии II обострилась ситуация в Галичине. Православные галичане давно добивались у польского короля поставления для них православного епископа, так как епархия их управлялась «наместниками», назначаемыми Львовским католическим архиепископом. В конце концов король Сигизмунд II в 1539 году утвердил поставление в архимандриты, а затем и во епископа, с титулом «епископа митрополии Галицкой, владыки Львовского и Каменца Подольского», Львовского мещанина Макария Тучапского, предложенного православными. Католическое духовенство во главе с архиепископом

Львовским весьма воинственно выступило против учреждения православного викариатства. От лица своего сейма (состоявшегося в Петрокове в 1542 г.) оно призвало короля «закрыть русское Галицкое епископство; запретить русским строить новые церкви, звонить в колокола, совершать крестные ходы и чтобы тех, кто возвратился в Православие, вновь вернуть и снова крестить». В ход пошли подкупы, угрозы, клевета и прочие козни. Такими средствами удавалось сделать немало пакостей православным. Но поскольку сами короли – как Сигизмунд Старый, так и Сигизмунд Август – склонны были к религиозной терпимости, то православным всё же можно было искать и находить у них хоть какую-то защиту от козней, чинимых местными властями и католическим духовенством.

Митрополит Макарий II скончался в 1555 (по иным сведениям – в 1556) году. Его преемником на Литовской митрополии стал королевский «скарбник и ключник» (казначей, хранитель имущества; прим. наше) «пан Стефан Белькевич». В духе того времени он, ещё будучи светским человеком, испросил у короля в своё управление Виленский Свято-Троицкий монастырь, став его «настоятелем». Затем, при жизни ещё митрополита Макария исхлопотал себе звание «нареченного митрополита». В королевской грамоте, данной ему в 1551 г., гово-

рилось, что, зная «верные, пыльные, николи не омешканные, цнотовые службы» пана Стефана Белькевича, король «до его живота» (т.е. до смерти; прим. наше) оставляет за ним Троицкий монастырь и даёт ему Киевскую митрополию.

После смерти митрополита Макария он принял монашество, с именем СИЛЬВЕСТР, и, минуя низшие ступени, получил от короля титул «нареченный архиепископ митрополит Руский и Галицкий и всея Руси». Современные писатели (напр., архиеп. Афанасий/Маргос) полагают, что Константинопольский Патриарх согласился с этим и прислал Сильвестру своё благословение на занятие митрополичьей кафедры. Мнение правдоподобное,

Сильвестр

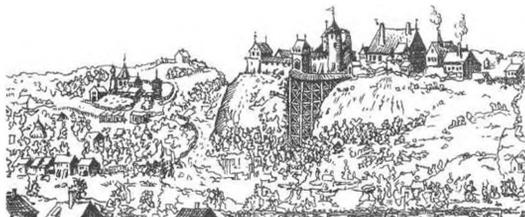
хотя конкретных данных на этот счёт не имеется. Митрополит Сильвестр был практичным, ловким человеком, близким к королю. Казалось бы, что при нём в жизни Православной Церкви произойдут позитивные перемены. Но он был человеком низких моральных качеств, что «вело к ослаблению позиций Православной Церкви в Великом княжестве Литовском»(44). «Для времени этого недуровного митрополита характерны эпизоды грубой борьбы за власть и материальные интересы современных русских право-

славных епископов, столь далёких от понимания и забот о Православии, о грозящих последнему и реформационных, и латинских опасностей» (20). Известен его конфликт с монахами Киево-Печерского монастыря: митрополит Сильвестр самовольно завладел принадлежавшим Киево-Печерской обители Николаевским Пустынным монастырём со всем его имуществом и земельными угодьями. В конфликт пришлось вмешаться самому королю, который приказал Сильвестру вернуть присвоенный монастырь. Сохранился документ, из которого следует, что митрополит Сильвестр обращался к королю с просьбой приказать «всем епископам, архимандритам, преложным духовного стану закону греческого, съехаться на час пэвный» в Вильню, т.е. прибыть на собор, «к постановленью веры и закону христианского». По мнению исследователей (И.Чистович и др.), король такое распоряжение сделал, и собор состоялся в 1558 г. «на первой неделе Великого поста» (3), но материалов самого собора не сохранилось. Митрополит Сильвестр управлял Православную Церковью более 10 лет, он скончался в последней четверти 1567 года. Для Православия это были годы затишья, если не застоя, перед ещё горшими временами.

Не долговечным было управление Литовской митрополией преемника Сильвестра – епископа Туровского и Пинского ИОНЫ (Про-

тасевича). Он происходил из мелкого русского дворянства, в миру был женат, затем, овдовев, принял монашество. Став епископом, а с 1568 г. митрополитом Киевским и Галицким и всея Руси, Иона III показал себя ревностным и заботливым первосвятителем. Известно его обращение (в июне 1568 г.) к королю Сигизмунду II и сейму в связи с проблемами Православной Церкви. В числе изложенных в нём просьб были, например, следующие: чтобы духовные достоинства не давались королём и панами светским людям; чтобы православные епископы могли заседать в Королевской (Наивысшей или Тайной) раде (сенате) наравне с римско-католическими бискупами; чтобы духовные суды были неподвластны светской власти. Некоторые из просьб православного митрополита (например, о неприкосновенности духовных судов) король удовлетворил, исполнение же других (в том числе и участия в Высшей раде) было отложено на «иншы час», т.е. на другое время. Но этот «иншы час» для митрополита уже не наступил ввиду его кончины (в 1577г.), а для митрополии – ввиду событий, происшедших в Великом княжестве Литовском в XVI веке.

III

ОТ ЛЮБЛИНСКОЙ (государственной) ДО БРЕСТСКОЙ (церковной) УНИИ

В начале 1569 г. в польском городе Люблине состоялось заключение договора (т.н. Люблинская уния) между Литвой и Польшей о соединении государств в единое федеративное Польшко-Литовское государство – Речь Посполитую, имеющее одного Верховного правителя – короля (с титулом «Король Польский, Великий князь Литовский»), общий законодательный орган (сейм) и проводящее единую внешнюю политику правительство. Историки по-разному оценивают политическое значение этого союза, но для Православия в Литве он был однозначно неблагоприятным. Уже в последний день Люблинского съезда король Сигизмунд Август зая-

вил: «Теперь, когда на съезде утверждена политическая уния, я хочу подумать о восстановлении единства по вере, единства религиозного, т.е. господства единой Римской Церкви». «Хотя актом Люблинской унии предоставлена была свобода веры, ...польско-литовские государи не сочувствовали этой свободе; пока западная Русь была православной, она не могла прочно слиться с Польшей. Для слияния народностей необходимо было единство религии, и потому польское правительство желало искоренения Православия» (35).

В том же 1569 г. католический бискуп Валерьян призвал из Польши в Литву монахов ордена «Общества Иисуса» – т.н. ИЕЗУИТОВ. Орден иезуитов утверждён был Папой Павлом III «с целью оказания противодействия распространению в Римской Церкви еретических учений и охраны прав Римского престола» (15). Приглашённые в 1555 г. в Польшу (кардиналом Гозием) для борьбы с протестантизмом, иезуиты быстро и успешно выполнили возложенную на них миссию. В Литве иезуитам ставилась та же цель: «первейшей задачей иезуитов было возвращение в лоно Римской церкви соблазнённых протестантством высших классов народа. Главные средства для этого – школа, литература, проповедь, исповедь и богослужение» (20). В 1570 г. иезуиты открыли в Вильнюсе первую коллегию (по нынешним меркам, что-то

среднее между средней школой и гимназией), преобразованную в 1579 г. в академию (университет). Вскоре коллегии появились и в других городах. За неимением других школ многие православные вынуждены были отдавать своих детей в эти иезуитские коллегии, тем более что обучение было там бесплатным, а иезуиты лишь приветствовали такой процесс. О цели же воспитания в этих коллегиях можно судить по королевской грамоте от 20 января 1582 г., изданной по случаю основания коллегия в г. Полоцке. «Цель была следующая: чтобы иезуиты содержали коллегия для воспитания в католической вере юношества, распространяли католическую веру среди схизматиков, устроили... римо-католические приходы...» (3). Только в Виленской коллегии в 1586 г. обучалось 700 воспитанников, и в их числе немало было детей из православных семей. Кем они выходили по окончании коллегии – не трудно догадаться.

Погасив пламя протестантизма, иезуиты все свои силы направили на обращение православных. Уже в 1577 г. известный иезуитский проповедник Пётр Скарга издаёт своё сочинение «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и греческом от сего единства отступлении, с предостережением и увещанием русским народам, держащимся греков». Это сочинение знаменовало начало литературного наступления на Православие в Литве. Оно послужило приме-

ром и прототипом для многих других сочинений, обильно издаваемых католиками в то время, начиная с XVI в.. Указав на многие недостатки в жизни Православной Церкви в Литве, Пётр Скарга проводит мысль, что единственный выход из столь печального положения – в унии с Католической Церковью. Помимо пера иезуиты принялись склонять православных к Унии и многими иными, не столь благородными способами. «Высшему духовенству они льстили обещанием свободы от вмешательства в его дела мирян и расширения его гражданских прав наряду с католическими бискупами. Литовское дворянство они привлекали на свою сторону своими школами» (27). Успеху иезуитов в их наступлении на Православие немало содействовала и государственная власть. Мы уже говорили об институте патроната, в силу которого известному лицу (королю или вельможе) или организации (напр. братству) предоставлялась совокупность прав и обязанностей по отношению к церковным учреждениям и должностям, включая замещение этих должностей. Известно, что короли в начале пользовались лишь правом утверждения, избранных православными,

П. Скарга

кандидатов на то или иное место. Позднее (ко времени, о котором идёт речь) они стали самостоятельно поставлять удобных им лиц. В результате, благодаря этому, католики ввели в состав православной иерархии немало недостойных лиц и лиц, на которых можно было рассчитывать в деле насаждения Унии. Кроме короля, правом патроната, как мы знаем, обладали многие вельможные шляхтичи и пань (в основном католики), которые по своему усмотрению распоряжались находящимися в их обладании монастырями и церквами. Всё это, главным образом, и порождало те нестроения и злоупотребления, на которые указывал не только иезуит Пётр Скарга, но и сами православные. Власть же высшая и на местах, по сути дела породившая эти недостатки, затем умело использовала их против Православной Церкви. «Подобные нестроения... подрывали авторитет её даже среди православных и наносили ей неисчислимый вред, чем и пользовались иезуиты в своих замыслах к полному подчинению православных Риму» (15). «Особенную услугу иезуитам оказали короли Стефан Баторый и Сигизмунд III. Стефан Баторый правом «подавания» архиепископских кафедр и монастырских настоятельств самым недостойным образом нарушал церковные правила. Духовные места он вообще считал наградой за гражданские заслуги и избирал на них мирян, часто самых недостойных. Были да-

же случаи передачи монастырей прямо католикам. Злоупотребления дошли до того, что епископские кафедры стали занимать двоежёнцами и людьми женатыми» (27). И вот выход из этого плачевного состояния антиправославная пропаганда указывала в унии с Римом.

Неоднозначную роль сыграли в это время и ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА. Их возникновение относится к середине XVI (не следует путать с т.н. цеховыми братствами, возникшими ещё раньше). Возникновение православных братств было защитной реакцией перед угрозами Православию со стороны протестантизма и, главным образом, со стороны католицизма и полонизма. Они представляли собой добровольное объединение в постоянную действующую организацию (обычно при монастыре или церкви) православных людей различных сословий и званий (миряне -ремесленники, купцы, шляхта и др. – и духовенство), осуществляющую свою деятельность на основе общепринятого устава. «Братства налагали на себя точные и определённые обязанности по отношению к своим церквам: устанавливали денежные взносы для общего дела, обязывали своих членов посещать церковные службы и братские совещания, заботились о духовенстве, о бедных, устраивали богадельни, школы, издавали в защиту Православия книги, подкрепляли дух православных своими посланиями и примером. В

дальнейшем некоторые братства приобрели сильное влияние на церковные дела: принимали участие в выборе епископов и митрополитов, следили за употреблением и целостью церковных имуществ и церковным управлением, протестовали против злоупотреблений епископов и вообще лиц духовных, а главное, издаваемыми сочинениями доказывали истину Православия и ложь Унии, указывали опасности, угрожающие Православию, и средства для спасения» (15). Братства такого типа первоначально появились в Львове(1586) и в Вильне(1588), несколько позднее и в других городах – Могилёве, Киеве, Луцке, Замостье, Бресте, Орше, Минске, Пинске, Витебске, Полоцке и др. местах. Некоторые братства, например Львовское, находились в подчинении лишь Патриарху Константинопольскому и брали на себя право решать церковные дела, могли «обличать даже епископов и отлучать от Церкви противных закону Христову...» (27). В одном из пунктов Устава Львовского братства было записано: «Если братья увидят и услышат, что при какой-либо церкви, или в другом братстве, живут не по закону миряне или духовенство, то они должны напомнить виновным словесно или письменно, а в случае невнимания к их замечаниям, братчики доносят о том епископу. А если и сам епископ пойдёт против закона и станет править Церковью не по правилам Святых Отцов, то такому епископу

да противятся все, как врагу истины». Такое экстраординарное положение в Литовской митрополии братства занимали в виду указанных выше угроз Православию, политической и религиозной ситуации в стране, плачевного состояния самой Церкви – церковной дисциплины, низкого морального и образовательного уровня духовенства. И хотя в целом православные братства того времени сыграли положительную роль в жизни Православной Церкви, но чрезмерное усиление власти братств (напомним здесь и о праве патроната, которое иные братства тоже имели) и излишнее вмешательство их в дела Церкви, имели и явно негативные последствия. Особое положение братств «тяготило епископов и лиц духовных, и у некоторых епископов явилось стремление отделаться от нежеланной опеки, что вызвало их на борьбу с братством, а впоследствии даже побудило к переходу в Унию» (15).

Такова была ситуация в Церкви и вокруг неё при «ветхом деньми» митрополите Ионе III. И хотя, как отмечалось, это был ревностный архипастырь, он «не в силах был ответить на самые главные нужды: поднять духовный уровень духовенства; его просвещение и нравственность»(54). Чувствуя слабость своих сил и стремясь хоть как-то поправить положение дел, он приблизил к себе некоего шляхтича Илью Кучу и затем решил добровольно передать ему управ-

ление делами митрополии, оставив за собой решающий голос в делах духовных. Король Стефан Баторый согласился с предложением митрополита и 23 сентября 1576 г. выдал Куче грамоту, в которой говорилось, что «водле поставленья и умовы с митрополитом Ионою в том учинённой, при животе его тот вряд справовати, а по смерти его тую митрополию на себе держати и уживати» (51). Илия принял монашеский постриг (с тем же именем) и вскоре был посвящён в епископский сан, став по должности «нареченным» митрополитом. Спустя полгода митрополит Иона (Протасевич) скончался и, согласно «умовы», первоиерархом Литовской митрополии стал владыка ИЛИЯ (Куча). Король не замедлил направить грамоту Патриарху Константинопольскому, извещая его о смерти митрополита Ионы и о том, что его преемником уже назначен «смиранный владыка Илия Куча», которого король и просит утвердить, «за что обычную благодарность от нас, как и от предков наших, Вы получите» (26). Патриаршее утверждение было получено, но в 1579 году новый митрополит тоже скончался, не оставив от своей деятельности никакого следа.

Новым «нареченным» первоиерархом Литовской митрополии по соглашению с властями стал опять же светский человек, галицкий шляхтич ОНИСИФОР Девоча (или Девочька). В качестве «хлеба духовного» он имел сперва в

своём управлении Лавришевский монастырь (близ г. Новогрудка), а затем получил от короля Стефана Батория в пожизненное владение и Виленский Свято-Троицкий монастырь. В сан митрополита был поставлен будучи двоежёнцем (т.е. дважды женатым), что было прямым нарушением церковных канонов. При его содействии в 1583 г. в Вильнюсе был напечатан первый «Служебник» для священнослужителей. Несколько ранее, в 1581 г., увидела свет и первая полная печатная Библия, но в этом была заслуга известного князя К.Острожского. При митрополите Онисифоре православные получили от короля Речи Посполитой Стефана Батория подтверждение своих юридических и вероисповедных прав, но в этом опять же не была заслуга митрополита. Дело в том, что в 1582 г. вышла в свет булла Папы Григория XIII, возвещавшая о введении нового, т.н. григорианского, календаря. Естественно, что король Речи Посполитой не замедлил издать указ об исполнении этой буллы в его королевстве. «Иезуиты и ревнители латинства поняли, что если православные примут новый календарь..., то это послужит религиозному сближению... а впоследствии и к согласию православных на некоторые другие отступления от указаний Православной Церкви, и стали вести свою работу к принудительному принятию нового календаря православными»(15). Большое возмущение православных

вызвала акция, организованная в Львове в 1583 году архиепископом Яном-Дмитрием Суликовским, когда в канун православного празднования Рождества Христова власти насильственно заперли и опечатали все православные церкви города с тем, чтобы православные не могли совершить там праздничное богослужение в этот день (25 декабря по старому, юлианскому календарю). Начались опасные для королевства волнения, и королю пришлось издать ряд декретов в защиту православных. В одном из них говорилось, что «принимая вновь исправленный календарь, мы и в мыслях не имели запрещать обряды и праздники греческие, а учинили то для порядка дел гражданских....Посему, чтобы на будущее время тверже и надежнее сохранить мир между разноверцами, мы решили дать, позволить и утвердить людям греческой веры, живущим в Великом княжестве Литовском, полную власть и свободу спокойно содержать все уставы и обряды греческого богослужения, по порядку и расписанию старого календаря, также строить церкви своего благочестия...» (Декрет 1586г.). Однако, несмотря на эти декреты короля, положение Православия всё больше и больше ухудшалось. Во-первых, наступление ревнителей католичества росло и ширилось, а, во-вторых, ситуация усугублялась нерадением и беспринципностью некоторых архиереев и священников, заботящихся больше

о своём благополучии, чем о делах церковных. Вот что писали в 1585 г. своему архипастырю православные галицкие дворяне: «Великому несчастью своему приписать должны мы то, что во время Вашего папства все мы страшно утеснены, плачем и скитаемся, как овцы, пастыря неимущие. Хотя Вашу Милость старшим своим имеем, однако Ваша Милость не заботитесь о том, чтоб словесных овец своих от губительных волков оборонять, нисколько не заботитесь о благочестии». Далее перечисляются многочисленные беды Православной Церкви и её чад: «Во время вашего папства вдоволь всякого зла в законе нашем случилось, насилия Святыни, замыканье Св. Таинств, запечатание церковей святых, запрещение звонить, выволакивание от престола из церковей Божиих попов, как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквах: таких насилий не делается и поганскими царями, и всё это делается в папстве Вашей Милости. Но этого мало: рубят кресты святые, захватывают колокола в замок ... Из церковей делаются костёлы иезуитские, имения Церкви Божией данные, теперь к костёлам привернуты. В монастырях честных, вместо игуменов и братья, игумены с жёнами и детьми живут и церквами святыми владеют... Но, что ещё хуже, Ваша Милость поставляешь один епископов без свидетелей и без нас, братии своей, что и правила запрещают, вследствие чего

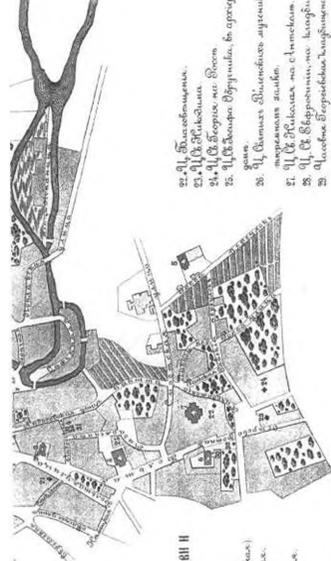
негодные люди становятся епископами и на столицах с жёнами своими живут без всякого стыда и детей родят ... Наставилось епископов много, на одну епархию по два: от того и порядок изгиб». «Но Ваша Милость не хотите исполнять своих обязанностей, не хотите быть деятельным при таких великих бедах, больше которых не было и не будет». Печальнее картину трудно и представить. «Деморализация высшего духовенства передавалась низшему; обличения его недостатков епископами были невнушительными для него, так как оно видело в своих иерархах более крупные недостатки» (27).

На этом удручающем фоне отрядным событием стал ПРИЕЗД в 1588 г. в Литовскую митрополию Патриарха Константинопольского ИЕРЕМИИ II. Патриарх оказался здесь проездом, по пути в Москву. Но, встретившись здесь с православным народом и услышав их жалобы, он счёл необходимым задержаться на время в Литве и предпринять ряд действий, направленных на устранение существующих проблем в жизни Православной Церкви. В 1588 г., на пути в Москву, Патриарх задержался в Литве всего на 12 дней, однако на обратном пути (уже в 1589г.) Иеремия II задержался в Литовской митрополии на более продолжительный период (с мая месяца по август), для более обстоятельного знакомства с положением дел в митрополии. Некоторые писатели (прот. К. Зноско и

др.) указывают, что сделал он это, прежде всего по просьбе и при содействии известного общественного и церковного деятеля князя К.Острожского, который слыл крепким защитником или, как его называли, «начальником православия». Правда, проф.А.Карташёв в своих «Очерках по истории Русской Церкви» замечает, что к тому времени «по неясным для нас причинам, кн. Острожский временно отходит от заинтересованности церковными делами. Когда приехал сюда патр. Иеремия, то Острожский даже не поинтересовался лично увидеться с ним». Так или иначе, но православный народ, как отмечает тот же историк, «массой вышел навстречу высокому гостю... и расположил Иеремию II пойти навстречу широкой волне ходайств – защитить здесь слабеющее Православие». Благожелательно встретили Константинопольского Патриарха и власти придерживающие. Недавно вступивший на престол король Сигизмунд III, разрешил Патриарху обозреть всю митрополию и дал грамоту, «которой подчинил ему всех духовных лиц и дела Западно-русской Церкви» (15). Эта благосклонность короля, по мнению историков, объясняется политическими или государственными соображениями. «Король,- пишет проф.А.Карташёв,- с особой готовностью признал благовременной эту манифестацию греческой церковной власти здесь..., чтобы оградить местную Православную

П Л А Н
ЧАСТИ ГОРОДА
ВИЛЬНЫ

СЪ ПОКАЗАНИЕМЪ СУЩЕСТВОВАВШИХЪ И БЫЛИ^{*)} ВАХОДЯЩИХСЯ ВЪ НЕМЪ
ДЕРЕВЕНЪХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЖЕНИХИ, ЦЕРКВИ И
ЧАСТИНЫ.

- 1 Церковь Братства Виленскихъ.
- 2 Церковь Св. Николая (св. Николая).
- 3 Церковь Св. Петра (св. Петра).
- 4 Церковь Св. Павла (св. Павла).
- 5 Церковь Св. Василия (св. Василия).
- 6 Церковь Св. Марии (св. Марии).
- 7 Церковь Св. Анны (св. Анны).
- 8 Церковь Св. Екатерины (св. Екатерины).
- 9 Церковь Св. Варвары (св. Варвары).
- 10 Церковь Св. Духа (св. Духа).
- 11 Церковь Св. Иова (св. Иова).
- 12 Церковь Св. Кирилла (св. Кирилла).
- 13 Церковь Св. Лаврентия (св. Лаврентия).
- 14 Церковь Св. Матфея (св. Матфея).
- 15 Церковь Св. Марка (св. Марка).
- 16 Церковь Св. Мелхиседека (св. Мелхиседека).
- 17 Церковь Св. Николы (св. Николы).
- 18 Церковь Св. Пантелеймона (св. Пантелеймона).
- 19 Церковь Св. Прохора (св. Прохора).
- 20 Церковь Св. Стефана (св. Стефана).
- 21 Церковь Св. Тихона (св. Тихона).
- 22 Церковь Св. Флора (св. Флора).
- 23 Церковь Св. Якова (св. Якова).
- 24 Церковь Св. Василия (св. Василия).
- 25 Церковь Св. Марии (св. Марии).

*) Принадлежность Церкви, при каковой конгрегация гостиницы, также не принадлежала.

х) На начало XVIII в.: грим. наше

Церковь от всяких претензий на возглавление её патриаршей Москвой». Дело в том, что именно в 1589 г. во время пребывания Константинопольского Патриарха в Москве состоялось учреждение Московского Патриархата, Русская митрополия дэ юрэ стала самостоятельной Поместной Церковью. «Автономия Киевской митрополии держалась на основе разрыва греков с Москвой. Теперь, с учреждением патриаршества, установился нормальный канонический мир между Москвой и Константинополем. И мог возникнуть вопрос о каноническом воссоединении разделённой Русской Церкви» (20). Литву, ещё со времён Великого князя Альгирдаса стремившуюся иметь независимую от Москвы митрополию, такая перспектива явно не устраивала. И король Сигизмунд III не преминул использовать приезд в Литву Константинопольского Патриарха для укрепления связи Православной Литовской (именуемой Киевской) митрополии с далёким Константинополем. Этим и можно объяснить благожелательное отношение королевского двора к пребыванию в Литве Патриарха Иеремии II и появление королевского универсала, повелевающего, чтобы никто из властей не препятствовал Патриарху судить и рядить во всех делах, касающихся православных в Великом княжестве Литовском. «Был и ещё мотив уваживать за Патриархом. Это – планы унии... Уния мысли-

лась в широком варианте со всей Восточной Церковью» (20). Константинополь, находящийся в то время под властью турок, виделся даже более сговорчивым кандидатом на Унию, чем упрямая и крепнувшая Москва. Что касается Патриарха Иеремии II, то, прежде всего, ещё в 1588г., он попытался укрепить авторитет православных братств, которые к тому времени становились уже оплотом Православия. Он одобрил вновь переработанный Устав Виленского Свято-Троицкого Братства, заверив его своей печатью. Устав закреплял автономию Братства, независимость его деятельности от власти и воли церковной иерархии, и повышал меру участия братчиков в жизни Церкви. В благословенной грамоте Братству Патриарх предлагал, чтобы митрополит ввёл в практику всенародное, в церкви, отлучение из Братства отступников от православной веры и всех тех, кто своими действиями компрометирует Православие. Само собой разумелось, что выявление таких людей было прерогативой Братства. Для ещё большего авторитета Братства Патриарх включил в текст упомянутой грамоты положение, что он осуждает всех разорителей Братства, не только мирян, но и самих епископов, если они к этому причастны. Грамота, при том, предназначалась для прочтения во всех храмах. В 1589 г. Патриарх выдал защитную грамоту Львовскому Православному Братству, в которой

также подтвердил его независимость от местной епархиальной власти, дал право самостоятельно избирать для своей церкви священников и увольнять их. Комментируя эти действия Патриарха, проф. А. Карташэвс заключает, что «Иеремия II действовал сознательно, выдвигая православный народ, как хранителя Православия, а не иерархию, как могущую скорее ему изменить. Это характерно восточное, антилатинское воззрение, оправданное горькими опытами уний у самих греков...». «Мы,- писал Патриарх в обращении к епископам,- слышали от многих благоверных князей, панов и всего христианства и сами своими глазами видели, что у вас двоежёнцы и троежёнцы литургисают... Повелеваем низложить всех таких священников». А так как сам митрополит Онисифор был, как мы уже указывали, двоежёнцем, то прещение Патриарха в первую очередь его и коснулось. Патриарх издал отдельный указ о низложении митрополита Онисифора (Девоча) и потребовал, чтобы все епископы его подписали. В тяжких преступлениях был обвинён и смешён с должности и архимандрит Супрасльского монастыря Тимофей (Злоба). Патриарх также пригрозил отлучением епископу Пинскому Леонтию за то, что тот пытался утаить сведения о священниках двоежёнцах в его епархии. Пострадал от действий Патриарха Иеремия II и Львовский епископ Гедеон (Бал-

абан), лишившийся права патроната над Онуфриевским и Уневским монастырями, которые грамотой Патриарха были переданы Львовскому православному братству.

Действия Патриарха Константинопольского, направленные на упорядочение церковной жизни, в какой-то мере её, конечно, оживили, дали «зелёный свет» мирянским силам в лице православных братств, пробудили и заставили подтянуться перед их активизацией местный епископат. Но эти действия имели и побочный негативный эффект: они невольно способствовали окончательному совращению в Унию церковной иерархии. Означенные выше действия, во-первых, вызвали недовольство и раздражение «пострадавших» иерархов, а также тех епископов, которые тоже, будучи не в ладах с церковными канонами, боялись потерять занимаемые ими кафедры. Во-вторых, епископат весьма встревожило расширение прав мирян, инициированное и закреплённое грамотами Патриарха. В-третьих, весьма неудачным было утверждение Патриархом нового первоиерарха митрополии. «Прошло только пять дней после низложения митр. Онисифора, как король Сигизмунд III выдал грамоту от 27 июля на митрополию архимандриту Минского Вознесенского монастыря, «шляхетне урожонному» Михаилу Васильевичу Рагозе. В грамоте говорилось, что «Панове рада и рыцарство Великого

княжества Литовского, закону и послушенства Церкви греческой». избрали Михаила Рогозу, и что по их просьбе, избранный удостоивается митрополичьей кафедрой (51). Но, как считают современные исследователи, «в действительности же избрание и назначение Михаила Рагозы на митрополию произвёл король своею властью» (3).

«Михаил РАГОЗА не отличался твёрдостью воли и сильным характером, – качествами, которые особенно нужны были для митрополита в такое тревожное время. Он недостаточно был и образован для такого высокого поста, многие вопросы, с которыми он обращался к Патриарху, показывают крайнюю простоту его понятий. Такого человека нетрудно было увлечь в Унию» (27). Проф. А. Карташёв, исходя из письма виленских иезуитов к новоизбранному митрополиту, полагает, что он ещё до избрания имел, говоря словами письма, «склонность к латинской Церкви». «Патриарх, по настоянию короля Сигизмунда III, посвятил его, но, не доверяя ему, назначил своим экзархом, т.е. наместником, успевшего понравиться ему Луцкого епископа Кирилла Терлецкого, которому предоставил право надзора и суда над западнорусским

М. Рагоза

духовенством» (15). Что же касается митрополита Михаила (Рагозы), то Патриарх, обращаясь к епископам, будто бы сказал: «Если он достоин, по вашему глаголу буди достоин, если же не достоин, а вы его достойным выставляете, то я чист, вы узрите». Относительно «успевшего понравиться» (хотя недавно обвиняемого в «разврате и грабеже») Луцкого епископа Кирилла (Терлецкого) Патриарх в обращении к духовенству и верующим писал: «Объявляем вам, что, усматривая настоятельную потребность в том, чтобы паства стада Христова умножалась, а ленивые пастыри были побуждаемы к словословию Божию и привыкли к доброму служению церковному, и, избрав для сего мужа разумного, духовного и искусного, сына нашего смиренного Кирилла Терлецкого, ...мы даём его вам от себя экзархом, который зовётся по-латыни кардиналом, и благословим его соборно, как наместника нашего, советоваться с вами во всём и церковный сан украшать благолепно всякими добрыми нравами, а нерадивых, пустых и безответственных служителей поддерживать и наставлять, и, власть нашу, смещать и низлагать неотменно. Все вместе признавайте его за старшего честию между вами, как нас самих, и считайте его уполномоченным на устройство церковное, принимайте от него наставления и мудруйте смиренно, имея попечение о Церкви и её чадах». К сожалению, из этих лестных

эпитетов, которыми Патриарх Иеремия II наделил владыку Кирилла, ближе к истине были разве что «муж разумный» да – «искусный». Трудно теперь сказать, почему не сумел Патриарх разглядеть в нём «волка в овечьей шкуре» и наделил его такими полномочиями. Некоторые антицерковные писатели считают, что «владыке Кириллу путём лести, заискивания и крупной взятки корыстолюбивому патриарху удалось... завоевать расположение Иеремии...» (К.Дмитрук). Митрополит Михаил назначением экзарха (что было равносильно выражению недоверия) и наделением такими широкими правами владыки Кирилла, конечно, был весьма огорчён. Недоволен Патриархом, по ряду причин, остался и новый экзарх. Одним словом, как замечает П.Малицкий, «не улучшив положения Церкви, Патриарх Иеремия оставил после себя сильное недовольство в иерархах южной Руси, которое тотчас и обнаружилось, как только Патриарх оставил Литовскую митрополию». «Недовольство принятыми Патриархом мерами усилилось ещё и потому, что польское правительство после отъезда Патриарха стало суровее относиться к православным, стесняло их во всём, - то же стали делать и патроны. Между тем иезуиты старались усилить раздражение владык, а затем указывали, как легко им выйти из тяжёлого положения посредством Унии, с которой они получают и независимость, и вы-

годы» (15).

Следует отметить, что *мысль о сближении* (выделено нами) и даже объединении Православной и Римско-католической Церквей на основе полнейшего равенства, без изменения основ веры, литургики и обрядности, не была чужда выдающимся церковным деятелям той эпохи, в частности Константину (Василию) Острожскому, поскольку оно означало прекращение постоянно возбуждающей общество, а поэтому вредной для Речи Посполитой и обеих конфессий взаимной борьбы; также имелось в виду поднятие престижа и чести Церкви и православного духовенства» (10). Иные цели и надежды имела на Унию Католическая Церковь, понимая её не как воссоединение Церквей, а как присоединение и подчинение себе «схизматиков». Если державные мужи Великого Княжества Литовского смотрели на союз (унию) Церквей, как на средство укрепления своего государства и стабильности в нём, то у Ватикана относительно православной Литовской митрополии были свои, далеко идущие замыслы. Это хорошо видно из письма папского посла в Москве иезуита Антона Пассевина. Раздосадованный неудачной попыткой склонить к Католичеству русского царя Ивана Грозного, он пишет: «Поскольку вера Московского государства прежде всего зависит от той части России, которая ныне под державою Польского короля,

то весьма бы способствовало к обращению Московского народа, если бы епископы и владыки королевской оной России присоединились к Католической Церкви». Со времен Люблинской унии во имя этой идеи усердно трудились польские короли (Сигизмунд Август, Стефан Баторый, Сигизмунд III), польско-католическое духовенство (особым усердием отличился Виленский бискуп Войцех Табор, Львовский архиепископ Ян-Дмитрий Суликовский, Луцкий бискуп Бернард Магиевский) и авангард католической миссии – орден иезуитов. Среди последних наибольшей ревностью отличались Пётр Скарга и упомянутый выше Антон Пассевин. Поскольку цель оправдывала средства, то они были весьма разнообразны – от кнута до пряника. Больше всего по церковной иерархии бил «кнут» – всевозможные ограничения в правах и привилегиях, а нередко и прямое бесправие. А сеятели Унии между тем прозрачно намскали: всего этого можно избежать, если принять Унию. Прекратятся притеснения, будут возвращены привилегии, наступит избавление от неприятного вмешательства в церковные дела мирян. «Психологическая борьба против Православия, возведённая в ранг государственной политики, политическая дискриминация верующих, постоянное вмешательство великих князей Литовских, бывших одновременно Польскими королями, во внутреннюю церковную жизнь ве-

ли Западнорусскую церковь к деморализации и несоответствию с каноническим уставом. В среде духовенства появилось немало лиц, не имевших права занимать высшие церковные должности» (44).

ПЕРВЫМИ НЕ УСТОЯЛИ перед этими соблазнами епископ Львовский Гедеон (Балабан), имевший конфликт с Львовским Братством и потерпевший к тому же от Константинопольского Патриарха, и новопоставленный епарх - епископ Луцкий Кирилл (Терлецкий), отчаявшийся найти правовую защиту от посягательств на его имущество Луцкого старосты А. Семашко и войскового Броневского. Именно эти епископы обратились к митрополиту Михаилу (Рагоза) с просьбой созвать архиерейский собор (без участия мирян) для обсуждения церковных дел. Собор был назначен на июнь 1590 года в г. Бресте. В нём вместе с митрополитом Михаилом участвовали: епископ Владимирский Мелетий (Хребтович), еп. Луцкий Кирилл, еп. Холмский Дионисий (Збируйский) и еп. Львовский Гедеон. Кроме того приглашены бы-

Кирилл Терлецкий

ли «многие знатные светские чины», в том числе «пан Адам Потей (или в местном звучании – Патей) каштелян Брестский» (каштелян = комендант). Однако ещё до собора епископы Кирилл и Гедеон и примкнувший к ним епископ Пинский Леонтий (Пельчинский) тайно, без ведома митрополита, встретились в Бельзе (под Львовом) и договорились агитировать участников собора за заключение унии с Римско-Католической Церковью. На Брестском соборе эти епископы стали жаловаться «на тягостное положение Западнорусской Церкви и как на одну из главных причин этого положения указывали на её зависимость от Константинопольского Патриарха, турецкого подданного. Жаловались они также и на чинимые им светскими лицами насилия, от которых они терпели невзгоды, не находя у правительства законной защиты. Терлецкий прямо заявил, что нет им житья от светских лиц и что остаётся одно только средство для улучшения их положения – образовать церковную унию... Все епископы согласились с мнением Терлецкого и высказались за унию с Римом» (15). Пользуясь благоприятной обстановкой, епископы, вступившие в Бельзе в сговор, составили от лица православного епископата обращение к Римскому Папе, в котором сообщали об их готовности принять Унию. «...Мы, ниже подписавшиеся епископы, объявляем, что, будучи обя-

заны заботиться не о своём только спасении, но и о христианских людях,... желаем, по милости Божией, признавать нашим пастырем единого верховного пастыря и истинного наместника св. Петра на Римской кафедре, Святейшего Папу и иметь его нашим главой и ему подлежать и повиноваться. От него желаем великого умножения хвалы Божией в святой Церкви. И не желаем более переносить того на нашей совести. Но, соглашаясь отдать нашу волю и мысль в послушание Святейшему Отцу и подчинить церкви Божии верховной власти Святейшего Папы Римского, мы выговариваем себе только то, чтобы Святейший Папа Римский оставил нам до скончания века неотменными и ненаружимыми все церемонии и обряды, т.е. службу Божию и весь церковный порядок, какие издавна содержит наша св. Восточная Церковь. А Его Королевская Милость, пан наш милостивый, обеспечил бы нам его указами наши привилегии и утвердил бы артикулы, которые нами будут представлены. При таком обеспечении и утверждении актами со стороны Святейшего Папы и Его Королевской Милости, мы соглашаемся и настоящим документом нашим обещаемся и обязуемся подойти под верховную власть и благословение Святейшего Отца Папы Римского. Для сего, исповедуя Единому в Троице Богу нашу мысль и желание сердца нашего, мы и выдаем настоящий доку-

мент за подписанием рук наших и приложением наших печатей старшему брату нашему, Его Милости Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу Луцкому и Острожскому». Обращает на себя внимание, что в этом документе ни слова не говорится о вероучении и догматах, оговариваются лишь «церемонии и обряды» да обеспечение собственной безопасности и привилегий. Под этим документом нет подписей епископов Полоцкого, Перемышльского, Владимирского и самого митрополита Михаила (Рагозы). Что касается митрополита, то некоторые исследователи полагают, что «митрополит... не подписал этой грамоты, считая нужным играть скрытую роль, пока не наступит для него более благоприятное время» (15). Епископы же первые два на соборе вообще не присутствовали, а вот отсутствие подписи тех, кто на соборе был, может говорить или о том, что не все были согласны, или, скорее всего, что обращение это на соборе не озвучивалось, а давалось на подпись тайно – только надёжным людям. В пользу последнего заключения говорит и то обстоятельство, что ещё в начале 1592 года «широкая общественность» – паства, в том числе и бдительные защитники Православия – братчики, похоже, не знала ещё об этом обращении, ибо в грамоте, отправленной в феврале 1592 г. Львовским Братством Константинопольскому Патриарху, ничего об этом не

говорится. «Это заявление, - пишет современный исследователь, - хранившееся в полной тайне от других иерархов, Терлецкий должен был представить королю. Однако он не торопился и только в 1592 г. обратился к Сигизмунду, надеясь, что тот оценит его приверженность к Унии» (44). Король, конечно, оценил, но по политическим соображениям (боялся восстановить против себя православную знать) выдержал паузу и лишь в марте того же года решился выслать ренегатам «привилей», в котором говорилось: «Мы, Господарь, им самим, епископам, пресвитерам и всему духовенству Церкви Восточной и религии греческой – обещаемся сами за себя и за потомков наших, что если кто-нибудь из патриархов или митрополитов наложил на них клятву, то эта клятва им и всему духовенству их ни в чём не будет вредить. Обещаем ни по каким обвинениям и клятвам не отнимать у них епархий и другим при жизни их не отдавать; обещаем приумножить к ним ласку нашу, придавая им и каждому, кто склонится к Унии, свобод и вольностей в той же мере, в какой имеют их римские духовные, что обещаем и другими привилегиями нашими утвердить». Бросается в глаза, с какой лёгкостью король - католик, мирянин аннулирует клятвы (низложение, запрещения и т. п.) православных патриархов и митрополитов.

В 1593 году скончался Владимирский епископ

Мелетий (Хребтович). Король Сигизмунд III в том же году «дал владычество Владимирское Брестскому каштеляну Адаму Потеею за его заслуги перед Королём и Речью Посполитой». О личности этого Потеея следует сказать подробнее, ибо он, говоря словами А.Карташёва, стал «фатальной фигурой» в деле реализации уникальных планов. Выходец из православной семьи Адам получил образование в кальвинистской коллегии князей Радзивиллов, известных приверженцев Кальвинизма. Высшее образование получил в Польше, в Краковской Академии. Затем состоял на службе при доме князей Радзивиллов. Проникшись взглядами своего патрона, перешёл из Православия в Кальвинизм. Продвигаясь по линии государственной службы, достиг чина пана радцы, т.е. сенатора. Женился на дочери одного князя из рода Острожских. Около 1574 г., вероятно под влиянием жены и её родственников (православных), вновь вернулся к православному исповеданию. С 1577 г. служил земским судьёй, а с 1588 – каштеляном г. Бреста. Примерно с того времени, возможно, под влиянием римско-католического

И. Потей

епископа Бернарда Мациевского, стал склоняться к Унии, скрывая это до поры до времени от окружающих его православных. В 1592 г. овдовел и изъявил желание принять монашеский постриг. Пострижение Адама, наречённого Ипатием, совершил сам экзарх, епископ Луцкий Кирилл. Ничего не подозревая о его симпатиях к Унии, князь К.Острожский сам рекомендовал его королю Сигизмунду, как достойного кандидата на вдовствующую Владимирскую кафедру, епископом которой он в мае 1593 года и стал. Впоследствии он вместе с епископом Кириллом (Терлецким) стал главным делателем Унии. По словам проф. А. Карташёва, «Ипатий Потей и есть личный творец Унии». Действительно, вскоре по хиротонии он сошёлся с епископами-заговорщиками Кириллом и Гедеоном, которые и посвятили его в свои планы. «Терлецкий стал убеждать Потеея, что нельзя дольше оставаться под управлением Патриарха, который по простым доносам низлагает епископов, поставил над епископами братства, предоставив им право наблюдать за их деятельностью, и что подобное положение изменится, если они отдадутся под власть Папы. Подобный акт принесёт им ещё и ту пользу, что будет выполнено королевское обещание о возврате отобранных от них церковных имуществ. Но Потеея не надо было убеждать, так как в душе он был униатом» (15). О справед-

ливости последнего заключения красноречиво говорят следующие обстоятельства. Когда в июне 1593 г. князь К.Острожский, до которого, вероятно, дошли уже слухи о готовящейся унии, обратился к еп. Ипатию с предложением съездить в Москву и обсудить ситуацию с Великим князем Московским и тамошней иерархией, то он уклонился от такой поездки, сославшись на то, что «там его могут подвергнуть истязаниям и казни, и что, если сам князь не решится войти в сношения по данному вопросу (о прекращении разделения церквей; прим. наше) с митрополитом, «то и он не смеет и слова молвить о таких вещах, ибо митрополит не расположен к римлянам». Здесь епископ явно лукавил. «Потей, конечно, обманывал князя, - замечает современный писатель (15), - ибо митрополит Рагоза был склонен к Унии, хотя это и не обнаруживал явно». Зато владыка Ипатий с удовольствием принял предложение короля о поездке в Рим для переговоров об Унии, и не стал здесь ссылаться на митрополита, который якобы «не расположен к Унии». Вот что об этой поездке в Рим записал в книге Актов городского уряда еп. Кирилл (Терлецкий): «...По воле и промыслению Бога и при усердном старании и содействии Его Королевской Милости, пана нашего милостивого Сигизмунда III, и панов рад духовных и светских, наступило давно желанное примирение и соединение, восстано-

вилась братская любовь между двумя столь разрозненными по вере Церквями – Восточной и Западной – с признанием Святейшего Папы Римского верховным паствырем и наместником апостольским. А чтобы точнее утвердить это соединение и засвидетельствовать покорность Святейшему Отцу Папе, Его Королевская Милость определил послать в Рим двух особ: в Бозе велебного отца Ипатия Потей, епископа Владимирского и Брестского, и меня, епископа Луцкого». Между тем вести о готовящейся Унии дошли, через послание львовских братчиков, до Патриарха Константинопольского. Патриарх прислал на имя митрополита Михаила две грамоты: в одной он низложил Львовского епископа Гедеона (Балабана), а в другой сделал выговор самому митрополиту. Дольше таиться не было уже смысла, и СОЙСКАТЕЛИ Унии СТАЛИ ВЫХОДИТЬ ИЗ ПОДПОЛЬЯ. В мае 1594 г. еп. Луцкий Кирилл объявил своей пастве, что Уния уже состоялась и что он с епископом Ипатием едут в Рим для её оформления. Такая новость вызвала изумление и общее возмущение. Возможно, что это был «пробный шар» или, как сегодня бы сказали, преднамеренная утечка информации – своего рода подготовка паствы к дальнейшим событиям. А дальнейшие шаги диктовались тем, что для успешной поездки в Рим заявления двух епископов, хотя бы и от имени всей иерархии, было явно

недостаточно, нужно было заручиться зафиксированной поддержкой остальных епископов. С этой целью епископы Ипатий и Кирилл составили (2 декабря 1594 г.) от лица всех иерархов новый Акт, в котором между прочим говорилось, что «они умыслили, с Божьей помощью, соединиться, как было и прежде.... с римлянами под одним видимым пастырем и дают себе перед Господом обет, что всем сердцем и со всею ревностью будут стараться, каждый порознь, о приведении и прочего духовенства и всего народа к тому же соединению...». «Акт этот, кроме Потя и Терлецкого, был подписан митрополитом Рагозой, Полоцким и Витебским архиепископом Григорием, епископом Пинским и Туровским Леонтием Пельчицким, епископом Холмским Дионисием Збируйским и архимандритом Кобринским Ионой Гоголем...» (15). После этого епископ Кирилл на правах экзарха созвал в конце 1594 года в г. Сокол, находившемся в епархии еп. Гедеона, своего рода собор подписантов, для коллективной выработки и подписания условий Унии. По мнению некоторых писателей (Н.Воейков, Н. Гайдук) встреча эта была тайной, «состоялась тайком от митрополита». Хотя тот же Н.Воейков замечает, что митрополит Михаил лишь внешне продолжал вести себя, как ревнитель Православия. Так или иначе, но на встрече в Соколе он действительно не присутствовал, а приняты там решения под-

писал позднее. «Судя по некоторым источникам, митрополит ещё сильно колебался относительно принятия унии», - заключает Н.Воейков. Что касается самих сокольских решений или т.н. Артикулов, то сущность их сводилась к следующему: «1) Западнорусские владыки признают необходимость единства Церкви, особенно теперь, когда вследствие её разделения умножились ереси и беспорядки; 2) разуверившись в том, что об унии позаботятся подвластные туркам Восточные патриархи, они (т.е. русские владыки) берут почин на себя и признают главенство Папы; 3) при этом некоторые католические догматы принимаются целиком, другие в несколько смягчённом в сторону Православия виде (догмат об исхождении Св. Духа); 4) православные обряды и церковный строй сохраняются неприкосновенными; 5) запрещается обращение униатских монастырей в католические; 6) разрешается устройство русских школ и типографий под надзором епископов; 7) допускаются смешанные браки; 8) епископские кафедры замещаются королём из числа кандидатов, избранных духовенством; митрополита посвящают епископы, а от Папы он получает утверждение; 9) униатские иерархи пользуются всеми привилегиями католического духовенства, а именно: участвуют в Сенате и Сейме и освобождаются от всяких податей, а миряне-униаты могут занимать всякие должности; 10) все монастыри нахо-

дятся в ведении епископов; 11) в отношении епископов к священникам не в праве вмешиваться ни светские власти, ни миряне; 12) братства, если примут Унию, могут существовать под условием послушания митрополиту и епископам: привилегии, дарованные им патриархами, уничтожаются; 13) всякая зависимость от греческих иерархов отвергается, и сами они не допускаются в пределы Речи Посполитой, так как могут помешать Унии и стать причиной междоусобиц; их проклятиям по поводу Унии, их грамотам не придавать никакого значения; лиц, которые будут получать от них посвящения, не признавать и не пропускать через границы государства; 14) правительство обязано принять меры к тому, чтобы духовенство, которое не примет Унии, не могло исполнять своих обязанностей, и чтобы был подавлен протест народа против соединения Церквей» (цит. по В.Теплова). Эти артикулы подписали: епископ Владимирский Ипатий, епископ Луцкий Кирилл, епископ Перемышльский Михаил и епископ Холмский Дионисий. Митрополит Михаил, как мы уже отмечали, подписал этот документ позднее, при этом сделал собственную приписку. «Прежде всего,- писал он,- по несогласию самих наших старших (здесь имеются в виду нестроения в Константинопольском Патриархате; прим. наше), я хочу с некоторыми епископами признать верховную власть Святей-

шего Папы римского, сохранив в целости все обычаи и обряды нашей Восточной церкви. А Его Милость пана гетмана (канцлера Яна Замойского) просить, да обеспечит нас король универсалом, чтобы я – митрополит оставался на своей митрополии до конца жизни, во всякой чести, уважении и покое. Чтобы я, по примеру моих предместников, имел место в Раде и все вольности наравне с римскими клириками; чтобы неблагоприятные листы против нас от патриархов, буде такие принесены, не имели никакой силы и значения; чтобы монахи из Греции больше у нас не бывали и в неприятельскую Московскую землю не пропускались. Особенно просить гетмана, чтобы не пропускал к нам от патриархов с листами людей переходящих и проезжих; мы справедливо признаём их шпионами». «При этом,- замечает историк А.Карташёв,- митрополит упрасивал Кирилла никому из духовенства, даже самому Потеею, не говорить об этой его решимости и подписях».

Своё соглашение на Унию подписанты мотивировали, естественно, заботой о Церкви и нерадивостью и порочностью восточных патриархов. Вот что писалось, например, во вступлении к означенным выше Артикулам: «Видим мы в наших старших (патриархах) великое нестроение и небрежение о Церкви Божией. Сами они в неволе, и вместо четырёх патриархов теперь появилось их уже восемь, чего прежде никогда

не бывало». (Видимо имеются в виду появившиеся автокефальные Церкви – Синайская, Кипрская, Сербская и Московская). «Видим, как они живут там, на своих кафедрах и подкупаются друг под другом, как утратили свои соборные Церкви....Поэтому мы, не желая далее оставаться под таким пастырством, единодушно согласились и желаем приступить к соединению веры и признать Святейшего Папу единым верховным пастырем». В этой мотивации есть горькая правда, но, как точно отмечает упомянутый выше историк, «весьма слабо и искусственно... и очень уж идеалистично для данных, совсем неидеалистичных персон» она звучит. Даже из самих Артикулов хорошо видно, что только три из них касаются церковного благополучия, а все остальные – личных привилегий и личного благополучия. В не лучшем свете предстаёт перед нами и сам митрополит Михаил (Рагоза) – как личность слабовольная и двуличная: «он, с боязнью оглядываясь на все стороны, всех обманывал» (15). Красноречивым подтверждением такого заключения являются письма митрополита Новгородскому воеводе Фёдору Скумину-Тышкевичу и князю Константину Острожскому, написанные им уже после подписания сокольских артикулов. Первому из них он писал: «Стараясь дать знать Вашей Милости, как столпу Церкви нашей, обо всех новостях, касающихся Церкви и меня лично,

извещаю Вас о новой новинке, никогда не слышанной предками нашими и Вашей Милостью. Посылаю Вам в копии лист, написанный ко мне отцами епископами о намерении их подчиниться Римскому костёлу. Посмотри сам, Ваша Милость, как пан мудрый и осмотрительный, и что тебе покажется, поскорее ответь мне. А я без воли Божией и Вашей Милости и не думаю на то соглашаться, опасаясь какого-либо вреда и прелести для нашей Церкви, и утешаюсь мыслью: «Если мир весь приобрету, а душу свою потеряю, чем выкуплю?» В письме К.Острожскому, выставляя себя и епископа Гедеона противниками Унии, писал: «Когда я старался обнаружить тот скрытый обман, случилось..., что я застал в Слуцком монастыре отца владыку Львовского, от которого, надеюсь, не возникнет тот вредный для нашей Восточной церкви пожар. Он ничего не знает о предприятии других епископов, весьма противится их злым умыслам и дал клятву на Евангелии, что как он о том не знает, то и не желает даже общаться с ними». Однако и Новгородский воевода, и тем более князь К.Острожский к тому времени уже знали о тайных делах сторонников Унии и о причастности к ним самого митрополита Михаила. Отвечая митрополиту, Скумин писал: «Изволил уведомить меня Ваша Милость, что от владык началось дело об Унии без Вашего соизволения. Но я получил известие от королевского двора,

что после сейма краковского были в Кракове у короля послы от всего нашего духовенства и показали перед королём письменное позволение от Вашей Милости и верящие от Вас грамоты...». Князь К. Острожский страстно обличил изменников веры, в том числе и митрополита, в окружном послании от 24 июня 1595 г., направив его во все епархии. «...Злохитрыми кознями вселукавого диавола, - писал он, - самые главные истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмою сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополит с епископами, в волков превратились, святой Восточной Церкви отвергшись, Святейших Патриархов, пастырей и учителей наших вселенских отступили, к Западным приложились; только ещё кожей лицемерия своего, как овчиною, закрывая в себе внутреннего волка, не открываются, тайно согласившись друг с другом окаянные, как хриstopродавец Иуда с жидами, умыслили всех благочестивых с собою в погибель вринуть, как самыя пагубные и скрытые писания их объявляют». «Что может быть бесстыднее и незаконнее их дела? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились, пастырей своих, Святейших Патриархов, которыми поставлены, отверглись и, считая нас всех – православных - бессловесными, своевольно осмелились от истины отрывать и за собою в пагубу низвергать! Какая нам от них польза?»

Авторитет К. Острожского был велик, и его обращение произвело огромное впечатление в среде православного населения Речи Посполитой и явилось началом широкого антиуниатского выступления в стране. На Волыни активно действовал сам князь, в Новоградке – воевода Федор Скумин, во Львове – Львовское православное братство, в Вильнюсе – Виленское Свято-Троицкое братство. В разных местах начались народные волнения. «По сути, это было противостояние мирян части своих иерархов, отказавшихся от Православия. Случай уникальный в истории Церкви» (44). Поражённый столь активным противостоянием Унии, а оно, в крайнем своём проявлении, вылилось в народное восстание под руководством С. Наливайко, прокатившееся грозной волной по Украине и Белоруссии, один из её застрельщиков - епископ Львовский Гедеон (Балабан) отрёкся от Унии и перешёл на сторону её противников. Вслед за Гедеоном последовал, т.е. возвратился в Православную Церковь, и епископ Перемышльский Михаил (Копыстенский). Забеспокоился и митрополит Михаил. 1 сентября 1595 г. он обратился с посланием к духовенству и всему православному народу. «Знаю, - писал он, - что вы имеете предубеждение против меня, будто я с некоторыми владыками ввожу какие-то новые обычаи в нашу Кафолическую Восточную Церковь, вопреки

уставам и правилам свв. Апостолов и свв. Отцов. Умоляю вас настоящим моим посланием: я не думаю и думать не хочу, чтоб отдать свои права и веру на поругание, быть отступником своего исповедания и ни во что вменить рукоположение Святейшего Патриарха. Не помышляйте же так обо мне. Но, пребывая твёрдо и неподвижно в страхе Божиим, в нашей вере христианской и в св. Божией Церкви Восточной, не позволяйте колебать себя наподобие трости бурным ветрам. А я обещаюсь защищать всё это вместе с Вашими Милостями до пожертвования моей жизнью». Трудно сказать, насколько искренен был здесь митрополит Михаил. Современные исследователи отмечают, что среди православных «про митрополита продолжали ходить противоречивые сведения и многие отрицали его причастие к измене Поцей и Терлецкого» (8). Проф. А. Карташёв полагает, что это послание «отражает минуту православной искренности малодушного митр. Михаила. Оно не могло не напугать других участников униатского заговора, и они, может быть, испугавшись возможной измены им митрополита, решили повести открытую политику. Внезапной открытостью они, может быть, желали изобличить трусливого своего возглавителя и тем вновь связать его. Осведомленные о бомбе, заготовленной им митр. Михаилом, они спешно съехались в Луцке и 27-го августа составили и подписали

такое заявление: «Мы приняли Унию с любовью и не только исповедали её сердцем и устами вместе с митрополитом нашим Михаилом Рагозою, но и подтвердили нашими подписями. Ныне утверждая её снова, мы добровольно постановили, что не отступим от неё до смерти. А если кто из нас захочет разорвать Унию или препятствовать ей, того мы отвергаем. И будем просить, чтобы он был лишён всех прав. Постановляем также, чтобы в наших епархиях, Луцкой, Перемышльской, Львовской и Холмской, никто из мирян не вступался в наши духовные дела и не смел противиться этому нашему постановлению, под анафемой. А каждый противящийся будет отлучён от св. Христовых Таин и не будет допускаться в храм Божий». Не исключено, что этим открытым выступлением заговорщики решили пристраунить испугавшегося, готового пойти на попятную, митрополита. Но, с другой стороны, им уже и не было смысла таиться. Вся подготовительная работа, по сути дела, была уже сделана. Ещё в начале июня (по другим данным в начале мая) 1595 г. был составлен коллективный акт – подробные артикулы (условия) Унии – для представления их королю и Папе, а 12 июня – т.н. «Соборное послание» Папе с изъявлением согласия на Унию. «Акт этот подписали: митрополит Рогоза, Поцей, Терлецкий, архиепископ Полоцкий Григорий Загоровский, епископы: Холмский

Дионисий Збируйский, Пинский Леонтий Пальчицкий, Кобринский архимандрит Иона Гоголь и епископы: Львовский Гедеон Балабан и Перемышльский Михаил Копыстенский, - последние два от унии вскоре отказались» (15). Так что «бомба», которую мог подложить под это дело митрополит Михаил, открестившись от соискателей Унии, не так уж их и пугала. Но к более решительным и открытым действиям подтолкнула. Имея на руках подписи всех епископов и митрополита, епископы Кирилл и Ипатий поспешили с ними в Рим. «Чтобы оказать поддержку Поцею и Терлецкому, сам король окружной грамотой от 24 сентября 1595 г. известил всех своих подданных об их поездке в Рим для заключения Унии» (15).

15 ноября 1595 г. ЕПИСКОПЫ ИПАТИЙ и КИРИЛЛ ПРИБЫЛИ в РИМ и были приняты «с несказанной милостью и лаской». Привезённые ими документы были, при частной аудиенции, вручены самому Папе Клименту VIII, а Папой переданы в специальную комиссию на обсуждение. Официальная церемония заключения Унии была назначена на 23 декабря. Она была обставлена весьма торжественно и красочно. «Папа восседал в полном облачении на троне в окружении 33 кардиналов. Присутствовали многие архиепископы, епископы и прелаты (высшее, диоцезное духовенство; прим. наше), среди которых находились

церковный католический историк Цезарь Бароний, послы Франции и другие высшие сановники папского двора, иностранцы, в том числе свита Терлецкого и Потeya... Два церемониймейстера ввели Ипатия и Кирилла в зал. После ритуальных поклонов, их подвели к Папе. Они целовали его туфлю и, стоя на коленях, кратко заявили устами Ипатия Потeya, говорившего по-латыни, о цели своего прибытия и подали Папе привезённые акты об Унии... Папа приказал читать вслух все акты...» (3). По окончании чтения папский секретарь обратился к Ипатию и Кириллу от лица Папы с речью, в которой, между прочим, сказал: «Итак, разумно и благочестиво поступили ваш достопочтенный митрополит и вы с епископами, когда возжелали

Аудиенция у Папы Римского

соединения с Католическою Церковью, вне которой нет спасения. И из таких далёких стран пришли сюда, чтоб заявить покорность законному преемнику св. Петра, истинному наместнику Христову на земле, и, отвергнув старые заблуждения в вере, принять от него веру чистую, неповреждённую. Но как «сердцем веруется в правду, усты же исповедуется во спасение» (Рим. 10, 10), то восполните, досточтимые епископы, радость Его Святейшества и настоящей Священной Коллегии, произнесите теперь исповедание католической веры». Епископы Ипатий и Кирилл произнесли, выработанное уже в Риме, исповедание-присягу на Унию. «По содержанию она является полным принятием латинства, как догматического и церковного учения. От тех условий и оговорок, с которыми делегатов направляла в Рим русская епископская группа, не осталось и следа. Это было подпиской под полнотой латинства» (20). «Уполномоченные на Унию приняли не Унию, а чистое латинство» (27). Правда, в конце «Конституции» от 21 января 1596 г., изданной Папой в связи с этим событием, говорится: «Мы, настоящим нашим постановлением принимаем досточтимых братьев, Михаила архиепископа-митрополита и прочих епископов русских со всем их клиром и народом русским, живущим во владениях польского короля, в лоно Католической Церкви, как наших членов во Христе. И во сви-

детельство такой любви к ним, по апостолическому благоволению, дозволяем им и разрешаем все священные обряды и церемонии, какие употребляют они при совершении божественных служб и святейшей Литургии, также при совершении прочих Таинств и других священнодействий, *если только эти обряды не противоречат истине и учению католической веры и не препятствуют общению с Римской Церковью* (отмечено нами), - позволяем и разрешаем, несмотря ни на какие другие противоположные постановления и распоряжения Апостольского престола». За усердие и и сговорчивость бывшие православные епископы удостоены были звания прелатов и ассистентов Римского престола, а в память самого события Папа Климент VIII велел вычеканить медаль с изображением себя на одной стороне, а на другой – коленопреклонённых перед ним русских епископов и с латинской надписью «На восприятие русских».

Епископы Ипатий и Кирилл, конечно, понимали, что, подписав католическое исповедание веры, стали католиками и обманули ожидания тех, кто уполномочивал их на Унию. Тем не менее, они стали убеждать своих доверителей и православный народ, «что Греческое исповедание веры оставлено Папой православным в неприкосновенности, так же, как и все обряды, и Символ Веры без прибавления «и от Сына»

(44). И в дальнейшем «в Литве пропагандно вдалбливалось в сознание народа, что вся старая вера и все обряды сохранены полностью и лишь добавлено к ним одно признание главенства Папы. Так Унию в

субъективной несознательности и приняли первые и последующие поколения народа, обращенного в униатов», хотя на самом деле «тайные делегаты тайной Унии тайно от всех приняли не только Флорентийскую унию, но и Тридентскую веру, т.е. полную римо-католическую веру» (20).

По возвращении Потея и Терлецкого из Рима, король Сигизмунд III своим манифестом от 29 мая 1596 г. известил всех православных о состоявшемся соединении Церкви и возложил на себя ответственность за судьбу состоявшейся Унии. Тем самым Уния стала государственной программой, и дальнейшее противостояние ей приравнивалось к бунту против власти. Несмотря на это, подписание Унии на условиях Рима и продолжающееся лукавство её организаторов послужило новым импульсом к неприятию её и протесту. Вопрос об Унии был поднят православными на Варшавском сейме (март - май

1596г.). Лично от себя протестовал князь К. Острожский, квалифицируя состоявшийся акт подписания Унии, как самочинно учинённое дело. Поступили официальные протесты от других земских послов (депутатов) Сейма. Князь Друцкий-Горских от имени православных депутатов заявил, что они и весь русский народ не признают эту измену Ипатия и Кирилла и требуют их низложения. Характерно, что князь К.Острожский и православные шляхтичи вошли даже в союз или, как теперь бы сказали, политический блок с протестантским дворянством, которое тоже притеснялось католическим правительством и терпело от иезуитов не менее чем православные. Протесты эти, естественно, не имели успеха. «Острожский предполагал даже, что окажется необходимым защищать свою веру с оружием в руках» (Н.Предтечевский). Но было ещё одно оружие, на которое уповали православные – созыв собора с участием мирян. К этому оружию православные пытались прибегнуть ещё до оформления Унии. Но тогда от короля, без разрешения которого собор нельзя было созвать, был получен решительный отказ. «Что касается собора, - писал он 28 июля 1595 г., - о котором просили сами ваши епископы, то он нам не угоден». Однако после заключения Унии в Риме униатам тоже нужно было созвать собор «для прислухання и обмышляванья» (слова митр. Михаила) происшедшего.

Тем более что и Папа Римский в письме митрополиту, переданном с принявшими Унию епископами, писал: «...Мы желаем, чтобы ты, брат архиепископ, нашей властью назначил поместный собор и созвал своих епископов: пусть каждый из них исповедует в публичном собрании католическую веру по той самой формуле, по какой исповедали её здесь два ваши посла-епископы. И точно так же пусть каждый даст торжественное обещание повиноваться Нам и Апостольскому престолу. И о всем, что будет совершено на вашем соборе, пришлите нам письменный документ, надлежащим образом утверждённый и засвидетельствованный, чтобы он навсегда сохранялся в наших архивах во свидетельство потомству о вашем обращении к Католической Церкви...». Так что собор нужен был и православным, которые надеялись «всенародно», при участии духовенства и мирян, обсудить и осудить подписанную несколькими иерархами Унию, и униатам. В силу последнего король повелел созвать собор. В своём универсале, изданном 14 июня 1596 г., он писал: «Имея в виду древнее соединение церковей Восточной и Западной, всегда способствовавшее возвышению и процветанию государства, и подражая примеру великих государей... среди других наших государственных забот мы обратили наше внимание на то, чтобы люде греческой религии в нашем государстве привести к прежнему

единству с Католической Церковью, Римской, под властью одного верховного пастыря. С этой целью ... отправлены были в Рим послами к Папе владыки Владимирский и Луцкий Они уже вернулись назад и не принесли оттуда с собой ничего нового и противного вашему спасению, ничего отличного от ваших обычных церковных церемоний. Напротив, согласно с древним учением свв. греческих отцов и свв. Соборов, сохранили вам всё в целости, о чём имеют дать вам подробный отчёт. И так как не мало знатных людей греческой веры, желающих св. Унии, просили нас, чтобы мы для окончания этого дела велели собрать собор, то мы и позволили вашему митрополиту, кир Михаилу Рогозе, созвать собор в Бресте, когда он с другими вашими старшими духовными признает то наиболее удобным». Универсал указывал, что на собор приглашаются «католики Римского Косцёла и Греческой Церкви, которые к этому единству принадлежат». Не униаты не приглашались, хотя замечалось: «будет вольно и всякому православному явиться на собор, только со скромностью и не приводить с собой толпы».

ПЕРИОД НАСАЖДЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (ДО РАЗДЕЛА ПОЛЬШИ)

21 августа митрополит Михаил объявил, разослав епископам приглашения, что собор «для прислухания и обмысливания» учреждённой Унии состоится 6-го октября 1596г. в г. Бресте. Началась активная подготовка к собору, особенно со стороны православных. Они, прежде всего, обратились к Восточным Патриархам с просьбой прислать своих уполномоченных представителей на предстоящий собор. Александрийский Патриарх Мелетий (Пиг) уполномочил представлять его на соборе своего протосинкела (старший из свиты патриарха) Кирилла Лукариса (ставшего впоследствии Патриархом), который в то время находился в Литовской митрополии

(был преподавателем в школе Львовского братства). Константинопольский Патриарх уполномочил участвовать в работе собора своего экзарха в Молдавии и Польше архидиакона Никифора. Никифор, хотя и был в сане архидиакона, но занимал высокий пост протосинкела, а во время пребывания Патриарха Иеремии II в Москве, в течение трёх лет был даже местоблюстителем Патриаршего престола. Неофициальным представителем Константинопольской Церкви был также Велиградский митрополит Лука. На собор прибыли также архимандрит Макарий из монастыря Симона-Петра на Афоне и архимандрит Афонского Пантелеимонова монастыря Матфей. Из местного православного духовенства в Брест прибыли два епископа – Львовский Гедеон (Балабан) и Перемышльский Михаил (Копыстенский), 9 архимандритов, 2 игумена, 16 протопопов и более 200 представителей приходского духовенства рангом ниже. Широко были представлены миряне, среди которых наиболее известной фигурой были князья Константин и Александр Острожские. Кандидаты на собор из мирян определялись выборно (была использована процедура выборов делегатов на предстоящий Генеральный сейм) и были наделены определёнными инструкциями («наказами») от своих избирателей. Здесь были делегаты от восводств и поветов – Новоградского, Киевского, Волинского, Брацлавского,

Перемышльского, Пинского; от отдельных городов – Вильнюса, Львова, Пинска, Бельска, Бреста, Каменец-Подольского, Киева, Владимира, Слуцка и др.; представители православных братств: 8 от Виленского, 5 от Бельского, 3 от Львовского. «Таким образом, тут было правильное представительство от всех слоёв организованного русского православного общества» (20). Но в работе собора, объявленного королём и митрополитом, православным принять участия не довелось. Прибыв в Брест, они обнаружили, что все православные храмы по приказу Брестского епископа Ипатия (Потей) были закрыты, а в кафедральном соборе св. Николая собрались католики и епископы-униаты. Не имея возможности собраться в храме, православные собрались в частном доме некоего пана Райского (протестанта) и попытались связаться с митрополитом Михаилом, но «митрополит Рогоза, на которого рассчитывали, как на хозяина съезда, в это время где-то скрывался» (8).

6-го октября, на которое было намечено открытие собора, события развивались следующим образом. Рано утром в Свято-Никольском кафедральном храме собрались: митрополит «Киевский и Галицкий и всея Руси» Михаил (Рагоза), епископ Владимирский и Брестский Ипатий (Потей), епископ Луцкий и Острожский Кирилл (Терлецкий), архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский Григорий (Герман),

епископ Холмский и Белзский Дионисий (Збируйский), епископ Пинский и Туровский Иона (Гоголь), три архимандрита – Брацлавский Богдан (Гадкинский), Лавришевский Гедеон (Бралницкий) и Минский Паисий. Здесь же были: послы Римского Папы Климента VIII – архиепископ Львовский Дмитрий Соликовский и бискуп Холмский

Станислав Гамалицкий, 4 иезуита, среди них известный уже нам Пётр Скарга, а также представители властей – гетман Великого княжества Литовского Николай Радзивилл, канцлер Лев Сапега и князь Дмитрий Халецкий. Униатское духовенство отслужило Божественную Литургию (с поминовением Папы Римского) и молебен, после чего было объявлено, что собор начал свою работу. Как видим, всё происходило согласно предписанию короля: собор составили католики Римского Костёла и Греческой Церкви, которые были в единстве с ним. Председательствовал на этом соборе архи-

бискуп Соликовский.

Православные, собравшиеся в доме протестанта Райского, «ждали, что митрополит Рагоза пригласит их на собор. Они ждали с утра до заката и, не дождавшись, пришли к выводу, что имеют право проводить свой собор, независимый от королевского, униатского» (10). Поскольку экзарх Никифор имел письменные полномочия от Константинопольского Патриарха председательствовать на местных соборах, то он и возглавил православный собор. Юридически это было вполне закономерно, поскольку Православная Церковь в Речи Посполитой в каноническом отношении подчинялась Константинопольскому Патриарху, а экзарх Никифор был на этом соборе его представителем. Никифор предложил применить сложившуюся в последнее время в Константинополе практику проведения соборов: с участием мирян – т.н. «смешанного собрания». В рабочем отношении было предложено организовать две палаты – верхнюю и нижнюю. В верхнюю палату (в местной терминологии – «коло») вошли делегаты высшего духовенства, в нижнюю – приходские священники и миряне. «Верхнее иерархическое коло открывшегося таким образом православного собора решило начать формальные отношения с митрополитом М.Рагозой. Патриаршие экзархи, Никифор и Кирилл Лукарис, отправили митрополиту пись-

менное приветствие и приглашение прийти к патриаршим экзархам для предварительного совещания и вместе с ними отправиться, куда укажет митрополит, на самый собор. Депутация из 6-ти духовных лиц не могла увидеть митрополита лично. Её принял епископ Пинский Иона (Гоголь). Ответ митрополита, переданный через Иону, был таков: «Подумаем. Коли нужно будет явиться, то явимся». Параллельно попросил прорвать эту блокаду около лица митрополита, прося свидания с ним, сам кн. Острожский. Но Михаил свидание отклонил. Стало явным желание полного разрыва. Православные опять послали новую депутацию к папскому легату, епископу Львовскому Дмитрию Соликовскому, выражая желание быть на соборе, так как сам митрополит в своё время открыто и письменно пригласил их на этот день, а теперь от них скрывается. Всё было напрасно. Правительственный собор решил игнорировать православных» (20). Тем не менее, православные на следующий день (7-го декабря) ещё раз направили к митрополиту своих представителей. Им удалось добиться встречи с митрополитом, но тот, по словам послов, принял их с «яростью и презрением» и от участия в соборе православных отказался. Получив такой ответ, православные участники осудили позицию митрополита Михаила: его боязнь или нежелание явиться на их собор. Тем временем право-

славным стало известно, что униаты свой собор уже фактически провели. В виду сложившейся ситуации, православные приступили (8-го декабря) к обсуждению существа вопроса (вопроса об Унии) без участия другой стороны. Но всё же, во имя формального исполнения канонических норм, в третий раз направили к митрополиту посольство (из 9-ти лиц) с приглашением на собор. Ответ был таков: «Что сделано, то уже сделано, и иначе быть и переделаться не может; хорошо или худо мы поступили, только мы отдались Западной Церкви» (цит. по прот. К. Зноско). После всего этого православные начали свои деловые заседания. «Экзарх Никифор обратился к собору с обширной речью. Он порицал поступок митрополита и его епископов и хвалил православных за их твёрдость в Православии. После речи Никифора приступили к слушанию инструкций, привезённых земскими послами. Их было несколько десятков, но все они сходились в трёх следующих пунктах: 1) духовные, отступившие от Православия и от власти патриархов, должны быть наказаны лишением сана, какой имели до подчинения их папской власти; 2) поместный собор в Бресте не в праве решать вопрос о соединении с Римской Церковью без согласия патриархов и всей Восточной Церкви; 3) не принимать нового календаря, явно противного церковным правилам, а сохранить нерушимо

употребление старого календаря» (3).

Видя, что полностью проигнорировать наличие параллельного, более полного и многочисленного православного собора не удастся, униаты приступили к активному противодействию. 8-го декабря на православный собор была направлена делегация, при участии в ней иезуита П. Скарги, с целью встретиться с православными и огласить им волю короля. На встрече с королевскими послами православные выделили по четыре человека от каждого кола. Кроме того, «по просьбе послов» (3) приглашены были отказавшиеся от Унии еп. Гедеон и еп. Михаил. «Королевские послы предъявили православным целый ряд обвинений: а) упрекали за нелояльность, за привод вооружённой охраны; б) за допущение в соборное дело еретиков протестантов и даже за собрание в их еретическом доме; в) экзарх Никифор – союзник турок и враг Польши; г) мирян – русских шляхтичей убеждали во имя Бога и Отечества не вступать на путь измены и патриотически принять Унию. Депутаты православной стороны условились не ввязываться в подобные споры и, терпеливо заслушав упреки и обвинения, сказали, что они всё это доложат собору» (20). Не довольствуясь сделанным внушением и не очень, видимо, рассчитывая на его действие, упомянутый выше П.Скарга прибегнул к свойственной иезуитам тактике: в отдельном разговоре попытался

разными посулами склонить на сторону Унии князей Острожских – людей весьма авторитетных и уважаемых в кругу православных, «а когда и это не помогло – угрожал проклятием, лишением должностей, имущества и изгнания из страны. Но князья не поддались ни на просьбы, ни на угрозы иезуита, и Скарга вместе с другими подосланными униатами и католиками ушёл ни с чем» (10).

Выслушав и обсудив доклад своих депутатов о встрече с делегацией противоположной стороны, православный собор изготавил и послал униатскому собору официальный ответ. «Мы принимаем, – говорилось в нём, – с великой признательностью и благодарностью отеческое попечение короля о водворении нерушимого согласия между его подданными и очень рады присоединиться к этому согласию, как по долгу христиан, так и по желанию исполнить волю Его Королевской Милости.

Но мы видим из истории, что св. соединение церковей уже несколько раз было устанавливаемо и столько же раз расторгалось, потому что не устранялись все препятствия. Не желая впредь понапрасну воздвигать такое непрочное здание, мы желаем, чтоб к соединению церковей подошли с возможной осмотрительностью и избрали бы надёжные пути и средства, так чтобы Уния, созданная на прочном основании, могла существовать долго, и, дай Бог, вечно.

Не зная, какие люди в настоящее время дали повод к переговорам о соединении церковей, но хорошо зная, что нет на это согласия всей Восточной церкви и особенно патриархов, что переговоры об Унии поручено вести владыкам, большей частью подозрительным, и что разности в членах веры между обоими исповеданиями не могут быть примирены здесь, мы не видим сейчас прочного основания для соединения церковей. А чтоб наше несогласие на Унию не было истолковано королевскими послами в другую сторону и не навлекло бы на нас королевской немилости, мы заявляем, что охотно приступим к соединению с Римским Костёлом, когда согласится на это вся Восточная Церковь и особенно патриархи, когда для этого избраны будут законные пути и приняты надлежащие меры, когда соглашены будут основательно все разности в догматах и обрядах между Восточной и Западной Церковью, когда, таким образом, проложен будет путь к прочному и неразрывному их соединению». (20).

9-ое декабря стало заключительным днём того и другого собора. На заседаниях этого дня принимались итоговые решения. Православные убедившись, что митрополит Михаил (Рагоза) и пять других архиереев твёрдо стоят в Унии и не раскаиваются в содеянном, констатировали следующее: 1) епископы униаты нарушили архиерейскую клятву верности Патриарху и Право-

славной вере; 2) пренебрегли, определёнными древними соборами, нравами Константинопольского патриарха в пределах его юрисдикции; 3) самовольно, без воли своего Патриарха, дерзнули решить вопрос о соединении Церквей, что может сделать только Вселенский Собор; 4) пренебрегли троекратным вызовом их на суд собора, возглавляемого патриаршими экзархами. После признания всех этих вин доказанными, собор потребовал вынесения виновным приговора. Экзарх Никифор, как полномочный представитель Константинопольского Патриарха, вышел на помост и, держа в правой руке крест, а в левой Евангелие, провозгласил: «Святая Божия Восточная Церковь повелевает нам и настоящему Собору, чтобы митрополит Михаил и поименованные с ним Владыки были лишены архиерейского достоинства и служения, епископской власти и всякого духовного сана». Этот приговор подписали все члены верхней («духовной») палаты. Палата мирян приняла решение не признавать епископов-отступников и не повинаться этим неистинным пастырям. В результате собор принял две резолюции, «может быть предложенные двумя колами собора» (20). Одна из них гласила: «Мы даём обет веры, совести и чести за себя и наших потомков – не слушать этих, осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повинаться им, не допускать их власти над нами. Напротив,

сколько возможно, противиться их определениям и распоряжениям, и стоять твёрдо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей св. Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно сохраняя ограждённое законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали мешать целостности и свободе нашего Богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего, перед Господом Богом, потом и всему свету и, в особенности, всем обитателям Короны, областей Великого княжества Литовского, к Короне принадлежащих». В другой резолюции говорилось: «Мы, сенаторы, сановники, чиновники и рыцарство, а также и духовные лица Греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда в Брест на собор, достоверно узнали теперь от самих вельможных панов, посланных на собор Его Королевской Милостью, что они с митрополитом и несколькими владыками-отступниками от Греческой Церкви составили и обнародовали *без нашего ведома и против нашей свободы* и всякой справедливости *какую-то унию* между церквями Восточной и Западной. *Мы протестуем* против всех этих лиц и их неправильного деяния и общаемся не только не подчиняться, но с Божией помощью всеми силами *сопротивляться*

им. А наше постановление против них будем подкреплять и утверждать *всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами перед Его Королевской Милостью*. Собор принял также обращение к Королю Речи Посполитой Сигизмунду III с просьбой лишить званий и владений, низложенных собором иерархов, и поставить на их место православных.... Свои решения собор направил собору униатствующих. Не очень надеясь на поддержку Короля, участники собора, прежде чем разойтись, издали также окружное послание к народу, в котором изложили все события в Бресте, и решили перенести дело об Унии на Генеральный сейм 1597 г.. Спустя два дня патриарший экзарх Никифор издал грамоту, в которой говорилось, что до избрания нового Киевского митрополита православные вместо низложенного митрополита Михаила Рагозы должны поминать Патриарха Константинопольского Гавриила.

9 октября 1596 г. проходили и заключительные действия униатского собора. «...Архиереи и архимандриты облачились в богослужебные ризы и со звоном пошли крестным ходом в храм св. Николая. Там Герман, епископ Полоцкий, прочёл заранее заготовленный на пергаменте текст декларации Унии «всем на вечную память». В декларации утверждалось, что русские епископы признали главенство Папы, что они посылали своих братьев в Рим. и те от их имени

дали клятву на верность Римскому престолу. Теперь они собственноручно и за своими печатями вновь приемлют данное обязательство... По прочтении данного акта, латинские бискупы облобызали русских, ставших униатами, епископов, и уже вместе с ними отправились в латинский храм для пения «Te Deum» («Тебе Богу»). После молебна было произнесено отлучение на возглавителей православной стороны: на Гедеона Балабана еп. Львовского, Михаила Копыстенского еп. Перемышльского, на Киево-Печерского архимандрита Никифора Тура, всего на 9 архимандритов и 16 протопопов поименно и в общей форме на всё духовенство, не принявшее Унию. На следующий день это отлучение было обнародовано с заключительной просьбой к королю: на место отлучённых лиц назначить всюду лиц, принявших Унию» (20).

Как и следовало ожидать, король Сигизмунд III проигнорировал собор православных и их просьбы, а санкционировал решения униатского собора. По мнению исследователей «Сигизмунд III был самым сильным, хотя и не главным, виновником Унии, и без его решительного участия Уния не была бы введена. Отношение его к Унии точно определилось ещё до принятия её на Брестском униатском соборе» (15). После же собора, 15 октября 1596 г., король издал универсал, в котором говорилось: «...Митрополит с епископами, со всем духовенством и многими

людьми Греческой русской веры сошлись в соборной брестской церкви св. Николая после молитв, три дня разбирали дело, справляючись со Св. Писанием, с правилами св. Отец, братски призывали к себе епископов Михаила и Гедеона с их товарищами, но они, хотя сначала добровольно приступили к Унии и о том к нам писали, теперь, по наущению упорных людей, оставили св. Храм Божий, в котором во всё время Собора ни разу не были, пожелали соединиться с анабаптистами, арианами, богохульниками и с другими старыми еретиками, неприятелями и поругателями веры православной русской. Мало того: соединясь с каким-то еретиком Никифором и другими греками, шпионами и изменниками нашими, засели в еретической божнице, где с окаменелым *фараоновым* сердцем, с упорством и злостью осмелились решать дела, к ним не подлежащие; *восстали против Нас, своего Господаря, против Речи Посполитой и своих начальников*, отлучились от Церкви Божией, составили протесты и заговоры, подписали бланкеты и прикладывали печати, призывали к рукоприкладству людей, не принадлежащих к Собору, насильно заставляючи их подписываться, а потом на тех бланкетах что-то писали и по государству нашему рассылали» (цит. по К.Зноско). Далее король извещал о низложении и проклятии униатским собором упомянутых епископов

и их «товарышов» и запрещал какое-либо сношение с ними. В заключение, обращаясь к властям, король приказывал «штобы есте и сами тому постановленью сыноду Берестейского ни в чом противны не были, и других подданных наших, которые бы тому спротивлялися, карали; а сесь лист наш везде, при костёлах, церквах, и на торгах, копей с него списуючи, прибавити и то всем к ведомости приводити велели, конечно, иначе того не чинячи».

Как видим, КОРОЛЕВСКИЙ УНИВЕРСАЛ ОТКРЫВАЛ «ЗЕЛЁНУЮ УЛИЦУ» РЕПРЕССИВНЫМ МЕРАМ против тех, кто не принимал Унию, и они не заставили себя ждать. Первой жертвой этих репрессий стал патриарший экзарх Никифор. «Его арестовали, сфальсифицировали процесс о шпионаже в пользу Турции, бросили в застенки Мальброкского замка и там обрекли на голодную смерть» (10). Подобная участь ожидала и представителя Александрийского Патриархата протосинкела Кирилла Лукариса, но ему удалось спастись бегством. «Униатская иерархия, опираясь на силу правительства, употребляла крутые меры для распространения Унии. Епископы-униаты объявили в своих епархиях, что все духовные лица, не последовавшие за своими Владыками в принятии Унии, лишаются сана и отлучаются от Церкви, а миряне предаются анафеме. Опасение лишиться сана и соединённых с ним всяких

средств к жизни, волей-неволей вынуждало некоторых из духовных лиц, по крайней мере, наружно, соглашаться на Унию...» (27). Но большинство православного народа не убоилось даже санкционанных королём гонений и на протяжении многих лет оказывало мужественное сопротивление навязываемой административными мерами Унии. И сегодня мы вправе сказать, что Брестская церковная Уния имела весьма печальные последствия: «во-первых, она расколола Западнорусскую церковь на Униатскую и Православную, во-вторых, она заложила основание для преследования Православия. Православные церкви стали уничтожаться или отдаваться на откуп евреям; богослужение всячески стеснялось; православные не допускались на должности, за ними не признавалось политических прав; они подвергались всевозможным насилиям. Вследствие начавшихся гонений ряды православной магнатории (т.е. знати; прим. наше) редели: она переходила в католицизм, реже в Унию. Следовательно, Уния расколола не только Церковь, но и народ. Православие с этого времени стало религией низшего, крестьянского, сословия, верой «холопской» (44).

Но, как говорится, нет худа без добра. Меры, принимаемые властями, униатами и Католической Церковью по насаждению Унии, мобилизовали, подвинули многих православных (как знать, так и особенно народ) на сопротивление,

на защиту своей веры. Иногда это сопротивление выливалось в народные бунты. «Православные крестьяне, укресленные за веру, целыми массами бежали в украинские степи к казакам и вместе с ними пытались защищать родную Церковь силой оружия» (15). Вскоре после объявления Унии вспыхнул бунт под предводительством гетмана Наливайко, затем последовали бунты Павлюка (1637г.), Останцы (1638г.). Бунты жестоко подавлялись, и эти жестокости ещё более раздражали народ и порождали новых активных противников полонизации и чужой веры.

Но основная БОРЬБА развернулась НА «ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ». И здесь ключевую роль сыграли православные братства. Они имели и устраивали типографии, в которых печатались не только богослужебные книги, но и полемические сочинения в защиту Православия; при них имелись школы, в которых велось обучения в православном духе; братства, не щадя средств, основывали новые монастыри и храмы, как бы взамен отнятых униатами. В частности, вместо отнятого у православных Свято-Троицкого монастыря, в Вильнюсе был воздвигнут Свято-Духов монастырь, куда и переместились вытесненные из Свято-Троицкого монастыря православные иноки и имевшиеся при монастыре Православное братство. Из среды братчиков вышли такие известные

деятели и писатели, как Леонтий Карпович («братский типограф» – в смысле: главный редактор) – первый архимандрит Свято-Духова монастыря (вероятно, с 1609 г.), известный защитник православия, полемист и проповедник, Мелетий Смотрицкий (настоятель Свято-Духова монастыря, затем епископ, писатель-полемист, автор известной не только в Литве «Грамматики словенския...»; в последствии перешёл в Унию), Лаврентий Зизаний (педагог, переводчик, автор «Большого катехизиса» и ещё одной «Грамматики словенской», протоиерей), Захарий Копыстенский (Печерский архимандрит, затем епископ, автор полемического трактата «Полинодия...») и др. Именно силами братчиков, несмотря на большое неравенство сил и возможностей, было оказано достойное противодействие печатной пропаганде Унии. В ответ на книжку иезуита П.Скарги «Синод Брестски и его защита»(1577г.) братчики издали «Энтезис, альбо короткое собрание справ, которыя се деяли на поместном Берестейском соборе» и знаменитый «Апокрисис, альбо отповедь на книжку о Соборе Берестейском». Интересно, что автором последнего был Христофор Бронский – учёный протестант. Это был не первый случай, когда православные и протестанты выступали единым фронтом (например, в сеймах): прокатолическая позиция государства и силовые приёмы по реализации этой позиции делали

вероисповедных противников друзьями по несчастью. Это сотрудничество не имело целью церковное единение, целью его «была общая борьба за религиозную терпимость в стране» (10). В 1605 г. выходит в свет книга под названием «Перестрога» (т.е. Предостережение), в которой православный участник Брестского собора (Львовский священник) изъясняет причины Унии и критикует насильственные способы её распространения. В 1610 г. Виленское Православное братство издаёт знаменитый «Фринос», т. е. плачь Восточной Матери-Церкви, Мелетия Смотрицкого. В этом сочинении излагается православное учение и яркими красками изображается бедственное положение Православной Церкви в Речи Посполитой. «Православные приняли это сочинение с восторгом. Католики вооружились против него всеми тонкостями своей диалектики, обвиняли его автора в лютеранстве и кальвинизме и даже в государственной измене. Правительство запретило покупку и продажу «Плача» под угрозой страшной денежной пени. К сожалению, Мелетий Смотрицкий не устоял в Православии. Под давлением тяжёлых обстоятельств, он изменил Православию и перешёл в Унию...»(27). В 1621 г. вышла из печати «Полинодия» или «Возвращение на старый путь» архимандрита Захария (Копыстенского), в которой автор призвал уже униатов возвратиться в Православную Церковь.

Кроме полемических книг братства издали ряд богослужебных: «Псалтирь» (1612), «Требник» (1624), «Службник» (1624), «Полуустав» (1622), «Часослов с Псалтирью» (1631) и др.

Эти и другие книги, издаваемые братчиками, несомненно, служили сохранению православной веры в народе и помогали противостоять униатскому наступлению на Православие. Но силы, конечно, были слишком не равные. «Борьба униатов с православными стала вестись более энергично, когда на митрополичьем престоле после кончины Михаила Рогозы (1599) оказался Ипатий Потей. Он отнимал у православных монастыри, земельные пожалования, замещал православных священников униатами» (44). Он выжил православное братство из Свято-Троицкого монастыря и основал там униатское, во главе с архимандритом Иосифом (Рутским), воспитанником иезуитов. Но парализовать деятельность Виленского православного братства всё же этим самым не удалось, так как оно со всеми своими учреждениями перешло к построенной к тому времени (1609 г.) церкви Св. Духа. В отличие от «Троицкого» униатского, оно с этих пор стало именоваться «Свято-Духовским братством». При церкви Св. Духа образуется монастырь. «7 марта 1609 г. Свято-Троицкий Виленский монастырь оказывается под властью униата Руцкого. Листом от 22 апреля король за сопротивление

Потею и Руцкому высылает бывшего Свято-Троицкого архимандрита Самуила Сенчилу. Те из Свято-Троицких иноков, которые не приняли Унию, бежали в Свято-Духов монастырь, бывший тогда ещё келиотским и не имевший ни игумена, ни архимандрита (во

всяком случае, известные нам источники о таких не сообщают). Православное монашество Вильны, таким образом, с конца апреля 1609 г., живёт без духовного руководителя, а с середины августа, когда выгнаны были из монастыря «о. Троцкий и о. Феодор», — ещё и без богослужения. Вместе с тем известно, что Свято-Духов монастырь, начинавшийся как келиотский, к маю 1611 г. является уже, безусловно, киновией и имеет игуменом некоего о. Павла: именно им написано предисловие к изданию «Молитв повседневных» (Евье, IV. 1611) за подписью «Павел Игумен... з Кронь». А все издания братской типографии с 1611 г., включая и названное, подготовлены, как узнаём из титуль-

ных листов, «працею иноков Свято-Духова общежительного монастыря» (25). Из грамоты короля Владислава IV (1633 г.) следует, что „першым архимандритом» Свято-Духова монастыря был Леонтий (Карпович). По мнению современных исследователей, «наиболее возможная дата возведения Леонтия Карповича в сан архимандрита представляется... с августа 1609 г. (предполагаемое время хиротонии) по апрель 1610 г. (когда исповедник был арестован и заточён в темницу). К этому времени Свято-Духовская церковь, построенная православным братством на земле, находящейся в частном владении князей Воловичей, остаётся единственной православной церковью во всём столичном городе Вильне; 13 других особым декретом короля были отняты у православных «на имя короля в распоряжение для униатов» (18). Вот что пишет по этому поводу прот. К. Зноско в своём историческом исследовании: «Король Сигизмунд всеми мерами поддерживал униатов и при захватах церквей и их имущества униатами держал сторону последних. Так, при споре православных с униатами о праве владения виленскими церквями, когда дело было доведено до Главного трибунала и светские члены трибунала присудили церкви православным, а духовные, т.е. латинские прелаты, постановили отдать их униатам, Сигизмунд III, приехавший тогда в Вильну, потребовал дело к себе и, рас-

смотрев его, приказал взять все церкви в секвестор на своё имя, а потом непосредственно декретом своим от 11 августа 1609 г. передал их во владение униатам». Ещё хуже обстояло дело с духовным окормлением православных в других городах и весях. Вот что говорил по этому поводу волынский посол Лаврентий Древинский на Варшавском сейме 1620 г.: «Уже в больших городах церкви запечатаны, имущества церковные расхищены, в монастырях нет монахов, там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как пададь вывозят; мужья с жёнами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без причащения... Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и учёных не производят потому только, что они не униаты...». «Польское правительство своими действиями поставило православных в необходимость обращаться за совершением треб к униатскому духовенству» (27). Униатский митрополит Ипатий Потей в переданном ему (декретом короля от 20. 02. 1609 г.) Свято-Троицком монастыре открыл униатскую коллегию и учредил монашеский орден вассилиан (или базилиан) для подготовки кадров и ведения работы по дальнейшему насаждению Унии. В одном из документов для внутреннего пользования («Выдержка из уставов чина

святого Василия Великого») говорится: «Целью этого общества является сохранение католической веры у одних, распространение её среди других, ... соединение русского народа с Римской Церковью и обеспечение русских католических епископов учёными, трудолюбивыми и искренне преданными помощниками». К тому же виленские «базилиане почти сейчас же ...попали под влияние иезуитов» (прот. П. Янковский) и усвоили их методы борьбы с Православием. Отмечают, что «деятельность базилиан отличалась ненавистью к Православию и необыкновенной жадностью. Накануне первого раздела Речи Посполитой во владении базилиан находилось около 150 монастырей, при большей части которых действовали школы и типографии» (10). Противостоять такой силе, поддерживаемой светскими властями и самим королём, православные были не в состоянии. В тяжёлой борьбе с униатством и польскими властями они со временем всё больше и больше изнемогали, и слабые духом сдавались и принимали веру, насаждаемую государственной властью. На достижение этого и направлены были усилия властей и Рима. Вспомним девиз Ягайло: «привлечь, призвать, даже принудить к повиновению Римской Церкви». Со времени Унии упор делался на последнюю часть этого призыва – принудить. Историки отмечают, при этом, что «...литовское дворянство не любило

Унию: оно видело в ней причину всех зол и неурядиц в общественной жизни. И если некоторые из панов изменяли Православию, то принимали не Унию, всеми презираемую, а господствовавшую в государстве католическую религию; даже сыновья Ипатия Поцея приняли не Унию, а латинство...» (27).

В 1608 г. скончался известный защитник Православия князь К. Острожский. «Современники смотрели на князя Острожского, как на пример для себя и брали с него образец для своей деятельности; недаром его называли «начальником Православия» (Н. Предтечевский). «Свалился, - писал историк М. Коялович, - последний западно-русский дуб, кругом которого падали другие русские дубы...». Историк имеет здесь в виду такие знатные и влиятельные роды православных князей, как Вишневские,

К. Острожский.

Слуцкие, Сангушки, Сапегги, Ходкевичи, Тышкевичи и другие славные роды русских вельмож, которые во времена Унии ополчились и перешли или в Католичество, или в мир иной. Смерть К. Острожского, который один из многих имел ещё возможность отстаивать права православных на государствен-

ных сеймах, и малодушная измена Православию многих представителей высшего сословия, ещё более ослабили иммунитет приверженцев православной веры. Но ещё горшей бедой было **ОСКУДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ИЕРАРХИИ**. Как мы уже отмечали, на момент провозглашения Унии православные имели двух епископов, которые, несмотря на декреты короля Сигизмунда III, запрещающие их деятельность, продолжали явно или тайно окормлять православную паству, совершали рукоположения священников, пострижение монахов, поставление архимандритов. Хотя большинство православных монастырей перешло в руки униатов и базилиан, но всё же некоторые, как например, Почаевский, Киево-Печерский, Свято-Духов в Вильнюсе, Сурдегский в Жмуди, Симеоновский в Бресте, Онуфриевский в Яблочине и некоторые другие, православным удалось отстоять, они и были очагами Православия, в них и находили прибежище остатки православной иерархии. Но в 1607 г. скончался епископ Львовский Гедеон, а в 1612 – епископ Перемышльский Михаил. После его смерти единственным православным епископом во всей бывшей митрополии остался епископ Иеремия (Тиссаровский), получивший по смерти еп. Гедеона Львовскую кафедру, благодаря притворной присяге на верность Унии. С оскудением высшей иерархии возросла нехватка

и низшего духовенства. Братскую помощь иногда оказывали временно появляющиеся на юге греческие и южнославянские иерархи. Они при необходимости освящали храмы (если их удавалось открыть), поставляли священников, совершали Таинства и требы. «Немало вредят Унии в нашем королевстве иноземные владыки (греки, сербы), которые, когда хотят, приезжают, никому не являясь и никому не предъявляя своих охранных листов, они рукополагают священников и совершают всё епископское в наших городах», – сетовал униатский митрополит Иосиф Веньямин Рутской. Такая деятельность была связана с большой опасностью для них, так как униаты сразу же поднимали шум, писали жалобы королю, выставя иноземцев как шпионов и врагов государства. В целом по митрополии «открывался весьма опасный недочёт в православном духовенстве, заставлявший православных обращаться... к униатским священникам. Униатом и латиняном казалось, что они вскоре отпразднуют полную победу...» (15). Но промысел Божий не дал Православию погибнуть. Весной 1620 г. в Киев, на пути из Москвы, прибыл Иерусалимский Патриарх Феофан. В Москву он приезжал на поставление в патриархи митрополита Филарета. «От Константинопольского Патриарха он имел полномочия произвести нужные распоряжения в южнорусской Церкви» (27). Следствием этих

«распоряжений» было ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ИЕРАРХИИ: Патриарх Феофан совершил хиротонию семи епископов. На Киевскую кафедру в сане митрополита был возведён Иов (Борецкий), игумен Киево-Михайловского монастыря. На архиепископию Полоцкую – Мелетий (Смотрицкий), инок Виленского Свято-Духова монастыря. По некоторым сведениям настоятель Свято-Духова монастыря архим. Леонтий (Карпович) был против этой кандидатуры, «поскольку считал... Смотрицкого лицемером», и направил Мелетия к Патриарху лишь по настоянию Братства, да и то не за епископским саном. «Чувствуя близкую кончину, Леонтий по настоянию братства посылает к Патриарху своего пострыженника, Свято-Духова инока Мелетия Смотрицкого, чтобы тот принял от патр. Феофана сан пресвитера», - пишет поэтому по поводу современный исследователь Л. Левшун. На епископию Луцкую был поставлен Исаакий (Борискович), игумен Черничицкий, на Владимирскую – Иосиф (Курцевич), на Перемышльскую – Исаия (Копинский), на Холмскую –

Мелетий Смотрицкий

Поисий (Ипполитович), на Пинскую – грек Авраамий. В посвящении этих епископов вместе с Патриархом участвовали митрополит Софийский Неофит и епископ Стагонский Авраамий. Существуют разноречивые мнения о том, как всё это происходило. Большинство писателей считает, что всё это происходило «в величайшей тайне от поляков» (3). По мнению же прот. К. Зноско православные, зная о приезде Патриарха Феофана, заблаговременно обратились к королю Сигизмунду за разрешением на поставление им необходимых епископов. Король сперва якобы ответил: «Скорее я лишусь короны, чем дам вам иерархию». Однако, в силу неблагоприятных для Польши политических обстоятельств, «Сигизмунду пришлось отказаться от своих знаменитых слов и дать словесное разрешение Патриарху Феофану посвятить православным иерархов». В любом случае, само посвящение совершалось, что называется «за закрытыми дверями»: ночью, в нижней подвальной церкви Киевского братского монастыря, при скрытии освящения, «при тихом пении одного патриаршего монаха» (2).

Таким образом, в 1620 году Православная Церковь, имевшая к тому времени всего одного епископа (в лице тайно православного еп. Львовского Иеремии) благодаря приезду Иерусалимского Патриарха восстановила, пусть даже полуделегально, свою иерархическую полноту. Восстановление православной иерархии явилось

тяжким ударом по планам униатов и «вызвало взрывы негодования со стороны латино-униатской партии» (27). «Положение сложилось напряжённое. Король Сигизмунд III объявил Патриарха Феофана, уже вывезенного казаками за границу, незаконным, самозванцем и турецким шпионом. Поставленных им православных иерархов – незаконными и подлежащими аресту и суду. Со своей стороны митрополит униат И. Рутской анафематствовал новопоставленных иерархов, как лжеепископов. Униатские епископы, сидевшие на их кафедрах, объявили, что не пустят их в свои города. Сам Папа из Рима прислал королю указания, чтобы тот «подверг русских лжеепископов, возбуждающих мятежи, заслуженной каре» (20). 22 марта 1621 г. король обнародовал универсал, объявивший «врагами народа» не только новопоставленных епископов, но и всех тех, кто их признаёт. «Поэтому, – говорилось в нём, – заботясь о поддержании нашей королевской власти, хотим и приказываем, чтобы вы любезно нам верные, разведали, где эти подозрительные люди находятся и чтоб они, как шпионы и возмутители республики, не только не были вписываемы в города и местечки, вместе с их сотоварищами, но и чтоб были пойманы, посажены в темницы, и по мере своей вины были наказаны, дабы этим загородить дорогу всем шпионам и изменникам Речи Посполитой и предупредить все их враж-

дебные замыслы и уловки». По всей стране ПРОКАТИЛАСЬ ВОЛНА ШПИОНОМАНИИ и ТЕРРОРА против православных. Новопоставленные епископы смогли укрыться в областях, находившихся под защитой запорожских казаков, некоторые – в монастырях. Так, например, в Виленском Свято-Духовом монастыре находился епископ Полоцкий Мелетий (Смотрицкий). Он совершал здесь богослужения, рукополагал священников, рассылал послания, проповеди, написал сочинение в защиту Патриарха Феофана под названием «Оправдание невинности». Естественно, что это ещё больше озлобляло униатов и католиков. В Вильнюсе во время пасхальной недели 1621 года они организовали ряд настоящих погромов; толпа даже ворвалась в Свято-Духов монастырь, разгромила всё, что могла и попыталась сжечь. Вот как описывали эти тяжёлые времена сами пострадавшие: «Нас, духовных монахов, и весь простой народ нашей религии города Вильно позорят и ругают язвительными словами в домах, в ратуше, с кафедры, на рынках и на улицах. Они сторонятся и избегают нас, как дикие звери, запрещают разговоры и всякое обычное общение с нами, будто мы не христиане. Они всячески оскорбляют нас словом и делом: на наш монастырь кидают камни из пращей, посылают из луков стрелы с зажжёнными серными фитилями на поля, дома и на

церковь; на территорию того же монастыря бросают через ограду горящие головешки...; в ратуше и во многих городах не принимают от нас жалоб, из деловых книг не выдают нужных нам выписок, судебным исполнителям запрещают заниматься нашими делами, а тех, кто ведёт, наказывают и заключают в тюрьму. По дорогам у гонцов отнимают наши письма, а вместо них пишут вымышленные и пересылают их для обмана несведущих людей; в разных местах разбрасывают письма, полные фальши, коварства и ложных клятв» (еп. Мелетий). Таковы были времена и нравы.

Православные, насколько было возможно, оборонялись. Помимо указанного выше сочинения еп. Мелетия, Свято-Духовское братство напечатало книгу того же автора «Защита истины» и подготовило к изданию обстоятельный труд Печерского архимандрита Захария (Копытенского) «Полинодия» или «Оборона Православной Церкви». Предпринимались попытки защиты правового характера. Так, православные иерархи во главе и митрополитом Иовом (Борецким) направили жалобу-протест королю Сигизмунду, в котором, в частности, писали: «В Могилёве, Минске и Орше разграблены церкви, в Перемышле в тюрьме убито 24 горожанина, в Ярославле, Кременце, Гродно, Пинске захвачены церкви, в Бресте игумена Дорофея вместе с монахами сбросили в колодец, в Крас-

ном Ставе вломились в церковь и убили много людей, которые молились там, то же сотворили в Соколе, Белзе и Бусне; взрослых убивают без исповеди, а детей без крещения». Как и можно было ожидать, реакции на эту жалобу не последовало, и бесчинства продолжались по-прежнему. Особенно НЕИСТОВОВАЛ ПОЛОЦКИЙ УНИАТСКИЙ ЕПИСКОП ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ. В жалобе поданной в 1623г. в Сейм говорится: «...В Белоруссии Полоцкий архиепископ пять уже лет держит запечатанными православные церкви Орши и Могилёва. Граждане полоцкие и витебские, не имея в городе даже простого дома для отправления богослужения, принуждены по воскресным и праздничным дням выходить для этого за заставы в поле, и то без священников, так как ни в городе, ни близ города им не позволено иметь священника. Бедные люди, не привыкшие к иной вере кроме той, в которой они родились и выросли, принуждены возить своих детей для крещения за десять вёрст и более, а во время такого дальнего пути многие дети умирают не крещёнными». «Даже католики удивлялись той жестокости, с какой Кунцевич преследовал православных» (27). Беспokoила такая жестокость и королевского канцлера Льва Сапегу. Ещё в феврале 1621 г. он писал униатскому митрополиту Иосифу Рутскому: «Не один я, но и другие весьма осуждают то, что сёндз владыка Полоц-

кий слишком жестоко начал поступать в делах веры и очень надоел и омерзел народу, как в Полоцке, так и везде. Давно я предостерегал его, просил и увещал, чтобы он так жестоко не действовал; но он, имея свои соображения, более упрямые, нежели основательные, не хотел слушать наших советов. Дай Бог, чтобы последствия его распоряжений и суровых действий не повредили Речи Посполитой». Самому же Иосафату в одном из увещаний (от 12 марта 1622г.) Лев Сапега писал: «Бесспорно, что я сам хлопотал об Унии..., но мне никогда на мысль не приходило, чтобы Вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают Вас жалобы, поданные на Вас и в Польше,

и в Литве. Разве не известен Вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение в своей вере? ... Поступки Ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению Рес-

Лев Сапега

публики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. От повиновения казаков больше пользы государству, чем от вашей Унии, почему и должны Вы соображаться с волею Короля и с намерениями государственными, зная, что власть Ваша ограничена и что покушение Ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почесться оскорблением Величества... Что касается до опасности жизни Вашей, то каждый сам является причиною своей беды. Нужно уметь пользоваться благоприятными обстоятельствами, а не предаваться безрассудным увлечениям, - особенно, когда дело касается перемены веры.... «На сеймах, продолжаете Вы, поднимаются голоса не только вредные для Унии, но для всего правоверного духовенства римского» и проч. Кто же тому причиною? Одна Уния – виновница всех этих несчастий! Когда Вы делали насилие совести человеческой, запирали церкви - для того, чтобы люди погибли без богослужения, без христианских обрядов и таинства, как неверные; злоупотребляете милостями и преимуществами королевскими, вы обходились без нас; а когда нужно усмирять смуты, возбуждённые в народе вашим беспутством, Вы хотите нами запирать двери.... «Не принимающих Унии, пишете дальше, нужно изгнать из государства» и проч.

Избави Бог нашу отчизну от этого безрассудства! Давно уже в наших странах водворилась Р. Католическая вера, и пока она не имела подражательницы себе (имеется в виду Уния; прим. наше) в деле благочестия и подчинения Святому Отцу, до тех пор славилась любовью к спокойствию, могуществом внутри и вне государства; но как только связалась с такой сварливой и беспокойною подругой, терпит, по её милости, при всяком собрании народном, при всяком уездном заседании, разные раздоры и нарекания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этой неугомонной союзницей, потому что мы никогда не ведали в нашей отчизне таких настроений, какая посеяла среди нас эта благовидная Уния. Христос не печатал и не запирает церквей, как Вы это делаете...». Увещения канцлера Великого княжества Литовского благотворно на Кунцевича не подействовали. «Разозлившись, он схватился за перо и написал на канцлера доносы королю и Папе Римскому. А через несколько дней отправился в Витебск и там вместе с воинами личной охраны начал громить православные церкви и часовни, избивать православных священников, издеваться над православными горожанами» (10). **ЖИТЕЛИ ВИТЕБСКА**, доведённые до крайности, **ВЗБУНТОВАЛИСЬ**. 12 ноября 1623 г. они разогнали охрану, ворвались в архиепископский дом и зверски убили Кунцевича, а групп

бросили в Двину. Папа Урбан VIII призвал короля к отмщению. В своём послании ему от 10 февраля 1624 г. он писал: «Непримиримый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов (таковой видится Папе Православная Церковь; прим. наше), вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания казацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями турок и ненавистью нечестивых! Приими оружие и щит и, если общее благо того требует, мечём и огнём истребляй эту язву... Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных поступках милосердие есть жестокость». Естественно, что у короля не было никакого желания быть проклятым Папой. Да и по существу, «как бы ни был жесток Кунцевич, но своеволие, бунт

и такое злодеяние, как убийство, не могли быть оставлены без наказания» (15). 75 человек были осуждены на смертную казнь, город Витебск лишён магдебургского права (городского самоуправления) и подчинён воеводскому управлению, Пречистенскую церковь, около которой произошла трагедия, определено было разрушить, а на её месте за счёт горожан построить униатскую. В Витебске, Могилёве, Орше, Полоцке и Мстиславе запрещено было ремонтировать православные церкви и строить новые. «Униатская иерархия воспользовалась фактом убийства Иосафата Кунцевича, чтобы отделаться от ненавистной ей иерархии, восстановленной Феофаном. Рутской в письме в Рим обвинял православных епископов в соучастии в убийении Кунцевича и просил Папу побудить Сигизмунда к низложению митрополита и епископов. Из Рима последовало письмо, в котором Папа настойчиво просил короля подвергнуть наказанию православных епископов и воспретить братства» (27). Самого же убиенного Папа Урбан VIII в 1643 г. объявил «блаженным», а Папа Пий IX в 1867 г. признал святым. Православными эта канонизация была воспринята как надругательство над истиной и понятием святости. «Его пастырские действия не носили в себе ничего христианского, и умерщвлен он был за те антихристианские меры насилия и жестокости, которые проявлял против право-

славных для насаждения между ними Унии. Своими вопиющими насилиями над совестью православных, противными законам христианской любви и кротости, он довёл православных до крайнего ожесточения, чем и натолкнул их совершить столь тягостное преступление. Смерть его не была смертью христианского мученика, а носила в себе нечто позорное, нечто похожее на самоубийство; она являлась не жертвой Богу, а жертвой безграничному самолюбию, готовому на всё, даже на смерть, лишь бы стяжать славу мученичества» (15). Даже в лучшем случае, если считать, что И. Кунцевич так жестоко преследовал православных не по ненависти к ним и не по честолюбию, а «делал это по глубокому убеждению в правоте и неоспоримой истинности своих ревностных действий», «при всём этом, много он сделал зла, много погубил душ – и погубил зверски, с оскорблением, как говорит история» (Г.Петровский). Можно согласиться с мнением, что «его не столько нужно осуждать за поступки, сколько сожалеть о его ослеплении» (Г.Петровский), но с прославлением его, как делает это Католическая Церковь до сего дня, и квалификации его действий как святости, верующему человеку, знающему историю этой «святости», согласиться трудно. В наше время, особенно в контексте разговоров о необходимости сближения между Церквями, восхваление И. Кунцевича, появляющееся время

от времени в печати и других средствах массовой информации, у православных может вызывать, по меньшей мере, недоумение. Вот что писал по поводу упоминания имени Иосафата Кунцевича в ряду с именем св. Иоанна Златоустого (на торжестве византийского обряда, совершённом нынешним Папою в 1960 г.) православный историк проф. Н. Тальберг: «То, что сейчас нарочито прославляется св. Иоанн Златоуст, как некий символ единства исходной почвы, общей Католицизму и Православию, понятно, естественно, утешительно, поскольку в этом проявлялось бы действительное устремление к святому прошлому, не тронутому ещё дальнейшими тягостными явлениями, вызвавшими схизму. Но если рядом ставится имя Иосафата Кунцевича, то по истине зловеющий смысл приобретает и самое обращение к великому учителю Православия».

Убийство И. Кунцевича послужило сигналом для новой волны репрессий и гонения на православных. «В ...тяжёлое десятилетие после убийства Иосафата Кунцевича целый ряд православных богословов не выдержал этой атмосферы бесправия, гонимости и бездомности в своём государстве. Пример успокоенности и гражданского равноправия униатского духовенства естественно соблазнял часть богословов из притесняемого православия перейти на спокойное униатское положение. Так, в эти годы

сам ректор Киевской братской школы Кассиан Сакович, а за ним и Кирилл Транквиллиан-Ставровецкий ушли в Унию. Туда же повернул и темпераментный Мелетий Смотрицкий» (20). Его переход нанёс особенно ощутимый моральный удар по Православию в Литве. Он пользовался известностью и авторитетом в широком кругу православных и его уход в Унию сильно поколебал их стойкость и верность вере отцов. В условиях непрекращающихся гонений «православные тысячами стали переходить в Унию. Польское правительство помышляло даже о совершенном уничтожении Православия в Литве и Польше» (15). В таких вот нелёгких условиях и пришлось окормлять Православную Церковь в Литве и Польше упоминаемому выше МИТРОПОЛИТУ ИОВУ (Борецкому).

Это был просвещённый и деятельный пастырь, выгодно отличающийся от предшествующей «упадочной иерархии» (20). Говоря словами свят. Дмитрия Ростовского, он был «благочестив и премудр, в Божественном Писании искусен, греческий и латинский языки добре умевый и тех языков иные в школах учивый». До поставления на Киевский престол был ректором братской школы в Львове, затем священником и ректором Киевской братской школы, а по пострижении в монашество – игуменом Киево-Михайловского монастыря. Став митрополитом Киевским (1620 г.), он уже в следующем году

созывает, пользуясь защитой казаков, архиерейский собор, на котором был выработан ряд мер, направленных на сохранение и даже распространение Православия в пределах бывшей Литовской митрополии. В частности, было определено: 1) возводить в священный сан лишь достойных и твердых в благочестии кандидатов; 2) ответственно заботиться об избрании достойных преемников (т.е. архиереев); неучёных и не твердых в вере в архиерейский сан не поставлять; 3) по возможности регулярно созывать соборы для упорядочения церковных дел; 4) заботиться об усиленном развитии религиозного образования, книгопечатания, деятельности братских школ и самих братств; 5) обратить внимание на развитие церковного проповедничества; в праздничные дни проповедь в храме вменялась в обязательном порядке; 6) прилагать усилия к оживлению связей с Востоком, в частности, посылать на Афон монахов, как в школу православия и благочестия, и приглашать с той же целью афонских монахов в митрополию. Именно во исполнение этого положения в Киев был приглашён известный подвижник Иоанн Вишенский. Весьма важным пунктом было решение избегать в дальнейшем трений между православными братствами и иерархией. Архиереям вменялось более терпеливо и снисходительно относиться к указаниям и замечаниям братств, помня о том, что даже цари и патриархи

выслушивали предостережения и обличения простых людей.

Но не случайно, наверно, свои определения собор озаглавил «Советование о благочестии». Иерархи прекрасно понимали, как трудно добиться намечаемых целей в том положении, в котором они находились. «В этой атмосфере безнадёжности и возникла переписка митр. Иова с Москвой в 1625 г. Конечно, не без полномочий со стороны широких кругов Киевского казачества, митр. Иов отправил в Москву предложение – принять Южную Русь в Московское подданство» (20). Церковь нуждалась в правовой защите и опоре гражданской власти и искала её. В Речи Посполитой в годы правления короля Сигизмунда III это оказалось невозможным, поэтому православные, как говорится, обречены были искать её под протекторатом соседней православной Москвы. Но слабое после политической Смуты Московское государство не решилось пойти на этот, грозящий обострением и так напряжённых отношений с Польшей шаг и оставило обращение митрополита Иова без последствий. Тем более что в самой Речи Посполитой произошли обнадёживающие изменения. В 1632 г. умер основной вдохновитель и насадитель Унии со стороны государства польский король Сигизмунд III Ваза. «...Основная цель, которую он ставил вселением Унии – полная латинизация Церкви в Речи Посполитой,

достигнута не была. Православная Церковь, как и прежде, жила, хотя сфера её деятельности сильно сузилась. В то же время фанатизм короля породил такие негативные тенденции в государстве, как мысль о возможности отторжения православных территорий... и присоединение их к одному из соседних государств... Разрушительные действия Сигизмунда привели его наследника Владислава IV к убеждению о необходимости изменения конфессиональной политики в государстве» (44). С другой стороны, у самих православных оживилась надежда на улучшение положения. Они весьма активно стали готовиться к участию в избрании нового короля. Согласно традиции король, вступая на трон, давал присягу, что он исполнит условия, поставленные ему дворянством, мещанами и Церковью. Православные деятели всех корпораций: духовенства, шляхты, церковных братств, цехов и украинские казаки изложили свои требования о возвращении им отнятых прав и частично имуществ и представили их как предварительное условие их активного участия на Избирательном сейме. Виленское православное братство даже подготовило целую книгу под названием «Синопис», т.е. обзор, в которой перечислялись все привилегии и права, отнятые у православных в годы правления Сигизмунда III. Книга послужила хорошим рабочим материалом для участников Сейма.

Но всё это происходило уже не при митрополите Иове. Он скончался за год до смерти короля Сигизмунда Вазы – 2 марта 1631 г. Его преемником был избран (в конце июля 1631г.) АРХИЕПИСКОП ИСАИЯ (Копинский), номинально пребывавший в то время на Смоленской и Черниговской кафедре. Аскет по натуре он, как и его предшественник, прилагал большие усилия к упорядочению и устройению церковной жизни, свидетельством чего может быть изданный им «Наказ» приходским священникам, содержащий ряд правил, касающихся поведения духовных лиц и церковного благочиния. Но ему нехватало эрудиции его предшественника и физических сил, ввиду преклонности лет и слабости здоровья. Жизненная же ситуация требовала активного лидера, способного воплотить в жизнь возродившиеся чаяния православных. Таким лидером и стал архимандрит Киево – печерского монастыря Пётр (Могила). Он был сыном молдавского господаря (т.е. правящего князя) Симеона Могилы, который, после неудачно закончившейся служебной карьеры, переехал с семейством во Львов. ПЁТР МОГИЛА (по-украински «могила» это – «курган, холм») первоначальное образование получил в школе Львовского православного братства, затем учился в польской иезуитской академии, слушал лекции в университетах Голландии и Франции. Знал в уни-

шенстве латинский и древне-греческий языки. «В нем было редкое совмещение всех качеств, какие нужны были первосвятителю в такое тревожное время. Высокое происхождение обеспечивало за ним широкое общественное влияние, его просвещённый взгляд усматривал существенные потребности Православной Церкви и указывал меры к их удовлетворению, а удивительная энергия и сила воли помогали ему при-

ПЁТР МОГИЛА

вести эти меры в исполнение» (27). Возможно, прозревая в нём эти качества, митрополит Иов привлёк его в своё время на служение Церкви, хотя первоначально он избрал воинскую службу и имел на этом поприще хорошие перспективы, был даже лично известен королю Владиславу. Но «под влиянием

Киевского митрополита Иова Борецкого Могила принял монашество» (15). Произошло это вероятно в конце 1624 или в начале 1625 года. Вот что сообщает в этой связи историк М.Толстой: «Когда архимандрит Захария скончался (в апреле 1626 г.) и братья Лавры по своим правилам приступили к избранию нового настоятеля вольными голосами, то нашлось

много голосов в пользу иеромонаха Петра..., хотя ему едва было тридцати лет от роду и прошло не более двух лет, как он вступил в монастырь. Правда, были и не согласные на это избрание». Всё же, не без влияния, как представляется, внешних кругов, «молодой 30-летний П.Могила тотчас по пострижении продвигается на пост архимандрита Киево-Печерского монастыря (1627г.). Какие-то русско-шляхетские круги хлопочут о максимальном выдвижении архим. Петра. От Патриарха Константинопольского Лукаря в 1629 г. получается пожалование П.Могила титулом экзарха. А вокруг П.Могила происходит брожение и поиск компромиссов» (20). Вот на этого талантливого и перспективного архимандрита и возложили свои надежды православные, поручив ему отстаивать их интересы на Избирательном сейме. И юный архимандрит не обманул эти надежды. «Ещё до открытия сейма П.Могила вступил в оживлённые сношения с литовским дворянством и с гетманом Литвы протестантом Христофором Радзивиллом, прося их о поддержании на сейме требований православных. На сейме Могила сделался главным руководителем православной партии. От лица православных он заявил, что они не приступят ни к каким делам, пока сейм не определит возратить православным епископам, занятые униатами кафедры вместе с церковными имуществами» (27). «На сейме под-

няли свой голос в защиту Православия и некоторые из польских послов, враждебно настроенных против иезуитов и Унии» (15). Благоклонно отнёсся к требованию православных и кандидат в короли – королевич Владислав. «Я хорошо знаю историю Унии, – говорил он папскому нунцию ещё до своего избрания. – Она введена насильно, без согласия лучшей части русского населения; её приняли и ввели некоторые духовные лица, и притом из своекорыстных целей». Противники Православия, сильно обеспокоенные складывающейся ситуацией, постарались перехватить инициативу и направить события в нужном для них направлении. «Для того, чтобы не допустить усиления православных, Иосиф Рутской под председательством только что избранного короля создал особую комиссию из православных и униатов, которая начала работу над планом примирения враждующих сторон» (44). Комиссия составила компромиссный проект «мирного сосуществования», согласно которому: 1) объявлялась полная свобода «русской веры» (в данном случае имелась в виду как православная, так и униатская); 2) православным и униатам разрешалось иметь свою иерархию, причём православным предоставлялось право избрания митрополита и четырёх епископов: на Литовскую, Луцкую, Перемышльскую и Мстиславскую епископии; 3) признавалось право на су-

ществование братств, школ и типографий; 4) обещалось возвратить православным некоторые церкви и монастыри, отнятые у них униатами, а также разрешалось ремонтировать старые и строить новые церкви; 5) православным предоставлялось право наравне с другими занимать общественные и государственные должности (исключая «должность» короля, каковым мог быть только католик); 6) признавалось право возвращения из Унии в Православную Церковь и право перехода в Унию. «Постановления комиссии встретили сильную оппозицию со стороны католиков и униатов» (44). Не удовлетворял этот проект и многих православных, ибо он «далеко не отвечал тем требованиям, какие предъявлены были православными. Против него энергично восстал П. Могила. Он разослал ... письма во все русские воеводства, чтобы никто не соглашался на изложенные в этом проекте условия...» (27). Тем не менее, эти постановления почти целиком вошли в «Статьи успокоения религии греческой», представленные королём Владиславом IV на утверждение Коронационному сейму 1633 года. Добавлено было лишь, по требованию католиков, положение о том, что права Православной Церкви даются с сохранением прав Церкви Римской. «Этой прибавкой латиняне надеялись воспользоваться как оговоркой, подтверждающей преимущественные права Латинской Церкви»

(15). Однако, несмотря на эту прибавку, противники предоставления прав православным организовали в Сейме такую сильную аппозицию «Статьям успокоения религии греческой», что король вынужден был обратиться к православным с предложением, отложить требование о внесении этих статей в сеймовые Конституции до следующего сейма. Видимо, православные с этим согласились, ибо король выдал им от своего имени «Диплом», в котором утверждались оговоренные в «Статьях» права Православной Церкви. Кроме «Диплома» король пожаловал православным и другие грамоты, более частного характера, которыми возвращал им церкви, захваченные униатами, восставлял старые и утверждал новые братства, школы и т.п. «Католическая партия употребила все усилия, чтобы настроить общественное мнение против дарования прав православным. Папа объявил распоряжения короля, касающиеся веры, незаконными» (44). Папский нунций в Польше получил из Рима указание добиться от короля изменения позиции в отношении Православной Церкви. Но политическая ситуация диктовала свои условия. «С одной стороны организационная сила украинского казачества, а с другой война с Москвою и осада русским войском Смоленска заставили поляков и новоизбранного короля Владислава IV пойти на уступки в православном вопросе и признать за право-

славными гражданами право иметь свой епископат» (3). Так как приближалось время сейма 1635 г., на котором король обещал православным закрепить их права в сеймовых постановлениях, а позиция Католической Церкви оставалась неизменно негативной, то король объявил, что дело о правах граждан – не церковное, а гражданское, и в интересах государства требуется признания прав православных наравне с другими исповеданиями. Православные, тем временем, тоже сделали шаг, упрощающий ситуацию. Поскольку Папа Римский и покойный король Сигизмунд III не признали хиротонию, совершённую Иерусалимским Патриархом Феофаном, они решили, пользуясь правом, содержащимся в королевской грамоте от 13 февраля 1633 г., ИЗБРАТЬ НОВУЮ ИЕРАРХИЮ. Ещё на Коронационном сейме они выступили с предложением поставить митрополитом Киевским архимандрита Петра (Могила) – человека угодного королю и Патриарху Константинопольскому. Для хиротонии нового митрополита во Львов срочно были приглашены из Молдавии Валашский митрополит со епископы, которые и совершили поставление Киева-Печерского архимандрита Петра на митрополицию кафедру. Есть, правда, мнение, что «посвящение П.Могила в сан митрополита совершено было Львовским епископом Иеремией Тиссаровским, как экзархом Константи-

нопольского Патриарха» (15). В принципе, это мнение не противоречит сказанному выше, так как патриарший экзарх мог совершить эту хиротонию вкупе с иерархами, приглашёнными из Валахии. Новоизбранный митрополит незамедлительно получает утверждение короля, а вскоре и Константинопольского Патриарха Кирилла (Лукариса). Оставалась ещё одна «чувствительная операция – заставить старого митрополита Исаию Копинского сдаться и уйти на покой. Исаия не хотел сдаваться добровольно и слагать с себя звание и должность митрополита. Но, как аскет и не политический борец, фактически покорился, удалившись в монастырский затвор до своей смерти в 1640 г.» (20). Правда, современник событий некий православный шляхтич Ерлич описывает ситуацию не столь благоприлично. «Пётр Могила, - сообщает он в своей летописи, - вёл себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопотал о целостности Церкви Божией; но не без того, чтоб не был охотником и до славы мира сего. При вступлении на престол короля Владислава Могила был отправлен на коронацию уполномоченным от митрополита Исаии Копинского и всего духовенства, потому что сам митрополит не мог ехать по причине болезни; Могила выхлопотал себе королевскую грамоту на митрополию, поехал во Львов, посвятился там у Волошского митрополита и владык; возвра-

тившись в Киев, отобрал митрополичьи имения, свергнул митрополита Исаию и отрешил священников, им поставленных; мало того: выгнал большого старика из Михайловского монастыря в одной власенице, и тот должен был окончить жизнь в большой бедности». Даже если автор и стусил несколько краски, всё же мы должны заметить, что новоизбранный митрополит в этом случае не особенно, кажется, считался с нормами нравственности и канонического права. Он был сыном своего времени, а для того времени получение «хлебов духовных», не считаясь со средствами, было делом привычным и не особенно зазорным. Помимо митрополита Киевского были поставлены и три новых епископа, вместо непризнанных властью ставленников Патриарха Феофана. Вообще, митрополит Пётр считал своей задачей перевоспитать кадры православной иерархии в духе мирного сосуществования с униатами и католиками, и это стремление было одной из причин реформы духовного образования, хотя основным мотивом, как отмечают исследователи, было стремление «поднять уровень духовного образования в Западнорусской Церкви, так необходимого в борьбе с латинством» (15). Но об этом у нас будет ещё речь впереди, а здесь вернёмся ко времени Варшавского сейма 1635 г. Король Владислав IV сдержал своё слово, данное православным на Коронационном сейме: Вар-

шавский сейм 1635 г. действительно закрепил данные православным права в сеймовых конституциях. Обозначим ещё раз эти права: 1) «свободное исповедание веры и святых Таинств совершение, церквей починка и новых... строение, также заведение богаделен, семинарий, школ и типографий, и свободное неприступившим к Унии занятие городских должностей во всех Речи Посполитой городах и местечках»; 2) «Братства церковные все вообще, которые до сего были у неунитов, также и те, которые после от них будут учреждены, с их церквями, должны оставаться при них в спокойном их владении и беспрепятственном употреблении»; 3) наряду с униатским митрополитом быть и митрополиту Киевскому православному и «св. Софии киевская церковь с её подданными должна оставаться при неунитах и митрополите, посвящённом от Константинопольского Патриарха»; митрополиту Киевскому передавалась также «для пребывания» пустыня под Гроднею, яко издавна неунитам принадлежащая»; 4) кроме Киевской за православными закрепились ещё четыре кафедры – Львовская, Луцкая, Перемышльская и Мстиславская. При этом указывалось, что «епископство Перемышльское и Львовское со всеми маёнтностями (т.е. владениями; прим. наше) и древними их принадлежностями должны оставаться навсегда при неунитах». «Епископство Луцкое с кафедрою и

всеми вотчинами... должны быть уступлены... епископу неуниту». Мстиславская епархия имела как бы вместо Полоцкой, её юрисдикция распространялась на пределы Полоцка, Орши, Могилёва, Витебска, Вильны и других более мелких городов, а епископ имел титул «Мстиславский, Оршанский и Могилёвский». Резиденция его должна быть в Могилёвском Спасском монастыре; 5) «архимандрия Печерская, со всеми к оной принадлежностями, монастырь Золотоверхо-Михайловский и другие монастыри и церкви Киевские и Киеву принадлежащие, включая... Выдубецкий, должны оставаться при неунитах»; 6) «Что же касается до пастырского попечения, то постановляется каждому, кто не хочет быть в Унии, перейти в епархию епископа Греческого исповедания; равным образом, кто не хочет быть в епархии Греческого исповедания, тот может перейти в епархию униатскую...».

Теоретически казалось, что для Православия наступили вполне сносные времена. Но между теорией и практикой нередко бывает большая разница. «...Реализовать на деле постановления сейма оказалось почти невозможным. Возвращать отобранные у православных епископские кафедры, церкви и монастыри униаты не хотели. Правительство не могло сдержать антиправославную вакханалию, развернувшуюся в государстве после сейма. Таким образом, политика

Владислава IV, направленная на установление в Речи Посполитой действительного равенства вероисповеданий, потерпела неудачу вследствие недальновидной позиции и фанатизма латиноуниатского духовенства и шляхты» (44). Тем не менее, Православная Церковь обрела легализацию, и это давало возможность её иерархии законно заниматься благоустройством и созданием своей Церкви. И новизбранный митрополит, обретший древний титул – «Православный Архиепископ, митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, Экзарх Святейшего Константинопольского Патриаршего Престола», проявил себя здесь, как весьма энергичный и искусный архипастырь. Он очень много сделал для восстановления пришедших, за время униатского отчуждения, в запустение православных святынь. В его управление был благолепно отстроен Софийский собор в Киеве, восстановлен Выдубицкий монастырь, храм Спаса в Берестове, начато восстановление Десятинной церкви, возвращены к жизни и многие другие памятники древнего Православия. Но в церковную историю митрополит Пётр (Могила) вошёл, прежде всего, как РЕФОРМАТОР церковного образования и устроитель высшей богословской школы в Киеве, получившей в честь его название Киево-Могилянской коллегии (переквалифицированной в 1701г. в Киевскую Академию). «Устройство коллегии, курсы наук и вообще все

училищная дисциплина были заимствованы Петром Могилой из иезуитских латинских коллегий можно считать виленскую латинскую академию» (27). Это подражание имело как положительную, так и отрицательную сторону. Положительная состояла в том, что православные получили возможность войти в атмосферу образования оппонента и более успешно, на его уровне и, как пишет П.Малицкий, «их же оружием», противостоять на «идеологическом фронте» католической и униатской пропаганде. Митрополит Пётр пригласил в свою школу в Киев наиболее образованных людей из разных братских школ своей митрополии и даже из-за рубежа. Чтобы обеспечить свою коллегию преподавательским составом, отвечающим стоящим перед школой задачам, он заблаговременно посылал будущих профессоров для обучения за границу, в лучшие западные учебные заведения. Вскоре Могилянская коллегия получила известность и авторитет, а её богословы породили новую для Православия схоластическую богословскую систему, которая на многие годы стала преобладающей в духовном образовании не только в пределах Киевской митрополии, но и вообще в богословии Русской Православной Церкви. Борясь с латинством, православные «по необходимости обращались к западным книгам. Новое поколение проходило

уже вполне западную школу...» (49). И весь смысл, весь итог этой главы в истории Православия в том, что именно тогда православное богословие во имя защиты Православия само незаметно вооружилось западным оружием и усвоило его пороки, «постепенно православную традицию «переложило» в латинские, схоластические категории» (53). В этом – негативный результат реформы духовного образования, которую задумал и осуществил митрополит Пётр (Могила). Сегодня трудно определённо сказать: было ли это сознательной целью реформы, имеющей, как мы уже отмечали, задачу перевоспитания умонастроения духовенства и православных в целом, ради ликвидации духа религиозной враждебности и последующего сближения Церквей, или непредвиденным побочным явлением. Большинство современных исследователей склоняются к мысли, что это были сознательные действия. «Сам Пётр Могила, – пишет проф. А. Карташёв, – по духу своего воспитания западник чистой воды, считавший латинскую богословскую науку последним достижением, без которого Православие обречено на безнадежную отсталость, не мог не желать, путём хорошей школы, дойти до безболезненного, свободного примирения, а, может быть, и соединения Церквей». «Есть что-то загадочное и двусмысленное в образе Петра Могилы, – замечает другой писатель. – Трудно понять, был ли

он искренним ревнителем Православия или скорее искусным соглашателем... Могила и его сподвижники были откровенными и решительными западниками. Они стремились объединить русских и не русских за единой культурной работой, в единой психологии и культуре... И та глухая, но очень напряжённая борьба, которую мы наблюдаем вокруг всех начинаний и предприятий Могилы, означает именно эту встречу и столкновение двух религиозно-психологических и религиозно-культурных установок или ориентаций, – западной и эллинославянской.... Могила не был одинок в своих замыслах и затеях. У него было много друзей, – это было новое поколение, прошедшее западную школу, для которого именно Запад, а не Восток был своим. И были поводы подозревать, что это западничество есть своеобразное униатство, скрытый романизм. Во всяком случае, представители этой западнической ориентации всё снова и снова сговаривались и совещались с униатами, в расчёте создать такой компромисс, на котором могли бы согласиться обе спорящие стороны» (49). Католические и униатские писатели нередко указывают, что Пётр Могила будто бы даже обещал принять Унию («quia hic promiserat unio nem»). Это заявлял, в частности, униатский митрополит Иосиф Рутской, говоря, что Могила вполне «расположен» к Унии. «По другой версии, П. Могила, идя в русле естествен-

ной для него польской лояльности, мечтал о возвышении Киевского митрополичьего трона до титула патриаршества в противовес Москве, только что этого достигшей» (20). Что касается расположенности митрополита Петра к Унии, то проф. А. Карташёв считает подобные утверждения «униатским преданием»: «очевидно, это так сильно сформулировано по поговорке: «желание есть отец мысли». Тем не менее, он не ставит под сомнение то заключение, что для идеологии Петра Могилы было характерно стремление «сблизить и примирить Православие с Латинством». По словам другого исследователя, «догматических возражений против Рима у Могилы не было. Он лично был уже как бы в догматическом единомыслии с Римом» (49). Вопрос о Православии и Католичестве для него и его сподвижников, «превратился, - по словам прот. А. Шмемана, - в вопрос всего лишь о «юрисдикции»: разности в вере эти западники уже не чувствовали...». При всём этом митрополит Пётр был всё же весьма удачным избранником для возглавления митрополии в тот период. Он проявил себя как умный, деятельный и дальновидный иерарх. Много сумел сделать для улучшения внешнего положения и внутреннего состояния Православной Церкви в Речи Посполитой. Это ценили и современники митрополита, это высоко оценивается и современными исследователями. Но не столь однозначна

оценка его (его единомышленников и последователей) «идеологии» или «православности», того духовного следа, который это поколение оставило. «Он сделал много, - говорит прот. Г. Флоровский. - При нём Западнорусская Церковь выходит из той растерянности и дезорганизации, в которых она страдала со времени Брестского собора. И вместе с тем всё пронизано чуждым, латинским духом... Это была острая романизация Православия, латинская псевдоморфоза Православия. На опустевшем месте строится латинская и латинствующая школа, и латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и самая религиозная психология. Латинизируется самая душа народа. Эта внутренняя интоксикация религиозным латинизмом, этот «криптороманизм» был вряд ли не опаснее самой Унии». «С культурно- исторической точки зрения, Киевская учёность есть несомненное и значительное событие, не только явление. Это первая и открытая встреча с Западом. Можно было бы сказать, свободная встреча, - если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачею в плен. И потому эта встреча не могла быть творчески использована. Сложилась школьная традиция, возникла школа, но не создалось духовного и творческого движения. Сложилась подражательная и провинциальная схоластика, именно «школьное богословие»... Это обозна-

чало некую новую ступень религиозно-культурного сознания. Но в то же время богословие было сорвано с его живых корней. Возникло болезненное и опасное раздвоение между опытом и мыслью».

Митрополит Пётр (Могила) скончался рано, в возрасте 50-ти лет, на пороге 1647 г. Несмотря на столь раннюю кончину, от него осталось значительное ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ. Некоторые его сочинения использовались в православных духовных школах в качестве учебников и пособий вплоть до начала XX столетия. Из наиболее известных отметим «Камень веры» (полное название - «Лифос или камень с пращи истинной Русской Церкви») (1644 г.), «Евхологион» (более известен как «Требник Петра Могилы») (1646г.), но наиболее значимым его трудом является «Православное исповедание веры» или катихизис. Сочинение написано в 1640 г. на латинском языке, так как предназначалось, прежде всего, для «богословов и богословствующих». Есть большая вероятность, что к этому труду причастен не только митрополит Пётр: полагают, что главным его составителем был ректор Киевской коллегии игумен Исаия (Козловский). По мнению проф. А. Карташёва, «...Могила явно был обеспокоен той атмосферой соблазна, которая повисла над греческим Востоком из-за вскрывшегося (в 1633 г.) факта искреннего приятия выдающимся по

учёности греческим богословом, пять раз занимавшим кафедру Вселенского Патриарха. Кириллом (Лукарисом) кальвинистической формулы «оправдания человека одной верой». «П.Могила смущало, что именно этот Патриарх Кирилл Л., обнародовавший своё соблазнительное «Исповедание веры» в 1633 г., украсил его в 1627 г. званием экзарха и с готовностью благословил его на пост митрополита в 1632 г.. П.Могила спешил отмежевать себя и свою школу от этого греческого «падения».... Вся эта кипа новых киевских богословов с Петром Могилой во главе, решила создать катехизическое изложение православных догматов с тенденцией отмежеваться от всякого протестантизма и с искренней, по их школьному закалу, римско-католической окраской во многих подробностях. Так родилась на свет вероисповедная книга «Православное исповедание», которое в XVIII в., по подражанию Западу, стало называться впервые «символической книгой». Однако прежде чем утвердиться в таком статусе, эта книга прошла довольно сложный путь. Она детально рассматривалась на соборе духовенства (епископов, архимандритов и игуменов) в Киеве, состоявшемся в 1640 г.. «Уже здесь обозначились некоторые разногласия, в частности по вопросу о загробной судьбе и пути душ (вопрос о «Земном рае» и «чистилище»), и ещё о возникновении душ. Могила защищал

креационизм (учение о творении Богом; прим. наше) и, по-видимому, прямо говорил о чистилище. Кроме того, долго спорили о времени преложения Святых Даров» (49). После этого обсуждения сочинение Могила под названием «Изложение веры руссов» было представлено на суд восточных богословов. Друг митрополита Валашский воевода Василий Лупулл организовал в мае 1643 г. в Яссах специальное совещание по поводу этого сочинения. «На совещании Киевское вероизложение подверглось строгой критике греческого богослова Мелетия Сирига» (20). В дальнейшем он перевёл это сочинение на греческий язык. «и в своём переводе сделал чувствительные изменения и поправки» (49). Вот в этом варианте сочинение и было утверждено восточными патриархами, получив название: «Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной». Иерусалимский Патриарх Нектарий даёт высокую оценку этому сочинению митрополита Петра, характеризуя его, как «исповедание правое и чистое, не имеющее в себе ни малейшей примеси от новизны каких-нибудь других Исповеданий». Столь же высоко оценил это сочинение и Синод Константинопольской Церкви (1645.03.11), в заседании которого участвовали патриархи Антиохийский, Александрийский и Святого града Иерусалима. Но Константинопольский Патриарх Парфений делает при

этом характерную оговорку: «Впрочем, другую часть оной (книги), представленную на латинском языке, мы не читали: посему утверждаем ту только, которая писана на нашем языке...». Другими словами, принимается «Изложение» в редакции греческого богослова Мелетия Сирига, внесшего в сочинение, как говорилось выше, существенные изменения и поправки. «По-видимому, Могила не был удовлетворён новой редакцией. Во всяком случае «Исповедание» не было издано в Киеве, а вместо того в 1645 году выпущен был т.н. «Малый Катихизис» Могила, ...где не все поправки Сирига были приняты...» (49). Есть, правда, и другое, может быть даже более вероятное, объяснение появления «Малого Катихизиса». «Пока тянулся долгий период принятия иерархическими верхами Восточной Церкви общештабного текста обширного изложения, школа и церковная жизнь требовали краткого катихизического текста православного вероучения. Для удовлетворения этой потребности Пётр Могила написал и напечатал в Киеве в 1645 г. на разговорном южнорусском языке: «Собрание короткой науки об артикулах веры»... Этот «Малый Катихизис» П. Могила опять-таки составил по плану и в духе известного латинского катихизиса Петра Канизия. Исключены из него только два остро-латинских пункта: примат папы и филиокве, и то лишь по букве» (20).

Этот катехизис с некоторыми исправлениями был вскоре издан в Москве и принят Русской Церковью в качестве учебника для духовных школ. Полное же издание «Исповедания» на греческом языке было осуществлено лишь в 1667 г. в Голландии. По благословию Московского Патриарха Иоакима оно в 1685 г. было переведено на славянский язык и с 1696 г. принято в общее употребление. Современные русские богословы не склонны считать это сочинение как «не имеющее в себе нималейшей примеси от новизны каких-нибудь других Исповеданий». «Православное Исповедание», - говорит прот. А.Шмеман, - ... было исповеданием в сущности латинским, по латыни оно было и написано. Оно отвергало, правда, папский примат, но весь дух его был католическим». «Общий стиль остаётся всё же римским, - заключает другой богослов. - Его не изменила и цензура Мелетия Сирига, - ведь и сам он учился в латинской школе в Падуе... и придерживался Беллармина...» (49). Тем не менее, для своего времени это сочинение было, как сегодня бы сказали, «знаковым событием» и сыграло важную роль в опровержении обвинений православных со стороны их противников в неправославии.

Преемником митрополита Петра на Киевской кафедре стал (в 1647 г.) первый ректор Могилянской коллегии, епископ Мстиславский СИЛЬВЕСТР (Коссов). Это был тоже весьма

образованный иерарх (окончил Виленскую братскую школу, Люблинский иезуитский коллегий, Замостянскую академию в Польше, слушал лекции в Оломоуце и Вене), явный последователь Петра Могилы и продолжатель его линии в отношениях с Москвой, Константинополем и королём Речи Посполитой. Но быть первоиерархом Православной Церкви ему выпало в ещё более сложное время, чем его предшественнику. Это было время казацких волнений на Украине, восстания Богдана Хмельницкого, разделения Украины на Левобережную, включая Киев (тяготеющую, а затем - присоединившуюся к Московскому государству) и Правобережную (оставшуюся под властью Польши), войн Речи Посполитой с Россией и Швецией. Эти обстоятельства повлекли за собой существенное обострение религиозной ситуации в стране. От главы Церкви в этой ситуации требовались и осторожность, и дальновидность, и твёрдость, и гибкость. Похоже, что митрополиту Сильвестру подобные качества были присущи. По оценке современных писателей, «Сильвестр Коссов был известным политиком, писателем, полемистом, реформатором... К этим чертам его личности следует добавить необычный динамизм и организаторские способности. Коссов был достойной подражания, заметной фигурой среди православной общественности. Современники весьма ценили его диплома-

точность, смелость в принятии непопулярных решений, решительность в отстаивании независимости Киевской митрополии» (61). В силу означенных выше событий митрополит Сильвестр воленс-ноленс оказался вовлечённым в область государственных интересов, проводимых Польшей, Россией и Турцией. Да и сам он по своей натуре и убеждениям не склонен был оставаться посторонним наблюдателем происходящего. Но он прекрасно понимал, что в подобной ситуации всякий неверный шаг, сделанный им, может иметь роковые последствия для возглавляемой им митрополии. По сути дела, у него были две возможности: сохранять лояльность прокатолической всё более не толерантной к православным власти Речи Посполитой, или присягнуть на верность православному русскому царю, что влекло за собой новые репрессии в епархиях, находящихся под властью польского короля, и потерю статуса особой митрополии, которую Киев имел до этого времени. Ни та, ни другая перспектива митрополита Сильвестра не радовала. Он предпочитал бы пройти, образно говоря, «между Сциллой и Харибдой». По максимуму, его заветной мечтой было создание самостоятельного Киевского Патриархата, фактически независимого от Москвы и Константинополя, и твёрдо ограждённого законами Речи Посполитой от посягательств униатов и католиков. Ему, в данной

ситуации, необходимо было учитывать и настроенность своего духовенства и паствы, а здесь однозначной позиции не было. Паства областей, находящихся в пределах т.н. казацкой вольницы (Левобережная Украина), была менее полонизирована и тяготела к православной России; Правобережная Украина, Литва и часть белорусских областей были в сфере влияния католической Польши. Все эти сложности и обусловили некоторую двусмысленность и неопределённость в позиции и действиях митрополита Сильвестра.

Ещё в бытность его епископом Мстиславским, при митрополите Петре Могиле, появился АНОНИМНЫЙ МЕМОРИАЛ (докладная записка, памятка) по вопросу урегулирования межцерковных отношений. Считалось, что его авторами были митрополит Пётр Могила и киевский каштелян Адам Кисель, известный политический деятель того времени. Позднейшие исследования, однако, показали, что «свой вклад в подготовку мемориала внёс тогдашний белорусский епископ Сильвестр Коссов» (61). В мемориале проводилась мысль, что в вопросе веры между Православной и Католической церквами нет существенного различия. Различия существуют лишь в области организационных структур и обрядах. Но они – не повод для разделения, так как обе Церкви признаются апостольскими. Поэтому уния Церквей вполне

приемлема, но не в той форме, которая осуществлена в Бресте в 1596 году. В основу подлинной унии должно полагаться соглашение духовенства и мирян с Римом без разрыва связи с Константинополем. Добровольное решение об унии должны принять духовенство и паства. В условиях Речи Посполитой дискуссия на эту тему (о соединении церквей) надлежит провести на синоде шляхты и духовенства обеих русских церквей (т.е. православных и униатов), созванном Сеймом. Постановления такого синода и могли бы стать основой объединения с Римом. Униаты и православные образовали бы общую Церковь (Русскую) с избранным на синоде митрополитом, который не был бы (konsekrowanu) konsekрованы ни Папой, ни Патриархом. Митрополит затем признал бы главенство Папы. Оставаясь «восточной», сохраняя неизменной свою обрядность, Русская Церковь прямо (организационно) подчинялась бы Константинопольскому Патриарху, а косвенно (pośrednio) Папе Римскому. В Литве даже предпринимались шаги к реализации этой идеи. 25 апреля 1647 г. король Владислав IV созвал в г. Вильне СЪЕЗД православной общественности, который принял обращение к Папе, повторяющее положения мемориала Петра Могилы. В следующем месяце, здесь же в Вильне, состоялась встреча православной и униатской шляхты для обсуждения того же вопроса. В целом согласие было достиг-

нута. Православные, при этом, означили оговорку относительно учения Филиокве, которое в мемориале Петра Могилы безоговорочно принималось, и заакцентировали свою юрисдикционную подчинённость Константинополю, но «вместе с тем заявили о косвенном признании папского примата» (61). В итоговом документе, в частности, говорилось: I. Православные заявляют, что: 1) никто из греческого обряда не будет прибавлять к Символу веры «и Сына» (Филиокве); но никто не смеет и порицать латинян за употребление этого прибавления. Никто из Греков (т.е. православных; прим. наше) не должен говорить, что латиняне, употребляющие Филиокве, являются еретиками. Никто из греков и в своём учении не должен утверждать что-либо противоположное: каждый будет говорить, что Дух Святой есть духом Сына и исходит через Сына. 2) Все греческого обряда должны верить, что есть чистилище или третье место, в котором души умерших задерживаются...; никто из Греков не будет обязан верить, что в чистилище есть огонь, что есть огонь или его нет... 4) Все греческого обряда, будучи под властью Римского Верховенства, пусть зависят от Патриарха Константинопольского, при условии, что: а) Патриарх должен верить согласно с тем, что написано выше; (что) является верным христианином, должным образом посвящён и состоит в единстве с Церковью. б)

Патриарх будет избранный, будет обязан дать присягу королю, митрополиту и всем епископам русским; и заявит, что верит в Святую Церковь Римскую, инструменты веры которой исследованы, разрешены и признаны ортодоксальными, и что обряд греческий будет соблюдаться под святым Римским Верховенством. II. Униаты заявляют, что: 1) они не вводят дополнительных или новых церемоний, но всё, что ввёл Святой Отец сохранят; не только не будут провозглашать противного акту веры, но будут верить, что Дух Святой исходит через Сына или из Сына. 2) Униаты теперь не учат, что нужно обязательно верить в очистительный огонь, но лишь в то, что есть третье место (в котором находятся души) для тех, о ком нет молитв верных.....4) Униаты не будут возражать непосредственной зависимости от Патриарха, если это одобрит Столица Апостольская: а) первое условие обязательно; б) нужно добавить, что новопосвящённый патриарх должен выслать исповедание веры Римской Церкви, согласно с древним обычаем, и когда присяга Патриарха будет оглашена Столицей Апостольской, тогда Патриарх получит права относительно Русинов.

Рим, однако, не спешил сказать «да» даже такому, благоприятному для него проекту. Дело в том, что «смерть Петра Могила католики и униаты жаждали использовать для подчинения Православной Церкви своей юрисдикции....

Столица Апостольская придерживалась мнения, что вакантное место митрополита следует занять униатам, православные церкви закрыть, а их прихожан присоединить к Униатской церкви» (54). Поэтому избрание 25 февраля 1647 г. на Киевскую кафедру православного епископа Риму не понравилось. «3 июля 1647 г. Конгрегация Пропagанды и Веры, рассмотрев вопрос номинации Сильвестра Коссова на пост митрополита Киевского, поручила нунцию Яну де Торрес занять отрицательную позицию в вопросе утверждения этого избрания королём» (61). Король, однако, вынужден был считаться с политической ситуацией в стране и, боясь новых волнений, которые могло бы вызвать пожелание Рима, выдал Сильвестру Коссову «привилей» на пост митрополита Киевского.

Вопрос о Православной Церкви рассматривался и на майском сейме 1647 г. в Варшаве, где вновь были подтверждены «всё права, которые народу русскому, в Греческой вере пребывающему», даны Варшавским сеймом 1635 г. в т.н. «статьях примирения». Король Владислав IV, ободрённый результатами переговоров православных с униатами, и желая реабилитировать себя перед Римом за утверждение киевским митрополитом Сильвестра, лично встречается с представителями Православной Церкви – митрополитом Киевским Сильвестром, воеводой Браสลавским А.Киселем и каште-

ляном Киевским М.Бжостовицким. На встрече обсуждался проект православно-униатского съезда, который намечалось провести 15 июля 1648 г. в Варшаве. Но этому проекту не суждено было осуществиться. «Смерть короля Владислава IV и вспыхнувшее восстание Богдана Хмельницкого перечеркнули проекты Унии „Руси с Русью» (61). Митрополит Сильвестр «отказался от всякого активизма в этом направлении в виду противоположных планов Хмельницкого» (20). Нельзя не учитывать и то, что «среди низшего духовенства и большинства верующих доминировали антиуниатские настроения, требующие ликвидации Унии как таковой» (61). Восстание Богдана Хмельницкого было в начале весьма успешным и Речи Посполитой пришлось вступить с ним в переговоры и заключить мирный договор, на условиях выдвигаемых казачеством. «Казаки требовали упразднения на контролируемой ими территории Киевщины Униатской церкви и всех её земельных и иных владений. Требовали признания за Православием в указанных границах всех его исконных до Унии прав и свобод и введения в Сенат православного митрополита с двумя епископами» (20). Король Ян Казимир вынужден был согласиться на эти условия и 15 августа 1649 г. был подписан т.н. ЗБОРОВСКИЙ ДОГОВОР или трактат. «По Зборовскому трактату... предполагено – уничтожить Унию в

Литве и Польше, как породившую раздор в населении и вызвавшую кровавые гонения; Православной Церкви во всех областях Западно-русских и в Литовском княжестве представить прежние её права и привилегии, а Киевскому митрополиту дать место в Сенате; иезуитским школам не существовать ни в Киеве, ни в других казачьих поместьях...» (27). Король обещал провести эти постановления через Варшавский сейм. Такое развитие событий весьма обеспокоило Католическую Церковь как в Речи Посполитой, так и в Риме. Незамедлительно были предприняты тайные и явные шаги на срыв Зборовских соглашений. Папский нунций Ян де Торрес направил депеши в Ватикан, королю Яну Казимиру, канцлеру Речи Посполитой и членам Сената с призывом, чтобы на Варшавском сейме «вера католическая не испытала никакого ущерба». Папа Иннокентий X 15 октября 1649 г. направил королю письмо, в котором призвал его быть решительным в противостоянии казачьим претензиям. Подканцлер Лев Сапега в письме от 4 сентября того же года заверил папского нунция, что «схизматики не только не достигли своих целей, но даже не могут считать, что имеют на это какие-либо шансы. Соглашение подписано только королём, оно должно ещё быть утверждено палатой сенаторов и послов. Король, подписывая документ, принял все меры осторожности. Не ожида-

лось скорого окончания восстания и мира в стране; но теперь на приближающемся сейме интересы Костела, безусловно, не будут забыты. Не надо упускать из виду вопроса права заседания в Сенате, так как ясно не сказано, какому митрополиту оно принадлежит – униатскому или схизматическому. Что же касается повторной передачи церквей, признанных за униатами, то реализация этого пункта весьма сомнительна и лично я верю, что перемены если и будут, то скорее на пользу нашей религии, а не в ущерб». Из этого письма видно, что польская сторона и не собиралась выполнять положения Зборовского трактата. Так что не удивительно, что Сенат не утвердил Зборовский договор, а без этого утверждения он не имел юридической силы. Когда, в соответствии с договором, митрополит Сильвестр прибыл на сейм в Варшаву и в числе других православных послов был даже принят королём, участвовать в работе сейма ему всё же не довелось. «На весть о том, что Сильвестр Коссов добивается места в Сенате, латинские епископы пригрозили, что они уйдут с заседаний, если в них будут участвовать представители православной иерархии». «Светских диссидентов в Сенате терпим, - заявляли они, - так как они в область веры не вмешиваются, но духовные диссиденты и схизматики в Сенате места иметь не могут» (61). По словам папского нунция, Сильвестру Коссову предложено было

за место в Сенате признать власть Папы, подписаться под постановлениями Флорентийского собора и принять учение Костела о исхождении Святого Духа и о чистилище. Выступление против включения митрополита Сильвестра в состав Сената «начались, когда митрополит решительно отверг эти предложения и домогался возврата церквей захваченных униатами» (61). Опасаясь, что обструкция, устроенная митрополиту Сильвестру, вызовет резкий протест православных и возобновление казацкого восстания, король Ян Казимир прибегнул к испытанному уже его предшественником средству: 12 января 1650 г. он издал свой КОРОЛЕВСКИЙ УНИВЕРСАЛ (или диплом) под названием «Апробация сеймовая прав и свобод Греческой религии русского народа», которым подтверждались договорённости Зборовского трактата относительно православного исповедания. В частности, в нём говорилось: «...Народ же русский весь духовного и мирского, шляхетского и мещанского чина при древних правах и вольностях сохраняя, обещали мы на нынешнем сейме, по учинённому с Киевским митрополитом и духовенством условию, Унию истребить, и весь народ русский успокоить, и в их религии Греческой учинить удовлетворение». «Позволяем всему русскому народу, не в Унии состоящему, во всём Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, как и прежде

было, свободное отправление веры, а митрополиту ношение (в смысле – преднесения; прим. наше) в своей епархии креста, как отличный знак митрополитский». Православным в очередной раз обещалось возратить церкви, упомянутые в «статьях успокоения» Владислава IV (и даже те, которые в этих статьях возвращать не разрешалось); позволялось строить новые деревянные и каменные церкви на тех местах, где они существовали ранее. Разрешалась деятельность братств, даже тех, которые по тем или иным причинам были запрещены. Православное духовенство освобождалось от непомерных налогов, войсковых постоев и общественных работ. «Сравнение этого диплома с теми сеймовыми постановлениями и королевскими привилегиями, которые были изданы при Владиславе IV, показывает, что православные по нему получили то, чего не имели прежде... Но, предоставляя православным кое-что новое, диплом этот далеко не отвечал Зборовским статьям, хотя составлялся на основании последних. Зборовский договор обещал сенаторское кресло православному митрополиту и уничтожение Унии; но в дипломе Яна Казимира об этих предметах нет ни слова» (6). Впрочем, в универсале было обещание: «...А если ещё что-либо необходимо для основательного успокоения и на этом сейме из-за множества дел не принято в рассуждение, то всё это удерживаем

до будущего сейма». В дальнейшем такое «решение» вопроса – отодвигая его на будущий сейм, на котором он тоже не решался «из-за множества дел», – практиковалось довольно часто самим сеймом.

Кроме дарования этого в целом благоприятного для Православной Церкви универсала, король, спустя два дня, организовал ещё для православных делегатов утешительную встречу с сановниками двора и некоторыми сенаторами. На этой встрече, как писал позднее её участник Литовский канцлер Альбрехт Радзивилл, «тот их митрополит, попросив слова, напомнил, что согласно трактатам он вместе с владыками должен иметь место в Сенате, но, смиряясь (надевши овечью шкуру на лисью), не домогается этого, полагая, что этот вопрос будет лучше отложить до другого сейма». Смирение митрополита Сильвестра, действительно, скорее всего, объясняется трезвой оценкой ситуации, решением ограничиться «синицей в руке» и попытаться извлечь из королевского универсала максимально возможное. Однако в то время, как отмечают исследователи, «в Польше при широкой свободе шляхты... легче было добиться какого-либо узаконения, чем привести его в жизнь, воспользоваться им фактически. Здесь законы только писались, но не исполнялись... Для того, чтобы применить в жизни известный закон, необходима была сила. Не удивительно

поэтому, что православные далеко не воспользовались тем, что им было предоставлено юридически» (6). Всё же, воспользовавшись королевским универсалом, митрополит Сильвестр по возвращении из Варшавы смог посвятить на вдовствующие кафедры НОВЫХ ЕПИСКОПОВ. На Перемышльскую был поставлен Антоний (Винницкий), на Луцкую – Иосиф (Чаплица), на Мстиславскую – Иосиф (Горбацкий) и на Хелмскую – Дионисий (Балабан). «Таким способом королевский универсал от 12 января 1650 г. положил начало воссоздания православной иерархии, которая вместе с Владыкой Львовским Арсением (Желиборским) состояла из митрополии и шести епископств, охватывающих семь епархий» (61). Универсал короля и особенно оперативность митрополита Сильвестра вызвали, как и следовало ожидать, новую волну недовольства католиков, униатов и местных властей. Под её натиском король вынужден был отступить от своих обещаний. Так, вопреки положениям универсала, он не утвердил номинацию епископа Дионисия на Хелмскую кафедру. 26 октября 1650 г. воевода Киевский Адам Кисель в письме королю сетовал, что «на пространстве Великого княжества Литовского привилегий православным не подтверждено и церковей им не возвращено» (61).

Невыполнение польской стороной Зборовского договора, не только в области церковной,

спровоцировало возобновление военных действий. На этот раз они были не в пользу Богдана Хмельницкого. Потерпев чувствительное поражение под Берестечком, казаки вынуждены были пойти на заключение нового мира, но уже на условиях Польши. Подписание мирного договора состоялось 17 сентября 1651 г. под Белой Церковью. В Белоцерковском договоре об обещаниях, содержащихся в универсале короля, уже упомянуто не было. Сказано лишь: «Греческая религия, которую исповедует войско Запорожское Его Королевской Милости, кафедры, церкви, монастыри и Киевский коллегиум, сообразно со старыми правами, должны быть сохранены при давних вольностях». Но и этого Варшавский сейм не утвердил. А вскоре папский нунций обратился к королю с петицией о возвращении униатам того, что православные успели получить в соответствии с королевским универсалом от 12 января 1650 года. 14 октября 1651 г. Папа Иннокентий X направил королю благодарственное письмо, в котором хвалил его за набожность, победу и отклонение «проклятых, вынужденных схизматиками, привилегий» и наказывал и в дальнейшем «не поддаваться нажиму схизматиков» (т.е. православных). Послушный король вновь отнял у православных Хелмское (или Холмское) епископство и передал его униатам. Подобным образом были переданы и церкви в Люблине; возникли на

этой почве проблемы в Перемышльской епархии. Митрополит Сильвестр, стараясь укрепить дух православных в это трудное время, совершил ряд поездок по своим епархиям. Он не мог не видеть, что православный народ и значительная часть низшего духовенства всё более склонны были искать защиты и помощи у своей соседки – православной России. Они всё чаще обращались со своими жалобами на поляков к Московскому царю и просили его о помощи. Предводитель казачества великий гетман Богдан Хмельницкий, улавливая эти тенденции и терпя поражения от войск Речи Посполитой, активизировал переговоры с двором Московского царя Алексея Михайловича о присоединении Украины к России. Царь Алексей Михайлович всё более смело начинает выступать в роли защитника Православия в бывших западно-русских землях. Посылая в конце апреля 1653 г. своих послов в Польшу, он даёт им наказ, в котором говорилось, что ещё с 1648 г. «стужают Российскому Государю гетман Хмельницкий и всё Запорожское войско с одной стороны жалобами на Речь Посполитую о великом утеснении, гонении и поругании исповедуемой ими издревле благочестивой Греческой веры, о превращении их храмов в Унию, о неисполнении учинённых между ими и Речью Посполитой договоров под Зборовом и Белою Церковью..., а с другой стороны просьбою, дабы

он, Государь, умилился над ними, и по единоверию своему, приняв их под свою царскую высокую руку, освободил бы от неволи...». Послам наказывалось требовать от Речи Посполитой выполнения Зборовского договора, в том числе и истребления Унии. Однако послам в Польше ответили, «что Речь Посполитая Польская крайне сожалеет, не будучи до сих пор от Государя предуведомлена о начавшей ещё с 1648 года переписке и прошение в Российское подданство его Хмельницкого..., что Король не может, не нарушив присяги, истребить Унию; да и под Зборовом никогда Он не обещал, чтоб неуниаты, то есть одна Русь только в Польше жила, но позволил и утвердил права обоего духовенства, следуя в том примеру своих предшественников: истребить же Унию то же бы самое значило, как истребить в России стародавнюю Греческого закона веру» (5). Москва же, хоть и побаивалась конфликта с Польшей, к концу 1653 года всё же решилась на принятие предложения Богдана Хмельницкого. В самом начале 1654 г. царский посол был направлен в Переяславль, где в это время проходила созванная Б.Хмельницким ВСЕНАРОДНАЯ РАДА, и объявил там государеву волю: «Великий Государь, видя с королевской стороны исправление и досады и вечному dokonчанию нарушение и не желая того слышать, чтоб вам, единоверным православным христианам, быть

в конечном разорении, а церквам благочестивым в запустении и поругании от латинов, под свою высокую руку вас, гетмана Богдана Хмельницкого и всё Войско Запорожское с городами и землями, от королевского подданства преступлением присяги его свободных, принять велел и помощь вам своими ратными людьми чинить велел...» Рада же вся согласно восклицала: «Волим под царя восточного православного! Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы веки все едино были» (43).

Совершилось, таким образом, важное политическое событие – левобережная (по реке Днепр) часть Украины, т.н. Малороссия, вышла из подчинения Речи Посполитой и присоединилась к Московскому государству. Это событие самым существенным образом отразилось на положении и судьбе Киевской митрополии, в состав которой входили православные Литвы. Прежде всего, произошло территориальное разделение: Киев, где находилась кафедра митрополита, и Чернигов оказались под властью православной Москвы, а остальная часть митрополии – под властью католической Польши. Митрополит Сильвестр в своих действиях не мог не считаться с таким положением своей Церкви. Он не без основания опасался новых репрессий в отношении православных, оставшихся на территории Речи Посполитой. Во-вторых, «политическое воссоединение Мало-

россии с Москвой, естественно, выдвинуло вопрос о церковном подчинении этой страны Московскому Патриарху. Церковная зависимость её от Константинопольского Патриарха не мирилась теперь с политической зависимостью от Москвы» (27). Но если большинство паствы и низшее духовенство желали оказаться под омофором Московского Патриарха, то «высшее духовенство Малороссии на подчинение Москве смотрело ...подозрительно и боязно». «В интересах своей самостоятельности, они находили невыгодным менять номинальную зависимость от Константинопольского Патриарха на действительную зависимость от Московского» (27). Этими мотивами и можно объяснить довольно сдержанную и уклончивую позицию митрополита Сильвестра к происшедшим событиям. Он не принимал заметного участия в предшествующих присоединению переговорах Богдана Хмельницкого с Москвой и, как мог, уклонялся затем от присяги на верность Русскому царю. Посланник царя Василий Бутурлин, добываясь от митрополита этой присяги, вопрошал: «Почему в то время, когда гетман Богдан Хмельницкий и всё Войско Запорожское много раз били челом великому Государю принять их под свою высокую руку, ты никогда о том не бил челом, не писал и не искал себе милости царской?» Митрополит Сильвестр отвечал, что он ничего об этом не знал, а теперь за Госуда-

рево многолетнее здоровье и за Государыню царицу... он должен Бога молить». Относительно же присяги отвечал, «что в пастве его много епископов и духовенства, которые остаются в литовских городах, что если король узнает о присяге его шляхты и дворовых людей царю, то велит изрубить этих епископов и духовенство, и он, митрополит, обязан будет отвечать за души их Богу» (43). В конце концов, уступая давлению царских послов и гетмана, митрополит Сильвестр подписал присягу на верность царю, но переходить в юрисдикцию Московского Патриархата явно не спешил, «желая предварительно снести со своим Патриархом в Константинополе» (3). Он также направил свою делегацию к московскому царю Алексею Михайловичу и обратился к нему с ходатайством, «чтобы малороссийское духовенство по-прежнему оставалось в ведении Константинопольского Патриарха, чтобы духовные лица назначались на свои должности из малороссов по свободному избранию духовенства и мирян; москвичи же в Малороссию на церковные должности назначаться не должны, а равно и виноватые из малороссийского духовенства не должны вызываться на суд в Москву» (27). Характерно, что под этой петицией митрополит Сильвестр подписался полным своим титулом: «Православный архиепископ, митрополит Киевский, Галицкий и всей Малой Руси, Экзарх

апостольской кафедры Константинопольской».

Царь Алексей Михайлович в это время находился в войсках; шла война между Россией и Польшей именно за Малороссию. Война была успешной для российского оружия: московские войска заняли почти всю Литву, Белоруссию и южные области Польши. Царь обещал посланцам митрополита Сильвестра, что вопрос о юрисдикции его митрополии будет рассмотрен по возвращении в Москву. «Москва решила не прибегать ни к прямому насилию над митрополитом, ни к ссоре с греками. Как раз в тот момент Царь и Патриарх поддерживали с греками солидарность в злободневных вопросах исправления церковных обрядов и текстов богослужбных книг... Вопрос о Константинопольской юрисдикции в Киевской Руси (по греческой терминологии в «Малой Руси») оставлен пока «на весу», в переходном состоянии» (20). Однако политическая ситуация складывалась не в пользу позиции митрополита Сильвестра. Отвоевав у Польши Смоленскую и Полоцкую земли, Россия, на правах победителя, присоединила их епархии к Московскому Патриархату без сношения с Константинополем и без какого-либо согласования с митрополитом Сильвестром. «Патриарх Никон был крайне недоволен поведением митрополита» (27). На освободившиеся униатские кафедры (униатские епископы ввиду наступления российских войск

оставили свои кафедры и бежали в Польшу) «Никон без консультации с митрополитом Сильвестром Коссовым назначил своих заместников» (61), а себя стал именовать «Патриархом Московским Великой, Малой и Белой Руси». Фактически Москва решила уже ВОПРОС О ЮРИСДИКЦИИ Киевской митрополии, хотя официально, ввиду того, что вопрос не был урегулирован с Константинопольским Патриархом, он по-прежнему оставался «на весу». Малороссийский гетман Богдан Хмельницкий, который в этом вопросе был солидарен с митрополитом Сильвестром, обратился в марте 1657 г. к Патриарху Никону с просьбой отнестись благосклонно к желанию митрополита сохранить титул «митрополит Киевский, Галицкий и всей Малой Руси, Экзарх Святейшего Константинопольского Патриаршего Престола». Ответа на это прошение ни Богдан Хмельницкий, ни митрополит Сильвестр не дождались.

Митрополит Сильвестр (Коссов) скончался 25 апреля 1657 года, так и не поехав в Москву «бить челом» Московскому царю и Патриарху Никону. Гетман Богдан Хмельницкий назначил выборы нового митрополита на 27 августа, но сам не дожид до этого события, скончавшись в начале месяца. Смерть этих известных деятелей ещё более осложнила ситуацию. Политическую власть в Малороссии захватил шляхтич Иван Выговский – человек пропольской ориентации.

При нём и состоялись, 16 декабря 1657 г., выборы нового митрополита: им стал кандидат Выговского епископ Луцкий Дионисий БАЛАБАН. «Избрание Дионисия Балабана состоялось с согласия Яна Казимира» (61). В вопросе церковной юрисдикции новоизбранный митрополит придерживался взглядов своего предшественника. На встрече с московским послом Б.Хитрово, предлагавшим ему перейти под руку Патриарха Никона, Дионисий заявил: «...Со времён крещения Руси все митрополиты Киевские принимали благословение от патриархов Константинопольских; подобно и я без благословения того же Патриарха не имею права подчиняться Патриарху Никону» (М.Бендза). В Москве не признали Дионисия митрополитом Киевским, несмотря на то, что Константинополь в марте 1658 г. таковым его утвердил. «Московское правительство... без всякого сношения с Константинопольским Патриархом, которому всё ещё подведомы были Киевские митрополиты, поставило туда своего местоблестителя. Это был Нежинский протопоп Максим Филимонов, в монашестве принявший имя Мефодия...» (2). Однако «у московского правительства, боровшегося в этот момент с Никоном, не было желания усугублять конфликт с Константинопольским Патриархом, и поэтому Мефодий получает титул епископа Мстиславского, как символ лишь временного

заведывания митрополией» (20). Разумеется, что митрополит Дионисий не признал поставленного Москвой местоблюстителя и, в пику Москве, на ту же Мстиславскую епископию поставил своего епископа – Иосифа (Нелюбович-Тукальского), а сам, во избежание неприятностей, поселился

Дионисий Балабан

в Чигирине под защитой гетмана И. Выговского, открыто перешедшего на сторону Польши. Константинополь, безусловно, понимал подлинный смысл «временного» заведывания Московской Киевской митрополией, поэтому тоже не признал её, и по жалобе Дионисия объявил Мефодия запрещённым в священнослужении.

Тем временем политические события развивались не менее напряжённо. 16 сентября 1658 г. гетман Иван Выговский заключил с королём Речи Посполитой ДОГОВОР (Голяцкий), «в силу которого Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства должны были составить отдельное целое в организме Речи Посполитой и соединялись с нею на тех же самых началах, что и Литва. Этот договор интересен в том отношении, что Православие по нему занимало со-

вершенно новое юридическое положение, уравниваясь во всём с Католичеством»(6). Православным разрешалось пользоваться «свободно и открыто своим богослужением»; свободно сооружать церкви, монастыри и ремонтировать старые; Киевскому митрополиту вместе с владыками Луцким, Перемышльским, Львовским и Мстиславским (из Великого княжества Литовского) заседать в Сенате с теми же правами что и у католических бискупов; «Греческая религия никому не должна служить препятствием к вступлению в магистрат»; разрешалось иметь православную Академию в Киеве и ещё одну в ином месте; без всякого препятствия открывать гимназии, коллегии, типографии, печатать религиозно-полемическую литературу. Одним словом, всё то, чего так много лет безуспешно добивались православные. Что же касается униатов, то о них сказано лишь, что «из людей той веры, которая противна вере Греческой православной, и которая между народом Римскую веру и народом Греческую веру исповедующим разногласие умножает, никто ...церквей, монастырей и усадьбы созидать, строить и умножать, как в маестностях духовных, так и в королевских и в своих наследственных собственных не имеет... и не надлежит ему чинить это во вечное время» (5). В договоре также отмечалось, что все церковные имения, неправильно отнятые, были бы возвращены по принадлежности в

самом скором времени. Сейм 1659 года утвердил статьи Годяцкого договора; более того, как бы в подтверждение того, что Православная Церковь вполне уравнена с Католической, Сейм принял постановление об освобождении православного духовенства от налогов, от «панщины» (принудительных работ на владельца-пана), подвод, и т. п. обязанностей, от которых всё время было освобождено католическое духовенство. При всём этом, следует опять же заметить, что, как и в прежние времена, воплощение в жизнь принятых договорённостей во многом зависело от политической ситуации. А она вскоре после подписания этого договора стала складываться не совсем благоприятно для православных. В 1660 г. Польша заключила со Швецией, которая оккупировала ранее часть её территории, так называемый Оливский мир и стала затем предпринимать действия по возвращению земель, завоёванных Россией. В том же году казацкий гетман Юрий Хмельницкий предал Москву и перешёл на сторону Речи Посполитой. Это вызвало внутренние волнения и междоусобицу в Малороссии. Начались внутренние неурядицы и в Речи Посполитой. Затем в 1667 г. между Польшей и Московским государством было достигнуто соглашение, т.н. Андрусовский мир (а вернее перемирие на 13,5 лет), по которому Россия отказалась от завоёванной ранее Литвы, но сохранила за собой Смо-

ленск, Северскую землю, Левобережную Украину и г. Киев (сроком на два года), находившийся на правом берегу Днепра. Таким образом, юридически было закреплено разделение Малороссии на Левобережную и Правобережную, что не могло не отразиться на положении церковных дел в Киевской митрополии.

Ещё перед этим, в 1663 г. скончался митрополит Дионисий (Балабан). Его наследником на митрополичью кафедру киевское духовенство и казаки предложили Мстиславского владыку ИОСИФА (Нелюбович-Тукальского). Епископы же епархий, находящиеся в пределах польского влияния, выдвинули своего кандидата – Антония (Винницкого), епископа Перемышльского. Выборы состоялись 9 ноября 1663 г. в Корсуни, но консенсуса достичь на них не удалось, и каждая сторона представила на утверждение королю своего избранника. И король принял весьма примечательное решение: «чтобы удовлетворить обе группы, 22 ноября выдал «привилей» (грамота, содержащая пожалование; прим. наше) на управление митрополиту Тукальскому. А спустя два дня – Винницкому, запретив вместе с тем употребление этого титула владыке Мстиславскому (Белорусскому). Выдача монархом двух противоречивых привилеев усугубила разделения в православной иерархии, и повлекла к внутрицерковным конфликтам» (60). В принципе, решающее слово в утвержде-

нии кандидата на Киевскую митрополию принадлежало Константинопольскому Патриарху. Но до Константинополя было далеко, а развитие событий требовало неотложного решения, и такое разрешение коллизии решил взять на себя гетман Правобережной Украины Павел Тетера. В конце ноября он направил духовенству и мирянам грамоту, в которой призвал признавать митрополитом Киевским Иосифа (Тукальского) и всецело ему повиноваться. Но здесь вмешались польские власти, которые усмотрели в митрополите Иосифе «скрытую злость в отношении к Отчизне». В 1664 г. он был арестован и заточён в Мариенбургскую крепость (Восточная Пруссия), где содержался около трёх лет.

Иосиф Нелюбович-
Тукальский

По заточении митрополита Иосифа, король Ян Казимир 27 марта 1644 г., проигнорировав другого кандидата – митрополита Антония (Винницкого) и в нарушение принятых норм, волюнтаристически назначил митрополитом Киевским епископа Львовского Афанасия (Желиборского). Через три года польское правительство, испугавшись волнений связанных с арестом популярного митрополита и в силу Под-

гаецкого договора с казаками, выпустило митрополита Иосифа из тюрьмы. Вместе с тем, король отозвал свой привилей относительно утверждения его митрополитом Киевским, и 12 августа 1667 г. снова назначил администратором митрополии владыку Антония (Винницкого). Но так как Патриарх Константинопольский отказался утвердить владыку Антония на Киевской кафедре, то в глазах приверженцев митрополита Иосифа он оставался единственным законным возглавителем Киевской митрополии. Церковными же делами Белорусской (или Мстиславской) епархии, к которой относилась и Литва, фактически управлял его наместник архимандрит Слуцкий Феодосий (Василевич), впоследствии еп. Могилёвский. Напомним к сему, что по смерти митрополита Сильвестра по распоряжению гетмана Богдана Хмельницкого местоблюстителем (временноисполняющим) митрополии назначен был архиепископ Черниговский Лазарь (Баранович), а в 1661 г. Москва назначила своего местоблюстителя – епископа Мефодия (Филимонова), которого в 1669 г. заменила опять архиепископом Лазарем. Вся эту вереницу претендентов на Киевскую митрополию породила политическая нестабильность в пределах её территории, столкновение интересов соперничающих государств и Церквей. «Малороссия к сему времени распалась на три лагеря: заступивший место Юрия Хмель-

ницкого гетман Дорошенко отдался в покровительство Турции, гетман с московской стороны Брюховецкий тоже изменил Москве и ссылался с Польшею, а Киев пребыл верным России» (2). Соответственно этому, «над тремя государственно разделёнными теперь частями... установились три православных юрисдикции. Над восточной, оккупированной московскими силами, Украиной остался возглавителем архиепископ Лазарь (Баранович). Он не пожелал ехать в Москву для получения титула митрополита, ибо не отказывался от традиционного возглавления Константинопольского Патриарха, но толерантно принимал фактическое возглавление церковных дел Москвой. На самостоятельную маленькую территорию Запорожья опёрся со званием экзарха Константинопольского Патриарха епископ Иосиф (Нелюбович-Тукальский). А над православными русскими в польских границах король Ян Казимир утвердил управляющим православного епископа Антония Винницкого, канонически подчинённого Патриарху Константинопольскому» (20). С канонической точки зрения наиболее правомочным возглавителем митрополии был всё же владыка Иосиф (Тукальский), получивший в 1668 г. утверждение своего назначения на Киевскую кафедру с титулом «митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, экзарха Константинопольского Престола, епископа Белорус-

ского и архимандрита Лешинского» от Константинопольского Патриарха Мефодия III. «Декрет, наделяющий Тукальского званием экзарха, кроме Патриарха, подписали 18 греческих епископов» (60). Митрополит Иосиф предпринимал попытки централизации иерархической власти, налаживая переговоры с людьми Киевского воеводы Петра Шереметьева. Но «Москва не признала права Тукальского на митрополию Киевскую, несмотря на то, что воевода рекомендовал царю его признать» (60). Отрицательным был ответ царя и на просьбы митрополита о пребывании его в Киеве. «Алексей Михайлович на все эти просьбы отвечал, что «приезд в Киев митрополита невозможен, ибо это противоречит российско-польским договорённостям» (61). Так что местом пребывания Киевского митрополита Иосифа до самой его смерти был Чигиринский монастырь, находящийся во владениях гетмана Дорошенко.

Подобная «междоусобная брань» в пределах когда-то единой митрополии, как и продолжительная полувоенная, а то и военная, ситуация, естественно, не способствовали благостоянию Православной Церкви. И хотя в положениях Андрусовского соглашения оговаривалось «вольное... употребление веры Греческой, без всякого в отправлении службы Божией затруднения», польское правительство, как только оправились от шокового состояния, вызванного

недавними военными неудачами, снова начало постепенное наступление на права и свободы, которые на бумаге православным были обещаны. Уже на следующий год после заключения Андрусовского мира Варшавская Генеральная Конфедерация приняла постановление: «Ариане и отступники от Католической веры, равно как и от Унии, перешедшие в другое исповедание, не должны пользоваться покровительством сеймовых конституций, обеспечивающих свободу исповеданий...». Генеральная Конфедерация осуществляла свою деятельность в период так называемого «межкорольевья», когда бывший король Ян Казимир, удрученный неурядицами, отказался от престола, а избрание нового короля было назначено на май 1669 года. Им стал Михаил Корбут - Вишневецкий, «сын известного притеснителя православных Иеремии Вишневецкого» (6). Характерно, что уже Конвакационный сейм принял решение, отражающее определённое направление политики государства, гласящее, что кто не исповедует римско-католической веры, тот не может быть избран в короли, равно как и королевой может быть только католичка. Православные участники подготовили к этому сейму целый ряд предложений, но сейм не стал их даже рассматривать, сославшись на необходимость рассмотрения более важных дел. Зато «конвакационный сейм... объявил основой государственного благосостояния

Католицизм и Унию» (6). В годы правления Михаила Вишневецкого не было принято ни одного позитивного сеймового постановления в отношении православных. Историки отмечают, что «главной тенденцией конфессиональной политики правительства Речи Посполитой с 1686 г. становится уничтожение Православия вообще» (43). «Всецело преданная иезуитам Польша в лице своих послов требует на сеймах отнятия всяких прав у некатоликов. Дело православных, как и вообще разнорядцев в Польше, становится всё хуже и хуже. Число защитников их сокращается быстро. Шляхта в большинстве своём, особенно богатая и влиятельная, перешла в ряды Католичества и начала сильно теснить остальные сословия. Казачество вследствие своих междоусобий ослабло, разделилось на две части (русскую, подчинившуюся Москве, и польскую, державшуюся Речи Посполитой) и не могло теперь иметь такого влияния, какое имело при Владиславе IV и Яне Казимире. Православные братства, утратив из числа своих членов фамилии русских панов и шляхты и состоя теперь исключительно из мещан, не могли уже действовать так свободно и энергично, как в течение первой половины XVII ст. Не встречая сильных сопротивлений со стороны представителей Православия, католики начинают ограничивать его права всё более и более. Усилившийся под влиянием войн со

Швецией, Москвой и Турцией религиозный фанатизм поляков и политические соображения устранить причины внутренних волнений и междоусобий Речи Посполитой, в числе которых, по свидетельству исторического хода событий 50-ых и 60-ых годов XVII ст., главное место занимала религиозная рознь, побуждала польское правительство принять более решительные МЕРЫ К ИСКОРЕНЕНИЮ ненавистной схизмы, из-за которой Польша лишилась Левобережной Украины, и Смоленска» (6). Король Ян III Собесский (1675-1696) выдал униатам два диплома, которыми были утверждены «все приобретённые ими права, в том числе и незаконные. В то же время постановлением сейма 1676 г. были уничтожены вновь приобретённые права православных» (44). Этот сейм принял, например, конституцию «О невыезде за границу людей греко-русской религии». В нём говорилось, что в виду того, что выезжающие из Польши за границу лица под предлогом греко-русской религии, как бы ради религии и апелляции к Константинопольскому Патриарху, нередко информируют неприятеля о состоянии дел в государстве, сейм принимает решение, чтобы никто из светских или духовных лиц не дерзал бы ездить за границу или посылать туда своих представителей без разрешения короля и выдачи особого разрешения. Запрещается также без разрешения короля

приезжать в пределы Речи Посполитой из-за рубежа. Не трудно догадаться, что, возводя вокруг православных «железный занавес», польские власти не столько пеклись о пресечении возможного шпионажа, сколько боялись предания гласности своих действий по отношению к Православной Церкви. Это запрещение прежде всего било по православным братствам, которые и были наибольшей головной болью для властей, особенно те из них, которые находились в прямом подчинении Константинопольским патриархам (ставропигиальные). О них в сеймовой конституции было сказано, что все братства, которые уклоняются от юрисдикции местных иерархов, должны подчиниться юрисдикции и суду этих владык, а всякие сношения их с Константинополем воспрещаются под страхом смертной казни и конфискации имущества. «Польское правительство хотело совершенно изолировать своих православных от общения с православными соседями, что, при задуманном им плане энергичной пропаганды Унии, было для него очень желательно... Католики и ревнители Унии понимали значение братств и знали, что подчинение их местному архиерею, которого легче склонить к отступничеству, чем народную массу, сплочённую в братства, ослабит их и сделает неопасными для пропагандистской деятельности униатов; поэтому они и придумали ука-

занную меру по отношению к братствам» (6). Православные, как могли, протестовали против такого решения. Но рассмотрение этих протестов власти, следуя испытанной уже ими тактике, откладывали под различными предложениями до будущего сейма. Приведём типичное постановление Варшавского сейма 1667 года. «Так как и на нынешнем Сейме из-за важных дел Речи Посполитой и попечения о всеобщем покое ходатайство земских послдов воеводства Русского об удовлетворении жителей Греческого исповедания касательно некоторых пунктов конституции... под титулом «О невыезде за границу» исполнено быть не могло, то удовлетворение сего дела отлагаем до будущего Сейма, повелевая, чтобы на этот Сейм униатские и неуниатские власти духовные, митрополиты, епископы, архимандриты и старшие (игумены) монастырей в Польше и Литве имеющихся, так же ставропигиальные братства духовные и светские, для получения совершенного в требованиях своих удовлетворения приехали. А до того времени, отлагая до будущего Сейма спорные их дела, тишину и спокойствие между униатами и неуниатами сим утверждаем, под наказанием, в Конституциях изображённым».

В числе мер, имеющих целью «уничтожение Православия вообще», **НОВОЕ ДЫХАНИЕ ПОЛУЧИЛА** идея церковной унии. Во времена правления Яна Собесского (1675-1696гг.) в этом

направлении предпринимались как открытые, так и тайные шаги. К последним можно отнести встречу папского нунция Г. Марескотти со Слуцким архимандритом Феодосием (Василевич), наместником митрополита Иосифа в Белорусской (Могилёвской) епархии, состоявшуюся весной 1670 г. в Остроге. «В ходе разговора затрагивалась проблема церковной унии. Феодосий Василевич заявил, что церковного единства можно достичь лишь на совместном соборе православного и униатского духовенства. Нунций попросил, чтобы православная сторона представила свои взгляды по этому вопросу в письменной форме, чтобы их могла рассмотреть Столица Апостольская. Одновременно нунций высказал сомнение в целесообразности конгресса, мотивируя тем, что если положения будущей Унии будут Римом приняты, то не будет необходимости созыва конгресса» (61). Был, также, затронут вопрос наименования будущих униатов. Архимандрит Феодосий предлагал назвать их «Католики греческой традиции» или «Древние греки» в виду того, что слово «уния» у православных вызывает неприятные ассоциации. Кроме того, он предложил нунцию собственный проект универсальной унии – «*Media universalis Concordia Graecae et Romanae Ecclesiae*». Дальнейшего развития эти переговоры, однако, не получили, так как «информацию о встрече Феодосия Василевича с нунцием митрополит

Тукальский воспринял неодобрительно; велел прервать переговоры, угрожая архимандриту Слуцкому каноническим прещением» (60). Но Столица Апостольская не прекратила усилий по осуществлению своих планов. Конгрегация Пропаганды и Веры в письме от 21 июля 1670 г. рекомендовала новому нунцию в Польше продолжать униальные переговоры и наказывала «использовать все средства для достижения этой цели». Нунций со своей стороны в письме кардиналу Франциску Барберину обещал, что сделает всё, «чтобы сократить схизматиков в Литве» (*Litterae nuntiorum*). К тому времени их в Великом княжестве Литовском было ещё около 70 приходов.

Одним из средств к достижению заветной цели было возвращение в Унию православной иерархии. Первым достижением был Львовский епископ Иосиф (Шумлянский). Бывший униат он в 1667 г. перешёл в Православие и всеми правдами и неправдами добился Львовской кафедры. Сегодня трудно уже сказать, был ли этот переход в Православную Церковь искренним или – только звеном заранее задуманного плана. Известно лишь, что уже в 1671 г. Шумлянский писал Папе Иннокентию XI о своей готовности отречься от Православия и вновь присоединиться к Унии. «Папа потребовал от Шумлянского открытого присоединения к Унии, но Шумлянский пока не счёл возможным

решиться на это. У него зародились более широкие планы. Он и его единомышленники хорошо понимали, что при всех вещественных благах им будет очень неудобно, если они одни примут Унию без паствы, в силу чего Шумлянский составил целую программу действий совращения православных в Унию, основным требованием которой была тайна, ибо он полагал, что ещё не наступило время действовать открыто. Суть этой программы сводилась к следующим требованиям: а) уравнивать во всех правах униатское духовенство с католическим и подтвердить это уравнивание сеймовой конституцией; б) подчинить ему, Шумлянскому, всё православное духовенство Речи Посполитой; в) назначить частые сборы и съезды для униатского духовенства, причём сделать обязательным присутствие на них православного духовенства под страхом лишения должностей за неявку; г) преследовать православных духовных лиц, не согласных принять Унию, путём административным, а именно: лишать их должностей и применять к ним законы, относящиеся к бунтовщикам; д) стараться обратить в Унию возможно большее число дворян; е) позаботиться об уничтожении братств; ж) наконец, называть православных и униатов в официальных актах одним общим именем «лицами греческой веры» (15). Последнее предлагалось сделать для того, чтобы дезориентировать простой народ, общим

наименованием замаскировать различие между конфессиями и мало-помалу, незаметно слить их в единую общность. В 1679 г. Шумлянский представил этот далеко идущий проект папскому нунциу, чтобы тот передал его королю. В приложении еп. Иосиф не забыл указать, какую награду он ожидает за своё предательство. Он просил короля, чтобы в его распоряжение были отданы все имения, принадлежавшие Киевской митрополии, а также доходы Киево-Печерской и Львовской епископии, кроме того, чтобы сам Папа выделил ему специальную пенсию (*pensja z laski Ojca Świętego*). Король Ян Собесский одобрил сам проект, дал согласие относительно требуемых наград, за исключением пенсии «з ласки Ойца Съвентэго», и направил проект в распоряжение сейма. По сути дела проект владыки Львовского не содержал в себе чего-то нового и необычного. Польское правительство и Рим не первый уже год проводили подобную политику в отношении Православной Церкви в Речи Посполитой; еп. Иосиф лишь чётко сформулировал и собрал воедино практикуемые приёмы.

В 1675 г. король Ян Собесский на место «болезненного и престарелого отца митрополита Киевского» назначил Иосифа Шумлянского администратором Киевской митрополии. В следующем году (26 июля 1676г.) митрополит Иосиф (Нелюбович-Тукальский) скончался.

Киевская кафедра, таким образом, оказалась вдовствующей, по крайней мере, с точки зрения Речи Посполитой, так как с точки зрения Москвы администратором Киевской митрополии с 1669 г. был архиепископ Лазарь (Баранович). Киевский униатский епископ Киприан (Жоховский), узнав о смерти митрополита Иосифа, немедленно обратился к папскому нунциу с просьбой повлиять на короля, чтобы Киевская митрополия была передана в руки униатов. Оперативно отреагировала и Римская Конгрегация Пропagанды и Веры, направив 14 января 1677 г. папскому нунциу указание не допускать назначения на Киевскую кафедру православного митрополита. Король Ян Собесский по политическим соображениям не стал вообще проводить выборы митрополита. Он удовлетворился сделанным ранее назначением епископа Иосифа (Шумлянского) администратором Киевской митрополии. Король к тому же полагал, что создававшаяся ситуация весьма благоприятна для гласного оформления Унии. Универсалом от 19 октября 1679 г. он повелел провести в Люблине 24 января 1680 года съезд православных и униатов, якобы для решения накопившихся проблем, но на самом деле «по своему усердию и униатскому желанию хотячи Русь православную, под державою Короны Польской обретаючуся, на Унию переформировати» (3). Но съезд этот не оправдал возла-

гавшихся на него надежд. Православная сторона по сути дела приглашение короля проигнорировала. Из духовенства на съезд явились только тайный униат еп. Иосиф и наместник Могилёвской (Белорусской) епархии еп. Сильвестр (Волчанский) с немногими игуменами. Православное Луцкое братство прислало к королю свою делегацию и от имени всех братств и мирян заявило, что без благословения Константинопольского Патриарха они не могут вести переговоры об Унии. Король вынужден был приостановить начавшуюся уже было встречу, и предложил перенести её в Варшаву, приурочив к приближающемуся сейму. Таким образом, говоря словами историка М.Кояловича, «из этой громадной, великолепной затеи вышло *magnit nihil* (великое ничто)».

Тем временем начавшиеся между Московским государством и Польшей переговоры о заключении вечного мира актуализировали перед Москвой вопрос о юрисдикции Киевской митрополии. Как уже упоминалось, переговоры по этому вопросу с украинскими гетманами и митрополитами киевскими велись со времени присоединения к России Левобережной Украины. После смерти митрополита Иосифа (Тукальского) перед Москвой встал вопрос о замещении Киевской кафедры. Для Москвы достойным кандидатом на эту кафедру виделся еп. Луцкий Гедеон (Святополк-Четвертинский).

«Король требовал от него принять Унию, иначе будет заточён в Мариенбургскую крепость. Епископ Гедеон вынужден был оставить свою луцкую паству и прибыть в Украину под защиту гетмана» (3). Гетман Самойлович тоже был в это время озабочен приисканием достойного кандидата на вдовствующую Киевскую кафедру. По этому вопросу он имел интенсивные сношения с Московским царём и Патриархом. Патриархом Московским и всея Руси был в это время Иоасаф II. В письме гетману Самойловичу он «высказывает глубочайшее сожаление о том, что, по дошедшим к нему слухам, Киевская митрополия без начального пастыря, Киевского митрополита, всякого благочестия лишилась... Но наиболее сильное побуждение заботиться об избрании в Киев митрополита имел Московский Патриарх потому, что в то же время могло выставить претендента на ту же митрополию польское правительство, которое возобновило попытку привлечь в Унию представителей южнорусской иерархии – епископов тех областей, которые находились ещё под польским обладанием. Один из них, Иосиф Шумлянский... снискав себе... расположение польского правительства, ...начал незаконно титуловаться администратором Киевской митрополии и старался возбудить в Малороссии мятеж против Москвы» (46). Гетман Самойлович в письмах к царю и Патриарху, обращаясь от своего имени

и от имени Левобережного духовенства, просил, чтобы послано было из Москвы посольство к Патриарху Цариградскому с просьбой дать согласие на подчинение Киевской митрополии Патриарху Московскому; чтобы преимуществва и права Киевской митрополии были и впредь соблюдены (в частности, у архиерея - митра с крестом; преднесение креста при его шествии и т.д.); чтобы избрание митрополита по-прежнему совершалось вольными голосами; чтобы дозволялось Киевской митрополии иметь свою типографию и школы; чтобы Патриарх Московский совершал только посвящение митрополита Киевского, а в суды и распоряжения по митрополии не вмешивался; чтобы дозволено было митрополиту по-прежнему именоваться экзархом Константинопольского трона. Последнюю просьбу гетман выставлял от своего имени, мотивируя целесообразность её тем, чтобы православные епископы в польских владениях не избрали себе другого митрополита с титулом экзарха. 8 июля 1685 г. в Киевском кафедральном соборе св. Софии состоялся собор, избравший епископа Луцкого **ГЕДЕОНА МИТРОПОЛИТОМ КИЕВСКИМ**. Не дожидаясь согласия Константинопольского Патриарха, Патриарх Московский Иоасаф II по указу царя и собора возвёл его (8 ноября 1685 г.) на митрополичью кафедру с титулом «Малыя Руси митрополит Киевский и Галицкий». Мит-

рополиту Киевскому благословлялось «занимать место выше всех российских архиереев, носить две панагии и митру с крестом, «ради единочинства с российскими митрополитами» носить белый клобук (до этого киевские митрополиты носили чёрный клобук) и предносить пред ним во время его шествия почётный крест. В подчинение Киевскому митрополиту определялись Черниговская архиепископия и Киево-Печерская лавра, которая до этого находилась во владении Константинопольского Патриарха. Киевскому митрополиту вменялось в обязанность по вызову Патриарха Московского приезжать в Москву на соборы.

ДЛЯ УЛАЖИВАНИЯ ВОПРОСА О ЮРИСДИКЦИИ Киевской митрополии в Константинополь были посланы представитель царя (подьячий Алексеев) и представитель гетмана (некто Лисица). Со своей задачей они, при содействии турецкого визира, справились. Турция в то время вела войну с Польшей и Австрией и остро нуждалась в дружбе с Россией. Когда московские послы столкнулись с нежеланием восточных Патриархов признать юрисдикцию Московского Патриарха на Киевскую митрополию (наиболее противился Патриарх Иерусалимский Досифей), они обратились за содействием к Великому Визиру, и тот это содействие действительно оказал. «Вскоре после сего, именно в мае 1686 г., Патриарх грамотою отказался от

церковной власти в Малороссии» (2). Это был Константинопольский Патриарх Дионисий IV. «Дионисий пробыл на кафедре всего два месяца: враги из клира поставили ему в вину уступку церковных прав на Киевскую митрополию и заставили удалиться в Валахию» (2). Правда, в августе следующего года он вновь был призван на патриарший престол. «Его преемники не осмелились отменить действия Патриарха Дионисия в отношении Киевской митрополии» (3). Так состоялось включение автономной Киевской, одно время называемой «Литовской», митрополии в состав Русской Православной Церкви, в подчинение её Московским Патриархам. Русский светский историк М. Толстой так оценивает значение этого события: «Присоединение Киевской митрополии к Москве имело весьма важное значение для современной церковной и государственной жизни. С одной стороны, оно давало Московскому первосвященнику возможность следить за учением православной веры на юге, не допуская лжеучений, притекающих с Запада. С другой – предотвращалась возможность участия духовных властей в смутах, возбуждаемых честолюбцами, которые постоянно находили поддержку в местном духовенстве. Наконец, самое соединение политическое, совершённое Богданом, оставалось непрочным без единства религиозного, которое одно могло связать неразрывными узами мало-

российский юг и великороссийский север в одну общую Россию посредством единства Церкви». Пожалуй, наиболее весомым и наименее спорным является последнее заключение. Для «малороссийского юга» важнее была житейская сторона этого события. Оно в какой-то мере ограничивало анархию, бесконтрольность местной иерархии, которые имели место при номинальном подчинении далёкому Константинополю. Оно явилось моральной поддержкой и зримой надеждой для тех православных Литвы и Белоруссии, которые не тяготели к Унии и Польше. Наконец, оно делало менее надёжным тот «железный занавес», которым польские власти времён короля Яна Собесского оградили своих православных от остального православного мира. Все прочие блага, которые принесли юридическое и фактическое присоединение Киевской митрополии к Московскому Патриархату, касались лишь православных Левобережной Украины и Киева, в остальной же части бывшей Литовской митрополии положение православных стало ещё более плачевным. «...Захват церковных земель, церковного имущества, угвари, издевательства над православными священниками, их убийства (даже в алтаре), поругание святынь, разорение православных кладбищ и т. п. стало обычным делом и повторялось на всей православной территории Речи Посполитой. Тысячи сохранившихся до

сегодняшнего дня документов являются свидетельством этой беспрецедентной в европейской истории политики государства по отношению к своему инославному населению» (44).

Для православных епархий, оставшихся в пределах Речи Посполитой более значимым (в ближайшей перспективе) событием явилось политическое событие: заключение в 1686 г. между Россией и Польшей т.н. «ВЕЧНОГО МИРА». К заключению этого мира Польшу понудила угроза турецкой экспансии. Московское государство в этой связи виделось Речи Посполитой, как очень полезный и необходимый союзник в противостоянии Турции, с которой она вела далеко не успешные военные действия. Это обстоятельство делало польское правительство более внимательным и уступчивым к условиям предлагаемым Россией. Россия же не преминула внести в договор и вопрос о правовом положении своих единоверцев - православных в Речи Посполитой. В девятом пункте договора было, в частности, записано: «Великий Государь, Его Королевское Величество церквам Божиим и епископиям: Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской, Белорусской (к которой и относилась нынешняя наша епархия; прим. наше), и при них монастырям, архимандриям Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и иным имуществам, братствам, в которых обреталось и ныне обретается употребление

благочестивой Греко-Российской веры, и всем тамо живущим людям в Короне Польской и Великом княжестве Литовском в той же вере остающимся, никакого утеснения, и к вере Римской и к Унии принуждения чинить не велит, и быть то не имеет: но по давным правам во всяких свободах и вольностях церковных будет блюсти; и (ежели бы) вышеупомянутым епископам в Короне Польской и в Великом княжестве Литовском пребывающим по духовному их чину и обыкновению довелось приимати благословение и рукоположение от Киевского митрополита, и то никому из них власти Его Королевского Величества вредити не имеют...». Что касается «свобод и вольностей», то подобные обещания давал едва ли не каждый король в своей коронационной речи. Но, как правило, они так и оставались обещаниями. Новое здесь было лишь то, что православные епископы, остающиеся в пределах Речи Посполитой, ставились в церковное подчинение Киевскому митрополиту, подданному Московского государя и находящегося в юрисдикции Московского Патриархата. «Россия, как договаривающаяся сторона, получила право наблюдать за тем, чтобы православная вера в пределах Речи Посполитой на самом деле пользовалась свободой и неприкосновенностью» (6). Следует отметить, что не все епископы в Речи Посполитой были этому рады. Коллизия была и в том,

что к концу XVII в. польское правительство на большинство из перечисленных в договоре епархий успело уже провести «своих» епископов – тайных или явных униатов. Перемышльскую кафедру занимал униатствующий епископ Иннокентий (Винницкий), Львовскую – тайный униат еп. Иосиф Шумлянский (в 1681 г. он перешёл в Унию, но скрывал это от своей паствы), Луцкую – примкнувший к ним в 1702 г. еп. Дионисий (Жабокрицкий). Таким образом, в начале XVIII в. на всю Речь Посполитую оставался один единственный православный епископ – Белорусский, носивший титул – «Оршанский, Мстиславский и Могилёвский». «Недостаток православных владык ложился тяжёлым бременем на Русско-православное население, и лишало его возможности противодействовать униатской пропаганде» (6). Населения же православного к концу означенного века оставалось около 250 тыс. человек. В процентном отношении на территории Великого княжества Литовского проживало тогда около 39% униатов, 38% католиков и только 6,5% православных. Это было время расцвета Унии, «чему главным образом способствуют насильственные меры ревнителей Унии по отношению к несогласным принимать её. Меры эти были крайне разнообразны. Православных обременяли налогами, насильно принуждали их принимать Унию, противящихся подвергали пыткам

и гонениям, церкви и монастыри отнимали, православное духовенство подвергали побоям и лишениям» (6). В этой ситуации приобретало большую значимость оговоренное в соглашениях «Вечного мира» право России наблюдать за исполнением вероисповедных обещаний, данных польской стороной, и защищать («ходатайствовать») права православного населения в случае их нарушения. Нарушений, как уже указывалось, было множество, жалобы потекли в Москву рекой. Русское правительство, выступая в роли защитника Православия, неоднократно направляло увещательные грамоты польскому правительству, но толку от них было немного. Обращения России чаще всего или просто игнорировались, или объявлялись вмешательством во внутренние дела Речи Посполитой, или объявлялись несостоятельными: беспардонно отрицалось наличие каких-либо гонений в отношении православных. Излюбленным приёмом было также обещание рассмотреть претензии православных на предстоящем сейме, на котором затем рассмотрение подобных вопросов чаще всего не допускалось прокатолическим большинством. Такое малоэффективное заступничество России происходило в основном в годы правления Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны. «Екатерина II решила резко изменить прежние отношения России к Польше и добиться улучшения в положении

угнетаемых здесь своих единоверцев» (6). В ход пошли не только увещания, но и подкуп нужных людей, угрозы введения на территорию Польши ограниченного контингента российских войск и прочие дипломатические и силовые приёмы. Но если на политическом фронте это принесло известные успехи (Россия стала оказывать существенное влияние на политическую ситуацию в Польше), то в сфере религиозных свобод даже эта политика оказалась малоуспешной. Религиозный фанатизм среди польской шляхты был настолько велик, что польские власти не дерзали делать какие-либо уступки православному, да и не очень хотели. Как отмечал полномочный министр императорского Двора в Варшаве посол князь Николай Репнин, «энтузиазм так велик, что ни резоны, ни страх никакого действия не делают». Краковский бискуп Солтык, выступая в сейме 1766 г., с пафосом кричал: «Если бы я увидел место, приготовленное для постройки иноверного храма, то лёг бы на это место, пусть бы на моей голове заложили краеугольный камень здания». Православным «запрещалось не только строить, но и исправлять... церкви; цензура православных книг поручалась католикам; были установлены поборы с православных в пользу католического духовенства; православные были подчинены церковному католическому суду; наконец, у русских православных людей было

отнято право занимать общественные должности и быть депутатами на сейме» (36). В не намного лучшем положении были реформаты и другие протестантские исповедания, именуемые общим названием «диссиденты». Пытаясь противостоять религиозному беспределу, православная и протестантская шляхта, при активной поддержке России, Швеции, Англии и Пруссии, стали объединяться в общественно-политические союзы – КОНФЕДЕРАЦИИ. Таких союзов или конфедераций было три: протестантская конфедерация в Торне, православная – в Слуцке и третья – из самих католиков, недовольных действиями правящей партии и готовых поддерживать требования некатоликов. Слуцкая конфедерация была создана 20 марта 1767 г. и состояла из дворянства, помещиков и служилого люда, одним словом, из высшего сословия. «Свидетельствуем перед Богом, Судиейю невинности нашей, перед Его Величеством Королём нашим ... и перед нашим любезным Отечеством, – заявляли они, – что мы соединились единственно доставить себе наши права, привилегии, преимущества, равенство, свободу нашей веры, нашей чести, нашей жизни и нашего имения, быть готовы самим делом защищать всё это до последней капли нашей крови.» Как на побудительную причину и оправдание такого союза указывалось на несправедливости и стеснения по отношению к православным и диссидентам.

«Особенная, выходящая из пределов благоразумия, ревность римско-католического духовенства в течение целого прошлого столетия старалась подорвать значение предков наших, лишить их вольностей и достоинств, и нас, их потомство, поставить в самое жалкое положение». Среди лиц, подписавших учредительный акт, стоит и имя епископа Белорусской епархии Георгия (Конисского). Епископ Георгий известен как активный и мужественный защитник интересов православных в Великом княжестве Литовском. Он неоднократно обращался с жалобами и к властям Речи Посполитой, и к Российским самодержцам – Елизавете, Екатерине II – и в Святейший Синод Русской Православной Церкви. Выходец из Малороссии, получивший образование в Киево-Могиланской Академии, он в 1745-1755 гг. был её преподавателем, профессором и, наконец, ректором. Монашество принял в 1744 г., а в 1752 г. был уже архимандритом Киевского Братского монастыря. В 1755 г. возведён в сан епископа и определён на Могилёвскую (или Белорусскую) епархию. Епарихия в то время переживала очень трудные времена. Его предшественник, еп. Иероним (Волчанский) скончался в октябре 1754 г. «После его смерти униаты домогались закрытия Белорусской епархии. Папа Бенедикт XIV буллою от 27 февраля 1755 г. на имя польского коронного канцлера графа Малаховского

требовал от короля и польского правительства, чтобы могилёвский «схизматический престол» был присоединён к католической вере и передан под управление Полоцкого униатского архиепископа» (51). Но это было уже время Екатерины II, и польский король Август III не дерзнул исполнить желание Рима. Став архипастырем Могилёвской епархии, еп. Георгий, прежде всего, взялся за поднятие уровня образования своей паствы и духовенства. В 1757 г. он обратился с циркулярным посланием к своим клирикам, в котором указывал, что научить народ есть первейшее и главнейшее дело пастырского служения, так как без научения не будет твёрдой веры. А то, насколько плачевно было в этом отношении состояние его паствы, видно из проповеди, сказанной Владыкой в 1767 г. «Отнят у них свет просвещения: школам и семинариям быть не допускается, а потому не только низшего сословия люди, но и само дворянство в крайней простоте и невежестве вынуждены находиться», – сетовал Владыка. Вскоре стараниями еп. Георгия в Могилёве была открыта Духовная семинария и Духовное училище, а при архиерейском дворе основана типография. В ней, прежде всего, был отпечатан сокращённый вариант «Катехизиса» архиеп. Феофана Прокоповича в переводе на «русский диалект», т.е. на белорусский язык. Этот «Катехизис» был затем разослан по всем приходом, а священникам

вменено было обучать по нему своих прихожан основам Православной веры. Сам еп. Георгий является автором таких сочинений, как «Мемориал об обидах православных», «Права и воляности жителей греческого вероисповедания в Польше и Литве», «Трактат вечной дружбы», целого ряда проповедей (сохранилось около 80) и др. работ. Большое внимание уделял архипастырь защите и сохранению церковного имущества своей епархии. «Так как униаты и католики очень часто захватывали у православных церковные и монастырские имущества на том только основании, что православные якобы не имели на владение документов, а при предъявлении владельцами документов отнимали у них самые документы, Конисский приказал подведомственному ему духовенству разыскивать в церковных архивах документы, относящиеся к имущественным правам церкви и монастырей и пересылать их к нему. Из присланных документов Конисский составил в Могилёве при кафедральном соборе огромный архив, послуживший богатым материалом для защиты имущественных прав церкви и монастырей Белорусской епархии» (15). Не удивительно, что такая деятельность могилёвского епископа вызвала прямо таки ненависть к нему униатов и фанатичных католиков. Трижды пытались они расправиться с ним, покушаясь на его жизнь, и вынудили, в конце концов, бежать в 1768 году в

Россию, откуда он и продолжал управлять нашей епархией. Только после т.н. «Первого раздела Польши», происшедшего в 1773 г., он смог вернуться в Могилёв.

Первому разделу Польши предшествовал ряд политических и церковных событий, имевших немаловажное значение. Мы уже упоминали о создании общественно-политических объединений – конфедераций, которые стали влиятельной силой в Речи Посполитой. В 1768 г. православная и протестантская конфедерации слились вместе в единую (Радомскую) конфедерацию и стали преобладающей силой в государстве, особенно после того, как русскому послу Н.Репнину удалось склонить примкнуть к ней самого короля Станислава Понятовского (известного также под именем Августа IV). К Варшавскому сейму 1767 г. у православных имелись хорошие условия для проведения на нём благоприятных для себя решений. Для верности «князь Репнин прибег к прямому воздействию силой. Русские войска были введены в Варшаву» (36). Сейм открылся 5 октября 1767 г., но затем по требованию Репнина (потребовалось время для необходимой подготовки) был перенесён на 1 февраля 1768 г. На этом сейме требования улучшения юридического положения православных и протестантов были почти полностью удовлетворены. Права православных были закреплены «ВЕЧНЫМ ТРАКТАТОМ», заклю-

чѣнным на сейме между Польшей и Россией. В нём со стороны России гарантировались Польше все её владения и основные законы, а со стороны Польши не католикам даровались религиозные свободы и гражданские права. Все эти права и свободы были изложены в отдельном т.н. «Сепаратном акте». В нем, прежде всего, в первом артикуле, оговаривалось, что «католичество остаётся господствующей религией». Подтверждалось также, что «королём Польши может быть только римско – католик по рождению или обращению». «Переход из католичества в другую веру объявляется криминальным преступлением; позволивший себе это сделать будет изгнан (*exul esto*) из областей Речи Посполитой, а суд над таковым назначается в трибуналах Коронных и Великого княжества Литовского *ex termino tacto...*» (1,3). Вполне равноправными эти положения документа вряд ли можно назвать, скорее мы видим здесь дань национальному самолюбию и религиозному энтузиазму поляков. Но дальнейшие артикулы сформулированы вполне демократично. В отношении православных объявлялось, что все урегулированные (при обоюдостороннем согласии) до 1 января 1717г. спорные дела, возникшие у неунитов с католиками, считаются закрытыми и возбуждать их в дальнейшем не позволяется. Учинённые в Торуне и Слуцке конфедерации признаются законными. «Греко-

неуниаты» светские, всякого звания и сословия, отныне не должны именоваться еретиками, отщепенцами, схизматиками или дезуниатами, но «восточными греками неунитами». «Греческие духовные должны называться епископами, владыками ... священниками (*sacerdotes*), духовными..., а место богослужения у греко - неунитов – церквами Божиими; ...вера же их во всех общественных актах, печатных книгах, и в прочих письменных документах должна называться не сектой и не ересью, но верой, религией или исповеданием» (II,2). Православным позволялось в Польше и Литве иметь церкви, кладбища, школы и госпитали, и, в случае обветшания их или пожара, починять их и строить новые, не испрашивая на то позволения у католического духовенства. Позволялось также свободно отправление богослужений и треб, в частности, публично совершать погребения; поставлять и приглашать священников; совершать Тайнства, посещать больных и напутствовать их Тайнами; проповедовать на всяком языке, употреблять колокола и проч.(II,4). «Епископ Мстиславский, Оршанский и Могилѣвский, занимающий теперь под именем Белорусского названные кафедры со всеми церквами, монастырями и относящимися к ним фундациями как теми, которыми ныне владеют он и его духовенство, так и теми, которые будут возвращены ему смешанным судом, остается навсегда при греко-

восточной неуниатской вере; в своей епархии он будет пользоваться юрисдикцией точно так же, как в своих епархиях пользуются ею католические епископы, без всякой помехи с чьей бы то ни было стороны. К той же восточной вере будут принадлежать и все те монастыри и церкви..., относительно которых будет доказано перед смешанным судом, что они действительно по праву принадлежат или Киевской неуниатской митрополии, или каким-либо старшим той же религии»(II,8). Дозволялось православным иметь типографии и печатать духовные книги. Разрешались бракосочетания между людьми разной веры. Дети от смешанных браков должны принимать: сыновья – религию отца, дочери – религию матери. Исключение может быть лишь для лиц шляхетского звания, которые могут вносить особые условия в предбрачные договоры. Бракосочетание совершается священнослужителем той религии, которую исповедует невеста. Никто из неуниатов никоим образом не должен быть принуждаем к перемене своей веры. «Все церкви и монастыри со всеми принадлежащими им поместьями (fundis) и суммами, незаконно отнятые у греко-неуниатов, должны быть возвращены им по представлении доказательств. Всё это будет разобрано и решено смешанным судом по отношению к церквям по доброй воле прихожан, а по отношению к монастырям – по фундушам»(II,12). «Греко-

неуниатам восстанавливается полное участие и в гражданских, и в военных делах, а вместе с тем и в выгодах наравне с римско-католиками, которые даёт им равенство происхождения. Ввиду этого равенства, религия не будет служить для греко-неуниатов препятствием к получению полного гражданства и шляхетства» (II,16).

Таковы основные положения «Сепаратного акта», принятого сеймом 1768 года. Они, как видим, были справедливы по отношению к православным и не были дискриминационными по отношению к католикам и униатам. Но и те, и другие дружно выступили против реализации этого сеймового постановления. «Уравнение диссидентов и православных с католиками особенно возмутило их; духовенство начало метать громы против этого равенства исповеданий и возбуждать верных сынов костёла к сопротивлению» (6). В противовес Радомской конфедерации подольский епископ Адам Красинский организовал конфедерацию её противников. Учреждение состоялось 29 февраля 1768 г. в подольском г. Баре, отсюда и название новой конфедерации – Барская. Барские конфедераты добились отмены сеймовых постановлений 1768 г. и возбудили волну новых репрессий против православных, считая их главными виновниками вмешательства России в дела Речи Посполитой. Репрессии, однако, не устранили православных, а, напротив, «вызвали решимость

пострадать за веру, и решимость эта впоследствии перешла в ожесточение против униатов и католиков и породила восстание гайдамаков, или так называемую «колиевщину» (15).

Тем временем НЕ ЛУЧШИЕ ДНИ наступили в Речи Посполитой и ДЛЯ УНИАТОВ, ибо к этому времени латинизация (т.е. окатоличивание) Униатской церкви, начавшаяся ещё в XVI в., достигла стадии, грозящей полной её ассимиляцией. Уже на состоявшемся в 1666 г. в Бресте съезде униатский епископ Иаков Суша сетовал, что «базилиане изменили весьма многое в обрядах Св. Восточной Церкви и в совершении Божественной литургии и до того перепутали всё в Униатской церкви, что униатские обряды нельзя назвать ни греческими, ни латинскими; что базилиане вмешиваются в юрисдикцию униатских епископов» (15). «Такое видоизменение церковной обрядности в Унии побудило многих более интеллигентных униатов перейти в римо-католичество латинского обряда. Таким образом, Уния с первых дней своего существования пошла по пути своего разрушения. В этом процессе явственно обозначились два направления. К первому принадлежала значительная часть духовенства и простой народ, защищавшие свой древний греко-восточный обряд, и готовы были при всяком удобном случае бросить Унию, навязанную им насильно, и перейти в родное Православие. Дру-

гое направление сознательно вело Унию к слиянию с чистым латинством, более и более искажая восточный обряд и вводя латинские обычаи и практики в богослужебный чин. Этого направления держались униатские митрополит, епископы и орден монахов базилиан, наполненный католиками-иезуитами» (3). Последнее направление активно поддерживалось и культивировалось польским правительством и Католической церковью. Оно, и только оно, признавалось польской шляхтой, хотя последняя, равно как и изрядная часть католического духовенства, смотрела на униатов свысока, как на людей «хлопской веры», приносившей к тому же немало волнений и забот Речи Посполитой. Эта часть польской общественности ради спокойствия и политических выгод Отечества готова была на ликвидацию Унии как таковой. С усилением фанатических настроений против России и православных усилились и «наезды» на униатов. На этой волне в 1720 г. в г. Замостье был созван провинциальный собор Униатской церкви. Собор этот был созван «с соизволения Папы Климента XI» униатским митрополитом Львом Кишкой «Желая, чтобы постановления этого собора велись в духе требований Римской Церкви, Климент XI назначил председателем собора своего нунция в Польше епископа Едесского Иеронима Гримальди, облек его обширными полномочиями и обязал повиноваться ему

во всём не только униатское духовенство и епископов, но и самого митрополита...» (15). Целью собора было уничтожение следов «схизмы» (так Рим называл Православие) в исповедании веры, обрядах и богослужении. В работе собора участвовали семь униатских епископов, восемь настоятелей базилианских монастырей, представители Католической Церкви и ордена иезуитов. Не приходится удивляться, что собор постановил признать и принять Униатской церковью учение о «Филюкве», о чистилище, об индульгенциях, о непогрешимости Папы в делах веры, католическое учение относительно первородного греха, оправдания и др. постановления Тридентского и Флорентийского соборов. Вводилось совершение Литургии как на квасном хлебе, так и на опресноках; вводились читанные Литургии, т.н. «тихая мша»; вводился праздник Тела Христова и празднование в честь Иосафата Кунцевича; была принята отмена многих православных обрядов и исправление богослужебных книг в католическом духе. Одним словом, собор «довёл Унию до такого состояния, при котором переход из Унии в Латинство становился нечувствительным. И которое предвещало, по видимому, в недалёком будущем полное слияние Унии с Латинством» (15). Такая перспектива радовала далеко не всех униатов; тем не менее, дело шло именно к этому. В 1752 г. Львовский католический архиепископ Сераковский офи-

циально представил проект перевода униатов в католичество. Необходимость такого перевода мотивировалась тем, «что, несмотря на покровительство Римской церкви, Уния не представляла всей полноты и чистоты её учения, что униаты слишком тесно связаны в обрядности с Восточной церковью, воспитываются в национальном духе и поэтому могут перейти обратно в Православие» (44). Но, как показали дальнейшие события, такое наступление Латинства на Унию и тесно связанное с этим ополячивание жителей Великого княжества Литовского, не в меньшей степени способствовало возвращению униатов в Православие. Впрочем, процесс возвращения униатов в Православную Церковь набрал силу лишь в начале XIX в., а на момент подписания «Вечного трактата» (1768г.) Православие в Речи Посполитой было обескровлено и теснимо со всех сторон, несмотря на меры предпринимаемые Россией, получившей право «ходатайствовать» интересы православных. Достаточно указать, что в Вильнюсе, который хронисты когда-то называли «русским городом», к этому времени осталось всего 56 православных семейств.

Созданная для защиты католичества и польскости Барская конфедерация, не ставя в известность своего короля, предложила в 1769 г. Турции союз, направленный против России. Турция, соблазнившись предложением (туркам

обещана была Киевская область) и, боясь усиления России, стала поддерживать движение польских конфедератов. Последние, почувствовав силу, развязали что-то наподобие крестового похода против православных. Исследователи отмечают, что это время «было особенно тяжёлым для православного населения Речи Посполитой» (6), «Православие в Речи Посполитой, казалось, доживает последние дни» (44). Однако крайний религиозный фанатизм, упорное нежелание удовлетворить законные требования иноверцев, анархизм и необузданность польской шляхты привели самую Речь Посполитую к печальным для неё последствиям. Они дали повод Пруссии и Австрии ввести в Польшу свои войска. В дальнейшем «пруссский король Фридрих II выступил со своим проектом раздела Польши между Пруссией, Россией и Австрией, как единственным средством умиротворения польских нестроений. Екатерина II сначала противилась этому проекту, но настойчивость Пруссии, дипломатические хитрости последней и расположение Австрии к Турции, с которой тогда Россия вела войну, вынудили её согласиться с Фридрихом, и 5 августа 1772 г. между русским, прусским и австрийским Дворами состоялся договор о первом разделе Польши» (6). В результате этого раздела к России отошли Могилёвская и Витебская губернии, т.е. основная территория Могилёвской или Белорусской

епархии. Естественно, что положение православных здесь после этого изменилось коренным образом. На возвращённой территории были образованы две православные епархии – Могилёвская и Псковская. Во главе Могилёвской остался известный уже нам епископ Георгий (Конисский).

В ТРАКТАТЕ О РАЗДЕЛЕ Речи Посполитой, принятом 18 сентября 1773 г., оговаривались и вероисповедные свободы жителей поделённых областей. В частности, русское правительство обещало свободу исповедания католической и униатской веры на присоединённых к России территориях. В тайной инструкции губернаторам было строго предписано тщательно наблюдать за исполнением этого обещания. Вместе с тем во вновь образованных Могилёвской и Псковской областях правительство объявило, что: «а) под страхом строгой ответственности запрещалось совращать православных в Унию; наоборот, разрешалось униатам, если кто пожелает, возвращаться в Православие; б) запрещалось издавать папские буллы без согласия русского правительства; в) повелевалось, чтобы от смешанных браков сыновья были православными» (15). Присоединение Могилёвской епархии к православной России и исчезновение запрета на переход в Православие не замедлили сказаться на ситуации в Униатской церкви: за первые три года после

этого события из Унии в Православие перешло более 112 тысяч человек. Но это событие сказало и на положении православных на территориях, оставшихся под властью Польши. Известно, что к моменту первого раздела на всей территории Речи Посполитой имелось около 200 православных приходов. Большая их часть приходилась на Могилёвскую (Белорусскую) епархию, но более 70-ти (по некот. данным – до 90) находилось в пределах, которые остались за Польшей. Их положение после раздела Речи Посполитой ещё больше ухудшилось. Во-первых, они остались без епископа: некому было рукополагать священников, некому было осуществлять централизованное управление приходами, некому было отстаивать права православных. Во-вторых, «не будучи в состоянии оказывать открытое сопротивление Петербургскому правительству, поляки старались излить своё негодование и злобу на беззащитном православном населении Польши, главным образом на крестьянстве. Поляки считали их виновниками вмешательства России во внутренние дела Польши; одних из них подвергали они новым стеснениям, а других старались обратить в Унию» (6). О царившей в то время в Польше атмосфере можно судить по письму русского посланника в Варшаве Штакельберга от 23 января 1774 г.: «Начиная с короля до последнего депутата, никто не смеет высказаться в пользу

греков-неуниатов и диссидентов, если бы даже в глубине своего сердца был убеждён в правоте их дела: фанатизм, вместо того, чтобы уменьшиться, – усилился!». Только в 1785 г., при неотступной просьбе архиепископа Георгия (Конисского) и других православных влиятельных лиц, Екатерина II смогла направить в Польшу православного епископа. Таковым с титулом епископа Переяславльского и викария Киевского был назначен архимандрит Слуцкого монастыря ВИКТОР (Садковский). Императрица воспользовалась тем обстоятельством, что Польша ходатайствовала о восстановлении униатской архиепископской кафедры в Полоцке, которая рескриптом Екатерины II в 1780 г. была аннулирована в виду противозаконной деятельности управлявшего ею митрополита Иасона Смогоржевского. Россия согласилась удовлетворить пожелание польского правительства, но взамен потребовала утверждения в Польше православной кафедры и назначения туда епископа «для пользы Православной Церкви Греко-русской и для удобнейшего охранения исповедующих закон наш благочестивый (т.е. православную веру; прим. наше) в Польше». «Факт назначения особого православного епископа для польских областей был чрезвычайно неприятен для католиков и униатов и сильно встревожил их; в нём они видели серьёзную опасность для Унии и пытались убе-

дить короля, чтобы он не давал Садковскому привилея. Папский нунций Салюццо подал польскому правительству протест против назначения дезуниатского епископа» (6). Но польскому королю Станиславу Августу пришлось согласиться с предложенным Россией вариантом и он, скрепя сердце, выдал назначенному епископу Виктору привилей на Слуцкую кафедру, потребовав предварительно присяги на верность Польше, что владыкой Виктором, с разрешения русского правительства, и было сделано 7 мая 1787 г.. Естественно, что юрисдикционно, в церковных делах, епископ Виктор был в подчинении Святейшего Правительствующего Синода Русской Церкви. В дальнейшем это обстоятельство было использовано недругами епископа Виктора и принесло ему немало горьких минут, но для общего положения православных в Польше было полезным.

Массовый переход униатов в Православие и провокационные слухи о готовящемся бунте крестьян (в большинстве – православных) против польского засилия, породили у польской шляхты панический страх и крайнюю подозрительность ко всем «русским». Даже многие члены правительства были одержимы шпиономанией и русофобией, не говоря уже о местной шляхте, которая даже в простых торгашах - коробейниках, выходцах из России, готова была видеть русских шпионов и подстрекателей к

бунту. Понятно, что в такой обстановке «поляки никак не могли себе представить, чтобы православный архиерей, хотя и принявший польское подданство, не был предан России и не действовал в Польше в русских интересах. Они окружили его цепью зорко следивших за каждым его шагом наблюдателей, к чему призваны были, между прочим, все монахи униатского базилианского ордена. Эти наблюдатели обратили особое внимание на то, что Виктор пишет донесения в Св. Синод, и ещё более на то, что он поминает русскую императрицу и празднует русские торжественные дни, и даже такие события, как русские победы в новой турецкой войне(1787г.)»(23). Обыкновенная визитация приходов своей епархии, предпринятая владыкой Виктором в 1788 г., была расценена как подготовка бунта. Вопрос о деятельности православного епископа был поставлен в тематику работы так называемого «четырёхлетнего сейма», начавшего свою работу 6 октября 1788 г.. 21-го апреля 1789 г. сеймовый маршал Казимир Сапега огласил членам сейма донесения из Литвы, в которых говорилось, что Виктор Садковский и члены его консистории подстрекают холопов к бунту и тайно берут у них присягу на верность России. Возмущённый сейм постановил арестовать еп. Виктора и доставить в Варшаву для расследования его деятельности. Православный епископ был арестован и нахо-

дился в заключении до 1792 года. Были конфискованы, в качестве улик, все бумаги и архив консистории. Ничего крамольного следственная комиссия (состоящая аж из 12 членов сейма) в этих документах не нашла, но члены сейма были поражены тем, «что в Польше оказалась целая православная епархия, владыка которой подчинён Петербургскому Св. Синоду, с ним сносятся, от него получает всевозможные служебные инструкции и указания» (6). Такую зависимость и связанность Православной Церкви в польских владениях с ненавистной Россией сейм счёл явлением ненормальным и решил чужое покровительство не католикам заменить гарантией собственного короля и правительства Польши. «Отсюда прямой вывод: надо провозгласить в Польше свободу религии и обрядов, обещать разнoverцам покровительство польского правительства и воспретить им искать покровительства вне своего отечества. Православным должно дать церковную власть, в виде синода или епископа – безразлично, лишь бы она не имела никакого отношения к России» (6). Несмотря на протесты римско-католического духовенства, противящегося признанию православных, члены сейма подавляющим большинством (123 против 13) всё же приняли означенное решение. 13 апреля 1790 г. сейм обратился с универсалом ко всему населению Польши, в котором, между прочим, говорилось,

что «Король и сконфедерованные станы Речи Посполитой желают, чтоб все жители Польского государства спокойно пользовались своими правами под правительственной защитой; но Речь Посполита желает, чтоб все эти права и привилегии признавались её собственно благодеянием, словом – она никому не позволит делить с собой ни покровительства, ни власти над своими подданными. Поэтому нам, маршалам, поручено уверить диссидентов и дизунитов греко-ориентальных, что все их вольности остаются в силе, заохотить их к защите страны и пригласить лиц этих исповеданий для установления надлежащего церковного управления, нужных им правил и принятия мер, которые бы упрочили у них порядок и связь духовной власти со светской, что мы и постановили, по обязанности управления, провести в исполнение без замедления». Руководствуясь этим постановлением, **ПОЛЬСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИСТУПИЛО К ОРГАНИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНОЙ Православной церкви в Польше, независимой от российского Святейшего Синода.** Решено было, при этом, «возвратить не униатов к их первой столице», т.е. подчинить их в духовном отношении Константинопольскому Патриарху. Польский посол в Турции вступил в связи с этим в сношения с турецким министром. Результат был положительный; в ноябре 1790 г. Варшавой получена была копия

увещательного послания Константинопольского Патриарха к Православным в Польше. Патриарх писал: «С изумлением узнал я, что ваши духовные начальники принесли присягу, в силу которой обязывались быть послушными чужому государству и исполняли такие распоряжения, которые преследовали явную цель подстрекательства народа к непослушанию и бунту против законной власти, к поднятию смутений в собственном Отечестве» (В.Смоленский). Из этих слов видно, что Патриарха, видимо, ввели в заблуждение, ибо в действительности «духовный наставник» православных – еп. Виктор принял присягу на верность польскому королю. Вот часть текста предложенной присяги, которую он вынужден был «учинить»: «Я (такой-то) клянусь Господом Богом всемогущим, что буду верен Его Величеству Королю Станиславу Августу, Всемилостивейшему моему Государю и Республике Польской; в молитвах моих со всем духовенством и народом, правлению моему вверенным, никого иного в церквах не буду воспоминать, как только благополучно царствующего Короля Польского, и Республику; отступников от господствующей Римско-Католической веры не принимать, ни тем паче подговаривать или посвящать дерзну; чужестранных священников, приходящих из другого государства, как бродяг, представлять буду Комиссии, учреждённой в каждом Воеводстве; побуждаю-

щих к бунту не премину задерживать, не взирая на особу, и о таковых немедленно, если-бы (от чего сохрани Бог) когда явились, ближайшей воинской команде донесу и доносить прикажу...». (6). Как видим, условия были весьма жёсткими, принуждающие епископа заниматься не только душеспасительной деятельностью. Другой вопрос – исполнял ли еп. Виктор условия этой присяги, но официально он её принял. И не только он. «Сеймовые маршалы издали... универсал, предписывавший всем выходящим из России, - торговцам и монахам удалиться из пределов Польши в течение двух недель под страхом подвергнуться заключению в крепости, а все местные духовные должны были принести присягу на верность польскому королю и Речи Посполитой и впредь не поминать на богослужении царских особ иноземных.... От Виктора и его консистории потребовали издать духовенству указы, согласно вышеупомянутым требованиям. Это было исполнено...» (23).

Получив из Константинополя обнадёживающие вести, «четырёхлетний сейм» принял следующее решение о православных: «Неоднократно испытыв ужасные следствия, происшедшие от непросвещения народа, исповедующего в областях наших веру Греческую неуниатскую, когда между прочими причинами такового непросвещения, клонящегося к самым мерзостнейшим преступлениям, сия наипаче

открывается, что духовенство и весь народ Греческого неуниатского исповедания не имеют в крае нашем собственной власти, но подчинены чужестранной, а через то самое имеют до сего времени ложное понятие об обязанностях в рассуждении своего Отечества и о должном повиновении господствующей власти; того ради Мы Король, с согласия Чинов, Сейм составляющих, ...объявляем: что для неуниатов, в областях наших находящихся, имеем учредить немедленно епископа, отделённого от епископа Белорусского, который с выбранным с ведома Нашего викарием, приняв в своё духовное правление весь народ своего исповедания, и по разделении епархии на протопопии, не сносясь ни в чём к заграничной духовной власти, всё то исполнять будет, чем точно обязан верный Королю и Отечеству гражданин, и пекущийся о благе своего стада пастырь». Светской властью, таким образом, было объявлено что-то наподобие автономии Православной Церкви в Польше. 9 сентября 1790 г. сейм издал очередной универсал. В нём православным предписывалось прислать в Варшаву к 1 декабря текущего года равное количество делегатов от т.н. Великой Польши, Малой Польши и Великого княжества Литовского, людей образованных, авторитетных и патриотов, для выработки проекта нового бытия Православного исповедания в Речи Посполитой. В силу этого универсала в Слущке,

Бресте и в Украине состоялись съезды православных для избрания полномочных депутатов на встречу в Варшаве. В результате была избрана делегация, в которую вошли три представителя чёрного (монашеского) и два белого (женатого) духовенства, один шляхтич и три мешанина (в числе последних был и лавочник из Вильно, некто Фёдор Линкевич). Сейм со своей стороны сформировал группу из трёх сенаторов и шести послов для совместной работы с православными делегатами. Кроме того, сейм определил провести 15 мая 1791 г. (позднее было перенесено на 15 июня) в г. ПИНСКЕ ГЕНЕРАЛЬНУЮ КОНГРЕГАЦИЮ для принятия предложений, выработанных смешанной комиссией. 31 марта 1791 г. от имени этой комиссии уже был разослан специальный универсал, в котором уведомлялось о результатах работы комиссии и о предстоящей Генеральной конгрегации в г. Пинске. Сообщалось, что, ознакомившись с содержанием универсала, каждый приход, каждый монастырь и каждое братство могут «вольными голосами» избрать своих делегатов как из монашеских, духовенства, так и светского клира – людей всех сословий, просвещённых, знающих каноны своей Церкви и законы государства – и направить их в Пинск. Уполномоченные делегаты должны владеть исчерпывающей информацией о ситуации в общине, которую они представляют; у них

«должно быть описание состояния каждой церкви, существующих и утраченных фундушей (т.е. дарованного имущества, земельных угодий и т.п.; прим. наше), с какого времени и в чьих руках они находятся, указана давность церковных фундаций и когда они были фундованы, какими привилеями и пожалованиями они снабжены, из камня или дерева сооружены монастыри и церкви, не нуждаются ли они в ремонте, велика ли территория прихода, каково количество прихожан. Надо было сообщить о количестве наличных и недостающих священников, о количестве священнических вдов и их потомства и средствах содержания их, о нуждах и потребностях монастырей, о потребностях духовного начальства...» (6). Всё это выглядело серьёзно и обнадёживающе. Православные активно откликнулись на призыв универсала и направили на конгрегацию 96 своих представителей, в том числе: 24 – монашествующих, 21 – священника и 51 – светских, из них 19 шляхтичей, а остальные мещане. Сейм со своей стороны определил, что в работе Генеральной конгрегации должны принять участие четыре комиссара Речи Посполитой – два от Польши и два от Литвы, в худшем случае – по одному. Но приехал всего один – посол Сандомирского воеводства Михаил Кохановский. Кроме того, на Конгрегацию прибыли генерал-инспектор войск Великого княжества Литовского, члены

цивильно-войсковой комиссии Пинского повета (административно-территориальная единица), немало шляхты, панов и должностных лиц того же повета, два униатских епископа – Пинский и Туровский. В процессе работы Конгрегация приняла своего рода устав Православной Церкви в Польше, состоявший из 11 параграфов или артикулов. В первом из них говорилось: «Главное национально-церковное устройство Греко-восточного неуниатского оубрядя, имеющее составить Польскую иерархию Восточной церкви, обязано быть в духовной зависимости от главного пастыря той Церкви – Константинопольского Патриарха (коль скоро сейм правом своим учредит это и будет совершено посвящение архиепископа и епископов от Константинопольского Патриарха), и будет состоять из одного архиепископа на правах митрополита, как начальника Польско-Восточной Церкви, из национального синода и трёх епископов, начальствующих в своих епархиальных консисториях. Вместе с архиепископом они будут составлять Польско-национальный Синод и управлять Церковью на основании канонических правил и общих постановлений семи Соборов, ни в чём нисколько не относясь к чужестранным митрополитам и к другим национальным синодам, и только в делах, касающихся догматов веры, обращаясь к патриаршей Цареградской кафедре, никогда не дозволяя себе

апелляции по церковным делам где-либо за пределы Речи Посполитой, а всё окончательно решая определениями Польско-греческого Национального Синода». Таким образом, Национальный Синод (Синодальная или Генеральная Конгрегация) наделялся высшей властью в области канонического устройства и управления церковной жизнью Польской Православной Церкви. Он должен был собираться через каждые четыре года, а в период заседаний Синода полнота верховной и исполнительной власти должна была осуществлять подведомственная архиепископу Генеральная (или Главная) консистория. Она имела состоять из 12 человек: трёх избранных представителей от «монашествующего духовенства», трёх - «от белого из протопопов или священников», трёх - от шляхетского сословия и трёх - от мещан. Национальному Синоду «православных церквей Королевства Польского и Великого княжества Литовского» принадлежало право: « а) избирать архиепископа и епископов, испрашивать им утверждение Правительства и посвящать их; б) избирать и посвящать архимандритов; в) быть высшим Главной консистории апелляционным, судебным местом, поверять четырёхлетние её действия и делать другие распоряжения, касающиеся Церкви. Все дела касающиеся веры и обрядов, должны быть решаемы одними духовными лицами на основании канонов и правил

семи Вселенских Соборов, а дела, касающиеся экономии, доброго порядка и управления душами, должны быть решаемы совместно с депутатами и ассессорами от сословия гражданского большинством голосов» (арт. VI). Каждая епархия делилась на деканаты или протопопии (то же, что современные благочиния) с равным количеством церквей (приходов) в каждом. Управлялись протопопии деканальной консисторией состоящей из 6 человек (протопоп, его наместник, 2 избираемых священника и 2 светских лица - писарь и ассессор- человек исполняющий функции сходные с функциями судебного исполнителя). Раз в четыре года в каждой протопопии должна была созываться деканальная конгрегация, которая и поверяла бы работу консистории, проводила избрание или ротацию членов консистории, в том числе и протопопа. В заседаниях деканальных конгрегаций принимает участие всё духовенство протопопии. Так же раз в четыре года должно было проводиться заседание конгрегации следующего уровня - епархиальной конгрегации, председателем которой имел быть правящий архиерей (или его наместник), а участниками протопопы и писари деканатов, старшие монастырей и архимандрий (церк. - административная единица, закреплённая за монастырём), а также старшие братств. В компетенции этой конгрегации были общепархиальные вопросы,

проблемы монастырей, находящихся на территории епархии, она же избирала делегацию (в составе 8 чел.: 2 – от белого духовенства, 2 – от монашествующих и 4 светских) для участия в работе высшего органа власти – Синодальной конгрегации. Синодальную (или Генеральную) конгрегацию составляли: епископат (архиепископ и три епископа), означенные выше делегаты епархиальных конгрегаций (по 8 чел. от каждой), старшие архимандриты и ассесоры Главной консистории. Постоянно же действующим органом, как мы уже отметили, была Генеральная (или Главная) консистория, которая и претворяла в жизнь все решения Национального Синода, осуществляя постоянное руководство текущей жизнью Церкви. Все вопросы в этой консистории должны решаться простым большинством голосов, а при их равенстве – решающим становился голос председателя, которого избирала Синодальная Конгрегация. Таковой представлялась административно – управленческая структура Польско-Восточной (Православной) Церкви в Речи Посполитой.

«Все бумаги должны быть писаны или двойным текстом – польским и русским, или только одним польским» (арт. VII). Важно отметить, что этими правилами предписывалось также в каждом приходе иметь школу для обучения детей прихожан, которые должны были производить «соразмерную скидку» на содержание этой

школы. Учителями должны были быть церковные дьячки, умеющие читать по-польски и по-русски, или нанимаемые лица. При каждой приходской церкви должен быть т.н. «госпиталь» (в смысле – богадельня), «для содержания беднейших из прихожан по усмотрению священника и прихожан» (арт. XI).

Пинская конгрегация выработала, таким образом, стройное и довольно демократичное положение об управлении и функционировании Православной Церкви в Польском Королевстве и Великом княжестве Литовском. «Но этой национальной сложно организованной Церкви строго запрещалось самое существенное в её жизни – общение с единоверною Русскою Церковью. Это последнее запрещение, противоречившее самым главным началам Православия вообще, и было главным вызовом ко всей этой сложной работе по устройству русской Церкви в Польше» (23). И хотя новое церковное руководство с первых шагов своей деятельности засвидетельствовало свою лояльность Королю и Речи Посполитой, негативное отношение польского общества к православным осталось неизменным. Своё НЕДОВОЛЬСТВО новым положением православных, прежде всего, ВЫРАЗИЛА КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. 14 сентября 1791 г. папский нунций передал королю представление Ватикана, в котором говорилось, что «1) неприлично, чтобы в католи-

ческом государстве чуждое исповедание пользовалось теми же правами, что и господствующая религия; 2) эти уступки могут повлечь за собой много дурных последствий для господствующей религии, которая будет постепенно ослабевать и которую постараются окончательно уничтожить; 3) даже политические соображения не позволяют давать больших прав в Польше дизуниатам, так как они могут каждую минуту нарушить спокойствие государства и будут в руках России орудием для достижения преследуемой ею цели – поработить Польшу и сделать её русской провинцией» (6). Король в ответ писал: «Мы надеемся извлечь большую выгоду от Пинского конгресса, а именно – совершенно отвлечь греков от России и таким образом освободиться от её влияния». Весьма недовольны были и униаты. «Просимая дизуниатами Речи Посполитой иерархия, - писали они королю, - не потребна ни для наличного количества православного населения, ни для устранения его заграничной зависимости; привлекает наше внимание и вызывает справедливое опасение, чтобы это разрешение не послужило поводом к возобновлению того угнетения и преследования, каким в прежние века подвергалась католическая Русь, - и волновавших Отечество смут» (В.Смоленский). Довольно жаркая дискуссия по поводу нового положения Православной Церкви в Речи Посполитой развернулась и на Варшав-

ком сейме 1792 года, который имел принять и утвердить выработанные Пинской конгрегацией предложения. Тем не менее, большинством голосов сейм всё же утвердил новое положение Православной Церкви, в конституции под названием «Удовлетворение желаний польских обывателей – греко-неуниатов и диссидентов». В силу этой конституции утверждалась православная архиепископия с кафедрой в Бельске и три епископские кафедры – в Минске, Новогрудке и Житомире, под верховной юрисдикцией Патриарха Константинопольского.

Эта конституция «давала Православию очень много по сравнению с прежним его положением; оно пользуется теперь покровительством закона, свободой в отпращивании своего обряда и многими неслыханными прежде преимуществами. Но оно не получило и теперь того, что у него было отнято униатами: за ними остались только те церкви и монастыри, которыми оно владело в 1792 г., всё же то, что было отнято у православных униатами в течение XVIII ст. вообще и в особенности после первого раздела, оставлялось в руках униатов, от всего этого Православие должно было навсегда отказаться. Так как православному митрополиту не было предоставлено сенаторского кресла, то оно не было уравнено с Унией, глава которой – митрополит Ростокский в это время уже заседал в Сенате вместе с латинскими бискупами» (6).

В ГОДЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Однако окончательной реализации задуманного королём и сеймовыми чинами проекта помешали второй (1793 г.) и третий (1795 г.) раздел Речи Посполитой, в результате которых она перестала существовать, а «православные территории» отошли к России (кроме Галиции). В частности, по Третьему разделу к России были присоединены Литва (по р. Неман) и Курляндия. В канун Второго раздела был освобождён из заточения епископ Виктор (Садковский) и после раздела Польши назначен Святейшим Синодом на Минскую кафедру. А в канун

Третьего раздела всероссийская императрица Екатерина II издала (в 1794 г.) указ, разрешавший свободный переход униатов в Православие. Это способствовало массовому возвращению оных в Православную Церковь. «...В течение одного с небольшим месяца воссоединился 721 приход с 463 священниками и с 333093 мирянами. К концу царствования Екатерины II всех присоединившихся, по официальным данным, было более двух миллионов человек» (44). Ввиду столь значительного увеличения прихожан и в целях способствования дальнейшему развитию этого процесса, Св. Синод в мае 1794 г. принял решение назначить в помощь архиепископу Минскому викарию епископа. Им, с титулом епископа Житомирского, стал бывший Виленский архимандрит Варлаам (Шишацкий), высланный в 1789 г. польскими властями из Литвы за отказ присягнуть королю и Речи Посполитой. Между прочим, во время оккупации Могилёва французами, он присягнул Наполеону, за что позднее был осуждён гражданским и церковным судом, лишён сана и в качестве простого монаха сослан в Спаса-Преображенский монастырь (Новгород-Северский). Заметим также, что, в бытность его викарием Минской епархии, православные Литвы входили в состав этой епархии как Виленское благочиние. Российское правительство дало указание Св. Синоду направить в

присоединённые губернии (Брацлавскую, Изяславскую, Минскую, в том числе и Литву) лучших священнослужителей из соседних епархий и из центральной России, для помощи местной иерархии в столь важном деле, как воссоединение униатов. «Но мера эта встречена была с большим несочувствием и в тех епархиях, откуда вызывались священники, и в Западной России. Многие из назначаемых отказывались ехать и просили совсем отставить их от приходов. Виктор тоже не сочувствовал этой мере» (23). Противники воссоединения не преминули воспользоваться этим решением, квалифицируя эти действия как русификацию

и пугая этим униатов и местную шляхту. Следует отметить, что после Третьего раздела Польши почти все униатские епархии были аннулированы, оставлена была лишь Белорусская (по титулу – «Полоцкая архиепископия») во главе с архиепископом Ираклием (Лисовским). «Это был человек, воспитанный в уважении к греко-восточным обрядам, горячий сторонник сближения Униатской церкви с Православием

И. Лисовский

и очищения её от латинства» (44). После смерти Екатерины II (1796) при императоре Павле I, процесс перехода униатов в Православие заметно замедлился, так как Павел I в начале своего правления запретил обращение униатов в Православие, в то время как переход их в Католичество не возбранялся. Похоже, что он вообще не воспринимал униатов как самостоятельное исповедание, и, несмотря на то, что при нём восстановлены были Брестская (к которой относились униаты Литвы) и Луцкая униатские епархии, он подчинил (в 1798г.) униатов Католической коллегии – департаменту, который заведовал делами Католической Церкви в России. «При таком положении Униатская церковь была лишена своего самостоятельного правительственного органа и совершенно попала под власть латинян – польских римокатоликов, которые распускали слухи, что русское правительство желает уничтожить Унию и слить её с Латинской Церковью. Под влиянием польско-латинской пропаганды и распространения вышеуказанных слухов более 200 тысяч униатов белорусов перешло в латинство» (3). Такое положение весьма обеспокоило иерархию Униатской церкви, особенно тех, кто не стремился слиться с Римско-католической Церковью. В Петербург пошли жалобы как от униатов (на унижение их католиками), так и от православных – на сорапение униатов обман-

ным путём в Католичество. Позднее, в 1799г., Павел I издал указ, которым католическому духовенству запрещалось «сворачивать униатов и православных в латинство». Относительно же униатов говорилось, что там, «где жители добровольного желания к присоединению к Церкви нашей не объявили и всегда желали оставаться в Унии, там им ни препятствия, ниже принуждения никакого чинить не позволять...». Но процесс латинизации униатов продолжался и в последние годы правления Павла I, и в первые годы правления нового императора Александра I. Например, в 1802 г. среди униатов Полоцкой епархии были распространены слухи о якобы существующем указе Российского правительства, что, если униаты не перейдут в Католичество, то вскоре будут насильно обращены в Православие. «По рукам ходило письмо папского нунция Литга, которое якобы позволяло униатам переходить в Католичество» (48). В результате в 1803 г. в униатской Полоцкой архиепископии около 100 тыс. человек перешло в Католичество. «Униатские епископы прилагали все усилия к тому, чтобы спасти от уничтожения Унию. Прежде всего, они добились участия представителей Униатской церкви в Римско-католической духовной коллегии. По повелению Александра I 12 июля 1804 г. в этой коллегии начали заседать наравне с римокатоликами поляками один униатский епископ

и три представителя от униатского духовенства, по одному от трёх епархий. Поляки, члены этой коллегии, относились к униатским представителям высокомерно недружелюбно, тормозили их дела и не скрывали своего враждебного чувства к униатам вообще» (3). Униаты не склонны были мириться с таким положением и обращались к императору Александру с жалобами на католиков. Униатский архиепископ «Лисовский умолял избавить униатов от латинской опеки и подчинить их управлению Святейшего Синода» (23). Подчинить их Синоду Александр I не подчинил, но от административной опеки католиков избавил, учредив сперва при Римско-католической коллегии отдельный департамент по делам униатов во главе с архиеп. Ираклием (Лисовским), а затем указом от 24 июля 1806 г. назначив того же архиепископа Ираклия митрополитом всех униатских приходов в России. «Митрополит Ираклий Лисовский не был сторонником окончательного слияния Униатской церкви с Православной, но возникновению этой идеи он, безусловно, содействовал» (44). Однако в гораздо большей степени возникновению этой идеи способствовало усердие не по разуму латинского духовенства, базилиан и польских землевладельцев, направленное на обращение униатов в католическую веру. «Именно латинизация Униатской церкви привела её в XVIII – первой трети XIX в. к расколу и

тем самым способствовала быстрому сближению с Православием» (44). Но подобное же усердие не по разуму православных, особенно светских властей, нередко служило тормозом воссоединению и вызывало протесты со стороны униатов, не желающих «веру ломать». В качестве примера можно привести случай происшедший 18 декабря 1834 г. в белорусском городке Вилейке, когда приехавшие туда из Минска православные священники-миссионеры не сумели убедить местных униатов перейти в Православие. «После этого, по приказу минского вице-губернатора, русские солдаты в сопровождении полицейских чинов пригнали в Вилейку всех униатов из окрестных деревень и заставили их присоединиться к Православной Церкви, а униатский священник был вывезен из Вилейки при помощи солдат. Униатские епископы запротестовали против насильственного обращения униатов, после чего подобные случаи не повторялись» (3), хотя менее грубые случаи административного воздействия, конечно, происходили и после этого. Грешил администрированием и православный Полоцкий епископ Смарагд (Крыжановский). Известно, что униатский епископ Иосиф (Семашко) обращался в С.-Петербург с «особой запиской», в которой отмечал торопливость в действиях епископа Смарагда.

Мстиславский епископ ИОСИФ (Семашко)

был в то время викарным епископом и председателем консистории униатской Белорусской архиепископии и имел право присутствовать на заседаниях Коллегии в Петербурге, можно сказать, был вторым по авторитету и значимости человеком в Униатской церкви. Его современник, известный историк и публицист, профессор С.-Петербургской Духовной Академии М. Коялович, считает, что «это был западно-русский ясновидящий, разрешавший труднейшие вопросы и дела с тою простотою и лёгкостью,

И. Семашко

какие, кроме дарований и даже прежде дарований, даются в самой плоти и крови родной землёй и родными историческими преданиями». Именно Иосиф Семашко сыграл ключевую роль в деле слияния униатов с Православной Церковью в Белоруссии и Литве. В 1827 г., будучи ассессором Римско-католической коллегии (а точнее – её департамента по делам Униатской церкви), прелат Иосиф Семашко обратился в Департамент иностранных исповеданий с предложениями по противодействию дальней-

шей латинизации Униатской церкви. Вероятно в то время И.Семашко, как и митрополит Иракий, не был ещё сторонником окончательного слияния Унии с Православной Церковью. Он, в частности, предлагал осуществить следующие меры: «вместо униатского департамента основать самостоятельную, независимую от Католической, Греко-униатскую коллегия; вместо четырёх униатских епархий оставить две – Белорусскую и Брестскую (Литовскую); Полоцкому епископу дать полномочия викария, с тем, чтобы он председательствовал в местной консистории; упразднить кафедральные капитулы (духовный совет при епископе; прим. наше) и ввести соборное духовенство; вместо римских дистинкторий ввести наперсные кресты; улучшить содержание и увеличить права консисторий; ...увеличить содержание семинарий, учредить при монастырях низшие училища, прекратить отправление униатских воспитанников в римско-католическую семинарию при Виленском университете, преобразовать Полоцкую семинарию в Академию. Одновременно Иосиф Семашко предлагал также серию мероприятий для возвращения униатов, совращённых в католичество» (44). «Предусматривалось также ликвидировать зависимость униатского духовенства от помещиков-католиков, которые, будучи ктиторами, не только оказывали материальную помощь церкви, но

также влияли на избрание кандидатур священнослужителей в своих владениях» (48). Правительством положительно отнеслось к этим предложениям. В апреле 1828 г. вместо существовавшего при Католической коллегии департамента по делам Униатской церкви была утверждена отдельная Греко-униатская коллегия, председателем которой стал митрополит Иосиф Булгак, а его заместителем – Иосиф Семашко. Вместо четырёх униатских епархий были сделаны две: Белорусская (с центром в Полоцке) и Литовская (с центром в Жировицком монастыре). Приняты были во внимание и другие предложения Иосифа Семашки и суть их была в том, «чтобы оторвать униатов от католичества путём ликвидации части базилианских монастырей..., открытия новых учебных заведений для воспитания юношества в традициях православной веры» (48). Запрещалось, например, обучение униатов в Виленской католической семинарии, для них была образована отдельная семинария в м. Жировицы.

Новый импульс и новое направление получил процесс воссоединения униатов после польского восстания 1831 г., в котором принимала активное участие и часть униатского духовенства, враждебно настроенного против России и Православия. «Польская смута показала правительству, как нельзя яснее, всю опасность латинского направления в Унии и всю благо-

творность для России воссоединение униатов. Воссоединение, таким образом, получило в высшей степени политическое значение» (23). Это восстание, по мысли исследователей, изменило также первоначальные замыслы униатов, стремившихся сохранить свою идентичность и самостоятельность: они стали склоняться к мысли о необходимости окончательного слияния с Православием. К таковому, прежде всего, следует отнести Иосифа Семашко, о чём он и писал в своих записках Св. Синоду. В январе 1837 г. правительство переподчинило Греко-униатскую коллегия Священному Правительствующему Синоду Российской Православной Церкви. В следующем году скончался униатский митрополит Иосафат Булгак и епископ Пинский Иосаф Жарский – наиболее серьёзные и авторитетные противники слияния с Православием. 2 марта 1838 г. на место почившего митрополита Иосафата председателем Греко-униатской коллегии был назначен епископ Иосиф (Семашко), возглавлявший с 1833 г. Литовскую униатскую епархию. Между прочим, «наиболее сильным стремление к воссоединению униатов с православными было в Литовской епархии. Из 1057 священников за объединение высказалось 760» (44). Что касается мирян, то все 633 прихода Литовской епархии, по оценке надворного советника В.Скрыпицина, исследовавшего устроение униатов в запад-

ных губерниях, были «вполне благонадёжными» (48). Руководство Униатской церкви к весне 1839 г. пришло к заключению, что настало время поставить вопрос о воссоединении униатов с православными в практическую плоскость. Зафиксированным подтверждением такой готовности является список 114 лиц высшего духовенства, письменно засвидетельствовавших свою готовность присоединиться к Православию. В Литовской униатской епархии к тому времени только 15 церквей оставались без иконостасов (иконостас рассматривался как один из признаков православного прихода), во всех остальных они были восстановлены. «Во всех униатских церквях были устроены престолы среди алтаря и упразднены боковые латинские алтари с престоломи, придвинутые к стене, а также уничтожены органы, амвоны для проповедников и конфессионалы для исповедующихся; в большей части церквей переделаны и исправлены священные сосуды, утварь и облачения...» (прот. И. Котович). «Народ же униатский, - писал еп. Иосиф, - за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в Унию, и будет православным, как скоро его пастыри будут православны».

В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ 12 февраля 1839 года униатские епископы вместе с начальствующим духовенством составили в г. Полоцке «священный собор», на котором было принято

решение о воссоединении с Православной Церковью и написан следующий «Соборный акт»: «Мы, благодатию Божию, епископы и священный собор Греко-Униатской Церкви в России, в неоднократных совещаниях, приняли в рассуждение нижеследующее: Церковь наша, от начала своего, была в единстве Святыя, Апостольския Православно-Кафолическия Церкви, которая самим Господом Богом и Спасом нашим Иисусом Христом на Востоке насаждена, от Востока возсияла миру и доселе цело и неизменно соблюдала Божественные догматы учения Христова, ничего к оному не прилагая от духа человеческого суетудрия. В сем блаженном и превозделенном Вселенском союзе Церковь наша составляла нераздельную часть Греко-Российския Церкви, подобно как и предки наши, по языку и происхождению, всегда составляли нераздельную часть Русского народа. Но горестное отторжение обитаемых нами областей от матери нашей России отторгнуло и предков наших от истинного Кафолического единства, и сила чуждого преобладания подчинила их власти Римской Церкви под названием униатов». Далее в Акте говорится о притеснениях и бедах, которые униатам приходилось претерпевать от польских властей и «от превозмогающего Римского Духовенства», стремящихся их окатоличить, и о позитивных переменах, происшедших в последнее время. «По

благости Господней, - констатируется в Акте, - мы и прежде отделены были от древней матери нашей Православно-Кафолической Восточной, и в особенности Российской Церкви, не столько духом, сколько нынешнею зависимостью и неблагоприятными событиями; ныне же, по милости Всещедрого Бога, так снова приблизились к ней, что нужно не столько восстано-вить, сколько выразить наше с нею единство.

Посему, в теплых сердечных молениях, призвав на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Который един есть истинный Глава единыя истинныя Церкви) и Святого и всесовершающего Духа, мы положили твердо и неизменно:

1) Признать вновь единство наша Церкви с Православно-Кафолическою Восточною Церковью, и посему пребывать отныне, купно со вверенными нам паствами, в единомыслии со Святейшими Восточными Православными Патриархами и в послушании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода.

2) Всеподданнее просить Благочестивейшего Государя Императора настоящее намерение наше в Свое Августейшее покровительство принять и исполнению оно, к миру и спасению душ, Высочайшим Своим благоустремлением и державною волею споспешествовать...

Во уверение чего, мы все, Епископы и Начальствующее Духовенство, сей Соборный акт

утверждаем собственноручными нашими подписями, и, в удостоверение общего на сие согласия прочего Грекоуниатского Духовенства, прилагает собственноручные же объяснения священников и монашествующей братии, - всего тысячи трех сот пяти лиц...» (Цит. по «Витебская старина»). Акт подписали: три епископа – Иосиф, Епископ Литовский; Василий, Епископ Оршанский, управляющий Белорусской епархией, и Антоний, Епископ Брестский, - и 21 человек духовенства – священников и монахов. В частности, от Литовской консистории: прот. Антоний Тукальский, прот. Михаил Голубович, прот. Плакид Янковский, прот. Ф. Гомолицкий, Григорий Куцевич, игумен Иосаф (Вышинский), иером. Игнатий (Желязовский), иером. Фауст (Михневич).

Этот Соборный акт, с приложением сопроводительного письма, был направлен Всероссийскому императору Николаю I с просьбой «упрочить дальнейшую судьбу униатов дозволением им присоединиться к их прародительской Православной Всероссийской Церкви». Государь император «воздав из глубины души благодарение Всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленного, искони Русского духовенства возвратиться вместе с их паствою на лоно истинной их Матери Православной Церкви, ...повелели Обер-Прокурору Святейшего Синода означенный акт и объяв-

ление внести на Святейший Синод на рассмотрение и сообразное с правилами Святой Церкви постановление». Святейший Синод, рассмотрев Соборный акт и прошение униатского духовенства, 23 марта 1839 года постановил: 1) Епископов, священство и духовные паствы, так именовавшейся донныне Греко-Униатской Церкви, по священным правилам и примерам Святых Отец, принять в полное и совершенное общение Святыя Православно-Кафолическия Восточныя Церкви и в нераздельный состав Церкви Всероссийской. ...3) В управлении вверенных им паств поступать им на основании Слова Божия, правил церковных, государственных постановлений и согласно с предписаниями Святейшего Синода, и утверждать вверенные им паствы в единомыслии Парвославныя Веры. А к разнообразию некоторых местных обычаев, не касающихся догматов и таинств, являть Апостольское снисхождение, и к древнему единообразию возвращать оные посредством свободного убеждения, с кротостью и долготерпением...». Постановление Синода было представлено императору на утверждение, равно как и следующие решения: «1) Управление воссоединённых епархий и принадлежащих им духовных училищ оставить на прежнем основании, впредь до ближайшего усмотрения, каким лучшим и удобнейшим образом оное может быть соглашено с управлением древле-православных

епархий; 2) Греко-Униатскую Духовную Коллегию поставить в отношении к Святейшему Синоду по иерархическому порядку на степень Московской и Грузино-Имеретинской Святейшего Синода Контор, и именоваться ей Белорусско-Литовскою Духовною Коллегиею; 3) Иосифу, епископу Литовскому, быть председателем Белорусско-Литовской Духовной Коллегии, с возведением его в сан архиепископа» Император Николай, прочитав доклад Синода, положил следующую резолюцию: «Благодарю Бога и принимаю». Так закончила своё существование Брестская Уния в Литве и Белоруссии, принесящая немало горя и крови их жителям, и возбудившая вражду и рознь между верующими людьми. В ознаменование столь важного события отчеканена была специальная медаль.

На одной её стороне изображен был Неукротворный образ Спасителя с надписью: «Такова имамы Первосвященника. Евр.VIII,1», а внизу:

«Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)». На другой стороне медали изображён в центре крест в лучезарном сиянии, а справа и слева от него по краю окружности надпись: «Торжество Православия», внизу дата: «25 марта 1839».

Это историческое событие повлекло за собой целый ряд перемен в положении и течении жизни Православной Церкви в Литве. В виду того, что в Православие перешло около 1607 бывших униатских приходов с более чем 1 миллион 600 тыс. верующих, встал вопрос церковно-административного переустройства епархии. После раздела Речи Посполитой православные Литвы до воссоединения униатов сначала включены были в состав Минской, а с 1833 г. в состав Полоцкой епархии и находились до 1837 г. под омофором епископа (с 1836 г. — архиепископа) Полоцкого и Виленского Смарагда (Крыжановского), а с 1837 г. — епископа Исидора (Никольского). Епископ Смарагд «положение православных в Виленской губернии... характеризовал в 1834 г., как «абсолютную бесперспективность и беспоповщину». Отрадным событием в это время было лишь ОТКРЫТИЕ для поклонения нетленных ОСТАНКОВ свв. мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Как уже упоминалось в начале очерка, причисление их к лику святых произошло по инициативе Константинопольского Патриарха Филофея (1364-1376) око-

до 1347 года. Есть предположение (О. А. Белобровой), что канонизация Виленских мучеников была связана с желанием Патриарха Филофея поднять заслуги Литовской митрополии в глазах Москвы. Известно, что примерно в это же время польский король Казимир добивался от Константинополя поставления для Литвы независимого от Москвы митрополита, и Москва была обеспокоена поставлением такого митрополита. Первоначально, согласно Ермолинской летописи, тела страстотерпцев были «положены у Николы в Вильне», но позднее перенесены были в Свято-Троицкую церковь (со временем здесь образовался монастырь), построенную православными на месте мученической кончины этих святых. Здесь они и пребывали до времени утверждения Унии в Литве. Позднее, когда шла с переменным успехом война Польши с Россией за Малороссию, перед занятием Вильны русскими войсками, униаты скрыли мощи Виленских мучеников, закопав их в ветхой церковке св. Петра, находившейся в задней части монастырского сада. Около 1661 г. мощи были обретенны православными и перенесены в Свято-Духов монастырь, где хранились тайно в подалтарном склепе. «Крайне стеснительное положение православных в Вильне... не позволяло, однако же, Свято-Духовским инокам открыто чествовать св. мощи... Когда снова возсияло святое Православие

в Литве и Вильне от св. мощей святых мучеников появились новые, в изобилии чудотворения... Святыя мощи, в 1826 г., были надлежащим обычным порядком освидетельствованы нарочито назначенными для сего от Святейшего Синода Преосвященными Черниговским Лаврентием и Минским Анатолием, - при чём обнаружено полное соответствие находящихся во св. Мощах повреждений - увечий и ран, претерпенных св. мучениками при их смерти, с теми, какие означаются в летописях, отметивших смерть святых Антония, Иоанна и Евстафия» (18). С этого времени они, в утешение православным, были благочестно открыты для общего чествования и поклонения. Правда, размеры пещерки, где они находились, и подход к ней не совсем соответствовали этому.

В виду указанного выше увеличения паствы, в 1840 г. БЫЛА ОБРАЗОВАНА САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЛИТОВСКАЯ ЕПАРХИЯ. При этом, были означены новые пространственные границы: к новообразованной епархии отошли Гродненская, Виленская, а с 1842 г. - и Ковенская губернии. Первым епископом возрождённой Литовской епархии по праву стал бывший епископ одноименной униатской епархии Иосиф (Семашко), возведённый при этом в сан архиепископа. Полный титул его звучал так: «Архиепископ Литовский и Виленский и Священно-Архимандрит Виленского Свято-

Троицкого монастыря». Паства архиепископа Иосифа состояла примерно из 700 тысяч человек: главным образом – сельское малограмотное население, бывшие, в большинстве своём, униаты. С бывших униатов, за небольшим исключением, состояло и духовенство Литовской епархии. Достояние, прямо скажем, – незавидное. «Исследуйте душу бывшего униата, – писал современник, – и вы чаще всего найдёте в ней такие черты, которые прямо указывают на полный индифферентизм, на полное равнодушие в делах веры. Спросите, например, у бывшего униата, какой он веры: «а казённой, паночку», – ответят вам некоторые, имея в виду, конечно, под этим названием веру православную; другие же и сейчас ещё продолжают называть её втихую схизматической» (И. Зеленский). «Большинство бывшего униатского духовенства было малообразованным. В отчёте ревизий церковей Литовской епархии в 1850 г. говорилось, что духовенство не занимается дальнейшим образованием, не имеет необходимых учебников. Даже Библию имели только некоторые священники. Дети священно- и церковнослужителей плохо знали молитвы на церковно-славянском языке..., ...многие церковнослужители даже не знали молитв на церковно-славянском языке» (48). Литовской консистории пришлось, поэтому, издать в 1855 г. специальное распоряжение духовенству, чтобы оно

в течение года научило своих детей молитвам на церковно-славянском языке. «В убогих церквях не доставало приличной утвари, при богослужении часто употреблялись старые униатские служебники. В большей части церковей не было дьячков... Много из простого народа продолжали креститься по католическому обычаю, знали и читали только польские молитвы...». Так что «преосвященному Иосифу предстоял... трудный подвиг полного утверждения воссоединённых униатов в древнем Православии... Вся последующая деятельность преосвященного Иосифа, обязанного, по его словам, ответственностью перед воссоединёнными и за воссоединённых, была посвящена устранению... многих остатков латино-униатской старины, перевоспитанию духовенства на православно-русских началах, улучшению его быта, обновлению и украшению храмов и охранению православной паствы от усиливающейся латино-польской пропаганды» (И. Котович). Около 30 лет усердно трудился приснопамятный архипастырь на благо Литовской епархии и совершил поистине подвиг: за годы его управления «практически исчезающее там Православие» (48) стало полнокровной Церковью. Прежде всего, самое серьёзное внимание было уделено повышению образовательного уровня духовенства и паствы. В 1845 г. из м. Жировицы (ныне Гродненская обл., Белоруссия) в Вильнюс переведена

была бывшая униатская семинария и помещена в зданиях Свято-Троицкого монастыря. «Об этом учебном заведении архиепископ Семашко заботился как отец, и, благодаря его неусыпной опеке и наблюдению, семинария была поставлена как в учебном, так и в воспитательном отношении на должную высоту» (15). Известно, что к 1892 г. «все священники епархии имели образовательный уровень не ниже семинарского» (48), и заслуга архиеп. Иосифа в этом – несомненна. Для получения первоначального образования и подготовки кандидатов в семинарию было открыто Виленское духовное училище, а в 1861 г. – женское училище Духовного ведомства с 6-летним курсом обучения. Относительно этого события и воспитанниц училища Владыка Иосиф писал: «Надеюсь, что они (выпускницы училища) будут хорошими жёнами и матерями, которые так необходимы в здешнем крае для православных священников. Очень жаль, что мои усилия в этом направлении не увенчались успехом, по крайней мере, лет десять тому назад». Помимо училищ Духовного ведомства при архиепископе Иосифе стали открываться приходские духовные училища как мужские, так и женские. В 1860 г. их было более 200, а к концу жизни митрополита Иосифа – около 500. В сан митрополита владыка Иосиф был возведён в 1852 г. – «в уважение особенных заслуг». На начало 60-ых годов XIX ст. в Литовс-

кой епархии имелось 450 приходов и в 250 из них – церковные школы. Делу просвещения предназначено было послужить и учреждение еженедельника «Литовские Епархиальные Ведомости», который стал выходить с 1863 г. и выходил вплоть до 1917 года.

Ещё в 1845 г., ради более успешного управления епархией, АРХИЕРЕЙСКАЯ КАФЕДРА из Жировиц ПЕРЕНЕСЕНА была в город ВИЛЬНУ и открыто Ковенское (Ковна - нынешний Каунас) викариатство. Первым епископом Ковенским стал архимандрит Свято-Духова монастыря Платон (Городецкий). В 1851 г. заботами и финансовой помощью владыки Иосифа преобразована была в криптовый храм пещера под главным алтарём Свято-Духовской церкви, где хранились мощи свв. Литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. В бытность его главой епархии были подняты из руин Свято-Николаевская Пренесенская, Параскевы Пятницы (Пятницкая) и Успенская (Пречистенская) церкви в г. Вильнюсе. Перестроен, освящён во имя св. Николая и сделан кафедральным бывший католический костёл св. Казимира, реставрированы и приведены в православный облик церкви, которыми во времена Унии завладели униаты. Восстановлено и получило новый устав Виленское Свято-Духовское братство. Виленское Свято-Духовское братство, в силу сложившихся обстоятельств, к концу XVIII в.

фактически прекратило своё существование. Вызванное к бытию особыми, неблагоприятными для Православия обстоятельствами церковно-религиозной жизни, Братство получило в связи с этим и особые права и полномочия, в том числе независимость от епархиальной иерархии и привилегию на владение Свято-Духова и приписных к нему монастырей. А надо заметить, что к началу XVIII столетия около Свято-Духова монастыря сгруппировалась целая корпорация монастырей: Вилейский, Грозовский, Друйский, Евейский, Кейданский, Кронский, Сурдегский и др. С присоединением к православной Руси, роль Виленского Свято-Духовского братства как средства для защиты и попечения о Православной Церкви в чрезвычайных обстоятельствах – когда отсутствовала или находилась далеко церковная иерархия, когда политика государства де-факто была направлена на ликвидацию Православной Церкви – утратила своё значение. «Теперь... ничего подобного не было, и духовная власть приняла по праву ей принадлежащую миссию Братства – охранять и защищать Православную Церковь» (34). Тем более что к тому времени Виленское братство существенно оскудело как в количественном, так и в качественном отношении. К тому же, после вхождения Вильны в состав Минской епархии, архиепископ Минский и Гродненский Иов (Потёмкин) распорядился

отделить от Свято-Духова монастыря приписные к нему монастыри (со всеми их фондами) «в видах лучшего их обеспечения, тем более что подчинение означенных монастырей Св. - Духову вызвано было особыми обстоятельствами – опасением скорого совращения в Унию, при содействии иноверной власти, чего теперь не было причин опасаться» (34). Протест Виленского братства, адресованный Св. Синоду, не был услышан, и, лишившись материальных средств, истощённое вековой борьбой Братство «закончило свою славную миссию и на некоторое время прекратило своё существование» (34). Теперь же по инициативе митрополита Иосифа жизнедеятельность Братства была восстановлена. Согласно новому Уставу, председателями Братства становились первые викарии (т.е. епископы Ковенские) Литовской епархии, что означало непосредственное подчинение Братства епархиальной иерархии.

Большое внимание уделялось при митрополите Иосифе проблеме содержания духовенства. На начало XIX в. основным источником содержания священно и церковнослужителей были земельные наделы при церквях и доходы от недвижимости. Во многих местах эти доходы были столь незначительными, что приходы не в состоянии были содержать священника и по этой причине закрывались. Царское правитель-

ство решило национализировать церковное имущество, а духовенство и церковнослужителей взять на содержание государства. Высшая иерархия Литовской епархии, и в частности митрополит Иосиф, высказало в связи с этим свою озабоченность. Митрополит считал, что некоторые сельские приходы и особенно монастыри, лишившись своих владений, будут испытывать ещё большую нужду в средствах и могут попасть в зависимость от местных землевладельцев-помещиков, которые в большинстве своём были католиками. Тем не менее, 25 декабря 1841 г. вышел указ о передаче недвижимых церковных владений в ведение государства, а с 20 июля следующего года принято «Положение» об обеспечении православного духовенства Западных областей. «Новое Положение не улучшило материального положения православных священников» (48). Митрополит Иосиф неоднократно обращался к правительству о прибавке жалования своим клирикам и не безуспешно. Известно, что в 1859 г. он просил о повышении жалованья священникам 259 приходов (17), т.е. более чем для половины клириков своей епархии. Лишь в 1864 г. благодаря активной поддержке губернатора края и его обращению к государю, хлопоты митрополита увенчались успехом: 15 июля 1864 г. вышло постановление правительства об увеличении содержания православного духовенства почти на 100%.

В январе 1863 г. в Польше вспыхнуло **НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ**, захватившее к весне того же года и пределы Литовской епархии. В этом восстании, именуемом властями как «польский мятеж», активное участие принимало католическое духовенство и монахи. В преддверии восстания католическое духовенство Польши обратилось к перешедшему в Православие духовенству Литвы и Белоруссии с призывом, в котором, в частности, говорилось: «Исключительная эпоха наступает для нас, поляков. Восстаньте от грехов, опомнитесь; вы рождены вашими матерями полячками, которые вас вскормили, проводили над вами бессонные ночи, чтобы вырастить из вас сынов Отчизны и благонадёжных пастырей народа. Но чему же вы учите? Какие говорите проповеди? ... За мизерные царские гроши вы продали душу «диаволу», о горе вам будет, горе!!!!... ибо мшение поляков за св. веру ужасно» («Виленский временник»). Но ставка на то, что идеи Унии и польского патриотизма воскреснут в душах бывших униатов и подвигнут их на восстание, себя не оправдала. «Бывшие униатские верующие, как и бывшее униатское священство, ставшие православными, не поддержали восстания» (48). Это обстоятельство говорит, прежде всего, о том, что воссоединение униатов в 1839 г. не было, как пытаются трактовать его некоторые авторы, лишь следствием предательства униатс-

кой иерархии, или «реакционной политики николаевской России», а сознательным выбором, велением сердца воссоединившихся. Вторых, его можно записать в актив архипастырской деятельности митрополита Иосифа, под омофором которого бывшие униаты не чувствовали себя инородным телом в лоне Православной Церкви и не обманулись в своих чаяниях. А создать духовный комфорт для воссоединившихся было не так-то просто: нередко не бывшее в Унии духовенство и миряне, и в особенности светские власти, относились к воссоединившимся с недоверием и предвзятостью. «Трудно называться воссоединённым, - писал митрополит Иосиф, - я ощущаю это спустя десять лет. Если же ко мне относятся так неблагодарно, нечистосердечно, то чего же ожидать несчастному простому духовенству, которое находится между русскими древнеправославными и поляками-римлянами и не знают чего более бояться: предвзятости и недалёковидности первых или козней и враждебности последних». В ответ на обращения, призывавших православных к восстанию (такие как: «К духовенству православного исповедания», «Польша и Униатская церковь», «Бывшему униатскому духовенству» и др.), митрополит Иосиф издал «Особое предписание», которое было разослано по всем благочиниям и монастырям епархии. В нём, в частности, говорилось:

«Эти воззвания и внушения, сколько дерзки, сколь же и невежественны. Нам указывают на Польшу, но какое нам дело до Польши? Мы – русские, дети бесчленной русской семьи, потомки св. Владимира, - мы родились в России, присягали на верность русскому Царю. Нас смущают поляками! Не потому ли, чтобы напомнить нам вековые страдания наших отцов, присоединившихся было доверчиво вместе с Литвою к Польше? Неужели хотят воскресить память предков наших, павших в кровавой борьбе за свои права и за свою веру? Нам указывают на униатскую веру! Как будто была или даже могла быть униатская вера?! Не была ли Уния лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно-православной Восточной Церкви? Не была ли эта несчастная Уния орудием тяжких терзаний и гонений в течение трехсот лет, пока мы, потомки гонимых, не обрели, наконец, тихого пристанища на лоне России и в своей матери Православной Церкви».

Не получив массовой поддержки в народе, восстание вскоре закончи-

Митрополит Иосиф Семашко

лось поражением. Но оно сыграло роковую, для католиков, роль в конфессиональной политике российского правительства. Правительство стало смотреть на Католическую Церковь, как на деструктивную, враждебную политике России силу. И хотя «как только стало очевидно, что массовое восстание не удалось, высшее католическое духовенство обратилось к верующим-католикам с призывом сложить оружие и подчиниться законной власти» (48), правительство, тем не менее, предприняло ряд карательных мер против Католической Церкви. За участие в восстании 8 ксендзов были преданы смерти, 36 – сосланы на каторжные работы в Сибирь, десятки – сосланы во внутренние губернии России. Был закрыт (или обращен в православные церкви) целый ряд костёлов и некоторые монастыри. Как писал позднее митрополит католических приходов в Российской империи граф Шэмбек, «события 1831 и 1863 гг. нарушили нормальное течение католической религиозной жизни, особенно в Северо-Западном крае. На смену закону пришли административные распоряжения, ограничения и запретительные меры, которые нередко сопровождались тяжёлыми преследованиями и наказаниями». Вместо продолжавшейся веками политики полонизации на смену пришла политика русификации, проводившаяся под лозунгом «западнорусского возрождения». «Не

последняя роль в воплощении в жизнь этой политики отводилась Православной Церкви» (48), которая, как известно, признавалась в Российской империи государственной. Этими обстоятельствами объясняют некоторые исследователи массовый переход в Православие католиков Белоруссии и Литвы. Доля истины в таком заключении, вероятно, имеется: действительно некоторые католики, а ещё ранее униаты, переходили в Православие формально, внешне – ради каких-то выгод или «страха ради иудейского». Другие полагают, что «движение это было вызвано всей совокупностью недавно совершившихся важных событий, но более всего необыкновенным подъёмом духа среди местного православного духовенства, сильно влиявшим на окружающую его среду латинян» (15). А вот что писал о мотиве своего перехода в Православие один из ксендзов (князь А. Друцки-Любецкий): «Ни страх, ни материальный расчёт не имели на меня никакого влияния... Всматриваясь в политическое положение, я вижу, с одной стороны, могущественную Россию, с миллионным братским народом и царём, с другой стороны – Польшу, чужую нам, западнороссам и литвинам, со средневековым католицизмом... Что дала нам Польша? Годы нестроений, нищету, анархию, упадок наук и забвение нашей народности. Язык, вера, обычаи наших предков – всё заменено полонизмом и

католицизмом, которые не дали ни счастья в прошлом, ни залога на лучшее будущее» (ЛЕВ, 1868). По тем или иным мотивам, но в 1865 г. Литовская епархия пополнилась 4254 католиками, перешедшими в Православие, а в следующем году Православие приняло до 25200 католиков. Между прочим, сам переход в Православие, как следует из письма митр. Иосифа к Виленскому губернатору от 26 октября 1863 г., был предельно прост: «священники... обязаны только брать от присоединяемых подписки на непоколебимое пребывание их в Православии...». При всех указанных выше мотивах, нельзя не согласиться и с тем, «что проявившееся среди католиков движение в пользу присоединения их к Православию было плодом того святого дела, которое владыка Иосиф положил в основу западно-русской жизни, и, хотя он не был инициатором этого движения, оно тесно связано с его авторитетным именем» (15). Естественно, что увеличение числа православных влекло за собой увеличение числа приходов. Только в течение 1865-1866 годов в епархии открылось 19 новых приходов и было построено 57 новых храмов, а всего, согласно данным 1890 г., в Литовской епархии насчитывалось 506 приходов.

Но в это время митрополита Иосифа (Семашко) уже не было в живых: он скончался 23 ноября 1868 года и похоронен в пещерной

церкви, где почивали мощи св. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. «Помяни, Господи, во Царствии Твоем раба Твоего, святителя Иосифа. Святые Виленские мученики Антоние, Иоанне и Евстафие молитесь Бога о мне...» - написано на чугунной доске, возложенной на месте его захоронения.

Преемником почившего митрополита на Литовской кафедре стал не менее маститый святой – архиепископ (впоследствии митрополит) МАКАРИЙ (Булгаков), автор хорошо известных сочинений «Православное догматическое богословие» (в 5 томах) и «История Русской Церкви» (в 12 томах). Им же написан и целый ряд других сочинений. Он владел древними (греческий, еврейский, латинский) и рядом новых языков (французский, итальянский, немецкий). Так что это был весьма просвещенный и известный святой Русской Православной Церкви: до назначения на Литовскую кафедру побывавший ректором С.-Петербургской Духовной Академии, епископом Тамбовским, а затем Харьковским,

Митрополит Макарий
(Булгаков)

членом Св. Синода. На Литовскую кафедру назначен 10 декабря 1868 года, с возведением в сан архиепископа. Его авторитет и учёность имели для нашей епархии как положительное, так и отрицательное значение. Первые шаги его деятельности были многообещающими: он быстро вошёл в положение дел в епархии и издал ряд распоряжений, направленных на устранение замеченных недостатков. «К сожалению, десятилетнее служение преосвященного Макария в Литовской епархии в результате своём не принесло той пользы, которой можно было ожидать от него, судя по первым шагам его, по вступлении на кафедру Литовскую. Это в значительной степени объясняется тем, что преосвященный Макарий был скорее гостем в своей епархии, чем хозяином, так как большую часть года он проводил в С.-Петербурге по обязанности члена Св. Синода и исполняя в то же время другие возложенные на него поручения» (17). Возвращаясь в Литву, он нуждался в отдыхе, а потому обычно уезжал в загородную резиденцию Тринополь, где отдыхал и предавался своему любимому занятию – научной работе. В частности, здесь и был написан IX-ый том упомянутой выше «Истории Русской Церкви», посвящённый истории Западнорусской или Киевской (Литовской) митрополии. Делами же епархии в основном занимался викарий – епископ Ковенский. К

тому времени в Литовской епархии имелись два викарных епископа – Ковенский и Брестский (с резиденцией в Гродно). Несмотря на то, что викариатство Брестское, а фактически Гродненское, ибо состояло из Гродненской губернии, по всем параметрам превосходило Ковенское, тем не менее, первым заместителем правящего архиерея Литовской епархии был, как правило, епископ Ковенский. Но большим минусом при этом было то, что Ковенские епископы (равно как и брестские) слишком часто сменялись. Данные свидетельствуют, что за полвека (с 1843 по 1893 г.г.) на этой кафедре побывало 14 епископов. В бытность архиепископа Макария ковенскими викариями были в начале еп. Иосиф (Дроздов), затем с февраля 1875 г. еп. Евгений (Шершило) и с мая 1877 еп. Владимир (Никольский). Частая смена епископов не позволяла им, как следует вникнуть в проблемы собственного викариатства, а тем более в дела всей епархии. И хотя по положению епархия во время отсутствия архиепископа управлялась ковенским викарием, фактическое управление и власть были сосредоточены в руках Виленской консистории (Епархиальное управление, канцелярия) и этой властью она распоряжалась не всегда должным образом. И всё же, даже будучи «гостем» в своей епархии, Высокопреосвященный Макарий сделал для неё немало полезного. Вскоре после вступления на Литовскую

кафедру он попытался возродить выборное или соборное начало, имевшее здесь место ещё со времён первых князей Великого княжества Литовского и сведённое на нет во времена Речи Посполитой. благословив «самому духовенству... выбирать из своей среды благочинных, и учредил благочиннические съезды и советы для гласного обсуждения дел, касающихся приходо- и церковного благочиния» (21). В древности, как можно было видеть из ранее сказанного, выборное начало, с участием общественности, имело место и при избрании высшей иерархии. Нынешнее же «нововведение» способствовало активизации низшего духовенства, вовлечению в общецерковные дела. Правда, позднее, в 1881 г., Священный Синод такую демократию признал нецелесообразной и отменил эту практику. В бытность архиепископа Макария, его заботами, а иногда и материальной помощью, было построено и переделано около 300 приходских церквей. По его инициативе и финансовой поддержке была устроена отопительная система в главных храмах г. Вильнюса – Никольском (кафедральном) и Пречистенском соборе, а также в монастырской Свято-Духовской церкви. Он проявлял рвение о благолепии богослужения во всех церквах епархии, о заведении при них певческих хоров из крестьянских детей, ратовал о частом проповедании слова Божия. «В отношении к людям

Владыка всегда был учтив, с просителями обращался мягко» (40), правда, «для приёма посетителей было назначено только два часа» (17), так как основная часть свободного от богослужения и епархиальных дел времени посвящалась научной работе. «Никогда духовные лица не получали так много наград и отличий, как в управление епархией пр. Макария» (21). В целом, несмотря на все неблагоприятные моменты, положение дел в епархии было довольно хорошим, хотя некоторая бюрократизация церковной жизни и её огосударствление были уже заметны. Собственно, начало им было положено ещё при предшественнике архиепископа Макария.

В апреле 1879 г. архиепископ Макарий был возведён в сан митрополита и определён на Московскую кафедру. На Литовскую же был назначен архиепископ Донской и Новочеркасский АЛЕКСАНДР (Добрынин). Литовская епархия не была для него «тэра инкогнита»: в 1851-1860 гг. он был ректором Литовской Семинарии и благочинным монастырей, а с 21 ноября 1860 по 14 августа 1867 – епископом Ковенским, т.е. «правой рукой» митрополита Иосифа (Семашко). Будучи викарием, он «положил много труда в деле церковного благоустройства здешнего края» (40), но в качестве главы епархии он прибыл в Литву уже больным, немощным человеком (болел водянкой и ревматизмом). Собст-

венно, по состоянию здоровья он и был переведён с Донской кафедры, где климат отрицательно влиял на его самочувствие, а назначение на Литовскую предопределило его знание проблем и людей этой епархии. Ему не было нужды, как он сказал встречавшему его литовскому духовенству, знакомиться с епархией, но, опять же, «действительность не оправдала тех надежд, которые соединялись с назначением его в Вильну. Главною причиною было то, что он с Дона прибыл с надломленным здоровьем... Ослабление у него энергии и по временам забывчивость явно сказывались в делах епархиального управления» (17). Консистория при нём приобрела ещё большую значимость. Ахиллесовой пятой архиепископа Александра была также его слабохарактерность: «им управляли его домашние – секретарь, регент,

Пречистенский собор и окрестности

родственники...» (12), что тоже негативно сказывалось на делах в епархии. О себе самом он говорил: «Ни по свойству моего характера, ни по душевному моему настроению я не люблю относиться к людям сурово: я всегда избегал по отношению к духовенству жестоких мер, вроде наказаний...». Не все ценили доброту души своего архипастыря, некоторые злоупотребляли ею. Кроме доброты душевной и нестяжательности, которая архиеп. Александру тоже была присуще в большой мере, в актив этого святителя как архиепископа Литовского можно отнести установление практики составления каждой церковью своей церковно-приходской летописи, в которую записывались все важнейшие события церковной жизни прихода. Распоряжение о ведении таких летописей вышло 1 января 1880 г., а через пару лет консистория располагала уже достаточными сведениями о состоянии приходов и их жизнедеятельности. Отголоском этой практики является нынешнее представление архиерею настоятелями церквей ежегодных отчётов о жизнедеятельности прихода. Значительным событием в жизни епархии был приезд в Вильнюс (26 августа 1884 г.) императора Александра III, всколыхнувший и ободривший русскую общественность, что положительно сказалось и на церковной жизни. Из событий того времени более тесно связанных с церковной жизнью следует отметить слияние

Виленского Свято-Духовского братства и Виленского общества ревнителей Православия в одно учреждение – Свято-Духовское Братство. Главными вопросами, которыми это братство занималось, были вопросы просвещения и вопросы содействия и помощи в церковном благоустройстве. Епархия как таковая, в основном усилиями консистории, по-прежнему уделяла большое внимание религиозному образованию. В годы управления архиепископа Александра число церковно-приходских школ увеличилось до 457 (по состоянию на апрель 1885 г.), а число обучающихся доходило до 9326 человек.

Осенью 1884 г. архиеп. Александр совершая поездку в Рудомино, сильно простудился и слёг, а 28 апреля 1885 г. скончался. Погребён рядом с митрополитом Иосифом в крипте св. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. «Оставил своему преемнику неустроенную епархию» (17).

Преемником архиепископа Александра стал епископ Таврический и Симферопольский АЛЕКСИЙ (Лавров-Платонов). Назначение его на Литовскую епархию состоялось 11 мая 1885 г.. Выпускник Московской Духовной Академии, он некоторое время преподавал в ней каноническое право и был известен в профессорской среде своей учёностью. Потеряв сперва единственную дочь, а затем и супругу, молодой про-

фессор увидел в этом волю Божию, призывающую его к высшему служению, и принял монашеский постриг. В 1878 г. он становится уже епископом Можайским, затем в 1884 – епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, а в 1885 г. – епископом Таврическим, откуда, после кончины архиеп. Александра, и переведён был в Литву. «В лице сего святителя Литовская кафедра удостоилась видеть образец благовейнейшего служения Церкви, опытного и мудрого администратора, в короткое время хорошо сумевшего узнать местные условия края, познакомившись с делами и лицами; почитательного о бедных и сирых отца, щедрого благотворителя и вполне доступного для всех, имевших к нему нужду, начальника. Вообще это был образцовый правитель епархии, который зорко следил за всем и твердо держал в своих руках все нити епархиального управления, так что консистория, имевшая такое преобладающее значение в управлении Литовской епархией при трёх его предшественниках, при преосвященном Алексии заняла, как и следовало, второстепенное положение, служа для него только вспомогательным органом епархиального управления» (17). Даже внешним своим видом Владыка Алексий являл образец маститого русского архиерея. Вот что пишет в этой связи его клирик, ключарь кафедрального Никольского собора прот. Михаил Голенкевич: «Этот епископ высоким рос-

том своим, величественной осанкой, большой бородой, строгим взглядом, медлительною речью и поступью, ... истовыми низкими поклонами ещё в Москве произвёл большое впечатление на московских купцов и русский народ вообще, особенно старообрядцев, которые предлагали ему большие средства, чтобы он перешёл к ним на Рогожское кладбище; и в Вильне многие старoverы приходили на его богослужение, которое заканчивалось в третьем часу по полудни» (12). Показательно, что в бытность его в Литовской епархии с большим уважением к нему относились не только старoverы, но и католики, и даже иудеи, нередко при его прибытии в тот или другой город или местечко, встречавшие его с хлебом и солью и подарившие ему в знак уважения Пятикнижие Моисея. Следует отметить, что и сам Владыка не только с благоговением заходил в католические костёлы, но и к синагогам относился уважительно – как к дому молитвы. Всё это говорит о широте его мировоззрения. Вместе с тем он был истово православный, вёл аскетический образ жизни, очень любил богослужение. Если, скажем, маститым его предшественником митрополитом Макарием «богослужение совершалось... только по праздничным и воскресным дням и то не всегда» (17), то Владыка Алексей совершал богослужения «не только по воскресным и праздничным дням, но иногда и по целым неделям,

как-то: Рождественская, Страстная, Пасхальная» (40), а если и не совершал, то регулярно присутствовал на службах, которые совершались в Крестовой церкви. Так что в лице архиепископа (возведён в этот сан в 1886 г.) Алексия мы видим удачное сочетание христианской толерантности и уважения к инаковерующим с глубокой преданностью родному Православию и аскетичностью, не переходящей, однако, в фанатизм и ретроградство. Обращает на себя внимание ещё одна особенность: «преосвященный Алексей, в бытность в Вильне, вовсе не произносил проповедей с церковной кафедры» (21), хотя проповедь Слова Божия высоко ценил и от клириков своих оной требовал. Возможно, что эта особенность была следствием непритворной скромности правящего архиерея. Из воспоминаний его современников видно, что он «по скромности своей не любил фотографироваться, посему фотоснимков его нет» (12). Но скромность не мешала ему быть строгим и требовательным по отношению к своим сотрудникам. Как на отрицательное качество его характера указывают на то, что «к людям, стоявшим к нему в зависимости, был недоверчив, злопамятен» (40). Но, при положении дел в Литовской епархии, даже эта отрицательная черта его характера сыграла положительную роль: она оградила его от влияния консистории и других лиц. В принимаемых решениях архиепископ Алексей был,

как правило, самостоятелен.

Получив в управление «неустроенную епархию», Владыка Алексей, прежде всего, занялся её устройством. Чтобы иметь собственное предствление о порученной ему епархии, архиепископ Алексей много ездил по приходам и особенно любил посещать монастыри, в которых задерживался иногда по неделям. Естественно, что такое пребывание влекло за собой и наведение должного порядка в монастырях. В первую очередь это коснулось Виленского Свято-Духовского монастыря. Его заботами были приведены в порядок изрядно запущенные монастырские дела; обновлён и украшен, отчасти на средства Владыки, храм монастыря; испрошенные «заимообразно» у Св. Синода средства был построен прекрасный дом рядом с монастырём (на Остробрамской улице). Заботился архиепископ Алексей и о духовном просвещении, в частности, уделял большое внимание Духовной Семинарии. «При нём окреп и укоренился дух церковности среди воспитанников Литовской семинарии» (21). Число церковно-приходских школ увеличилось до 972, а число учащихся – до 19534 человек. Ещё одна инициатива принадлежит этому архиерею: вскоре по прибытии в Литовскую епархию он поручил консистории осуществить программу историко-статистического описания всех, находящихся в епархии приходов. Уже

через два года в консистории имелись история и описания всех церквей епархии.

10 ноября 1890 г., потрудившись всего пять с небольшим лет в нашей епархии, архиепископ Алексей скоропостижно скончался. Похоронен Владыка в пещерной церкви Свято-Духова монастыря, слева от могилы митрополита Иосифа (Семашко).

На вдовствующую Литовскую кафедру в конце того же 1890 г. был назначен епископ Подольский ДОНАТ (Бабинский-Соколов). Он не был новым здесь человеком: при архиепископе Александре (Добрынине) владыка Донат был сперва Брестским, а с мая 1881 г. Ковенским епископом, т.е. викарным архиереем вверенной ему теперь епархии, и ему, как некогда архиеп. Александру, не требовалось много времени для знакомства с положением дел в епархии. Тем более что епархию от своего предшественника он получил вполне устроенную. По имеющимся сведениям в епархии в то время наличествовало 26 протоиереев, 538 священников, протодиаконов и диаконов – 38, ексаломщиков и св. причетников – около 600. Это было не то полуграмотное духовенство, не знавшее молитв на церковно-славянском языке, которое преобладало в первые годы по воссоединении униатов, а с образованием не ниже семинарского. Исследователи отмечают, что в это время «высокий образовательный уровень православных священ-

нослужителей давал основание царским властям привлекать их в качестве учителей» (48) в т.н. школах грамоты и училищах. Делу просвещения архиепископ Донат (возведённый в этот сан при назначении на Литовскую кафедру) уделял столь же серьёзное внимание, как и его предшественники. При нём количество церковных школ возросло до 1399 (школ грамоты было 1260, а ц. - приходских – 139). С его благословения при Литовской Семинарии были организованы постоянные общедоступные религиозно-нравственные чтения (лекции). В соответствии с духом времени была организована миссионерская работа среди евреев, а позднее и среди раскольников. Согласно уставу Православного Миссионерского Общества его труженики свою задачу видели в том, чтобы «не мечём и кровию, не страхом, угрозами и насилием, а апостольским способом, силой науки, силой любви, силой доброго слова и переубеждения распространять евангельское учение в пределах своего отечества...». Заботами владыки Доната и во исполнение указа Св. Синода 15 февраля 1893 г. в м. Антолептах в Ковенской губернии был открыт третий в епархии женский Рождество-Богородичный монастырь, а при нём очередное училище для девиц. Большое внимание уделялось благоустройству существующих и строительству новых храмов. «Нужно заметить, что строительное дело в епархии составляло

предмет особенной заботливости Доната ещё в то время, когда он находился в должности викария Литовской епархии. Владыка возбуждал вопросы об устройстве епархиальной богадельни для помещения престарелых священно-церковнослужителей и их жен, об открытии братской типографии. Но ему удалось открыть только «погребальную кассу» для обеспечения вдов и сирот духовного звания» (21). 8 мая 1892 г. архиепископ Донат освятил закладку новой церкви на тогдашней окраине г. Вильны в т.н. Снипишках (ныне квартал Снипишкес г. Вильнюса). Храм предназначался для нужд церковно-приходской школы, которая существовала там с 1884 г., поэтому спроектирован был с соответствующими помещениями для классов – флигелями или т.н. «крыльями», расположенными с двух сторон храма и составляющими с ним единый ансамбль. К 1894 г. строительство «крыльев» было закончено и церковно-приходская школа получила их в своё пользование, а строительство самого храма, в честь чуда Архистратига Божия Михаила в Хонех, закончилось в 1895 г., уже при преемнике архиепископа Доната.

Архиепископ Донат не совсем устраивал генерал-губернатора края: он не вполне вписывался в новые тенденции государственной западноевропейской политики. Поэтому генерал-губернатор Оржевский «позаботился в столице, при

содействии Обер-Прокурора Саблера» (40) о переводе владыки Доната в другую епархию, что и состоялось в мае 1894 г.

С 30 апреля 1894 г. и по март 1898 г. Литовская епархия находилась под управлением архиепископа ИЕРОНИМА (Экземплярского). Подобно архиепископу Алексию, он был выходцем из профессорско-преподавательской среды (магистр богословия), принявший монашество после смерти супруги. Но по многим чертам он был полной противоположностью владыки Алексия. «Это архиерей – не монах, – пишет о нём ключарь кафедрального собора, – а аристократ, если не по рождению, то по жизни и поведению» (12). Он с комфортом, вместе со своими родственниками, устроился на даче в Тринополе, а управление епархией фактически переложил на плечи викарных епископов, особенно Ковенского, который пребывал в Вильне больше, чем у себя в Ковно. При нём вновь обретает свою власть и силу консистория, особенно её секретарь Флегонт Смирнов – властолюбивый и сильного характера человек. Архиепископ же Иероним по своему характеру «был уступчив, нерешителен, порою робок» (Жиркевич), потому не удивительно, что он незаметно подчинился влиянию Смирнова, «а духовенство на опыте испытало все печальные последствия этого явления» (40). Одним из таких печальных явлений было то, что «архи-

епископ, вместо мира среди духовенства, внёс раздор; образовались партии молодых и старых священников, а отсюда дрязги и недоразумения» (12). Всё это создавало нездоровый климат в епархии, церковная жизнь заметно бюрократизировалась, в неё стали укореняться светские, притом не лучшие, тенденции. И, тем не менее, за четыре года пребывания архиепископа Иеронима на Литовской кафедре в епархии произошло немало и отрадных событий. Об одном мы уже упомянули: 5 сентября 1895 г. состоялось освящение Архистратиго-Михайловской церкви в Снепишках. Вскоре при этой церкви-школе открылись курсы религиозно-нравственных чтений, подобные тем, что ранее были организованы при Духовной Семинарии. С 1897 г. подобные курсы открылись и при Новосвятской церковно-приходской школе. Важным событием было открытие Братской типографии, которое состоялось 20 января 1895 г., и образование Издательской комиссии (1896г.). Издавались в основном брошюры (издано около 15 названий, общим тиражом около 100 тыс. экз.) катехизаторского, миссионерского и религиозно-нравственного содержания. Продолжалась миссионерская работа, начатая при архиепископе Донате, но несколько изменилась специфика: упразднены были прежние должности (связанные с обращением евреев и раскольников) и учреждены (7

декабря 1895г.) три общие должности катехизаторов – в Вильне, Ковне и Гродне. Произошли некоторые изменения и дополнения в деятельности и Уставе Свято-Духовского Братства: определено, например, что попечителем Братства является епархиальный архиерей, который председательствует (или назначает вместо себя заместителя) в Братском Совете (руководящий орган Братства) и на общих братских собраниях. Заботами Братства, и, естественно, с благословения архиепископа Иеронима, в Вильнюсе 12 ноября 1897 г. открылась школа для подготовки псаломщиков и учителей церковного пения. До этого времени главными поставщиками церковнослужителей были Духовные училища (они имелись: в Вильне, Гродно, Жировицах, Кобрине и в Тороканском монастыре). Устройство школы по подготовке псаломщиков – событие на первый взгляд рядовое, но для приходов епархии очень актуальное и значимое, так как нужда в специалистах церковного пения и знатоках богослужебного устава была здесь всегда и сохраняется до настоящего времени. Подобным событием, тоже имевшем существенное значение для нормального устройства церковно-приходской жизни, было открытие в Вильне т.н. свечного епархиального склада с магазином церковной утвари и других церковных принадлежностей. Для православных жителей Ковна наиболее памя-

тым событием было, однако, открытие величественного Петро-Павловского собора, освящение которого состоялось 7 декабря 1895 г. В дальнейшем при непосредственном участии архиепископа Иеронима при этом соборе было создано Петропавловское Братство ревнителей веры и организована церковно-приходская школа. Для православных же Вильны подобным событием было строительство храма в предместье Новый Свет и открытия при нём церковно-приходской школы. Вообще церковной школе в это время уделялось большое внимание, на неё возлагались особые надежды. Считалось, что «церковная школа, прежде всего, призвана удовлетворять нуждам православного населения, укрепляя в нем его веру, утверждая начала доброй нравственности и давая деревне чтецов и певцов. Но рядом с этим она не может и не должна уклоняться от влияния на иноверцев и сектантов, не менее, если не более, нуждающихся в ней» (А.Волынец). Таким образом, школе придавалась и миссионерская функция. По имеющимся сведениям, только за один 1897 год в Гродненской губернии были открыты: Белостокская женская гимназия, три училища Министерства Народного Просвещения, шесть церковно-приходских школ и 70 школ грамоты. К строительству указанных и других храмов, к устройству церковно-приходских школ, так или иначе (своим благословением, заботами, а иног-

да и материальной помощью) причастен был и правящий архиерей архиепископ Иероним. В историю Литовской епархии владыка Иероним вошел ещё и тем, что пожилл сначала практике служения в Великом Посту т.н. «Пассий» - богослужебного чина в память страстей Господних, соединённого с произнесением соответствующей проповеди. При архиепископе Иерониме было полное взаимопонимание со светскими властями, не было трений и с другими исповеданиями. «Снисходительное отношение к иноверцам, глубокое уважение к чужим религиям, веротерпимость никогда не оставляли владыку Иеронима, а это было так необходимо на западных окраинах со смешанным населением» (40).

И, тем не менее, 27 февраля 1898 г. император Николай I утвердил доклад Святейшего Синода «о бытии Высокопреосвященному Архиепископу Литовскому и Виленскому Иерониму, архиепископом Холмским и Варшавским». Было ли это назначение вызвано нуждами указанной епархии или следствием придворных интриг (как на это указывают некоторые авторы), но для Литовской епархии и самого архиепископа оно было неожиданным негаданным. По воспоминаниям современников, Владыка уезжал «со скорбью в сердце, со слезами на глазах». С этими чувствами провожала его в целом и Литовская епархия.

Вскоре, а именно 27 марта 1898 г., епархия

встречала уже нового архипастыря. Им, согласно решению Синода и высочайшему повелению Государя Императора от 7 марта 1898 г., стал епископ Курский и Белгородский ЮВЕНАЛИЙ (Половцев), возведённый при назначении на новую кафедру в сан архиепископа. Если о его предшественнике могли сказать «это архиерей - не монах, а аристократ», то про нового архипастыря подобного сказать было невозможно, хотя и был он выходцем из семьи, занимавшей в петербургском светском обществе довольно высокое положение. Будущий святитель получил престижное, сулящее хорошую карьеру образование - окончил Михайловскую Артиллерийскую Академию. Но, по свидетельству современников, «во время прохождения академического курса Иван Андреевич (таково было светское имя будущего архиерея; прим. наше) постоянно чувствовал непреодолимую потребность поступить в монастырь». К тому же в 1847 г. он опасно заболел и во время болезни дал обет, что, в случае выздоровления, уйдёт в монастырь. Выздоровление последовало и, исполняя данный обет и давнюю мечту, юный офицер становится послушником Оптиной пустыни. Здесь, после строгого и долгого испытания, он принял монашеский постриг с именем Ювеналий. Затем имел послушание на Святой Земле (был членом Иерусалимской духовной миссии), в 1861 г. возведён в сан игумена и назначен настоятелем

Глинской пустыни, через год – в сане архимандрита - настоятелем Коренной пустыни, в 1867 г. – наместником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, в 1884 г. – наместником Киево-Печерской Лавры. Так что новый литовский архипастырь имел солидный опыт иноческого делания, прослав как аскет и усердный молитвенник, равно как и богатый административно-управленческий навык, успев, помимо управления монастырями, обрести и опыт управления (в течение 6 лет) епархией. И то, и другое для Литовской епархии было весьма ценно, особенно опыт строгого монашеского жития, которым так славились пустыни и монастыри, в которых подвизался и которыми управлял владыка Ювеналий. В Литовской епархии ко времени прибытия архиепископа Ювеналия имелись 4 мужских (Виленский Святого Духа, Виленский Троицкий, Пожайский Успенский и Сурдегский Святого Духа) и 3 женских монастыря (Виленский Мариинский, Антолепский Рождество-Богородичный и Березвечский тоже Рождество-Богородичный). Но в силу исторических обстоятельств, изложенных выше, православные монастыри, находившиеся в пределах Речи Посполитой, главные усилия и энергию направляли на защиту своей веры, на борьбу за существование. В новых исторических условиях приоритетным деланием монастырей (особенно имевшихся при них братств) было

служение общему благу Православия: написанию и изданию нужных книг и брошюр, организации школ и просветительских курсов, строительству храмов. Сугубо же монашеское, аскетическое делание в Литовских монастырях оставляло желать лучшего, как, впрочем, и во многих монастырях других епархий. Некоторые, наиболее критически настроенные писатели расценивали ситуацию, как «оскудение» монашества. Например, автор «Исторического очерка состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839- 1889 гг.» пресвитер Николай Извеков приходит к выводу, что «состояние монашеской жизни в Литовской епархии не только за время управления митроп. Иосифа находилось на низком уровне», но и позднее «мало было заметно улучшение оно с представляющим временем». Причину этого явления автор видит в отсутствии достойных лиц из воссоединённых, желающих идти в монастыри, а из великороссийских губерний «не хотели идти сюда хорошие иноки, в виду совершенного отсутствия в монастырях Литовской епархии того строгого типа монашеской жизни, который им был так известен у себя на родине». Ко времени архиепископа Алексия (1885-1890), и не без его усилий, ситуация всё же несколько улучшилась (он, приверженец аскетизма, находил уровень монашеской жизни здесь «удовлетворительным»), но до уровня, который прео-

священный Ювеналий усвоил и хотел видеть во вверенной ему епархии, было ещё далеко. Будучи монахом «строного типа» и имея опыт устройства такого типа монастырской жизни, архиепископ Ювеналий, безусловно, благотворно повлиял на дальнейшее упорядочение монастырей в Литовской епархии, хотя это и не было приоритетным направлением его архипастырской деятельности. Перед ним, как и перед его предшественником, стояли в качестве первоочередных следующие задачи: «а) устройство церквей и открытие новых приходов, особенно в тех местностях, в которых население разбросано и удалено от православных храмов, или же находится вблизи костёлов и ксендзов; б) торжественные богослужения; в) внебогослужбные собеседования и г) церковно-приходские школы» (из отчёта Обер-прокурора К.П.Победоносцева). По всем этим направлениям при архиепископе Ювеналии были достигнуты заметные успехи.

К концу 1898 г. была закончена внутренняя отделка и состоялось освящение благолепного Александро-Невского храма с двумя церковно-приходскими школами (мужской и женской) в предместье Вильнюса, именуемом «Новый Свет». В строительстве этого храма активное участие принимало Свято-Духовское Братство, во главе со своим председателем – архиепископом Ювеналием. В следующем 1899 г. была

совершена закладка нового храма – церкви во имя Знамения Божией Матери - в другом предместье столицы – «Зверинце» или «Александрии». Основным подрядчиком в строительстве этого храма вновь было Свято-Духовское Братство. При этом, «как благоприятным решением вопроса о приобретении земли под церковь, так равно получением столь крупного пожертвования (инженер-технолог из Москвы И.Васильев пожертвовал 40 тыс. рублей, Св. - Духово Братство – 12 тыс., землевладелец В. Мартинсон – участок земли стоимостью в 50 тыс. и 6 тыс. рублей на устройство приходской школы при храме; прим. наше) на построение церкви Братство всецело обязано своему председателю, Высокопреосвященнейшему Ювеналию, принявшему на себя почти все хлопоты по первому делу, а равно переписку и хлопоты по приисканию жертвователя и получению самого пожертвования» (34). В марте 1899 г., после ремонта, длившегося уже много лет, состоялось освящение Софийского собора в г. Гродно, сильно пострадавшего от пожара в 1892 г.. В августе 1899 г. при храме Александра Невского в Новом Свете открылся самостоятельный приход. Строились церкви и открывались приходы и в сельской местности. Так, в 1899 г. был открыт новый приход в м. Гегобрусты. По имеющимся сведениям, в первый год управления архиеп. Ювеналия в епархии строительство 5

«каменных» церквей было осуществлено и 13-ти – начато.

Что касается церковно-приходских школ, то при архиепископе Ювеналии их устройству и функционированию уделялось самое серьезное внимание. Только в г. Вильне (включая предместья) работали 5 церковно-приходских школ (Снипишская, две Новосветские, Зареченская, Закретская) в которых обучалось около 450 детей. Показательно, что более половины учащихся были иноверцами. «Это, несомненно, придаёт сугубо важное значение церковной школе, составляет особую миссию ея – сближения и просвещения в духе Православия раскольников, сектантов и иноверцев; церковная школа строим и духом своим... сближает и примиряет их с Православной Церковью и служит таким путём службу культурную и миссионерскую», - отмечалось в связи с этим в «Литовских Епархиальных Ведомостях» (1899г.). Как на свидетельство неослабного внимания и прогресса в деле обучения, можно указать на то, в 1900 г. к началу учебного года Виленское монастырское (при Мариинском женском монастыре) училище было преобразовано в епархиальное 3-классное училище.

Достижения в области просвещения и постановка этого дела в Литовской епархии вызвали даже беспокойство в Римско-Католической Церкви. Это видно из циркуляра, ко-

торый 12 февраля 1902 г. издал Виленский бискуп Зверович. «Принимая во внимание, что церковно-приходские школы и школы грамоты, находятся в исключительном ведении православно-духовенства, имеют... безусловно вредное влияние на подрастающее католическое юношество, - говорилось в циркуляре, - строжайше предписываем всему духовенству Виленской епархии бдительно следить, чтобы католические дети не посещали сказанных школ; в случае же обнаружения подобных фактов, если увещания и наставления не помогут, повелеваем не давать на исповеди разрешения от грехов как детям, обучающимся в этих школах, так равно родителям и опекунам, посылающим их туда».

Большое внимание уделялось торжественности богослужения. Несмотря на преклонный уже возраст (владыке Ювеналию было 72, когда он прибыл в Литовскую епархию) архиепископ Ювеналий сам старался возглавить все воскресные и праздничные богослужения. Это притом, что по внутреннему своему состоянию он не любил помпезности и «посещал церкви без всякой особой помпы, взяв с собой одного иерея и диакона» (12), тем не менее, торжественности архиерейских служб и служб вообще уделялось особое внимание. Церковное руководство считало, что «торжественные и чинные богослужения сильно действуют на западно-русское насе-

ление» (из отчёта Обер-прокурора Синода). Возможно, в силу этого архиепископ Ювеналий служил обычно в роскошных облачениях и ежегодно пополнял ими ризницу соборного храма.

Серьёзное внимание уделялось и внебогослужебным просветительским мероприятиям. Так, образованная в 1895 г. при Издательском Комитете Свято-Духовского Братства Комиссия братских чтений, была выделена в отдельный, независимый от Комитета статус, что повысило её эффективность в курировании дела религиозно-нравственного внебогослужебного просвещения народа. Только в 1899 г. Комиссия провела 125 соответствующих лекций, которые посетило более 23 тыс. слушателей. При этом отмечалось, что «по вероисповеданию большинство слушателей – католики, затем православные, старообрядцы, лютеране...» (А. Миловидов). Очевидно, что помимо задач религиозно-нравственного воспитания, эти мероприятия содействовали и миссионерскому делу, которому в эти годы тоже уделялось немалое внимание.

В 1900 г. в жизни Литовской епархии произошло историческое и вообще-то не очень желанное событие: указом Св. Синода от 11 января Брестское (с кафедрой в Гродно) ВИКАРИАТСТВО ВЫДЕЛЯЛОСЬ в самостоятельную, получившую наименование Гродненская, ЕПАРХИЮ. Территориальными пределами новой епархии стала Гродненская губерния,

которая в предшествующее время была для Литовской епархии «по преимуществу силой питающей и укрепляющей» (ЛЕВ). До выделения Гродненской губернии в отдельную епархию в Литовской епархии насчитывалось 540 церквей и 1 миллион 275 тысяч прихожан, после же разделения осталось около 200 храмов и всего 425 тыс. паствы. К новой епархии отошли и такие известные мужские монастыри как Супрасльский (Благовещенский) и Жировицкий (Успенский). Так что для Литовской епархии это событие повлекло ослабление её сил и возможностей и, естественно, произошло оно не по инициативе местного священноначалия, а в силу указа Его Императорского Величества от 31 июля 1899 г. Св. Синоду о приведении границ епархий в соответствие с границами губерний. «Не без недоумения и душевной горечи встречено было это событие не одним только духовенством, но благоговейная преданность царской воле и глубокая вера в Промысел Божий, направляющий кормило Церкви к благим целям, побуждает духовенство и при новых условиях к усиленным трудам во благо св. Православной Церкви и дорогого Отечества», - писали в те дни «Литовские Епархиальные Ведомости».

Что же касается новой епархии, то для её самостоятельного существования условия были вполне достаточными, и с этой точки зрения

её учреждение могло считаться вполне целесообразным.

Утешением и своего рода компенсацией, хотя и далеко не адекватной, «потерянных» монастырей явилось удовлетворение ходатайства архиепископа Ювеналия о восстановлении близ м. Глубокое (Дисненский уезд Виленской губ.) ранее упразднённого Березвеческого Рождество-Богородичного мужского монастыря, с обращением его в женский, и об открытии при нём женской второклассной церковно-приходской школы. Соответствующий указ был получен 1 февраля 1901 г., а 8 декабря уже состоялось освящение вновь отремонтированной придельной (тёплой) церкви. Радостным событием, особенно для православных г. Вильны, было ОСВЯЩЕНИЕ простроенной в бывшем предместье (вошло в состав города в конце 1901 г.) «Зверинец» ЦЕРКВИ ВО ИМЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ в честь Её иконы «Знамение». Освящение этого красивого трёхпрестольного храма состоялось 1 июня 1903 г. У архиепископа Ювеналия к этой церкви было особое отношение. Это по его предложению храм был посвящён в честь указанной иконы, он же пожертвовал немалую сумму денег на строительство храма и он же подарил храму богатоукрашенный список Курско-Коренной чудотворной иконы «Знамение» Божией Матери, в дальнейшем, к сожалению, утраченный. Объясняется такое

поведение Владыки следующим. Ещё в бытность его епископом Курским владыка Ювеналий был свидетелем происшествия, которое произвело на него, и многих его современников, незабываемое впечатление. Некий богохульный злоумышленник дерзнул взорвать чудотворный образ Коренной иконы Божией Матери, находящийся в Знаменском монастыре. В ночь на 8 марта 1898 г. произошёл мощный взрыв, причинивший не малые разрушения храму, но икона, на которую и направлено было покушение, под которую положена была бомба, осталась почти целой. Памяти этому чуду и посвящён был Знаменский храм на Зверинце.

12 апреля 1904 г. архиепископ Ювеналий скончался. «В лице в Бозе почившего Архипастыря православная Российская церковь лишилась одного из старейших своих иерархов, строгого ревнителя Православия и святителя высокой подвижнической жизни; духовно-административный мир – даровитейшего энергичного и высокопросвещённого деятеля, а паства Литовская – необычайно простого, доступного, скромного, добрейшего и любвеобильнейшего Архипастыря-отца», – с прискорбием констатировали «Литовские Епархиальные Ведомости» (№15, 1904). Красноречиво и завещание, написанное ещё за два месяца до смерти (архиеп. имел раковую болезнь и знал, что был обречён). Приведём некоторые выдержки из этого завеща-

ния: «1) От души прощаю всех когда-либо и чем-либо меня огорчивших и взаимно прошу прощения у всех, мною ненамеренно огорчённых. 2) Похоронить меня прошу в простом деревянном лакированном липовом или ясеневом гробе, без позументов и украшений;... Положить меня прошу в облачении, дарованном мне... при посвящении в архиереи в 1892 году. Крест положить на меня малый с голубыми бирюзовыми камёнками и соответственную панагию с образом Знамения Пресвятой Богородицы.

Все архиерейские облачения мои, митры, посохи, панагии и кресты должны поступить в ризницу архиерейской Крестовой церкви. Если после моей смерти останутся иконы, то ... раздать их по бедным церквям Литовской епархии.

Денег на погребение оставляю..., а более... никаких капиталов после себя не оставляю и не могу оставить, потому что никогда я их не собирал, а всё получавшееся мною употреблял на собственные надобности и ближних моих; если кто-либо любви ради помянет моё убожество, такового да помянет Господь и воздаст ему Своею милостию».

Погребён архиепископ Ювеналий в Свято-Духовом монастыре, в склепе под полом – налево от входных дверей. В стене сооружён большой крест-памятник из белого мрамора, с

соответствующей надписью.

27 апреля 1904 г. последовал указ Св. Синода «о бытии Преосвященному Симбирскому НИКАНДРУ – Архиепископом Литовским и Виленским...». До этого назначения Николай Молчанов (мирское имя нового архипастыря) окончил Московскую Духовную Академию, был женат, преподавал в Тамбовской Духовной Семинарии, работая одновременно над магистерской диссертацией, которую затем и защитил, получив учёную степень «магистра богословия». Овдовев, Николай Молчанов принял монашество с именем Никандр и вскоре был возведён в сан архимандрита и назначен ректором той же семинарии. В 1891 г. состоялась его хиротония во епископа Нарвского, через два года назначен ректором С.-Петербургской Духовной Академии, а с 23 августа 1895 г. определён на Симбирскую кафедру. Как видим, муж он был довольно образованный и с опытом, хоть и не очень большим, управления епархией, правда, со своим маститым предшественником сравниться всё же не мог – ни как администратор, ни как архипастырь. Ещё в бытность в Симбирске он снискал характеристику – «человек, у которого деревянное сердце» (по словам Обер-прокурора Саблера). В Литовской епархии особой любовью тоже не пользовался, да и сам, по свидетельству прот. М. Голенкевича (ключарь кафедр. собора), «местное духовенство недолюб-

ливал и старался заменить великорусским». Он управлял епархией 6 лет. Это были беспокойные годы, годы кризиса синодальной Церкви, агонии бюрократического, канцелярского управления в Церкви. Процесс этот начался ещё раньше, до времени пребывания в Литве архиепископа Никандр и характерен был не только для Литовской епархии. Что же касается нашей епархии, то ситуация здесь осложнялась ещё проблемами, связанными с бывшими униатами и католиками. В годы управления архиепископа Никандра все прежние и текущие недочёты в жизни Литовской епархии наиболее обнажились и обернулись массовым исходом т. н. новообращенных. Этому в большой мере способствовали и внешние, политические события, происходившие в России. В стране набирали силу революционные настроения. 1905-1907 гг. - это годы первой российской революции, приведшей к демократическим переменам в государстве. Ветер перемен витал и над Русской Православной Церковью. Всё настойчивее как со стороны правительства, так и со стороны прогрессивно настроенных церковных деятелей ставился вопрос о восстановлении Патриаршества, о необходимости организации и проведения Поместного собора, о пересмотре принципов церковного управления. 17 апреля 1905 г. последовал «Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату» императора

Николая II „Об укреплении начал веротерпимости». Этот указ, обычно именуемый УКАЗОМ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ, поставил «Русскую Православную Церковь перед очень непростыми задачами» (33). Вообще - то он не менял статуса Православной Церкви - она, по-прежнему, рассматривалась как «первенствующая и господствующая», и права её, по сути дела, не были ущемлены, но Указ отменил целый ряд ограничений в отношении иных исповеданий, образно говоря, развязал им руки, лишив в то же время Православную Церковь тепличных условий. В нем, например, говорилось: «Признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское вероисповедание не будет подвергаться преследованию...», т.е. разрешалось то, что до этого запрещалось. Особенно быстро среагировали на указ о веротерпимости в Литовской епархии. Уже через четыре дня после его провозглашения (21 апреля текущего года) Виленский католический епископ издал циркуляр о порядке принятия в католическую веру тех, кто пожелает перейти в неё из Православия. Статистика говорит, что в целом по Российской империи за три года после выхода указа о веротерпимости (1905-1907 гг.) ИЗ ПРАВОСЛАВИЯ В КАТОЛИЧЕСТВО вернулось более 170 тыс. человек, и, конечно, большая часть этого отпадения приходится на бывшие территории Речи Посполитой, т.е. на

Литовскую епархию. Если верить данным Виленской Римско-католической епархии (данные могут быть несколько завышенными), то здесь в период с 1905 по 1909 годы в Католичество обратилось 62 тыс. православных. Речь, естественно, прежде всего, идёт о тех «православных», которые ранее перешли в Православную Церковь из Католической или бывшей Униатской. Этот массовый возврат в лоно Римско-Католической Церкви т.н. «новообращённых» был неожиданным и весьма неприятным сюрпризом и для царя, и для Св. Синода, не говоря уже о местной власти – церковной и светской. После некоторой паники встал извечный вопрос: кто виноват? и что делать? Было немало нареканий и обвинений в адрес Римско-католической Церкви, представители которой в своём усердии нередко пользовались недозволенными приёмами: прибегали к обману, шантажу, злостной клевете на Православие и т.п. Как возмущался в «Литовских Епархиальных ведомостях» (№ 28-29, 1905) некто В. Г-ский, некоторые представители Католической Церкви толковали указ от 17 апреля «в смысле объявления их веры единственно истинной...». Получил распространение слух, что даже прот. Иоанн Сергиев (Кронштадский) – харизматическая и весьма популярная в народе личность – перешёл в Католичество. В слове, обращённом 7 апреля 1906 г. к православным г.

Витебска, о. Иоанн говорил, что «за последнее время получил много писем из западного польского края, особенно Гроденской и Виленской губерний, – писанных, так сказать, кровавыми слезами, с горькими жалобами на католических патеров и их приспешников мирян-католиков, на гонение от них православных христиан и принуждение ими всякими насильственными мерами к переходу в Католичество, причём потери безо всякого зазрения совести клеветали на меня, что я будто перешёл в католическую веру, да и сам Царь якобы сделался католиком, и всем велит принимать католическую веру». В июне 1905 г. архиепископ Никандр издал «Окружное архипастырское послание к пастве Литовской», в котором, между прочим, тоже отмечал: «Никому не запрещено переходить в другое исповедание: это – дело совести каждого человека. Но зачем же тем, кто искал и ратовал за свободу совести, насиловать теперь совесть других различными, часто недостойными христианства и святого дела веры, способами?.. В настоящее время свидетельства в повременной печати, голоса живых людей и факты жизни говорят, что некоторые инославные пастыри в деле распространения своего вероучения и привлечения в лоно своей церкви православных людей, не гнушаются и недостойными их сана средствами и способами. А некоторые в своей злобе доходят до того, что

решаются публично утверждать, будто Православная вера проклята папами, будто все исповедующие её хуже язычников, будто от Православия отвратился Сам Господь с Его Пречистой Матерью, - что все, теперь православные, будто бы, должны обратиться в Католичество...»

Подобные сетования хотя и облегчали душу, но не были адекватным ответом на вопрос: почему произошёл такой массовый переход в Католичество? А без понимания причин этого явления, невозможно было найти и правильный ответ на вопрос «что делать?». Но, похоже, что такое понимание всё же имелось как в Санкт-Петербурге, так и здесь – в Литве. Ещё накануне выхода в свет указа о веротерпимости председатель Комитета министров С. Ю. Витте представил «ряд вполне справедливых тезисов, характеризующих печальное положение Православной Церкви: указывается на упадок прихода, пастырства и проповеди, кастовую отчуждённость духовенства, несвойственные ему функции контроля...» (33). «Вот уже несколько веков, как мы не живём истинной церковной жизнью, - самокритично писали в 1905 г. «Литовские Епархиальные ведомости» (№ 25-26). - Из епархий она пересажена в душные канцелярии и консистории. Мы там её энергично фильтруем, зарегистрировав по номерам в графы и книги, предаём печатному погребению

на полках в архивных и библиотечных шкафах. ...Естественно, что мы уже давно разучились думать, говорить и чувствовать и писать по церковному». Общий недуг Русской Православной Церкви, которую государство со времён Петра I пыталась превратить в «ведомство православного исповедания», «мертвящее влияние сухого бюрократизма» (С. Витте), возложение всех своих печалей на государство, - и явились главной причиной «сюрприза» отпадения в Литовской епархии, по меньшей мере, тех, кто пришёл в Православную Церковь в поисках жизни, а не сменил исповедание по иным соображениям. При этом у самих православных было ясное понимание, что «не Церковь Православная и её спасительная вера оказались здесь в критическом положении, а те, чуждые духа христианской любви, средства, какими иногда стараются насаждать веру. Безуспешность применения этих средств к целям Церкви, неудовлетворительность тех путей, какими направляли Православие в нашем крае, - со всею ясностью засвидетельствованы здесь современными событиями». (ЛЕВ, 1905). Мина замедленного действия была заложена ещё во времена массового перехода в Православие. «Присоединение совершалось, так сказать, официально, путём лишь записи униатов православными, а не путём духовного перерождения католика в православного. Понятно, что такие право-

славные, хотя они и числились таковыми, на самом деле оставались в душе вполне преданными Католичеству» (Там же). При митрополите Иосифе (Семашко) новообращённым уделялось ещё необходимое внимание и делалось немало для того, чтобы сделать их православными по духу. В дальнейшем всё это ослабло и можно сказать заглохло. Анализируя причины отпадения, «Литовские Епархиальные ведомости» указывают на «слабое развитие пастырской миссии в приходах образованных из униатов. Приходы эти – большею частью очень бедны, а потому не только не привлекают к себе хороших священников на долгое время, напротив, последние смотрят на своё пребывание в таких приходах, как на временную ссылку, а поэтому думают лишь о том, как бы скорее перевестись в другой чисто православный приход» (1905, №28-29). В сентябре 1905г. архиепископ Никандр обратился «к пастырям Церкви Литовской» с обширным посланием, в котором попытался указать на основные причины столь печального отпадения от Православия и дать ответ на вопрос: «Что делать?». Говоря о причинах, Владыка также указал на слабую, как сегодня бы сказали, воспитательную работу с новообращёнными. «Между тем, подспудные силы, пользовавшиеся нашей беспечностью и малодетельностью, работали всё более и более, не покладая рук, в своих расчётах и целях, и,

как только явился удобный случай – объявление о личной свободе вероисповедания, – жатва для Католичества и других иноверных исповеданий ... была готова. Отсюда – массовое отпадение от Православия...». «Это не могло бы быть так быстро..., если бы для отпадающих связь с Православием была более тесная, твёрдая, более глубокая и внутренняя, чем страх перед внешними гражданскими законами и полицейскими наблюдениями, – если бы в течение 50-летнего периода, по присоединении униатов и католиков к Православии, пастыри Церкви, все вообще и каждый в отдельности, самолично, тщательно и неусыпно работали над воспитанием и утверждением их в Православии, – если бы всех и каждого из сомнительных и не твердых по вере членов своей паствы они имели в особом пастырском попечении и воспитывали их в духе Православия, в уставах и порядках Православной Церкви». Архипастырь попенял своим пастырям, что они не склонны, в большинстве своём, «сознаться в своих прегрешениях и упущениях в этом отношении; не желало бы (имеется в виду духовенство; прим. наше), по видимому, принять на себя часть вины в отпадении многих членов его паствы, по крайней мере, по некоторым приходам, в Католичество, ссылаясь, во-первых, на упорствующих, с которыми, будто бы, трудно, даже, якобы, невозможно было бороться и вести среди них мис-

сионерски-просветительное в духе Православия дело; во-вторых, - на смешанные браки, которые представляли неизбежное и, будто бы, ничем не устранимое и непоправимое зло, всегда готовившее почву к отпадению и т.п.». «Вклад» рядового духовенства в столь печальный исход, несомненно, имелся, и, судя по тогдашним публикациям, многие из них этого не отрицали. «За плечами полицейского мы отвыкли работать, отчего наши пасомые и остаются неразвитыми», - писал некто О.Голынец (ЛЕВ, 1905, № 28-29). «Мы так привыкли к руководству и опеке, так сроднились с готовностью исполнять одни лишь циркуляры и распоряжения, что способность критического отношения к окружающей действительности у нас атрофировалась», - констатирует некий иерей, подписавшийся инициалами «А.В.» (там же). Но, естественно, большинство духовенства не желало предстать в качестве «стрелочника», который во всём виноват. Ибо, действительно, «во многом и очень многом из этого пастыри лично не виноваты, - отмечалось теми же «Ведомостями». - Им приходилось действовать так, потому что они были поставлены в такие условия. Им часто верялись только метрики без наличных прихожан, только цифры «мертвых душ». Всё уходило на охранение цифры, внешнего благополучия... От нас ушли, потому что мы не воспитали ушедших в атмосфере церковной

жизни, не «привили» им духа любви и единения церковного. А не могли мы это сделать потому, что сами не жили церковной жизнью, с её атмосферой любви и свободы, церковного самоуправления и независимости». Как видим, это были уже попытки более глубоко вникнуть в суть проблемы. Католическая пропаганда, которая явно и тайно постоянно осуществлялась не только ксендзами, но и польскими помещиками и шляхтой, представителями всевозможных обществ и орденов, конечно, сыграла свою роль, но в описанном выше отпадении повинна была и сама огосударствившаяся, подвергшаяся превращению в ведомство, Православная Церковь, с её бюрократизмом, формализмом и канцелярщиной. Для архиепископа Никандра, даже если он и смотрел в корень проблемы, в сложившейся ситуации первостепенной задачей было принятие «противопожарных» мер. В упоминаемом уже «Архипастырском послании к пастырям Церкви Литовской» он призвал духовенство «обновить отныне и усилить свою пастырскую деятельность», начертав при этом, основные направления этой деятельности: молитвенность, благоговейное совершение богослужений и треб, забота о должном церковном пении, проповедь, самообразование, общение с пасомыми, религиозно-нравственное просвещение народа, забота о детях и молодёжи, безупречная личная жизнь» и примерное воспи-

тание своих детей и. п. Этот призыв архипастыря, а ещё более события, происходящие в Русской Православной Церкви в целом, а также местные обстоятельства несколько активизировали церковную жизнь епархии. Постепенно стало приходить понимание того, что наступают новые времена и новые более трудные условия, в которых предстоит жить и действовать. Первая, столь обескуражившая волна «отпадения в Католичество», вскоре пошла на убыль, и на происшедшее стали смотреть более спокойно и рассудительно. «В ограду Православной Церкви совершенно случайно попали овцы иного двора, и эти чужие овцы поспешили присоединиться к своему стаду, как только представилась к тому возможность. Всё это в порядке вещей, - писал некто Владимир С-кий в журнале Виленского Свято-Духовского Братства. - Православные только по имени, а не по духу и убеждениям, сняли с себя маску и явились тем, чем были на самом деле. Однако справедливость требует заметить, что очень и очень многие из бывших католиков продолжают оставаться православными, несмотря на все усилия ревнителей Католичества заставить их изменить Православию». Вместе с тем, межконфессиональная вражда, обострившаяся в результате перемен, происшедших в конфессиональной политике государства, со временем не ослабевала, деятельность антиправославных сил ширилась

и крепла и православным «воленс-ноленс» пришлось заботиться о каких-то защитных мерах. Так, Виленское Свято-Духовское Братство решило активизировать, расширить свою деятельность, призвав к жизни уездные и приходские отделения Братства. Кроме того оно решило усилить издательскую деятельность и, наряду с изданием брошюр и листовок, издавать с начала 1907 г. двухнедельный журнал «Вестник Виленского Православного Св. Духовского Братства», посвящённый религиозной и общественной жизни «Северо-Западного края». Последнее было весьма актуально, так как издаваемый до этого в епархии журнал «Литовские Епархиальные ведомости», после ушедшего в отставку многолетнего его редактора прот. И. Котовича, утратил свою содержательность, и состоял в основном из сообщений о распоряжениях правительства, перечня архиерейских богослужений, извещений о смерти и перемещениях священно - церковнослужителей и рекламы, занимавшей в некоторых номерах 2/3 объёма журнала. (Позднее, правда, и новый журнал уподобился своему предшественнику). Импульсом к оживлению деятельности послужил и Указ Св. Синода от 27 июня 1905 г. Им повелевалось всем епархиальным архиереям подать докладные записки (отзывы) по целому ряду вопросов, касающихся реформы церковного управления и созыву предполагаемого Всероссийского По-

местного Собора. «Крайне необходимо, - писал в связи с этим некто «священник А.В.», - чтобы литовское духовенство на благочинных и епархиальных съездах тщательно обсудило все стороны местной церковной жизни и подало свой искренний пастырский голос в пользу необходимых и безотлагательных улучшений в её строе» (ЛЕВ, 1906). И такие съезды состоялись. Обращает на себя внимание ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ВИЛЕНСКОГО ДУХОВЕНСТВА и преподавателей духовно-учебных заведений города, состоявшееся 16 ноября 1905 г. Его задачей была выработка основных предложений к намечаемому епархиальному съезду, которому предстояло высказаться по вопросам церковной реформы, означенным в рескрипте Св. Синода от 27 июня текущего года.

С весьма критичным, но содержательным докладом на этом собрании выступил преподаватель Литовской Духовной Семинарии А.И. Шестов. Он подверг резкой критике «Предположение» Обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева (кстати, получившего 19 ноября отставку) относительно церковной реформы, охарактеризовав его, как «типичное произведение канцелярско-бюрократического творчества». «Синодальное предложение веет непоколебимым оптимизмом, не допускающим и мысли о глубоком поражении нашего церковного организма и необходимости его радикаль-

ного лечения». Сам А.Шестов это допускает и указывает на «три великих и печальных факта: Русская Церковь в лице своих представителей и органов утратила способность нравственно воздействовать на жизнь русского общества; наша высшая духовная власть обнаружила полную неспособность или нежелание вывести Церковь на чистый и спасительный путь христианской канонической свободы и возвратить ей силу нравственного воздействия на общественную и государственную жизнь; наша духовная школа, совершенно переставшая уже удовлетворять потребностям Церкви и общества, не может дальше правильно действовать и жить, и потому умолкает, закрывается...». А.Шестов не был на этом собрании «белой вороной»: его оценки были выражением преобладающего мнения. Собрание было согласно с тем, что лечить эти недуги церковной жизни «старыми лекарствами и по старым рецептам умолчания, игнорирования, закрытия очей, заграждения уст... - бесполезно. Необходимо дать свободу силам самого церковного организма» (ЛЕВ, 1906, №25-26). Участники съезда предприняли попытку найти новые лекарства и предложить новые рецепты врачевания имеющихся недугов церковного организма. Они обстоятельно обсудили широкий круг вопросов, сгруппировав их в следующие отделы: высшее церковное управление; епархиальное управление и епар-

химальный строй; вопросы вероисповедные; участие духовенства в общественной жизни и его имущественные права; духовные учебные заведения. «Общее Собрание признало, что при обсуждении церковной реформы должно исходить из современного состояния церковной жизни, церковного управления и духовной школы со всеми их нуждами и потребностями; что в основу этой широкой церковной реформы должны быть положены следующие начала: свобода Церкви от стеснительной государственной опеки, а пастыря – от несвойственного его званию и сану служения государственным политическим целям; соборное управление, проникающее всю церковную жизнь и выражающееся – во Всероссийском Поместном Собрании, исполнительным органом которого является Синод или Патриарх с Синодом, – в Епархиальном Собрании и Приходском Собрании, и во всех этих формах осуществляющееся через посредство всех лучших сил церковных, не только иерархов, но и клира и мирян; выборное начало при замещении всех церковных должностей, особенно высших». По мнению участников собрания «высшая власть в управлении Русскою Церковью принадлежит Всероссийскому Поместному Собору, который собирается периодически... Поместный Собор избирает в качестве своего постоянного исполнительного органа Синод во главе с первенствующим епис-

копом Церкви, избираемым тем же Поместным собором». Как видим, столичное духовенство Литовской епархии «шло в ногу» с общими убеждениями, преобладающими в церковных и светских кругах того времени. Заслуживают внимания и высказанные представления о Синоде: «В состав Синода входят избранные Собором епископы, представители белого духовенства и мирян в равных частях. Избранный Поместным Собором постоянный Синод должен объединить в себе и все существующие ныне вспомогательные при Св. Синоде учреждения (Учебный Комитет, Училищный Совет, Хозяйственное Управление, Контроль и др.). Сообразно кругу и характеру дел, подлежащих ведению Синода, последний должен иметь три отделения: собственно церковное, училищное и хозяйственное. В церковном отделении членами могут быть только лица священного сана; членами же училищного и хозяйственного отделений наряду с епископами и пресвитерами должны быть и миряне. Заседания Синода могут быть по характеру решаемых в них дел соединённые или общие – с участием членов двух или трёх отделений, и частные – в составе членов одного отделения. Председателем Синода и его отделений состоит Первенствующий епископ Церкви». Последующая структура церковного управления также строилась на принципе соборности. Предпо-

лагалось образовать церковные округа, во главе которых стояли бы епископы округа или области (митрополиты), избираемые на окружном (областном) Соборе. Окружной Собор имел быть «средоточием церковной власти и управления в церковном округе». Он должен был состоять из епископов области и свободно выбранных представителей епархий (духовенства и мирян), входящих в состав округа. Собор созывается не менее двух раз в год, обязательно в наперёд установленные сроки. «Право созывать областные соборы принадлежит епископу округа (митрополиту), который и состоит председателем соборов как первый между равными с первенством чести, но без всякого первенства власти. Митрополиту затем принадлежит руководство и надзор над проведением в жизнь мероприятий и поставлений, выработанных и принятых областным собором по отношению к нуждам целого округа. Для сей цели учреждается при митрополите в качестве постоянного исполнительного органа областного собора Митрополитальный синод, состоящий в равных частях из епископов округа (назначенных по особому всякий раз выбору или по установленной очереди), белого духовенства и мирян». Что касается непосредственно Литовской епархии, то собрание сочло нужным предложить учреждение (а вернее сказать, восстановление) в Литве и Белоруссии отдельной митрополии, с

кафедрой митрополита в Вильне. «...Исторически Западно-русская Литовская митрополия была самостоятельной и развивала в достаточной степени из себя внутренние силы для руководства и уклада церковной жизни в бывшем Литовско-Белорусском крае», - говорится в итоговом документе («Докладе») съезда. «При решении намеченных вопросов касательно епархиального управления, - говорится далее в Докладе, - в основу суждений должна быть положена мысль о необходимости устранения, с одной стороны, всяких внешних давлений на церковное управление и жизнь, а, с другой, - и царящего ныне внутри Церкви произвола одних её членов и бесправия других». Епархиальный епископ «непрерывно избирается на областном Соборе, в присутствии по возможности всех епископов области (во всяком случае, не менее трёх епископов...) под председательством областного епископа или митрополита области и непременно с соизволения и утверждения последнего... На областном Соборе... должны непременно участвовать в избрании Епархиального Епископа представители клира и народа вдовствующей епархии.... Таким образом голос клира и народа должен быть столь же компетентен в данном случае, как и голос епископов, и без участия клира и народа никто не должен быть поставлен во Епископа». Как видим, предложение весьма демократично и

напоминает древнюю практику избрания епископа (митрополита), которая первоначально (примерно до политической унии Литвы с Польшей), если не в полной мере, то, по крайней мере, частично, имела уже здесь место. Интересен и ещё один момент: «монашество отнюдь не должно быть обязательным для епископа, хотя в то же время не должно служить препятствием для получения сего сана... Безбрачие же ... для епископов обязательно». Дальнейшим звеном в структуре управления является Епархиальный Совет или Консистория. Это - исполнительно-распорядительный орган, избираемый на Епархиальном Соборе в помощь правящему епископу. В него в равной пропорции входят (т.е. избираются) духовенство и миряне. В сфере внимания Консистории находятся все стороны церковной деятельности - строго церковная, образовательная, хозяйственная, и ей же подчиняются все вспомогательные учреждения епархии. В соответствии с указанными направлениями в ней создаются три отделения; при этом, членами отделения, занимающегося чисто церковными делами, могут быть лишь духовные лица, «по крайней мере, в сане священника, чтоб они выбирались из среды приходского духовенства и после сего не оставались бесприходными». Ведение этого отделения, в частности, подлежат: «а) попечение об умственном и нравственном образовании

духовенства; б) надзор за благочинием духовенства и за его пастырской деятельностью; в) наблюдение за богослужением и благочинием в церквах и монастырях; г) брачные споры, испытание кандидатов священства и прочие вопросы строго церковного характера и, наконец, д) суд по важнейшим поступкам священно-церковнослужителей, касающимся их пастырского долга и церковного служения». В ведении Епархиального Совета находится также утверждение кандидатов в священство и перемещение приходских священнослужителей.

Избирательное начало полагается и в основу приходского строя и управления. Например, «приходской священник избирается из числа вполне достойных кандидатов на общем приходском собрании, под председательством местного благочинного. Испытание же и утверждение избранного кандидата надлежит компетенции Епархиального Совета, который может и не утвердить избранное приходом лицо, если найдёт для сего серьёзные основания». Если же у прихода нет достойных кандидатов, Епархиальный Совет в таком случае рекомендует своих кандидатов, которые проходят ту же процедуру избрания. «...Главным органом приходской жизни и деятельности должно быть общее приходское собрание периодически или по мере нужды созываемое приходским священником и под его председательством действующим

щее... Для постоянного наблюдения за приходской жизнью и для решения текущих церковно-приходских вопросов, приходское собрание избирает постоянно действующий Приходской Совет под председательством приходского священника».

Многие из этих предложений перекликаются с положениями сегодняшнего «Устава Русской Православной Церкви», а некоторые в смысле соборности и выборного начала (принципа) даже выигрывают.

Представляют и сегодня определённый интерес предложения, направленные на то, «каким образом Православно-Русская Церковь, сохранившая в основе своей духовной жизни неизменные начала Христовой вселенской истины, должна применить их ко всему строю своей внутренней духовной жизни и к своим отношениям к инославию и иноверию». В частности, ответы на такие вопросы: «Какими мерами нравственного воздействия Церковь может удержать в преданности себе слабых, колеблющихся и не твердых в вере...? Какие нравственные средства должна она употреблять для предупреждения массовых и одиночных отпадений от неё и в чём должны состоять сила и основания её положительного противодействия иноверческой пропаганде»? По мнению Виленского духовенства в вопросе «о мерах нравственного воздействия Церкви в смысле бо-

лее тесного сближения и укрепления духовной связи с нею отдельных её членов признать желательным: а) введение в возможно широком объёме в церковную жизнь выборного начала, которое и послужит самым лучшим и верным средством к уничтожению веками создавшегося разъединения между пастырями и пасомыми; той же цели будет содействовать устройство в приходе братств, религиозно-просветительных обществ и союзов с привлечением выдающихся по религиозности и нравственным качествам прихожан»; б) «... необходима возможно широкая и свободная постановка церковной проповеди... правильная и целесообразная организация внецерковного катехизического обучения народа в смысле устройства религиозно-нравственных собеседований... и частных бесед с прихожанами; в) ...необходимо ознакомление народа с Св. Писанием... и со святоотеческими творениями в возможно широких размерах...»; г) «...желательно более тесное сближение Церкви с семьёю путём устройства родительских кружков в непосредственном общении с пастырями церкви и законоучителями учебных заведений и более жизненная постановка преподавания Закона Божия в школе, в смысле живой беседы законоучителя с питомцами и полного освобождения его от всех стеснений школьного формализма в деле религиозно-нравственного влияния на учащихся».

Значительным красноречивым и актуальным для описываемого времени событием явился СЪЕЗД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНЫХ БРАТСТВ всего Северо-западного края, состоявшийся 29-30 августа 1908 года в г. Минске. Подобных встреч в этом крае не происходило уже более 300 лет и созыв такого съезда теперь, является свидетельством серьезности ситуации, в которой оказалась Православная Церковь в Литве, а также говорит об ответственном отношении к судьбе Православия её организаторов и участников. «В настоящее время, - писал «Вестник Виленского Православного Свято-Духовского Братства»(1908, №17), - Северо-западный край переживает четвертый по счёту исторический культурный натиск, в котором преобладают стремления религиозного и национального характера. ...Весь край покрылся сетью польских благотворительных и просветительских обществ, тайных и открытых школ, имеющих задачу полонизацию населения, мутным потоком вливаются в край сотни тысяч польских изданий, целые хорошо сьорганизованные и дисциплинированные отряды фанатических ксендзов, польских учителей, костельных дедов и девок продолжают наносить нам потери... Главная опасность современного положения для Православия и нераздельной с ним русской народности нашего края заключается, прежде всего, в том, что передовые

наши силы, - западно-русское общество далеко стоит от нашего народа, не сьорганизовано, не объединено». Церковный историк того времени Г.Киприянович считал создавшееся положение «худшим, нежели при первом натиске в XVI в., когда западно-русский народ имел больше средств к защите». О том, что подобные оценки не были преувеличением, а соответствовали действительности, говорит и то обстоятельство, что натиском полонизма в это время была обеспокоена не только православно-русская общественность, но и католики-литовцы. Свидетельством этого является изданная ими в 1906 г брошюра – своего рода открытое письмо к Папе Римскому – под названием «О польском языке в храмах Литвы». В ней, в частности, говорилось: «В Вильне, главном городе Литовского княжества, ... совершается, при помощи Церкви, денационализация Литвы и усиливается полонизация. Около епископской кафедры свила себе гнездо полонизация, и клир польский в течение многих веков мучил нашу нацию, деморализовал её и вёл не столько в Царство Небесное, сколько в царство польское. Католическая Церковь у нас в Вильне служит целям мирским, политическим». «Известно, что в нашем угнетённом отечестве поляки пользовались для достижения своих целей не только Церковью, но и школой».

Виленское Свято-Духовское Братство вынесло на этот съезд через своего уполномо-

ченного представителя ряд дельных предложений, в том числе предложение создать на районно-федеративных началах «Объединённый союз западно-русских братств», с Центральным комитетом и периодически созываемыми собраниями. Другим важным предложением была идея организации общей «центральной братской типографии». Съезд одобрил идею создания объединённого союза братств, но, за неимением времени для детального рассмотрения дела и выработки необходимого устава такого союза, ограничился лишь принятием решения о ежегодном созыве подобных собраний.

В целом, съезд стал заметным явлением местной церковно-общественной жизни. Он сделал существенный шаг к сплочению православно-общественности и оживлению церковной жизни. После него стали создаваться новые братства как в городах, так и при сельских церквях, а существовавшие братства заметно активизировали свою деятельность. Последнее можно сказать и о Виленском Свято-Духовском Братстве. Особенно активной стала его издательская деятельность. Годовой тираж, издаваемый им религиозно-нравственной и миссионерского плана литературы (около 40 наименований), возрос до 90 тыс. экземпляров. Большая работа велась и по подготовке 2-го съезда представителей Западно-русских братств, который решено было провести в Вильне в начале

августа 1909 г.. А в начале 1909 г. архиепископ Никандр обратился со специальным воззванием «к пастырям Литовской епархии» о «новой усиленной деятельности пастырской, касающейся главным образом, проповедничества и тесного, при всяком удобном и неудобном случае, сближения с народом». Архипастырь призвал духовенство усилить проповедь, проповедовать «непрерывно и неопустительно каждый воскресный и праздничный день». «Кроме церковной богослужебной проповеди должна быть внебогослужебная проповедь, т.е. религиозно-нравственные чтения и беседы с народом после вечерни и, затем при всяком удобном случае, в деревнях при требах, в деревенских собраниях и наедине, с отдельными лицами». «Обратите особое внимание на детей, - указывал Владыка, - на подрастающее поколение». В этом воззвании отразилось беспокойство архиепископа Никандра за судьбы своей паствы, оказавшейся под мощным натиском враждебных Православию сил. Хотя «главной противоборствующей силой, представляющей и наиболее опаснейшей» виделся вполне резонно воинствующий католицизм и тесно связанный с ним полонизм, бредивший идеей «одбулования Ойчизны» от моря и до моря, серьёзную опасность для Церкви представляли и другие явления времени. «...В настоящее время перед нами стоят не одно Католичество, но и неверие, и сектанство, и ре-

лигиозный индифферантнизм, и другие враждебные Православию силы», – отмечал Владыка на встрече с представителями православных братств.

Подобные негативные явления, представлявшие опасность для паствы Православной Церкви, и стали главным предметом серьёзного обсуждения на II СЪЕЗДЕ представителей Западнорусских православных братств, состоявшемся 2-5 августа 1909 г. в г. Вильнюсе. В работе съезда участвовало около 300 человек, в том числе – 120 иногородних. Работа велась по следующим направлениям: а) организация совместной деятельности Западнорусских братств; б) усиление и координация миссионерской работы; в) оживление просветительской деятельности братств; г) вопросы финансирования. Оценивая работу этого съезда, журнал «Холмская церковная жизнь» писал: «Теоретически Виленский Братский съезд коснулся всех сторон жизни и деятельности братств. По полноте и систематичности материала он очень далеко ушёл от 1-го братского Минского съезда. Думается, что 3-ему братскому съезду, имеющему быть в нашем Холме, не следовало бы раздвигать той программы, в пределах которой состоялся 2-ой съезд. На долю 3-его съезда всего лучше взять трудную, но зато благородную задачу определить, что и как сделано из того, о чём речь была на 2-ом съезде, что должно быть сделано».

Позднейшие обозреватели отмечали, что этот съезд имел «благотворные последствия», что «после него ещё более оживилась братская деятельность, возросло число братств и братчиков, братства всего Западного края вошли в более тесное единение, и между ними начался живой обмен, установилась сплочённость и общность действий» (ВВСДБ, 1910, №1). «Гродненские Епархиальные Ведомости», сравнивая значение первого и второго съезда, писали: «...Если Минский съезд главным образом важен как первое пробуждение общеправославных чувств православных Северо-Западного края, первый порыв к объединённой, планомерной братской деятельности, то Съезд Виленский представляет первый случай объединения братств всей Западной православной России для защиты от врага, укрепления Православия, возвышения своего умственного, нравственного и материального состояния».

На этом фоне в епархии своим чередом продолжалось строительство новых и ремонт старых храмов, строились и открывались новые школы. Статистика свидетельствует, что только за один 1907 г. в Виленском учебном округе открылось 470 народных училищ. Что касается храмов, то их в епархии к тому времени имелось уже около 300 и многие из них нуждались в существенном ремонте, но потребность в строительстве новых ещё имелась и таковые строились. Так, в 1907

году закончилось строительство и совершенно освящение (14 января) храма Св. Николая в Лукишках (при центральной тюрьме г. Вильнюса). По архитектурным тонкостям, выдержанному стилю и замечательной отделке, он был красивейшим храмом города. Стены храма сохранились в хорошем состоянии до нашего времени и по-прежнему входят в ансамбль Лукишской тюрьмы, но не в качестве храма. В 1908 г. основательный внутренний ремонт был произведён в храме Свято-Духова монастыря. Опоры и пилястры были покрыты искусственным мрамором, стены, двери, окна, своды и барабан украшены были лепными орнаментами в стиле Людовика XIV, сохранившимися до сего дня. Капитальный ремонт был произведён в Трокайской каменной и Маложейкяйской деревянной церкви; строились каменные церкви в сёлах и местечках (Голубичах, Дукштах, Трисвятах и др.). Внешне казалось, что всё в епархии нормализовалось и события 1905 г. послужили даже на пользу. Но вместе с тем, объявленная в 1905 г. СВОБОДА ИСПОВЕДАНИЯ предельно ОБНАРУЖИЛА накопившиеся ПРОБЛЕМЫ внутрицерковной жизни, и они требовали своего разрешения. На страницах издаваемых в то время журналов, всё чаще стали появляться публикации не только ругающие ксендзов, но и указывающие на

собственные недостатки, на необходимость «перестройки». Сам архиепископ, например, в январе 1909 г. обратился «к пастырям Литовской Епархии» с настоятельным призывом усилить пастырскую деятельность, обращая особое внимание на неудовлетворительное положение с проповеданием Слова Божия. Владыка призвал проповедовать «непрерывно и неопустительно каждый воскресный и праздничный день», из чего можно сделать вывод, что до сих пор не всегда и не везде это делалось. Не важно обстояло дело и с церковным пением, особенно в сельских и местечковых приходах. «На редкость найти приходскую церковь, - писал в связи с этим свящ.А.Р-кий,- где бы вы могли услышать истовое церковное пение. А в некоторых церквях даже и голосовые песнопения... не поются, а просто читаются. А то, что поётся, далеко от действительного церковного пения» (ВВСДБ, 1907, №20). На страницах тогдашних церковных журналов весьма пропагандировалось общенародное пение не только таких молитвословий, как «Верую», «Отче наш», но и «Сподоби Господи», «Ныне отпущаеши», «Воскресение Христово видевше» и др. По мнению авторов, и с этим нельзя не согласиться, такое общенародное пение могло бы способствовать более глубокому вовлечению молящихся в богослужение, повышало бы их привязанность к службе и храму. А потребность

в этом была, и не малая. Многие отмечали почти полное отсутствие церковности у большей части прихожан, отсутствие понятия о приходе как церковном организме, который они (прихожане) призваны составлять. Между прочим, такая проблема существует и до сего дня. О тогдашнем же состоянии приходов мы можем судить по словам преемника Никандра - архиепископа Агафангела, который констатировал, что «переживаемый момент в жизни прихода можно охарактеризовать, как момент религиозно-нравственного кризиса, который проявляется в индифферентизме и даже неверии, соединённых с нравственной распущенностью с одной стороны, а с другой – в частых фактах перехода из Православия в инославию и сектантство с его различными оттенками. Пошатнулся, далее, авторитет наших пастырей, этих главных руководителей и наставников в религиозно-нравственной жизни прихожан; наблюдается отсутствие единения, сплочённости, любви между пастырями и пасомыми, а взамен этих добрых отношений, развивается недоверие, зависть, нападки и даже глумление». Так что за внешним благополучием по-прежнему имелось немало серьёзных проблем, о которых всё громче и громче говорили сами православные, хотя внешняя показная сторона, подогреваемая соперничеством с католиками, всё ещё продолжала превалировать в жизни епархии. Она даже

имела своё теоретическое обоснование. Вот что, например, писал на своих страницах «Вестник Виленского Православного Свято-Духовского Братства» в 1907 г.: «Внешность и наружная красота... во всех возбуждает наибольшее внимание к себе – это закон непреложный... Народ, обычно погружённый в удовлетворение потребностей дня, не привык вникать в сущность религиозных исповеданий. Его религиозный кругозор не велик: он исчерпывается верой в Бога, в искупление и ожиданием жизни по ту сторону этой. Все догматические детали народу мало доступны... Он судит больше по внешности о совершенстве и внутренней благопорядочности исповеданий. Он ставит выше в своём сознании ту веру, которая наиболее даёт пищи его религиозному строению и представляет больше средств ощущать в себе Бога» (№20). Архиепископ Никандр тоже, по-видимому, разделял эти взгляды, ибо при посещении провинциальных приходов брал с собой, как правило, большую свиту, архиерейский хор, богатые облачения и богослужения совершал помпезно и зрелищно.

Памятным событием того времени было перенесение мощей преп. Евфросинии из Киева в её родной город Полоцк. Оно тоже было обставлено весьма торжественно (торжества продолжались с 19 апреля по 22 мая, во многих городах епархии) и послужило оживлению рели-

гиозной настроенности православных. Достоинно упоминания учреждение в конце 1909 г. при Свято-Духовском Братстве Литовского Епархиального Древлехранилища (что-то вроде музея древности), задачей которого было «собрание, хранение, а также описание и изучение предметов церковной старины с целью дать возможное представление о ходе церковно-исторической жизни в крае».

Для духовенства епархии немаловажным событием было повышение жалования. Решение об этом было принято 20 мая 1908 г. Третьей Государственной Думой, признавшей «существующий способ обеспечения духовенства через поручное даяние за требы унижительным и вредным для пастырской его службы Церкви и народу».

5 июня 1910 г., находясь в С.Петербурге по делам Святейшего синода, скоропостижно скончался архиепископ Никандр. Его преемником на Литовской кафедре стал, упоминаемый уже, архиепископ Рижский и Митавский АГАФАНГЕЛ (Преображенский). Рижской епархией он управлял около 12 лет, так что с ситуацией в регионе был достаточно знаком, хотя религиозная обстановка в Литовской епархии и была несколько сложнее, чем в Латвии.

Архиепископ Агафангел, как и его предшественник, был выходцем из преподавательской среды. Окончив в 1881 г. Московскую

Духовную Академию и женившись, он несколько лет преподавал в духовных школах, и только лишившись семьи (жена и сын в одночасье померли), принял (в 1885 г.) монашеский постриг и спустя четыре года был уже хиротонисан во епископа, став викарием Иркутской епархии. Современники (в бытность его уже в Рижской епархии) отмечали, что это был «...тонкий дипломат и умный администратор...». «Он был человек – внешнеюстью и поведением – князь, душой же глубоко-верующий, труженик и дружелюбен ко всем», – писал о нём журнал «Вера и жизнь» (1936, №11). На Литовской кафедре он пробыл всего три с половиной года: в январе 1914 архиепископ Агафангел был переведён на Ярославско-Ростовскую кафедру. Не последнюю роль в этом сыграло обострение отношений с местными государственными чиновниками.

Особых перемен в жизни епархии за этот непродолжительный период времени не произошло. По-прежнему основным двигателем церковной деятельности выступало Виленское Свято-Духовское Братство. Эта деятельность,

Архиепископ Агафангел
(Преображенский)

судя по программе съезда (сост. в августе 1912 г) представителей приходских братств и сродных им церковно-приходских попечительств, по-прежнему велась по следующим направлениям: миссионерская работа, просветительская деятельность, экономическая (включая строительство и ремонт храмов) и организационная (объединение усилий существующих и организация новых братств). Появился, правда, и **НОВЫЙ СПЕКТР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**, который можно назвать общественно-политическим. Имеется в виду участие в работе по выдвижению кандидатов в Государственную Думу. Свято-Духовское Братство предложило себя в этой области ядром или центром для объединения всех патриотических (в ином определении - правых) сил. В своём воззвании к общественности (от 1 июня 1912 г.) оно писало: «Как церковно-народная организация, стоящая вне политических партий, Виленское Свято-Духовское Братство призывает всех русских людей объединиться с ним для предстоящей выборной компании во имя религиозных и национальных начал и интересов местного населения». Вопрос участия духовенства в предвыборной кампании вызвал немалую дискуссию. Оппозиционные партии видели в этом участии проявление клерикализма и заявляли, что православному Братству, как и духовенству вообще, преследующим, прежде

всего, духовные интересы, заниматься политической не приличествует. Не соглашаясь с таким мнением, «Вестник Виленского Свято-Духовского Братства» писал: «Участие духовенства в политической деятельности вызывается уже его обязанностями. Пастырь, по обязанности своего пастырства, должен выступать в защиту попираемых прав своих пасомых и принимать меры к насыщению голодных, ибо в этом находит своё проявление любовь к ближним... Не все... законодательные и общественные нормы соответствуют интересам Православной Церкви... Если церковным интересам грозит опасность, и если духовенство в силах предотвратить её, то очевидно, что нравственный долг духовенства – употребить все усилия, чтобы разделить с светской властью влияние на народ не только прямо, чисто морально, через проповедь христианскую, но и непосредственно – через государственные учреждения» (1912, №12). Делается вывод, что «с теоретической и практической точки зрения, духовенству и братствам жизненно необходимо сблизиться с какой-нибудь партией, принять, как говорят, какую-нибудь политическую платформу (хотя бы и не в целом)». Наиболее подходящей виделась платформа «Всероссийского Национального Союза», в программе которого первым пунктом значилось: «Величие и достоинство господствующей Православной Церкви. Укрепление и расши-

рение соборного начала в жизни Церкви. Обеспечение духовенства вполне достаточным государственным содержанием». Однако сотрудничество с отделением этой партии – Виленским Национальным Союзом (образован в 1912 г) не получилось в виду амбициозных стремлений его руководителей, претендующих на лидерство и пытавшихся использовать Свято-Духовское Братство в своих, а не в общих интересах. В дальнейшем Братство объединило свои усилия с блоком правых партий и достигло значительного успеха: в Государственную Думу от русского населения Виленской губернии прошли два его кандидата – почётный член Братства Г.Г.Замысловский и председатель Гольшанского приходского братства священник В.П.Юзьвюк. «Победа братчиков,- писал по этому поводу братский журнал,- означает торжество и силу братской идеи в нашем крае. Мы неоднократно выражали мысль, что братства – это единственная организация, способная сплотить и объединить западно-русский народ, они, как явление историческое, понятнее и доступнее народу, нежели политические союзы и партии» (ВВСДБ. 1912, №21). По предложению архиепископа Агафангела при Свято-Духовском Братстве было создано так называемое «Справочное бюро» и организована особая Комиссия по выборам. Первое должно было быть информационным центром по всем вопросам, связанным с выбо-

рами, а Комиссии вменялась практическая организация и проведение работы по выдвижению и избранию кандидатов.

Между тем, 30-31-го августа 1912 г. в Вильносе состоялся Епархиальный братский съезд, в работе которого приняло участие около 120 представителей братств и сродных им организаций и около 80 гостей (без права голоса). Его задачей было: а) дальнейшее сплочение и централизация братской деятельности (для этой цели, в частности, предназначалась выработка единого для всех братств епархии Устава); б) активизация миссионерской деятельности (в частности, учреждение должности отдельного епархиального противокатолического миссионера); в) совершенствование внешкольного просвещения народа (в частности, организация специальных народных библиотек); г) изыскание возможностей расширения экономической деятельности. Вопрос выборов в Государственную Думу в повестку работы съезда не входил, но в кулуарах он активно обсуждался, и была даже достигнута договорённость - выдвигать в Думу от братчиков упомянутого уже выше Г.Г.Замысловского, а от православного духовенства – прот. Василия Знаменского; первый из них, как мы уже сказали, получил широкую поддержку избирателей и стал членом IV Государственной Думы. Думе этой, однако, пришлось работать в тяжёлые годы первой мировой войны и

преддверии Октябрьского переворота, так что ей было не до решения церковных дел.

Литовскую епархию в это сложное время окормлял уже другой первосвященник – архиепископ ТИХОН (Белавин).

В конце 1913 года Святейший Синод решил переместить Высокопреосвященнейшего Агафангела на Ярославскую кафедру, а архиепископа Ярославского Тихона (Белавина) определил на Литовскую епархию. Журнал «Богословский вестник» писал, что «виной» тому был владыка Тихон, не пожелавший принимать «никакого участия в монархических организациях; на последней почве, насколько нам известно, у него произошло столкновение с Ярославским губернатором». Это сообщение звучит весьма правдоподобно. По свидетельству современников, владыка Тихон был «добрый, весёлый, приветливый,... милый и обаятельный» человек (архимандрит, впоследствии митрополит, Евлогий/Георгиевский), «имел особую широту

взгляда, способен был понять каждого и всё простить» (митрополит, впоследствии патриарх, Сергей/Страгородский), но в то же время «умел быть и твёрдым, требовательным» (9). «Названные черты духовного облика Патриарха Тихона, - отмечает современный писатель, - соединялись с непреклонной твёрдостью и принципиальностью в вопросах, которые затрагивали существо православной веры и внутренней жизни Церкви. На всех этапах своего епископского служения... он последовательно отстаивал неприкосновенность церковно-канонических норм и решительно отстранял любые попытки со стороны светской администрации вмешиваться в церковную жизнь» («Русская Православная Церковь 988-1988»). Не удивительно поэтому, что и Ярославский губернатор мог услышать от него решительный отказ от участия в монархических организациях. Такого вот архиерея даровал Промысел Божий Литовской епархии в канун грядущего лихолетья. Он прибыл в Вильнюс 24 января 1914 года, а «в двадцатый день июля» в православных храмах был уже оглашён Высочайший Манифест императора Николая II, возвещавший о том, что Германия «внезапно объявила России войну».

В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Архиепископ Тихон не был новым человеком для нашего региона. В самом начале своего церковного служения Владыка подвизался в качестве инспектора, а затем и ректора Холмской Духовной Семинарии, а в 1897-1898 гг. был епископом Люблинским, викарием соседней Варшавской епархии. Он, как отмечают исследователи, хорошо «понимал нужды своего разноплеменного края, умел смягчить противоречия между польским и русским населением, содей-

ствовать умиротворению народа и добровольному, желаемому переходу униатов в лоно Русской Церкви. Многие римо-католики доброжелательно отзывались о новом православном епископе, видя в нём «архиерея примиряющего и объединяющего всех на мерами прещения и угрозами, а благодатным зовом доброго сердца, рукою помощи и счастья» (9).

Ситуация в Литовской епархии во многом напоминала ситуацию в Варшавской, хотя и была гораздо сложнее, чем в бытность его викарием последней. И архиепископ Тихон хорошо это понимал. «Я сознаю, - говорил он при первой встрече со своей новой паствой, - всю трудность святительского служения в этом разномысленном и разноплеменном крае и прошу у вас помощи в моём служении». Своё служение новый архипастырь начал с непосредственного знакомства с вверенной ему епархией. Он объезжает города и сёла, знакомясь не только с храмами и притчем, но и с жителями селений, осматривая не только монастырские, но и крестьянские хозяйства; совершает Богослужения в городах и сёлах, подолгу благословляя народ и общаясь с ним. Понадобилось всего несколько месяцев, чтобы снискать любовь и уважение не только православных. Архиепископ подкупал своей простотой, скромностью, искренностью и поистине христианской любовью. И нет сомнения, что и на новом месте своего служения

архиепископ Тихон обрёл бы славу «архиерея примиряющего и объединяющего». Но НАЧАВШАЯСЯ ВОЙНА внесла свои коррективы в церковную жизнь и поставила перед руководством Церкви новые задачи. На первый план выходят фронтовые нужды, а позднее - эвакуации и сохранения святынь. «Нравственная поддержка солдат и офицеров, врачебная помощь и широкая благотворительность имели в лице владыки Тихона горячего вдохновителя и бескорыстного дарителя. Он всё время в дороге: освящает лазареты, совершает молебны в них, обходит тяжелораненых, выступает с успокояющими словами перед беженцами, кропляет святой водой и благословляет полки, совершает панихиды ...» (9). При этом Владыка, естественно, не оставляет и своих обычных обязанностей – богослужений и забот о епархии. Война разбудила патриотические и религиозные чувства народа и храмы при совершении богослужений бывали переполнены молящимися. «После молебнов о даровании победы над врагом к Владыке зачастую подходили под благословение и католики, и староверы» (9). Когда большая часть епархии оказалась оккупированной противником и неприятельские войска приблизились к Вильнюсу, заботой архиепископа Тихона стало сохранение находящегося здесь православных святынь и, в первую очередь, мощей свв. мучеников Антония, Иоан-

на и Евстафия. Опасаясь утраты столь дорогой православному сердцу реликвии, мощи Литовских страстотерпцев решено было эвакуировать в Москву, в Донской монастырь. Дальнейшее развитие событий сложилось так, что им суждено было находиться там более 30-ти лет. Только по окончании Второй мировой войны стало возможным возвращение этой святыни в Литву. Подробнее об этом будет сказано впереди.

Всего 2,5 года потрудился архиепископ Тихон на Литовской земле, но потрудился жертвенно не лениво и память о себе оставил самую добрую. В свою очередь и Отечество не оставило не замеченными самоотверженные труды Святителя: в 1916 г. император Николай II пожаловал ему за труды во славу Отечества бриллиантовый крест для ношения на клобуке. Между тем, самому архиепископу ввиду занятия Литвы немцами, предложено было Святейшим Синодом покинуть край и прибыть в Петроград для участия в работе Св. Синода.

Тем временем в Петрограде, да и в РОССИИ в целом, СОБЫТИЯ развивались не менее червато, чем на фронте. Теряя контроль над происходящим в стране, Государственная Дума в конце февраля 1917 г. образует Временный комитет, которому поручает формирование Временного правительства. 2 марта император Николай II, под давлением «передовой общест-венности», отрывается от престола. Начинаются

тения между Временным правительством и Священным Синодом. Правительство назначает Ober-прокурором В.Н.Львова – человека неуравновешенного, властного, «пытавшегося «освободить» Церковь от опеки государства путём глубокого государственного администрирования» (39). Это о нём скажет позднее Патриарх Тихон: «Барин, на время надевший красную рубашку». «Он объявил свою персону «центром религиозного и общественного движения» и разослал секретарям духовных консисторий распоряжения следить за архиереями и доносить ему об их поведении. Шесть архиепископов, присутствовавших в Св. Синоде, и среди них владыка Тихон, не посчитали для себя возможным потакать политике «обер-милиционера» Львова и выступили с заявлением» (9). В заявлении они выразили несогласие с тем, что Временное правительство наделило обер-прокурора «всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах..., и в Святейшем Синоде обер-прокурор не только остаётся фактически хозяином и начальником, как при прежнем режиме, но... оказывается на неопределённое время до созыва Собора и безапелляционным вершителем церковных дел. Ввиду столь коренной перемены в отношениях государственной власти к Церкви, нижеподписавшиеся не считают себя вправе, без особых полномочий от российской иерархии, брать на себя ответст-

венность за все мероприятия, какие Временное правительство или единолично г. Ober-прокурор найдут нужным провести в церковном управлении...». «Вскоре обострившиеся отношения между Синодом и Ober-прокурором закончились грубым актом со стороны последнего, вошедшим в историю под именем разгона Синода» (45). В числе разогнанных оказался и архиепископ Литовский Тихон. Вскоре, однако, «в виду явной некомпетентности Львова» (38) вместо него обер-прокурором назначается А.В.Карташев – человек образованный и глубоко церковный; а архиепископ Тихон съездом духовенства и мирян Московской епархии единогласно избирается на Московскую кафедру. 5 ноября 1917 г. Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал митрополита Московского Тихона Всероссийским Патриархом. Временно управляющим же Литовской епархией в июне 1917 г. был назначен епископ Ковенский ЕЛЕВФЕРИЙ (Богоявленский). Позднее, в июне 1921г., постановлением Священного Синода и указом Святейшего Пат-

Епископ Елевферий

риарха Тихона он был утверждён в должности управляющего Литовской епархией с титулом архиепископа Виленского и Литовского.

Как и в предыдущие времена, на дальнейшую жизнь Литовской епархии существенное влияние оказали внешние политические события, — такие как: социалистическая революция в России, Версальский мирный договор, образование Литовской Республики, установление советской власти в Литве. Вторая мировая война и её итоги.

Победа Октябрьской революции в России и образование советского государства поставили Русскую Православную Церковь (РПЦ) в совершенно **НОВЫЕ УСЛОВИЯ**: она, как и другие исповедания, стала гонимой и утратила возможности нормального функционирования и развития. Помимо репрессий со стороны новой власти, РПЦ немало пострадала и от внутрицерковных нестроений, вызванных обновленческим и т.н. карловацким расколами. И хотя в канун всего этого в жизни РПЦ произошло отрадное и многообещающее событие — состоялся долгожданный Всероссийский Поместный собор, восстановивший институт Патриаршества и наметивший пути к возрождению и обновлению подлинной церковности, жизнедеятельность Церкви в течение первых лет после Октябрьской революции была фактически парализована. А это, в свою очередь, неблагоприятно

сказывалось и на жизни Литовской епархии. Кроме того, здесь возникли и другие проблемы.

Как известно, в июне 1919 г. в Версале (Франция) был подписан мирный договор, знаменующий окончание Первой мировой войны. По этому договору возрождалось Польское государство — так называемая II Речь Посполитая (просуществовавшая до 1939 г.). Часть православных приходов Литовской епархии вновь оказалась в пределах католической Польши, вторая — оказалась в пределах провозглашённой 16 февраля 1918 г. Литовской Республики. После подписания Рижского мирного договора между Советской Россией и Польшей (20.03.1921) к Речи Посполитой отошли и Виленский, Дисненский и Лидский уезды бывшей Виленской губернии. Таким образом, большая часть приходов Литовской епархии оказались вне границ молодой Литовской Республики. Кроме того, православная епархия вскоре оказалась разделённой не только территориально, но и юрисдикционно. Приходы, оказавшиеся на территории Речи Посполитой, не только присоединены были к Варшавской митрополии, но вместе с ней были объявлены Автокефальной (самоуправляющейся) Православной Церковью в Польше. **ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ АВТОКЕФАЛИИ** было продиктовано волей Польского правительства и честолюбивыми устремлениями некоторых

польских иерархов, и связано было с нарушениями канонических и общеправовых норм. Основное каноническое нарушение состояло здесь в том, что православные приходы в Польше провозгласили себя Автокефальной Церковью без согласия на то Русской Православной Церкви, которой по праву и надлежало дарование автокефалии, ибо приходы эти были в её юрисдикции. Поэтому Русская Православная Церковь такую самочинную автокефалию не признала законной. Но её, исходя из своеобразного толкования некоторых канонических правил, не только признала, но и даровала («Томасом» от 13.11.1924г.) Константинопольская Церковь, что опять же признать законным Русская Церковь не могла.

Первоначально Польское правительство, ещё в 1921 г., вело переговоры об автокефалии с Патриархом Московским. И именно Московская Патриархия (указом от 15(28) сентября 1921 г. за № 1424) временно назначила предложенного польской стороной бывшего архиепископа Минского и Туровского Георгия (Ярошевского) Патриаршим Экзархом Православной Церкви в Польском государстве, «с предоставлением..., в отношении сей Церкви, прав Областного Митрополита...». Временный характер этого назначения объясняется тем, что Митрополитом Варшавским и Привислинским был уже митрополит Серафим (Чичагов). Но он, по незави-

сшим от него и церковного священноначалия причинам (польские власти не разрешили ему въезд в страну), не мог прибыть в Польшу. Поэтому временно его обязанностью поручалось исполнять митрополиту Георгию, находившемуся к тому времени в Польше. По-видимому, временный характер этого назначения не удовлетворил ни Польское правительство, ни и.о. Экзарха архиепископа Георгия. Исследователи обратили внимание на то, «что этот переступенной важности документ был впервые официально опубликован Канцелярией Св. Синода Православной Церкви в Польше только через десять лет, а именно в 1931 г. ...». «Это сокрытие официального документа, который архиепископ Георгий, как первоиерарх, обязан был объявить прочим епископам и без предьявления которого последние не имели права ему подчиняться, и послужило впоследствии причиной первого конфликта между архиепископом Георгием и Владыками Елевферием Литовским и Виленским и Владимиром Гродненским» (41).

В связи с ходатайством Польского правительства о возведении архиепископа Георгия в сан митрополита, Св. Синод издал Указ (№58 от 17(30) января 1922 г.) об увольнении с Варшавской кафедры архиепископа Серафима (за невозможностью прибытия его в Варшаву) и назначении владыки Георгия митрополитом Варшавским и временно управляющим Холмс-

кой епархией. Одновременно с этим указом митрополиту Георгию был направлен проект «Положения об управлении Православной Церковью в Польском государстве» с просьбой «препроводить настоящий проект и Польскому Правительству для получения его согласия на введение сего «Положения» в жизнь». Обращает на себя внимание, что в этих документах владыка Георгий не именуется уже, как прежде, Экзархом вся Польша, а только митрополитом Варшавским. Несмотря на это, митрополит Георгий продолжал считать себя митрополитом «всей Области», т.е. митрополитом всей Польши, и требовал подчинения себе всех «польских» архиереев. В то время в пределах II Речи Посполитой имелось пять епархий: Варшавско-Холмская, Вольнская, Гродненская, Виленская и Полесская. Архиепископ Елевферий, имея назначение от Патриарха Московского на управление епархией Виленской и Литовской, не видел основания подчиняться митрополиту Варшавскому: сам титул «Виленский и Литовский» как бы указывал на то, что православные Виленщины находятся под его окормлением. Но проблему порождало то, что часть бывшей Литовской епархии, в том числе и **ВИЛЕНСКИЙ КРАЙ** вместе с г. Вильнюсом, оказались в пределах Польского государства, и митрополит Варшавский, исходя из территориального принципа и считая себя митрополитом вся

Польша, полагал, что эта часть бывшей Литовской епархии находится теперь в его управлении. Польское правительство придерживалось такой же точки зрения.

Опираясь на поддержку польских властей, митрополит Георгий приступил к решительным действиям. 6 сентября 1922 г. он собрал Синод Православной Митрополии в Польше, на котором поставил вопрос «о вредной и угрожающей Церкви смутной деятельности архиепископа Виленского Елевферия», выдвинув против него 15 пунктов обвинения. Первым из них было следующее: «Ставши довольно неожиданно из епископов - викариев Ковенских сразу архиепископом Виленским, Преосвященный Елевферий вообразил почему-то себя распорядителем судеб Польской Православной Церкви, хотя Вильно до месяца февраля с.г. входило в состав Польши, и в отношении к Польше Архиепископ Елевферий был совершенно чужим и посторонним. Так, он созвал Собор 17 сентября старого стиля 1921 года в Вильно и занялся устройением Церковной Области другого государства».

«Не считаясь епископом Польским, Преосвященный Елевферий самовольно, без зова Экзарха, явился на собор архиереев 12(25) января 1922 г. и, недопущенный Правительством к участию в нём, всё время Собора оставался в Варшаве, возбуждая недовольство, поддерживая

оппозицию и занимаясь агитацией. Об этом ясно свидетельствует подписанное им вместе с епископами Владимиром и Пантелейманом письмо на имя Святейшего Патриарха, посланное подпольным образом...» (п.3). «По присоединении Вильны к Польше, сделавшись польским архиереем, не признал не только «Временных Правил», изданных Правительством..., а равно не признал меня областным митрополитом, вследствие чего не сделал соответствующих распоряжений по епархии» (п.4).

Синод постановил: «В виду изложенной и документально доказанной антиканонической деятельности архиепископа Елевферия, служащей к развитию беспорядка и анархии в церковной жизни в Польше, ...для блага и пользы Православной Церкви в Польше, уволить архиепископа Елевферия от управления Литовской и Виленской епархией в пределах Польши, считая его архиепископом Литовским только в пределах Ковенской Литвы». «Временное Управление Виленско-Литовской епархией, с названием ея только Виленской, поручить Высокопреосвященнейшему Митрополиту Варшавскому...».

Решения Св. Синода Православной Митрополии в Польше были незамедлительно представлены Польскому правительству «для соответствующих с его стороны распоряжений». И этих распоряжений не пришлось долго ждать: в

канун праздника Покрова Божией Матери (14 октября 1922 г.) архиепископ Елевферий сразу после Всеношного бдения, которое совершил в храме Свято-Духова монастыря, был арестован и в сопровождении конвоя вывезен в г. Краков и заточён в одном из римско-католических монастырей. Но заключение его было недолгим: через четыре месяца, в виду того, что подобные действия Польского Правительства получили нежелательный резонанс общественности (поступило даже обращение в Лигу Наций), архиепископ Елевферий был депортирован в «Ковенскую Литву».

После устранения архиепископа Елевферия, отстранён был от управления епархией и выслан за пределы Польши и другой противник автокефалии Польской Церкви – епископ Гродненский Владимир (Тихоницкий). На его место был назначен новопоставленный епископ Алексей (Громадский) – сторонник автокефалии. На место же архиепископа Елевферия на Виленскую кафедру был назначен (в мае 1923г.) сбежавший из Советской России Одесский архиепископ ФЕОДОСИЙ (Феодосьев). Таким образом, в Синоде Православной Митрополии в Польше было подготовлено необходимое большинство для воплощения в жизнь идеи автокефалии, иницируемой Польским правительством и поддерживаемой Константинопольским Патриархом.

Такая практика устранения противников автокефалии и игнорирование возражений обернулась вскоре печальной трагедией: 8 февраля 1923 г. митрополит Варшавский Георгий был убит. Его застрелил из револьвера бывший ректор Холмской Духовной Семинарии архимандрит Смарагд (Латышенков) - «твердый противник автокефальных тенденций и поборник единства Церкви» (41), запрещённый митрополитом Георгием в служении за «пренебрежение распоряжениями Экзарха». Здесь приходят на память слова канслера Льва Сапегы, сказанные в своё время Иосафату Кунцевичу: «Каждый сам является причиной своей беды». Непростительный для христианина, а тем более для архимандрита, поступок Смарагда был, безусловно, спровоцирован позицией и действиями митрополита Георгия. По суду современных ему и позднейших писателей. «митрополит Георгий проводил свои начинания, опираясь только на Польское Правительство, безо всякого обращения к голосу народа. Он окружил себя законопослушными епископами (в лице Дионисия, Александра и Алексия) и удалил, при помощи того же Правительства, имевших своё суждение и отстаивавших Св. Каноны иерархов... Лично для самого митрополита Георгия всё это не могло не закончиться печально» (41). Вероятно, что всё это послужило «смягчающим обстоятельством» для решения Суда Чрезвычайного Трибу-

нала, который за преступление, караемое расстрелом, приговорил обвиняемого лишь к 12 годам тюремного заключения.

Ещё при жизни митрополита Георгия Собор польского епископата, проигнорировав несогласие архиепископа Елевферия и епископа Владимира, принял (14 июня 1922 г.) постановление: «Собор православных архиереев, вследствие церковной смуты и разрухи в России, ничего не имеет против автокефалии Православной Церкви в Польше и готов работать в Польше на началах автокефалии, уверенный в добром сотрудничестве с Польским Правительством на основах Конституции; однако с тем, что Польское Правительство получит на автокефалию благословение Константинопольского и других Патриархов, а равно Глав автокефальных Церквей – Греческой, Болгарской, Румынской, а также Патриарха Московского, если последний возвратится к власти и если Патриархат в России не будет упразднён». Упоминание о Московском Патриархе в последнюю очередь здесь весьма красноречиво. Позднее Собор епископов Православной Митрополии свои действия объяснял тем, что такое постановление было принято «...по соображении необходимости немедленно дать Православной Церкви в Польше основы канонического устройства, без чего она не могла, в виду опасности разрухи и анархии, оставаться ни одной минуты» («Письмо Собора

Епископов Православной Митрополии в Польше...» Патриарху Тихону от 16.08.1924г.).

27 февраля 1923 года Собор иерархов Православной Митрополии в Польше на место убиенного митрополита Георгия избрал архиепископа Волынского и Кременецкого ДИОНИСИЯ (Валединского), получив предварительно на это согласие Польского правительства. За церковным же утверждением этого избрания польские епископы обратились к Константинопольскому Патриарху Мелетию IV. Здесь следует отметить, что Патриарх Московский Тихон в мае 1922 г. был заключён под стражу в Донской монастырь, а в апреле 1923 г. в течение трёх недель был даже помещён во внутреннюю тюрьму ГПУ и т.о. в этот период (до конца июня 1923 г.) не имел возможности заниматься церковными делами. Этим обстоятельством и объясняли позднее польские епископы своё обращение к Патриарху Мелетию. «...Трудность сношений с Вашим Святейшеством, - писали они Патриарху Тихону в упомянутом выше «Письме», - поставили нашу Православную Церковь в двоякую каноническую зависимость - от Вашего Святейшества и Вселенского Патриарха». «Обращение православных иерархов Польши к Вселенскому Патриарху при полной разрухе в недрах Российской церкви, было вполне законно и вызывалось жизненною необходимостью... И если бы иерархия Православной

Церкви в Польше... стала ждать на всё благословения Патриарха Московского, лишённого свободы и, может быть, даже надежды на избавление от уз, - жизнь Православной Церкви в Польше замерла бы, а самой Церкви грозило бы, при нынешней вражде и ненависти к Церкви, неминуемое расстройство, а может быть и гибель».

И хотя «жизненная необходимость» не была единственным стимулом к провозглашению автокефалии, ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ в пределах II Речи Посполитой действительно было весьма проблематичным. «Верная своим вековым «традициям», Речь Посполитая Польская 1918-1939 гг. полностью повторила, мягко выражаясь, свои прежние ошибки в отношении оказавшегося на её территории православного населения и делала всё, чтобы оттолкнуть от себя это население» (41). С самого начала Польское правительство развернуло широкую кампанию т.н. «ревиндикции» храмов, т.е. возвращение храмов первому владельцу. Согласно официальным данным, только в первый год новой власти у православных было отобрано около 400 храмов и передано «первому» владельцу - Римско-Католической Церкви. В действительности такая ревиндикция далеко не всегда соответствовала истине, т.к. большинство «возвращаемых» храмов католикам никогда не принадлежали: чаще

всего это были православные храмы, отнятые в своё время на благо Унии и затем, во времена воссоединения униатов, опять перешедшие во владение Православной Церкви. Исследователи обращают также внимание на то, что «отобрание православных храмов не являлось государственной необходимостью или необходимостью для удовлетворения религиозных нужд населения иного вероисповедания. Факты показывают, что большинство отобранных церквей оставались затем почти без использования или использовались для обслуживания незначительного количества католиков, в то время как сотни и тысячи православных были лишены своих молитвенных домов» (29). Правительство, как это видно из письма митрополита Дионисия к Министру Исповеданий и Народного Просвещения (№445 от 21.03.1924г.), осуществляло программу сокращения общего числа православных приходов, и кампания ревизии была составной частью реализации этой программы.

Второй напастью было отчуждение у Православной Церкви земельных владений для нужд т.н. колонизации, проводимое в рамках аграрной реформы. «Земля у православных церквей отнималась самовольно, безотносительно к тому, была ли эта земля отведённая, дарованная правительством, пожертвованная в виде фонда или даже благоприобретённая» (41). Митро-

полит Дионисий, обращаясь с письмом к Премьер-министру Польши ещё в период обсуждения этой реформы в Сейме, указывал, что «в случае осуществления подобного намерения, духовенство и церковные учреждения будут лишены почти единственного источника постоянных доходов.... Это вызовет... значительное понижение уровня материального благосостояния духовенства, а что за этим следует – и понижение его нравственного уровня, вследствие усиления зависимости духовенства от доброй или злой воли прихожан». Глас православного иерарха остался не услышанным. Сейм принял «Закон о порцелинии и осадничестве», оставлявший за церквями лишь по 15-30 га. угодий, а то и того меньше.

«Польское правительство старалось ослабить Православную Церковь и тем, что не разрешало преподавания Закона Божия в школах или всеми способами препятствовало этому» (41). Согласно распоряжению Министра Народного образования (от 2 ноября 1924 г.) обязательной для изучения в школе была римско-католическая религия. Так что, имеющаяся в письме польской иерархии Святейшему Патриарху Тихону (от 6.08.1924 г.), ссылка на вражду и ненависть к Церкви не была лишь надуманной «страшилкой» для оправдания своих неканонических действий. Положение православных в Речи Посполитой действительно было «весьма

трудное», однако и вожделенная автокефалия мало чем его улучшила. Это видно хотя бы из «Рождественского послания» митрополита Дионисия в 1929 г. (спустя 7 лет по провозглашении автокефалии). «Нашу Святую Православную Церковь в Польше, - пишет в нём архипастырь, - посетил Господь в истекшем году бедствием, равным избиению Вифлиемских младенцев, ибо клир Римский хочет отнять от нас половину святых храмов наших и тем лишить более двух миллионов верующих младенцев наших духовного окормления и церковной жизни». Об этом говорит и статистика: в 1929-34 гг. католические епископы подали 757 исков в окружные суды разных городов о ревиндикации 202 прежде католических и 555 прежде униатских объектов (см. «Пшеглэнд Православны», 1998, №7). «...Только в 1938 г. где-то около 107 действующих православных приходов были насильственно закрыты Польским правительством и затем или превращены в римско-католические, или распушены» (38). Нельзя забывать и тот «факт, что Рим приблизительно в то же время объявил Польшу «миссионерской территорией» и усилил свою работу на так называемых «крессах» - восточных окраинах Польши...» (41).

Проблема порождала ещё и само юридическо-правовое положение Православной Церкви в Речи Посполитой: всё это время её положение в государстве определяли «Времен-

ные Правила», предложенные Правительством в январе 1922 г. «не для обсуждения, а для принятия к руководству в качестве правительственного распоряжения» («Письмо Патриарху Тихону»). Правительство не дало ответа Священному Синоду Русской Православной Церкви на предложенный им проект «Положения об управлении Православной Церковью в Польском Государстве». В письме же Патриарху Тихону польские иерархи сообщали: «Посылая «Положение» Митрополиту Георгию, Правительство Польши определённо заявило, что никаким образом не может согласиться на принятие этого «Положения» (отношение от 1 марта 1922 г. № 1401)». Правительство предложило польской иерархии свой «Проект конкурдата» Государства с Православной Церковью, во многом противоречивший каноническим нормам Православной Церкви. Не принятый иерархами (благодаря принципиальной позиции архиепископа Елевферия и епископа Владимира), он впоследствии трансформировался в упомянутые выше «Временные Правила» 1922 г., которые «связывали Церковь и её власть по рукам и ногам, а административная и судебная практика первых лет существования восстановленной Польши ещё более усилили зависимость Церкви от Государства» (41). Как отмечал современник событий, «трагедия внутренней жизни Православной Церкви в Польше состоит даже

не в наличии давления, а главное во вторжении, вопреки Конституции, светской власти в организацию этой жизни, путём систематического издания ряда распоряжений, ставящих церковные власти в неканоническое, внеправовое состояние, и применение репрессий к владыкам, не согласным с противоправными и противоречащими Конституции предписаниями» (62).

В общем и целом, «дело оформления отношения Государства к Православной Церкви длилось двадцать лет, причем, несомненно, на затягивание окончательного определения правового положения Православной Церкви влияние оказывала так званая «восточная политика» Правительства, особенно политика относительно национальных меньшинств, которая хотела бы видеть ослабление позиции Православия на окраинах» (кс.В.Гаспары). Только в 1939 г. Польское правительство утвердило, наконец, «Внутренний устав св. Польской Автокефальной Православной Церкви».

Как видим, соглашательство польского епископата на инспирированную Польским правительством автокефалию мало что изменило в положении Православной Церкви в Польше: «в добром сотрудничестве с Польским Правительством на основах Конституции» жизнь устроить не удалось, а нестроение и конфликтную ситуацию в самой Церкви оно вызвало. Уже через две недели после решения польских епис-

копов «работать в Польше на началах автокефалии» Литовское Епархиальное собрание (на заседании 17(30) июня 1922 г.) приняло решение: «...Отмечая с душевной горечью, что три иерарха Православной Церкви в Польше, в том числе и Митрополит Варшавский Георгий, пользуясь теми потрясениями, которые в настоящее время переживает Церковь Всероссийская, употребляют все усилия, чтобы отделить себя и свои паствы путём, непредусмотренным никакими канонами, и, не имея на то соборного волеизъявления своего народа – паств, от своей Матери-Церкви, Епархиальное собрание духовенства и мирян Литовской Епархии вынуждено заявить от лица всей Литовской паствы, что она по-прежнему, доколе этот вопрос не решится в каноническом порядке, считает себя нераздельной частью той Церкви, к которой она до сего времени принадлежала...».

Похожим, хотя и не столь неопределённым, было положение православных и в литовской части епархии. Статистика говорит, что в первые годы Литовской республики православная община в ней состояла примерно из 23 тысяч человек. «В межвоенный период они лишились 27 из 58 церквей...» (57), оставшихся от ревиздикции. Так что, по состоянию на начало 1920 г. в Республике было зарегистрировано всего 10 православных приходов, и ещё 21 приход существовал без регистрации. В первые годы су-

существования Литовской Республики правовое положение Православной Церкви оставалось неустроенным. Как пишет современный исследователь, «...в межвоенный период не было принято законов (за исключением закона о возвращении Католической Церкви имущества, отчуждённого царскими властями, и закона о земельной реформе), которые регламентировали бы положение Православной Церкви...» (57). Упомянутые же законы были довольно неблагосклонны к Православной Церкви.

На отношение государства к Православной Церкви в Литве в это время в немалой степени влияло общественное мнение, а оно, в свою очередь, формировалось Католической Церковью, у которой с Православной Церковью были далеко не братские отношения. «Отношения Литовской Православной Церкви, - пишут современные нам исследователи А.Марцинкевичус и С.Каубрыс, - и Литовской Католической Церкви после I мировой войны оставались сложными в связи с противостоянием друг другу, инспирированным в XIX в. политикой правительства Российской империи». Соглашаясь с тем, что отношения оставались сложными, мы должны заметить, что указанное противостояние инспирировано было не только политикой Российской империи. Даже из нашего предшествующего обзора видно, что оно началось вскоре после Люблинской унии, рас-

цело в период Брестской церковной унии, и было инспирировано вовсе не Россией и не Православной Церковью. Но нельзя полностью не согласиться с другим заключением тех же исследователей: «В литовском обществе православные отождествлялись со сторонниками режима Российской империи», к которому у населения Литвы накопилось немало обид. «Поэтому с момента образования в 1918 г. независимого Литовского государства сравнительно немногочисленной православной общине (ок.23 тыс. человек) вскоре пришлось испытать бремя царского наследия» (57).

Перед епископом Елевферием, таким образом, стояла нелёгкая и неотложная задача налаживания нарушенной войной и происшедшими переменами церковной жизни в епархии, определения правового положения Православной Церкви и установления нормальных отношений с государством. Прежде всего, в 1919 г. в Вильнюсе для управления делами епархии был образован Литовский Епархиальный Совет. Однако в следующем году Вильнюсский край, вместе со столичным городом, был присоединен Польшей, и Епархиальный Совет, в соответствии с последовавшим указом (от 13.10.1922) митрополита Варшавского Георгия, был реорганизован и переименован в Виленскую Духовную Консисторию. Архиепископ (с 11 июля 1921г.) же Елевферий, по присоединении Вильнюса к

Польше, вынужден был перенести центр управления в Каунас, где (осенью 1921 г.) было образовано Каунасское Православное Духовное управление. «Правительство Литвы не признало статуса Каунасского православного духовного управления, а архиепископа Елевферия не считало руководителем Литовской Православной Церкви» (59). Лишь спустя без малого два года была достигнута искомая нормализация правового положения Православной епархии в Литве: 20 мая 1923 г. Правительство Литвы утвердило «Временные правила нормирования отношений Литовского правительства и Православной церкви в Литве». Правда, ещё до этого (29 марта 1922 г.), Кабинет министров ЛР принял постановление о признании архиепископа Елевферия главой Православной Церкви Литвы. И хотя означенные «Правила» были временными (и таковыми оставались до 1940г.), тем не менее, «указанным документом Правительство Литвы признало организационную структуру Литовской Православной Церкви, утвердило границы компетенции её административных органов и назначило православным служителям культа жалование за счёт средств государственного бюджета... Впервые в истории Правительству Литвы удалось урегулировать отношения с Литовской Православной Церковью на основе демократических принципов» (59). Немалая заслуга в этом была архиепископа

Елевферия. «Архиепископ Елевферий, испытавший религиозное насилие в Вильнюсском крае со стороны Польши, а также знавший о репрессиях большевистского правительства против Русской Православной церкви, трезво оценил преимущества, которые могла бы обеспечить лояльная позиция по отношению к правительству Литвы» (59). Признание Правительством правового статуса Православной Церкви давало возможность её руководству более действенно отстаивать свои права и интересы и позволяло более успешно заниматься налаживанием внутрицерковной жизни, расстроенной в связи с совершившимися переменами. Надо было создавать новое управление, восстанавливать приходы, искать возможности покрытия дефицита священнослужителей. «В 1918-1923 гг. православные приходы Литвы восстанавливались нелегально, так как их священнослужители действовали без разрешения органов власти Литвы» (59). Основным препятствием для легального открытия приходов служил количественный ценз, установленный властями. Министерство Внутренних Дел, исходя из норм ориентированных на католические приходы, определило норму, в том числе и для религиозных меньшинств, необходимую для регистрации прихода в количестве не менее 2304 прихожан. Ходатайство православных снизить минимум прихожан до 200 (а в отдельных слу-

чаях – до 50) человек было отклонено. Референт по вероисповеданиям ксёндз Казимерас Прапуоленис, ссылаясь на Конституцию Литовской Республики, ответил, что «никаких особых привилегий по происхождению, верованию и национальности» не должно быть.

Столь же неблагоприятным для Православной Церкви был и закон о земельной реформе, принятый в 1922 г.. Этим законом было «отменено» землевладение Литовской Православной Церкви. В собственности государства было национализировано не менее полторы тысячи гектаров церковных угодий. Если учесть, что земля «была основой материального благосостояния православных Литвы», то естественно, что проведённая национализация «сильно повлияла на материальное положение приходов и православного духовенства» (59). Правда, Государство вскоре (с 1925 г.) стало выделять Православной Церкви небольшую субсидию (около 46 тыс. литов) на выплату жалованья духовенству и Управлению, но так как деньги выделялись из расчета на зарегистрированное духовенство (10-11 чел.), а фактически его было втрое больше, то эта субсидия мало что меняла в нищенском положении православного духовенства. По закону приходы имели право вновь приобретать землю, но «Православная Церковь не вправе была воспользоваться этой возможностью, поскольку на земли могли претендовать

приходы, имевшие не менее чем 2000 членов» (59). Таких приходов, после присоединения Вильнюсского района к Польше, в Литве почти не осталось. Так что, хотя Конституция Республики позволяла Православной Церкви, как и другим конфессиям, строить жизнь по своим канонам и государство фактически не вмешивалось во внутренние дела Церкви, терпело даже её подчинённость Московской Патриархии, однако законы, регулирующие экономическую и социальную жизнь Литвы, были довольно неблагоприятны для православных. Это в известной мере было следствием того, «что большинство государственных реформ, оказавших воздействие на положение Литовской Православной Церкви, осуществлялось представителями католического духовенства, принимавшими активное участие в политике» (59). А отношение Католической Церкви к Православной было традиционно наступательным. «Литовская Католическая Церковь с помощью правительства страны получила значительную часть утраченного во времена Российской империи недвижимого имущества, а это неизбежно обусловило осложнение отношений с Литовской Православной Церковью.... Литовская Католическая Церковь придерживалась категорической позиции, что никакие компромиссы с Литовской Православной Церковью в отношении имущества невозможны» (59) При-

ход к власти (в 1926 г.) таутининков несколько улучшил положение Православной Церкви. «Увязнув в конфликте с правящими католическими епископами и Ватиканом, таутининки поставили политическое положение всех конфессий в зависимость от их лояльности по отношению к государству и правительству» (57). А на путь лояльности по отношению к государству Православная Церковь стала, как мы уже отмечали, ещё с первых дней существования Литовской Республики. Она по убеждению, а не из каких-либо иных соображений, поддержала Правительство Литвы в конфликте с Польшей относительно Вильнюсского края. Как было сказано ранее, архиепископ Елевферий не отказался от канонического права на приходы отторгнутого Вильнюсского района, «и потому стал потенциальным союзником литовских политиков в дипломатической борьбе за столицу» (57). Учитывая это, правительство таутининков позволило православным вернуть несколько бывших церквей, а также выделило некоторые средства на строительство кафедрального собора в Каунасе и на открытие Богословских курсов. Православные получили также возможность иметь свой печатный орган – журнал «Голос Литовской Православной Епархии». (Выходил до 1940 г., тираж ок. 600 экз.). В это же время в Каунасе возродилось (в 1926 г.) Свято-Николаевское Православное братство.

И если для правительства христианских демократов было «важной целью... отделение Литовской Православной Церкви от Московского Патриархата» (59), то правительство таутининков, по указанным выше политическим соображениям, хотя и «было недовольно тем, что православная епархия подчиняется Москве, однако оно не оказывало на неё особого давления, чтобы заставить отделиться от Московской патриархии» (57). Внутри же самой православной епархии, как и у неё священноначалия, стремления к отделению тоже не было. Так что в межвоенный период Литовская православная епархия оставалась в юрисдикции Московской патриархии. «Это, – как справедливо отмечают современные литовские исследователи, – было исключением, поскольку православные епархии во всех государствах, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи (в Латвии, Польше, Финляндии, Эстонии), превратились в самостоятельные Церкви. На правах автономии или автокефалии они перешли в юрисдикцию Константинопольского Патриархата» (57). На примере автокефалии Польской Православной церкви мы видели, что основным двигателем этого отделения выступало государство.

Одним из факторов, осложнявших жизнь православной епархии Литвы в межвоенный период, была ПОПЫТКА РЕАНИМАЦИИ

УНИИ, начатая Католической Церковью в начале 30-ых годов. Инициаторами здесь выступили ксендзы Каунасского деканата, предложившие на своей конференции (состоялась в 1930 г.) открыть в Каунасе костёл восточных обрядов. Высказывалась надежда, что «заметив тождественность обрядов, что для русских весьма важно, и лёгкость перехода, они массами станут переходить в католичество» (плеб. Мямртакс Лумбе). Для этой цели был избран бывший кафедральный собор Каунаса, в котором сохранился ещё православный иконостас. Ватикан даже назначил для этого дела специального епископа восточных обрядов - им стал кс. Пятрас Бучис. Но надежды на массовость перехода не оправдались. Уже через полгода новый епископ убедился, что регулярно совершать службы по восточному обряду нет никакого смысла в виду низкой посещаемости. Решено было в дальнейшем совершать такие богослужения лишь несколько раз в году, предварительно информируя о них общественность. Римская Конгрегация Восточных Церквей в 1937 г. учредила в Каунасе специальную папскую миссию – для оказания «помощи в духовных делах» русским Литвы. Спустя два года та же Конгрегация в помощь еп. Бучису направила ещё двух профессиональных миссионеров. Однако все эти усилия значимых плодов не принесли. «В Литве не образовалось ни одного

греко-католического прихода. Нигде, за исключением Каунаса, не было греко-католического духовенства... А главное то, что среди православного духовенства и известных представителей интеллигенции не нашлось отщепенцев» (57). Не последнюю роль в неуспехе католического прозелитизма сыграли и защитные меры, предпринятые руководством Православной Церкви по сплочению православных Литвы и укреплению связи приходских общин. В ответ на лекции еп. Бучиса Каунасское Свято-Николаевское братство организовало ряд чтений на вероучительные и религиозно-нравственные темы, а также по истории Унии. Большую просветительную работу провела редакция журнала «Голос Литовской Православной Епархии», опубликовав ряд статей и специальных выпусков, посвящённых уникальной тематике.

В целом, хотя «в политическом отношении Литовская Католическая Церковь получила превосходство над Литовской Православной Церковью, поскольку пользовалась политической поддержкой правительства страны» (59), такого давления и вмешательства в дела церковные, как в Польше в Литве не было. «Конституция позволяла Православной Церкви действовать согласно её канонам. Потери православных касались только имущества, не предпринималось ничего такого, что представляло бы опасность для конфессионального

тождества» (57).

И всё же ПОТЕРИ (не только имущественные) в первой половине XX века были так значительны, что от Литовской епархии, имевшей в лучшие времена более 500 церквей и более миллиона прихожан, осталось едва ли не одно лишь название. Урон нанесли и политические изменения, и территориальные, и вызванная войной эмиграция, и, не в последнюю очередь, имущественные лишения. На начало 20-ых годов численность православного населения в Литве сократилось на половину; с потерей Вильнюсского края Литовская православная епархия ещё потеряла более 20 тыс. прихожан. Согласно переписи населения, проведённой в 1923 г., в Литовской Республике насчитывалось не многим более 22 тыс. православных. Епархия, состоявшая когда-то из трёх губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) сузилась до границ т.н. Ковенской Литвы. В довоенное время в её пределах всё ещё имелось 58 православных приходов, а по состоянию на сентябрь 1922 г. их осталось только 17 (ЛЕВ, 1922, №8-9). При этом, «постановлением Правительства Литвы от 14 мая 1920 г. было зарегистрировано 10 православных приходов» (59), остальные действовали полулегально. К 1939 г. число таких, не получивших статуса полноправных, приходов возросло до 21. «Всего в православной епархии межвоенной Литвы действовало три деканата

(Каунасский, Шяуляйский и Панявежский), которым принадлежал 31 приход и 50 церквей» (59). В конце 1939 г. в связи с возвращением Вильнюсского края, был образован четвёртый – Вильнюсский деканат (т.е. благочиние). Он состоял из 14 приходов и около 12 тыс. прихожан.

Как уже упоминалось выше, по присоединении Вильнюсского края к Польше, Варшавский Православный Синод назначил (в июне 1923 г.) на Виленскую кафедру архиепископа Феодосия (Феодосьева), бывшего епископа Смоленского, а епархию переименовал в Виленскую. Проблемы, с которыми столкнулась Православная Церковь в Польше, не миновали и Виленскую епархию. Православным Вильнюса пришлось расстаться с кафедральным Свято-Николаевским собором, что, впрочем, было закономерно, так как ранее это был католический костёл св. Казимира, превращённый в царское время в православный кафедральный собор. Выселены были и два женских монастыря: Мариинский, находившийся в бывшем католическом монастыре «визыток», и Березвечский Рождество-Богородичный, находившийся в бывшем монастыре базилиан. Подобные потери были и в других местах. «Под шумок» отнимались и никогда не принадлежавшие католикам строения: например, большое возмущение вызвал захват «Лигой Работничей»

и превращением в кинотеатр архиерейского дома в Вильнюсе, купленного в своё время митрополитом Иосифом (Семашко).

Но у архиепископа Феодосия были и другого рода проблемы, связанные с принятием его Виленской паствой. Обращаясь (12 июня 1923 г.) с посланием «К пастырям и чадам Православной Церкви Виленской епархии», владыка Феодосий, поблагодарив тех, кто признал его и выразил готовность сотрудничества, с прискорбием отмечал, что «наряду с ними ясно обрисовывается другая группа людей, которая на мой приезд в Вильню смотрит неблагоприятно, а то и прямо отрицательно, так как я в их глазах, хотя, может быть, и не поддельный, а канонический архиерей, но дело в том, что я назначен в Вильню «неканоническим» по её мнению

Архиепископ Феодосий с духовенством

Синодом, возглавляемым «неканоническим Митрополитом». Известно, что «после принудительного отъезда архиепископа Елевферия в Вильню ещё долго существовала церковная «Патриаршая Община», имела она свою домовую церковь, своих пастырей...» (40).

Другим большим огорчением для архиепископа Феодосия было возмущение церковной жизни, произведённое бывшим ректором Виленской Духовной Семинарии архимандритом Филиппом (Морозов). «Епархиальная власть много энергии и старания должна прилагать, чтобы парализовать его вредное, разлагающее влияние на церковную жизнь», - жаловался архиепископ Феодосий митрополиту Варшавскому (доклад от 3 ноября 1937 г. за №58). Речь здесь идёт об авантюрном переходе архимандрита Филиппа в ограду Римско-Католической Церкви, а затем (через полтора года) - возвращении в Православную. Похоже, что этот «перелёт» (так публицисты того времени называли подобные переходы) был вызван обидой на автокефальный Польский Синод, который сперва (в 1922 г.) возвёл его в сан архимандрита и поставил ректором Духовной Семинарии, а затем (в 1924 г.) уволил от должности ректора и низвёл в число братии Свято-Духова монастыря. Правда, сам архимандрит объяснял свой переход более высокими побуждениями. «После долгого и тяжёлого размышления, - писал он (18 августа

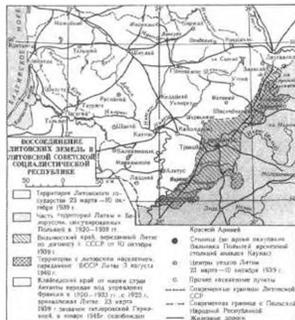
1925 г.) в своём «Открытом письме», - я решил стать членом той религиозной общины, которая подчиняется наивысшему пастырю – епископу Римскому. Этим актом я выполняю только веление собственной совести, будучи убеждённым, что истинной христианской Церковью является та, где есть апостол Пётр со своими последователями». Своих бывших сослужителей он призывал: «Ищите опоры для вашей Церкви не в Москве, не в Константинополе и не у протестантов, а только в Риме, в этом центре христианского объединения». Но последователи Петра не очень высоко оценили «прозрение» архимандрита Филиппа: «его... послали на миссионерскую работу в городе Вильно. Но не в сане римо-католического епископа (на что он, по мнению некоторых авторов, рассчитывал; прим. наше), а в том же сане архимандрита. Однако из миссионерской работы архимандрита Филиппа ничего существенного не выходило. Последователей у него, как среди православного духовенства, так и среди православных прихожан, было очень мало и овладеть положением архимандрит Филипп не сумел. Ни Рим, ни католические епископы его не поддержали...» (41). Обидевшись в этот раз на Рим, архимандрит Филипп послал (в 1927 г.) Виленскому католическому митрополиту Яблжиковскому «разводное» письмо, в котором писал: «После моей полуторагодичной самоотверженной рабо-

ты на пользу соединения Церквей для меня совершенно ясно, что со стороны именно представителей Западной Церкви нет Евангельской подготовки для этого соединения. У католической иерархии отсутствует истинно католическое отношение к Православию, т.е. в духе Вселенской Христовой Церкви, и наоборот: гордость, самомнение и недостаток христианской любви – характеризуют это отношение». В январе 1927 г. он обратился к архиепископу Виленскому и Лидскому Феодосию (Автокефальная Православная Церковь в Польше) с покаянным письмом и просьбой о принятии его вновь в лоно Православной Церкви.

Между тем, после отпадения архимандрита Филиппа в Католичество, указом Виленской Духовной Консistorии (от 4 сентября 1925 г.) он был извергнут из священного сана с исключением из монашества и духовного звания, и даже всснародно (за Богослужением в храме Свято-Духова монастыря) предан анафеме. Теперь же той же Церкви «автокефальным управлением, в лице архиепископа Феодосия, он был принят обратно в Православие « в сущем сане». Назначена была епитимия – запрещение священнослужения и ношения рясы и креста, но запрещение длилось всего два месяца с небольшим: от 22 января до 28 марта» (ГЛПЕ, 1940, №2-4). Позднее, оправдывая это сомнительное в каноническом отношении реше-

ние, архиепископ Феодосий писал, что «принятие в сущем сане было сделано... в надежде открыть увлекшимся Унией путь к обращению и тем нанести Унии «непоправимый удар» (Там же).

После возвращения (по договору от 10 октября 1939 г. между Литвой и СССР) Вильнюса и Вильнюсского района в состав Литовского государства, ПРОИЗОШЛО и ВОССОЕДИНЕНИЕ Виленской (находившейся в юрисдикции Автокефальной Православной Польской Церкви) и Литовской (находящейся в юрисдикции Московского Патриархата) епархий. Напомним, что до разделения епархии, ещё в 1921 г., архиепископом Виленским и Литовским был назначен владыка Елевферий. Так что с воссоединением епархии архиепископу Феодосию пришлось сложить свои полномочия и передать управление митрополиту (с 1928 г.) Елевферию, как он позднее напишет: «ради мира в Церкви, будучи в физической и духовной усталости». Новая церковная власть – Литовский Епархиальный Совет

поставил под сомнение правомерность описанного выше подхода к принятию в общение отпадшего архимандрита Филиппа и переадресовал вопрос о его принятии Московской Патриархии. Туда же обратился с покаянным письмом и сам архиепископ Феодосий. В нём он признавал незаконность автокефалии Православной Польской Церкви и свой грех отпадения от Матери-Церкви Российской, просил простить ему этот грех и принять в молитвенное общение. 20 декабря 1939 г. последовало определение Московской Патриархии (за № 36), в котором говорилось: «Преосвященного Феодосия Феодосьева, по принесении им должного покаяния перед духовником, принять в общение с Православной Патриаршей Церковью в сущем сане Архиепископа бывшего Смоленского, в состоянии на покое, впредь до новых распоряжений, с обращением его в ведение Преосвященного митрополита Литовского и Виленского, и с разрешением ему священнослужения по соглашению с местным епархиальным архиереем на общем основании». Однако бывшие автокефалисты «архиепископы – Феодосий (Виленский) и Александр (Полесский), а также епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) в Москву не поехали» (41). Вероятно, архиепископ Феодосий подпал под воздействие немногочисленной оппозиции митрополиту Елевферию: тех, кто

из-за своих убеждений не хотел оказаться в юрисдикции Московского Патриархата, и тех, кто боялся ответственности за свои дела в период Автокефалии.

Весной 1940 г. архиепископ Феодосий обратился с официальным заявлением к Премьеру Литовской Республики, сообщая о том, что он не считает себя под юрисдикцией митрополита Елевферия (другими словами – в юрисдикции Московской Патриархии) и потому учреждает независимый **ВРЕМЕННЫЙ СОВЕТ** епископии. 22 мая того же года он направляет прошение Патриарху Константинопольскому о принятии его в качестве архиепископа Вильнюсской области в свою юрисдикцию. Как отмечает современный литовский исследователь, в своих действиях архиепископ Феодосий рассчитывал на поддержку государства, представляя свои действия «как первый шаг к независимости от Московского Патриарха Сергия не только Вильнюсской области, но и всей исторической Православной Церкви Литвы» (57). Нельзя сказать, что этот расчет был беспочвенный. «В политических кругах Литвы сразу заинтересовались сепаратистскими планами Феодосия. Так, его поддержать предложил министр Внутренних дел; известный историк Аугустинас Янулайтис тоже призвал общественность позаботиться о том, чтобы возросшая православная церковная организация не повредила

государству» (57). «Православная Церковь Литвы,- писал этот историк в правительственном офицозе «Летувос айдас»,- должна быть одна, автокефальная, подчинённая Константинополю». Мы помним, что ещё в первые годы независимости «важной целью правительства христианских демократов стало отделение Литовской православной Церкви от Московского Патриархата» (59). Но тогда реализации этой идеи помешала потеря Вильнюса и Вильнюсского края. Правительство видело в независимой от Польши Православной епархии союзника в дипломатической борьбе за возвращение потерянной территории. Теперь же – с обретением потерянного – нужда в таком союзнике отпала и вполне вероятно, что Литва в дальнейшем пошла бы по пути своих ближайших соседей – Польши, Латвии и Эстонии, ставших на путь отделения Православной Церкви от Москвы, если бы власть снова не переменилась. Провозглашение в Литве Советской Социалистической Республики и включение её в состав СССР (3.08.1940 г.) поставило крест на планах автокефалистов и на деятельности 76-летнего архиепископа Феодосия.

Что же касается печально известного архимандрита Филиппа (Морозова), то Московская Патриархия, которой Литовский Епархиальный Совет направил дело отца архимандрита, отнеслась к принятию его в общение осторожно.

«...Характер отпадения о. Филиппа в Католичество и всё последующее поведение в автокефалии, - писал по этому поводу Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей митрополиту Елевферию, - делают необходимым обусловить обратное принятие о. Филиппа принесением им всенародного в храме покаяния, с ясным объявлением своих канонических против Святой Церкви прегрешений и с клятвенным уверением в полной искренности своего покаяния...». Ибо, при знакомстве с историей его переходов, «естественно закрасться в душу подозрению, нет ли и под настоящим обращением о. Филиппа тоже какой-нибудь «концепции»; искренне ли его покаяние, надёжны ли его обеты? ...Смущает и его легкомыслие в обращении со святынею веры, почти равное неверию». 15 марта 1940 г. вышло постановление (за №6): «Направить настоящее дело в Литовский Епархиальный Совет, как первую инстанцию церковного суда...». Однако проведению этого суда помешало начало II мировой войны, и, как писал современник о. архимандрита прот. Лев Савицкий, «дальнейшая судьба о. Филиппа нам неизвестна».

Приступив (13.10.1939 г.) к управлению бывшей Виленской епархией, митрополит Елевферий, прежде всего, озаботился ВОССТАНОВЛЕНИЕМ КАНОНИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ возвращённых приходов. Своей резолюцией от

21 октября 1939 г. (за № 412) он утвердил постановление Литовского Православного Епархиального Совета, в котором говорилось: «Принимая во внимание, что кафедральный город Вильна и приходы Виленской области входили ранее в состав, так называемой, «Польской Православной Автокефальной Церкви» и, имея в виду, что блаженной памяти Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон, Указом своим от 24.V. 1924 г. за № 244, не преподал своего

Митрополит Елевферий с Каунасским духовенством и прихожанами.

святительского благословения на самостоятельное существование Православной Церкви в Польше и что, несмотря на это, церковные власти самочинно учредили «Православную

Автокефальную Церковь в Польше» и тем самым вошли в канонический разрыв с Матерью Русской Церковью, - Епархиальный Совет должен рассматривать присоединяющиеся приходы и духовенство, как находящиеся вне общения с Московской Патриархией и потому определяет: 1) Все церковные установления, положения и распоряжения... объявляются неканоническими, и потому не имеющие силы, а все учреждения..., как то: «Виленская Духовная Консистория» и др. считаются упразднёнными.... 3) Священноцерковно-служители присоединяющихся приходов, желающие войти в общение с Матерью Церковью, подают на имя ...митрополита Елевферия письменные просьбы о зачислении их в юрисдикцию Московской Патриархии. ...И просят... о принятии в общение с каноническим священноначалием, в грехе разрыва с которым они каются и сожалеют». В распространенном Епархиальным Советом циркуляре (№ 1274 от 7.12 .1939 г.) отмечалось, что «Литовская Епархиальная Власть, вступив в управление Виленской частью епархии, вынуждена отнестись с чрезвычайной осторожностью к воссоединению духовенства с Матерью Церковью, дабы не произвести в будущем соблазна среди верующих масс и прекратить деятельность духовенства в направлении, приносящем открытый вред Православию».

Некоторые современные исследователи счи-

тают, что «ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ в 1918-1940 гг. можно определить как состояние застоя: маленькой Литовской епархии, отделённой от Московской патриархии, недоставало жизненного импульса. В Каунасе оставалась лишь небольшая группа связанной с Церковью интеллигенции, поэтому в епархии не получала развития теологическая мысль, не хватало её «потребителей». На смену старого поколения духовенства, получившего высшее теологическое образование в царской России, приходили либо самоучки, сумевшие сдать экзамен епархиальной комиссии, либо духовенство, окончившее краткосрочные пастырские курсы. Внутреннее состояние епархии становилось всё более критическим: священники небольших сельских приходов бедствовали, духовной семинарии не было, не хватало кандидатов на пастырские курсы, с большим трудом распространялись несколько сотен экземпляров религиозного ежесемьячника. Отсутствие политического лоббизма, крепких культурных центров, нехватка русских школ оказали влияние на идентитет православных: если явно он не исчезал, то и не укреплялся» (57). Этими словами в пору и заключить характеристику описываемого периода в жизни православной Литовской епархии. Следует только добавить, что в столь бедственном положении Церкви нет большой вины церковного священноначалия и самих

православных. Таковы были внешние условия жизни. Ожидать какого-то существенного развития в описанных выше условиях не приходится. Поэтому встаёт вопрос: уместно ли слово «застой» для характеристики данного периода в жизни епархии? Термин «застой», как обычно представляется, более применим к внутренней бездеятельности, косности, нежели к ситуации, где развитие отсутствует в силу внешних обстоятельств. В любом случае, церковная жизнь в этот период, вопреки всем трудностям, все же жила: существовало управление, существовали курсы, училища, и пастырские курсы действовали, и отношение с государством было не самым худшим, и даже дискуссия и борьба за каноническую законность имели место, что тоже не характерно для состояния застоя. Что же касается идентичности, то таковой зависит не только от наличия образовательных школ или материального положения. Апостолы Христовы не оканчивали духовных семинарий, а в их идентичности христианскому званию разве кто сомневается? Что же касается православных Литвы, то нельзя не отметить, что при всех их немощах (а таковые были во все времена и не только у православных) они в большинстве своём всё же устояли и перед католическим прозелитизмом, и перед навязыванием Унии, и перед соблазном Автокефалии. Исключения вроде архимандрита

Филиппа (Морозова) только подтверждают мысль о том, что идентичность Православию не зависит от школьного образования: он был ведь муж учёный, ректор Духовной Семинарии. Да и сама автор процитированного выше пассажа в другом месте справедливо отмечает: «Православная Церковь была одной из наиболее влиятельных сил, дававших возможность представителям Русской общины Литвы устоять против ассимиляции». Ассимиляция и есть потеря своей национальной и вероисповедной идентичности. Но если Православная Церковь могла помогать русской общине устоять против ассимиляции, значит с идентичностью у неё не так уж плохо было. Другое дело, что сам «идентичность» далеко не соответствует Идеалу, но это произошло не в межвоенный период истории и не только с православными. В имеющейся же мере идентичность не был потерян даже в гораздо худшее время - во время советской атеистической власти.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, в своём первом пришествии, наступила для Литвы 21 июля 1940г., когда Народный Сейм провозгласил Литву Советской Социалистической Республикой и она вступила в состав СССР. На территории Республики обрели силу основные законы, действовавшие к тому времени в Советском Союзе, в том числе законы и постановления (вместе с гласными и не гласными

инструкциями к ним) касающиеся религии и Церкви. А они, как известно, были весьма не благоприятными для Церкви. Уже в ноябре 1940 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров (№ 353), а 31 октября - указ Президиума Верховного Совета ЛССР о национализации, вследствие чего Церковь была лишена недвижимого имущества. Даже храмы стали «достоянием народа» и лишь давались Церкви государством в бесплатное пользование. Приходы лишились и тех небольших земельных владений, которые им оставила прежняя власть, а священнослужители (и управленческий аппарат) остались, по сути дела, без средств существования, так как, исходя из Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (от 23. 01.1918), никаких субсидий от государства религиозным обществам не предусматривалось. Единственной формой содержания приходов и духовенства стали добровольные пожертвования прихожан и средства, получаемые от продажи свечей и другой церковной утвари. А так как православных к тому времени в Литве имелось лишь немногим более 1% от общего населения (по данным 1923 г), то и материальных средств к существованию у Православной Церкви, опять же, было на много меньше, чем, скажем, у Католической. Кое-кто из духовенства, чтобы выжить и прокормить семью (реже под воздействием атеистической пропаганды), стали остав-

лять служение в Церкви и приискали светскую работу. При поддержке государства началась атеистическая пропаганда и агитация по закрытию храмов. В среде духовенства начались поиски неблагонадёжных, вызовы в НКВД и первые аресты. Так, был арестован бывший военный священник Литовской армии Стефан Семёнов, а его семья вывезена на Алтай. «Приходская жизнь замерла, люди были запуганы» (57). К тому же 31 декабря 1940 г. на 72 году жизни скончался митрополит Елевферий, и епархия на непродолжительное время лишилась своего архипастыря.

В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

Московская Патриархия на похороны почившего Владыки и для временного управления епархией направила архиепископа Дмитровского СЕРГИЯ (Воскресенского). Спустя некоторое время он был возведён в сан митрополита и назначен Экзархом Прибалтики, т.е. управляющим трёх прибалтийских епархий.

Родился будущий Экзарх в 1897 г. в семье протоиерея. По окончании Духовной Семинарии поступил в Московскую Духовную Академию, но закончить её не успел (проучился всего два курса), так как в 1920 г. Академия была закрыта. В том же году поступил на историко-

Митрополит Сергей
(Воскресенский)

филологический факультет Московского Университета, но опять же со второго курса был исключён (в 1922 г.) как сын священнослужителя. В 1925 г. принимает монашество с именем Сергей и вскоре становится иеромонахом. В 1930 г. - он уже архимандрит, а спустя три года - хиротонисан во епископа Коломенского. С 1937 г. - архиепископ Дмитровский, Управляющий делами Московской Патриархии. Это была, характеризует его один из современных ему клириков, «личность весьма незаурядная, - и на виленцев произвела сильное впечатление: молодой, привлекательной наружности, с архипастырской осанкой, с сознанием собственного достоинства, крупный администратор, к тому же талантливый проповедник, обладающий приятным голосом; казалось, - прибыл к нам архиерей «Божией милостью»...» (40). Но в то же время эта личность оказалась весьма загадочной и трагичной. О личности митрополита Сергея до сих пор нет определённого мнения: одни считают его изменником Родины, сознательно сотрудничавшим с гитлеровцами в годы

оккупации, другие – что он был завербован НКВД и специально оставлен на оккупированной территории, третьи – что это был человек, поставивший благо Церкви выше своего имиджа и своей безопасности, и сотрудничество его с немцами было притворным. Приводят даже будто бы сказанные им по поводу немцев следующие слова: «Не таких обманывали – с НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно» (1). Известный церковный писатель и богослов прот. И. Мейендорф высказывает предположение, что сотрудничество Экзарха Прибалтики митрополита Сергия с немцами осуществлялось с ведома другого Сергия – Патриаршего Местоблжистителя митрополита Сергия (Страгородского). «Ловкость» митрополита Сергия, – пишет он, – проявилась... в 1941 г., когда его Экзарх в Прибалтике, митрополит Сергей «младший» (Воскресенский), остался в оккупированных областях и возглавил возрождение Церкви под немцами. Трудно представить, чтобы это делалось без ведома Сергия «старшего» (См. «Послесловие» к кн. Л.Регельсон «Трагедия Русской Церкви»).

В любом случае, когда началась Великая Отечественная война, «при приближении гитлеровских войск Сергию было приказано эвакуироваться. Вместо этого он скрылся в крипте рижского собора» (38). Оставшись на оккупированной территории, он вступил в контакт с

немецкой администрацией и заявил о своей готовности сотрудничать с новой властью. Германия, заняв Прибалтику и Белоруссию, образовала на их территории т.н. «Остланд» («Восточный край»), подчинённый III Рейху, и начала обустраивать здесь жизнь на принципах нацистской идеологии и в соответствии с обстоятельствами военного времени. Отношение к Церкви у оккупационных властей не было однозначным. Указание самого Гитлера относительно религиозной политики на захваченных территориях сводилось к следующему: «Мы должны избегать, чтобы одна церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту... Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола» (Цит. по Л.Регельсону). Таковую же политику – «разделяй и властвуй» – проповедовал и имперский комиссар А. Розенберг. Ей же должен был следовать и рейхскомиссар Прибалтики и Белоруссии Х. Лозе. Но митрополиту Сергию удалось убедить комиссара сохранить целостность **ПРИБАЛТИЙСКОГО ЭКЗАРХАТА** и его подчинённость (в духовном плане) Московскому Патриархату, несмотря на то, что Латвийский и Эстонский митрополиты ратовали за создание независимых от Московской Патриархии национальных церквей, в кано-

ническом отношении подчинённых Константинопольскому Патриарху. 12 сентября 1941 г. митрополит Сергей обратился к немецким властям с докладной запиской, в которой указывал, что переход Латвии и Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриарха не в интересах Германии, так как Западно-европейский Экзарх Константинопольского Патриарха имеет резиденцию в Англии и тесно связан с английским враждебным Германии правительством. Что же касается Московской Патриархии, то она фактически противостоит безбожной советской власти, подчиняясь ей только внешне, и может быть идеологическим союзником освободителей в их войне с безбожной властью. Доводы митрополита показались немецким властям резонными и, таким образом, ему удалось «сохранить каноническое подчинение Прибалтики Московской Патриархии, т.е. оставить Прибалтику экзархатом Русской Православной Церкви, а его, Сергея, её экзархом». Ему также удалось убедить немцев «не дробить Церковь на части по национальному и территориальному признаку, так как это было бы нарушением канонов и иерархического порядка церковного управления. Сергей предупредил, что всякое вмешательство немцев в церковное управление, как, например, разрыв канонических связей с Москвой, будет использовано советской пропагандой, как доказа-

тельство порабощения Церкви оккупационными властями» (38).

Этот успех митрополита Сергея объясняется, однако, не только его дипломатическими способностями, но и далеко идущими планами Рейха. 20 июня 1942 г. в Остминистерстве состоялось совещание по вопросу церковного устройства в Остланде. Выработанная на нём **КОНЦЕПЦИЯ** относительно Прибалтики сводилась к следующему: «1. Оккупационные власти считали для себя выгодным объединение всех православных вокруг Московского Экзарха с целью выселения их после войны в Рейхскомиссариат Москвы. 2. Во время войны они не считали столь важным, кому номинально подчинялся Экзарх в Прибалтике – Москве или Константинополю, тем более что пребывание Экзарха Константинопольского Патриарха в Лондоне действительно не могло быть им приятно. 3. Такая политика давала возможность оккупационным властям подчёркивать свою веротерпимость и использовать полностью антикоммунистические выступления Экзарха Сергея в пропагандных целях» (39). Если предположить, что митрополит Сергей (Воскресенский) вёл с немцами свою игру, а не служил им верой и правдой, то, как видим, и немцы вели с митрополитом собственную игру, используя его в своих целях. По мнению современного литовского исследователя Р.Лаукайтиса, «остав-

ляя Экзархат под юрисдикцией Московской Патриархии, немецкая власть добилась важной цели: втянула духовенство всего оккупированного региона в антикоммунистическую пропаганду. До этого в ней активно участвовали только духовенство, подчинённое Зарубежному Синоду Православной Церкви. В Советском Союзе этот Синод не имел авторитета... Таким образом, появление митрополита Сергия на стороне немцев было немалой удачей на пропагандистском фронте». Все эти обстоятельства и обусловили то, что, вопреки исходному принципу «разделяй и властвуй», в Прибалтийском регионе немецкие власти отступили от него и оставили Прибалтийский Экзархат Московской Патриархии нераздельным, а митрополита Сергия (Воскресенского) в его сущем сане – Экзархом Прибалтики. Когда в 1942 г. митрополит Эстонский Александр (Паулус) решил порвать с Экзархом Московского Патриарха и восстановить автокефалию, «немецкие власти постановили, что митрополиты Александр и Августин должны именоваться соответственно митрополитами Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, так как Митрополитом всех трёх прибалтийских стран является Сергей» (38). Заметим, что в то же самое время немецкие власти всячески способствовали возникновению автокефальных церквей в Белоруссии и в Украине. В ведении же митрополита Сергия кроме

Прибалтики находились Псковская, Новгородская и частично Ленинградская области. Между прочим, именно в этих областях труды митрополита Сергия увенчались наибольшим успехом. Ещё в августе 1941 г. при содействии оккупационных властей была учреждена «Православная миссия в освобождённых Российских областях» или т.н. «Псковская миссия» (т.к. штаб её в начале находился в г. Пскове), которая, наряду с прочими делами, занималась вопросами восстановления церковной жизни в указанных выше областях. В регионе, где оставалось не более пяти приходов «к концу немецкой оккупации число священников ... возросло до 175, а число приходов до 200» (38).

Для управления текущими делами в епархиях Прибалтики у митрополита Сергия имелись викарные епископы. В Литовской епархии таковым был епископ Даниил (Юзьвяук) – воспитанник Литовской Духовной Семинарии (закончил в 1905 г.), преподававший в 1905-1913 гг. в Виленском Духовном училище, а с 1924 по 1940 – в Литовской Духовной Семинарии. Рукоположен во епископа митрополитом Сергием в Риге, в 1942 г.

Как уже косвенно отмечалось выше, немецкая церковная политика в оккупированных областях во многом определялась прагматическими соображениями. Рассчитывая использовать Православную Церковь в целях антиболь-

шевиетской пропаганды, оккупационные власти с самого начала толерантно (если не более) относились к усилиям священноначалия возродить церковную жизнь приходов и Церкви в целом. Мы уже упоминали, что верховный начальник т.н. «Восточных территорий» А. Розенберг «был воинствующим атеистом, ненавидящим христианство и в особенности Католическую Церковь. Он презирал всё русское и славянское до такой степени, что Православие считал всего лишь «красочным этнографическим ритуалом». Поэтому, по его мнению, немецкие администраторы могут относиться к таким обрядам терпимо и даже поощрять их как средство, обеспечивающее повиновение славянского населения» (38). В виду же означенных выше целей, в июне 1942 г. Розенберг составил своего рода эдикт веротерпимости, которым должны были руководствоваться комиссары оккупированных областей в своём отношении к Церкви. «Из-за вмешательства Бормана эдикт этот никогда не был напечатан, а Кох и Лозе опубликовали свои сокращённые версии этого эдикта» (38). О некоторых положениях этих эдиктов можно судить по рекомендациям, содержащимся в письме Розенберга к рейхс-комиссарам Остланда и Украины (от 13 мая 1942 г.), которые, в изложении исследователя, сводятся к следующему: «1.Религиозным группам категорически воспрещалось заниматься поли-

тикой. 2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен был особенно строго соблюдаться при подборе возглавителя религиозных групп... 3.Религиозные общества не должны были мешать деятельности оккупационных властей» (39). Более же полно о сути этого эдикта мы можем судить по постановлении рейхс-комиссара Остланда Хинриха Лозе (от 13 июня 1942 г.) «О правовом положении религиозных обществ», которым руководствовалась в то время и православная Литовская епархия. Мы приводим полный текст этого документа, в виду того, что издание, в котором «ПОСТАНОВЛЕНИЕ» было напечатано на русском языке (машинописный номер «Литовских Епархиальных Ведомостей», Вильна, Свято-Духов монастырь, 1 июня 1943 г. , № 1), сохранилось до нашего времени в, возможно, единственном экземпляре. «На основании п. 2-го постановления Рейхсминистра занятых восточных областей от 21-го февраля («Вестник Рейхсминистерства Востока», стр.11) об установлении правовых норм в занятых восточных областях, я постановляю о внешнем правовом положении религиозных обществ следующее:

П.1.(1). Религиозные общества, которые со времени вступления в силу сего постановления уже существуют в занятых восточных областях,

должны быть заявлены в трёхмесячный срок со времени вступления в силу сего постановления генеральному комиссару, в округе которого они имеют своё местопребывание.

(2). Заявку обязаны сделать правление или прочие уполномоченные на представительство лица или органы. В заявке должны содержаться следующие данные:

а) название, пространство деятельности и место пребывания религиозного общества;

б) вероисповедание или религиозная ориентация;

с) правление, прочие уполномоченные лица или органы, а также их обязанности и круг их задач;

д) принадлежащие к обществу местные религиозные объединения.

(3). Генеральный комиссар может потребовать представления дальнейших сведений и разъяснений.

П.2.(1). Учреждение новых религиозных обществ нуждается в разрешении рейхскомиссара.

(2). Ходатайство о разрешении учредить новое религиозное общество подаётся генеральному комиссару, в округе которого предположено иметь его местопребывание.

П.3.(1). Для замещения должности члена правления религиозного общества требуется, чтобы генеральный комиссар по общеполити-

ческим соображениям не отвёл кандидата на такую должность.

(2). Член правления религиозного общества утрачивает свою должность, если генеральный комиссар отводит его по общеполитическим соображениям.

П.4. Религиозные общества и их общие и местные органы и должностные лица должны в деятельности своей ограничиваться исполнением религиозных задач.

П.5.(1). В случаях нарушения предписаний этого постановления, особенно в случаях нарушения сферы деятельности религиозных обществ, их органов и должностных лиц, генеральным комиссаром могут налагаться денежные штрафы.

(2). Религиозное общество может быть распущено рейхскомиссаром, если оно не ограничивает своей деятельности исполнением религиозных задач или если оно угрожает общественному порядку и безопасности.

П.6. Генеральные комиссары издадут инструкции для приведения его постановления в исполнение.

П.7. Настоящее постановление вступает в силу в день его объявления. Одновременно упраздняются противоречащие ему установления.

Рига, 18 июня 1942 г.
Рейхскомиссар Остланда ЛОЗЕ».

Руководствуясь первым параграфом этого Постановления, митрополит Сергей в сентябре того же 1942 г. сделал заявку Литовской православной епархии. «По смыслу этой заявки: 1) Единственный предстоятель, управитель и представитель епархии есть епархиальный архиерей; ему присвоен исторический титул епископа (эвентуально архиепископа или митрополита) Литовского и Виленского. 2) На должности епархиального архиерея в настоящее время состоит Митрополит СЕРГИЙ (Воскресенский). Состоящий одновременно на должности Экзарха (правлящего митрополичьим округом, к которому принадлежат Литовская, Латвийская и Эстляндская епархии). 3) На свои должности митрополит Сергей был назначен своим Кириархом. Местоблюстителем Патриаршего Престола Российской Православной Церкви; он последнему юрисдикционно подчинён и канонически перед ним ответственен; впредь до восстановления сношений с ним или с его преемником Митрополит Литовский в своей должностной деятельности автономен. 4) В пределах Литовской епархии Митрополиту присвоены все права и обязанности, причитающиеся в Российской Православной Церкви епархиальному архиерею, епархия которого входит в управляемый им митрополичий округ; эти права и обязанности определяются первично преданием и установлением Вселенской Право-

славной церкви, а субсидиарно – преданием и установлениями Российской Православной Церкви. 5) В качестве архипастыря и управителя епархии Митрополит осуществляет в пределах своей епархии верховное право священнослужения, рукоположения, учительства, представительства, распоряжения, суда, надзора, посещения, запрещения, помилования, повышения и награждения. 6) Епархиальному архиерею (митрополиту) в отпращивании его должности содействует vicарный архиерей и от четырёх до шести пресвитеров. 7) Vicарный архиерей и члены епархиального совета назначаются митрополитом с предварительного согласия Генерального Комиссара в Ковне и увольняются либо по его усмотрению, либо по требованию Генерального Комиссара в Ковне, либо по собственному желанию. 8) Vicарный архиерей исполняет поручения, которые ему даёт епархиальный архиерей; в случае отсутствия епархиального архиерея из Литвы, его представляет в Литве vicарный архиерей; в случае и на время вдовства Литовской епархии, vicарный архиерей принимает на себя управление ею. 9) Епархиальный совет есть совещательный и исполнительный орган, действующий под председательством епархиального архиерея и состоящий в подчинении ему; в отсутствии епархиального архиерея в епархиальном совете председательствует vicарный архиерей, а в отсутствии также

и последнего – назначенный епархиальным архиереем товарищ председателя; товарищ председателя помогает епархиальному или éventуально викарному архиерею в управлении канцелярией. 10) В настоящее время: а) на должности викарного архиерея состоит епископ Даниил (Юзьвюк), имеющий титул Епископа Ковенского; б) в состав епархиального совета входят следующие пресвитеры: товарищ председателя Протоиерей Лука Голод, члены: Протопресвитер Василий Виноградов, Протоиерей Иосиф Дзичковский, Протоиерей Нил Кульчицкий» (ЛЕВ, 1943. №1).

Вместе с изложенным выше «Постановлением» Рейхскомиссара этим документом и определялось правовое положение Литовской епархии в Остланде и её структура управления. Приходская же жизнь епархии регулировалась «ВРЕМЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ О ПРИХОДАХ», изданным Литовским епархиальным управлением за подписью митрополита Сергия. Оно, как сказано в первом пункте, «устанавливается в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени», и эти обстоятельства наложили заметный отпечаток на его содержание. Так, относительно приходских собраний сказано, что «созыв Общих Приходских Собраний воспрещается: изъятия из этого правила допускаются лишь в чрезвычайных случаях и лишь с особого каждый раз разрешения Епархиального

Архиерея и гражданской власти» (п.3). «Разрешая созыв приходского собрания, Епархиальный Архиерей назначает его председателя, которому даёт предписание о том, для рассмотрения каких именно дел данное собрание созывается и какой именно порядок надлежит соблюдению на таковом» (п.7). Обстоятельства военного времени объясняется и принцип назначения, а не избрания, доминирующий во «Временном положении». Например: «Светские члены Приходского Совета назначаются Епархиальным Архиереем сроком на один год...; они представляются к назначению приходским настоятелем через благочинного» (п.12). Характерно и следующее положение: «Настоятель прихода и Приходской Совет сносятся с Епархиальным архиереем не иначе, как через благочинного; последний сопровождает своими отзывами их ходатайства, представления, доклады и отчёты» (п.19). В целом, «Временное положение», состоявшее из 24 пунктов, содержало указания относительно Приходского Собрания, Приходского Совета, Благочинного и Ревизионной Комиссии, т. е. регулировало основные моменты жизнедеятельности приходов. Действие его распространялось на весь Прибалтийский Экзархат.

Автор настоящего очерка не располагает какими-либо данными о числе приходов и священнослужителей в нашей епархии в годы

немецкой оккупации Литвы. Можно думать, что это число не слишком отличалось от числа по состоянию на 1939 г., которое указывалось выше. Имеются также статистические данные, относящиеся к 1948 г.: в епархии действовало 60 зарегистрированных церквей – 44 приходских, 14 приписных и 2 молитвенных дома. Окормляли эти приходы 48 священников. А поскольку в первые послевоенные годы храмы ещё не закрывались, то можно считать, что и в годы немецкой оккупации на территории Литовской епархии имелось около 60 православных приходов.

Как и в предшествующие годы лихолетья, в данный период перед священноначалием Литовской епархии довольно остро стояла ПРОБЛЕМА КАДРОВ. В XIX в. Литовская епархия имела свою Духовную Семинарию, готовившую необходимых священнослужителей, а в случае нехватки – сюда свободно приезжало духовенство из других епархий Русской Православной церкви. В начале XX в. Духовные Семинарии в СССР были ликвидированы, Литовская же Духовная Семинария на какое-то время стала достоянием Православной Церкви в Польше, а к началу войны тоже перестала функционировать. С началом военных действий количество священнослужителей несколько пополнилось за счёт беженцев из соседних республик Советского Союза (Белоруссии, Украи-

ны и др.), но нехватка священнослужителей оставалась одной из первостепенных проблем, которую необходимо было решать митрополиту Сергию. И она в известной мере решалась: сперва кандидаты в священнослужители готовились в Риге, а в конце 1942 г. немецкий режим разрешил митрополиту Сергию организовать пастырско-богословские курсы в Вильнюсе, при Свято-Духовом монастыре. Правда, эти курсы в основном предназначались для подготовки «кандидатов священства для всего Экзархата Литвы, Латвии и Эстонии и Православной Миссии в пределах освобождённых русских областей» и основным «потребителем» была именно Миссия, но частично они работали и на нужды Литовской епархии. Организация курсов и руководство процессом обучения было возложено на бывшего профессора Московской Духовной Академии, «благополучно выбравшегося из большевистской России», протопр. В. Виноградова. В числе преподавательского состава находились и знакомые нашему поколению лица: прот. Иосиф Дзичковский, прот. Лев Савицкий, прот. Лука Голод, А.Я. Яблонский и др. Открытие состоялось 22 января 1943 г.. В первый год обучения на курсы было принято 33 человека в возрасте от 19 (четыре чел. были моложе 19) до 45 лет. («Вестник Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области» за апрель 1943 г. указывает число слу-

шателей в количестве 40 чел.). Первый выпуск (27 чел.) состоялся 27 апреля 1944 г.. Курсы просуществовали до 1945г. У нас нет данных, все ли приходы были обеспечены священниками, но в целом можно считать, что митрополиту Сергию удалось сохранить функционирование приходов и даже оживить их деятельность. «Оккупационная власть в Литве избегала религиозных конфликтов... Не без её участия настоятели призывались активнее действовать на приходах (организовывать обучение религии во всех школах, оживить благотворительность и т.п.), могли заботиться о душепопечении бежавших с фронта русских и белорусов». Говоря о положении в целом, можно сказать словами цитируемого выше автора: «... В годы Второй мировой войны немецкие власти в Литве не дискриминировали православных и даже считались с их религиозными потребностями, однако взамен требовали лояльности и идеологической поддержки» (57). О том же, что планировали немецкие власти сделать с православными в случае победного окончания войны, нами уже упоминалось.

Однако положение на фронте со временем складывалось явно не в пользу немецко-фашистских войск. Возник и ряд других обстоятельств, заставивших оккупационные власти Остланда более недоверчиво (доверия не было с самого начала) относиться к православному

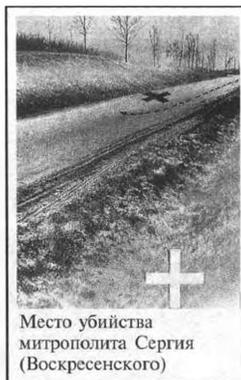
Экзарху Прибалтики митрополиту Сергию. Не находили подтверждения заверения митрополита Сергия в том, что Московская Патриархия является идеологическим союзником нацистской Германии в «освобождении народов от безбожного большевизма». Ещё в первый день Великой Отечественной войны Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский) обратился к своим «пастырям и пасомым» с посланием, в котором призвал православный народ на защиту Отечества. «Православная Церковь всегда разделяла судьбу народа, - говорилось в послании, - ...Не оставит она народа своего и теперь... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу». В другом послании (от 24 ноября 1941 г.) митрополит Сергей выступил с разоблачением лживости заявлений гитлеровской пропаганды: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния...». Так что, если в начале немецкая администрация Остланда и могла поверить Сергию-младшему, что Московская Патриархия является их потенциальным союзником в борьбе с советским режимом, то теперь «вещь истина» говорила им, что это не

так. 22 сентября 1942 г. Патриарший Местоблюститель (и 12 других епископов) однозначно осудили епископов Прибалтики, возглавляемых митрополитом Сергием (Воскресенским) за их сотрудничество с врагом. Ситуации ещё более обострилась после того, как на состоявшемся в Москве (8 сентября 1943 г.) Архиерейском Соборе митрополит Сергей (Страгородский) был избран Патриархом Московским и всея Руси. «Немцы хотели, конечно, чтобы избрание Сергия в патриархи было объявлено недействительным, но экзарх Сергей отказался выступить с таким заявлением» (38). Тогда немцы обратились к Карловацкому Синоду (состоявшем из бежавших из Советской России архиереев, объявивших себя «Русской Православной Церковью Заграницей»), который с готовностью откликнулся, и на «Архиерейском совещании», состоявшемся 8-13 октября того же года в Вене, объявил избрание Патриарха недействительным. «Венское совещание и его постановления поставили митрополита Сергия в Прибалтике в очень сложное положение. Совещание явно было результатом политического решения нацистских верхов. Противодествовать ему значило противостоять немецкой высокой политике. И всё же митрополит Сергей решительно осудил постановления Венского совещания в отношении митрополита Сергия (Страгородского) и его избрания патриархом.

В неопубликованной беседе (или меморандуме), найденной в немецких военных документах, митрополит Сергей (Воскресенский) убеждал немцев, что необходимо признать избрание патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: допущение патриарха, возрождение Церкви, мол, являются доказательством полного банкротства коммунизма и надо доказывать, что возрождение Церкви неизбежно приведёт к гибели коммунизма.

Эта линия митрополита Сергия... стоила ему жизни» (38). Митрополит Сергей 28 апреля 1944 г. на пути из Вильнюса в Ригу был убит выстрелами из обогнавшей его машины. Немцы объявили, что убийцами были партизаны, переодетые в немецкую форму, а «в историографии это преступление приписывается гестапо» (57).

Согласно правовому положению, о котором мы уже говорили, «в случае и на время вдовства Литовской епархии, викарный архиерей принимает на себя управление ею» (п.8). Таковым, как известно, был епископ Ковенский ДАНИИЛ

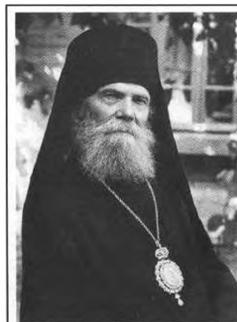
Место убийства
митрополита Сергия
(Воскресенского)

(Юзьвюк). Прот. Лев Савицкий, современник описываемых событий, в своей работе «Летопись церковной жизни...» указывает, что имелось и

Погребение митрополита Сергия (Воскресенского).

завещание покойного Экзарха, в котором было сказано, «что в случае его смерти в правление Экзархатом вступает епископ Даниил Юзьвюк, с присвоением ему титула архиепископа». Собственно, это было не только личное завещание митрополита, но и исполнение постановления Совещания епископов т.н. освобождённых областей, состоявшегося в Печёрах в конце августа 1943 г. На это указывал сам владыка Даниил, объясняя (26 мая 1944 г.) своё вступление в должность Зам. Экзарха Прибалтики: «Основываясь на постановлении Архирейского Совещания, Высокопреосвященнейший Экзарх

Архиепископ Даниил
(Юзьвюк)

29 октября 1943 г. составил... Завещание, причём на первом месте назвал... имя нашей мерности, одновременно возведя нас в сан архиепископа Ковенского и поручив нам временное управление Литовской Епархией. Не имея канонических оснований уклониться от исполнения обязанностей, возложенных на нас завещательным распоряже-

нием Высокопреосвященнейшего Экзарха, мы, приняв сан архиепископа Ковенского, вступили в должность Заместителя Экзарха и Временного Управляющего Литовской Епархией, о чём и объявили Указом нашим от 8 мая 1944 г. за № 374-1». Архиепископ Даниил, как упоминалось выше, в церковных кругах Литовской епархии был хорошо известен. Прот. Лев Савицкий, служивший под его началом, даёт ему самую лестную характеристику: «...настоящий монах, молитвенник..., человек строгой принципиальности, неподкупной честности». Но проявить эти свои качества в звании Временного Управляющего Литовской епархией архиепископ Даниил не успел. К середине июля 1944 г. Литва

была уже освобождена от немецко-фашистских захватчиков Советской Армией, и здесь вновь установилась советская власть. Литовская епархия вновь оказалась не только в номинальном, как это было в годы немецкой оккупации Литвы, но и в административном подчинении Московской Патриархии. Архиепископу Даниилу ничего хорошего это не сулило. Ему было известно, что ещё в сентябре 1943 г. собор епископов Русской Православной Церкви принял постановление относительно духовенства, вступившего в сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами, в котором говорилось, что виновные в измене общецерковному делу и перешедшие на сторону фашизма будут восприниматься как противники Креста Господня и будут считаться отлучёнными от Церкви, а епископы и священники – лишёнными сана. А ещё ранее (22 сентября 1942 г.) по той же причине Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей запретил священнослужение митрополиту Литовскому и Виленскому Сергию (Воскресенскому), по завещанию которого епископ Даниил стал архиепископом и временно управляющим Литовской епархией. Сознывая всё это, владыка Даниил «с приближением фронта... покинул Вильню» (40). В 1946–1950 гг. он управлял Полесской епархией, находившейся в юрисдикции Польской Церкви, а затем более 15 лет находился на покое. Скончался в 1966 г.

В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Очень короткое время – до апреля 1945 г. Литовскую епархию временно возглавлял Пресвященный Василий (Ротмистров), бывший архиепископ Минский и Белорусский, а 13 апреля 1945 г. на Литовскую кафедру был назначен бывший архиепископ Сумской КОРНИЛИЙ (Попов). Именно ему выпала нелёгкая доля налаживать церковную жизнь в трудные послевоенные годы, да ещё при атеистической власти. Правда, в первые послевоенные годы эта власть всё ещё оставалась благодарной РПЦ за её патриотическую позицию в годы войны и относилась к Православной Церкви гораздо терпимее, чем в предвоенные или позднейшие 50-ые

Архиепископ Корнилий
(Попов)

годы. Некоторые авторы сравнивают этот период (лет 15-20 после войны) с периодом НЭПА в экономике Советской России 20-ых годов, называя его «церковный нэп», другие – периодом «относительного церковного расцвета» (22). Действительно, в этот не очень продолжительный (с 1943 по 1958 гг.) период число при-

ходов в РПЦ возросло (согласно официальной статистике) с 10544 в 1946 г. до 14447 в 1949 г. и до 22000 – в 1957г. В первые послевоенные годы открылось 8 Духовных Семинарий и 2 Духовные Академии, совершен целый ряд епископских хиротоний, образован Отдел внешних церковных сношений, налажено издание ежемесячного «Журнала Московской Патриархии». Государство ещё в годы войны (8.09.1943 г) для осуществления прямой связи с Церковью образовало «Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнарком СССР».

Естественно, что эта политика «церковного нэпа» имела место и в Литовской ССР. В январе 1945 г. здесь начал работу республиканский Уполномоченный Совета по делам РПЦ. Современный литовский исследователь Р. Лаукайтис утверждает (будем надеяться, что она располагала данными, подтверждающими это утверждение), что Уполномоченный «потребовал от руководства православной епархии начать борьбу с «реакционным католичеством», т.е. заняться критикой его догм, дискредитацией Католической Церкви и т.п.». Вероятность такой установки, в общем-то, не исключается. Обращает на себя внимание хотя бы то обстоятельство, что ВАТИКАНСКАЯ ТЕМАТИКА (с антиватиканским уклоном) превалировала на таком значимом в жизни РПЦ событии, как, приуроченное к юбилею 500-летия Автокефалии Русской Церкви, Совещание Глав и Представителей поместных Православных церквей, состоявшемся в июле 1948 г. в Москве. Во вступительном слове, обращаясь к участникам Совещания, Патриарх Московский и всея Руси Алексий в числе первостепенных проблем, ставших «перед лицом Православной Церкви во всей своей значительности и остроте», обозначил «проявление особой активности со стороны Ватикана». «Путём политических интриг и исключительно мирскими средствами римское папство старается повсюду разложить православное единство. Вместо мирной и кроткой, в духе Христовом, церковной проповеди, папство развивает через свои многочисленные разветвления пропаганду, прибегая при этом к созда-

менный литовский исследователь Р. Лаукайтис утверждает (будем надеяться, что она располагала данными, подтверждающими это утверждение), что Уполномоченный «потребовал от руководства православной епархии начать борьбу с «реакционным католичеством», т.е. заняться критикой его догм, дискредитацией Католической Церкви и т.п.». Вероятность такой установки, в общем-то, не исключается. Обращает на себя внимание хотя бы то обстоятельство, что ВАТИКАНСКАЯ ТЕМАТИКА (с антиватиканским уклоном) превалировала на таком значимом в жизни РПЦ событии, как, приуроченное к юбилею 500-летия Автокефалии Русской Церкви, Совещание Глав и Представителей поместных Православных церквей, состоявшемся в июле 1948 г. в Москве. Во вступительном слове, обращаясь к участникам Совещания, Патриарх Московский и всея Руси Алексий в числе первостепенных проблем, ставших «перед лицом Православной Церкви во всей своей значительности и остроте», обозначил «проявление особой активности со стороны Ватикана». «Путём политических интриг и исключительно мирскими средствами римское папство старается повсюду разложить православное единство. Вместо мирной и кроткой, в духе Христовом, церковной проповеди, папство развивает через свои многочисленные разветвления пропаганду, прибегая при этом к созда-

нию преднамеренно ложного или соблазнительного осведомления о положении Православных церквей. Помимо такой недуховной и нецерковной деятельности имеет место и насильственное отторжение от Православия православного населения». В центр внимания участников Совещания были представлены доклады «Ватикан и Православная Церковь» (протопр. Г. Костельника) и «Ватикан и Православная Церковь в Болгарии» (митр. Пловдивского Кирилла).

У Православной Церкви, и в частности у РПЦ, и без подсказки государственных органов было немало претензий к «папству». Знали и помнили православные, что «нескрываемое удовольствие испытал Римский престол от падения царской власти и (что) незамедлил (он) вступить в переговоры с советским правительством» (58). «Все латинские католики вздохнули, когда произошла Октябрьская революция...» - говорил Экзарх русских католиков Леонид Фёдоров в марте 1923 г. - Я сам приветствовал с энтузиазмом декрет отделения Церкви от государства... Только под советским правительством, когда и Церковь, и Государство были отделены, мы могли вздохнуть свободно». Но все мы знаем, как дышалось в это время Русской Православной Церкви. И это стремление Ватикана построить своё счастье на чужом несчастье оставило у православных устойчивое горькое чувство. Исследователи указывают, что «душой, главной

пружиной этой папской «Ostpolitik» был некий иезуит, француз, епископ д'Эрбиньи, специально уполномоченный Римским Папой вести переговоры с кремлёвскими руководителями для широкого распространения католичества и тем самым вытеснения Православия из России и русских душ. С этой целью д'Эрбиньи трижды отправлялся с дипломатическим паспортом, выданным Францией, в Советский Союз, где он совершил несколько архиерейских хиротоний с конечной целью представить состав русского католического духовенства, приемлемого для советской власти» (16). Только в конце 1929 г., убедившись в тщетности сотрудничества с новой властью в России, Ватикан стал публично и без обиняков выступать против бесчинств советской власти, которых до этого как бы и не замечал. Поэтому у православных были в то время основания считать, что Ватикан «... старается использовать гонение на Русскую Православную Церковь... в корыстных целях воинствующего католицизма» (митр. Антоний Храповицкий). Но вполне возможно, что ватиканская тематика могла быть «подсказана» церковному руководству и Советом по делам Русской Православной Церкви, ибо у Советской власти были свои счёты с Ватиканом. Последний, хотя и с немалым опозданием, всё же, как писала советская пропаганда, объявил «крестовый поход» против коммунизма (имеются в виду обращение

Папы Пия XI от 2 февраля 1930 г. и его же энциклика «Дивини редемпторис» («Божественное искупление») от 19 марта 1937 г.). Позднее, в годы Второй мировой войны, Папа Пий XII, хотя и провозгласил политику нейтралитета Католической Церкви, тем не менее, как отмечают исследователи, «на первом этапе войны, ознаменовавшимся успехами фашистов, существовало полное молчаливое согласие между Пием XII и немцами» (11). По свидетельству личного секретаря Папы, «Пачелли ни на один миг не забывал о роковой опасности коммунизма...». «Конечно, Гитлер и национал-социализм являются тем, чем они есть. Но это скоро минует. Нельзя упускать из виду, что предстоит более серьёзная и опасная задача, именно столкновение с коммунизмом», — предостерегал Папа руководителей антигитлеровской коалиции (цит. по И. Григулевич, «Папство. Век XX»). Понятно поэтому, что советское государство видело в лице Римско-Католической Церкви своего идеологического противника и имела интерес включить в идеологическую борьбу с Ватиканом Русскую Православную Церковь, у которой, как мы только что отметили, было своё недовольство действиями Ватикана. Что же касается критики «реакционного католичества» в Литовской епархии, то, помимо всего прочего, она могла объясняться ещё и, так сказать, специфичностью здесь

взаимоотношений Католической и Православной Церкви, которым веками присуща была взаимная критика и противостояние, а также «специфичностью» архиепископа Корнилия. Дело в том, что последний по окончании Духовной Семинарии в течение нескольких лет занимался миссионерской деятельностью, что наложило заметный отпечаток на характер его проповедей и на его позицию по отношению к иноверцам в целом. Вот что пишет его современник прот. Лев Савицкий: «Приходится отметить одну характерную черту его проповедей: обличение иноверцев, в частности — римокатоликов. Это не удивительно, так как большую часть своей деятельности на Ниве Христовой он посвящал миссионерству. В Вильнюсе подавляющее большинство жителей римокатолики, семьи смешанные, и проповеди обличительного характера не всегда производили благоприятное впечатление». Как видим, критика в адрес Католической Церкви из его уст не обязательно должна была быть заказной. Однако в любом случае, такая воинствующая позиция по отношению к Католической Церкви, хотя, как мы сказали выше, и была в духе того времени, всё же, как справедливо отметил о. Лев, вряд ли была полезна и уместна, ибо она ещё более увеличивала традиционную нелюбовь последней к православному и давала повод католическому населению Литвы считать Право-

славную Церковь орудием Советской власти. В целом же следует воздать должное труженикам того времени: административная, душепопечительная и хозяйственная жизнь епархии в годы пребывания на Литовской кафедре архиепископа Корнилия (апрель 1945 – ноябрь 1948) фактически была налажена. «Много труда и средств надо было отдать на восстановление величественного храма Виленской обители, но уже в ...1947 г. ...ремонт указанного храма был закончен, произведён он за счёт средств, отпущенных Святейшим Патриархом Алексием, а также – верующих» (40).

Но главным, в духовном плане, событием тех лет было ВОЗВРАЩЕНИЕ в Вильнюс МОЩЕЙ свв. мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, состоявшееся 26 июля 1946 г. Православные Литвы уже не один десяток лет обращались к церковной и гражданской власти с просьбой о возвращении в Литву мощей святых Виленских мучеников. Неоднократно этот вопрос ставился ещё перед Польским правительством. Так в постановлении Виленской Духовной Консистории от 4 декабря 1922 г. (журнал № 24) читаем: «От имени епархии возбуждались в разных инстанциях ходатайства о возвращении в Вильнюс св. мощей, но до последнего времени все эти ходатайства успеха не имели. Постановили: Возбудить новое ходатайство перед Польским Правительством, - о соответствующих сноше-

ниях, - с целью возвращения св. Мощей в Вильнюс» (ВВВ, 1922, № 3). Учитывая, однако, состояние отношений между Советской Россией и Польшей, а также незаинтересованность Польского правительства в содействии православным Литвы, не приходится удивляться, что и это ходатайство осталось тщетным. Только после Второй мировой войны осуществилось желанное возвращение святыни. Этому «деятельно содействовал» (52) Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский). Если учесть, что Патриарх Алексей не так давно (10.04.1945 г.) удостоился благосклонной встречи с самим И.В.Сталиным, то его деятельное содействие, конечно, внесло неоценимый вклад в положительное решение просьбы Церкви о возвращении мощей. Современный литовский исследователь Р.Лаукайтис полагает, что здесь имели место и иного рода причины. «В целях укрепления структуры и престижа Православной Церкви, - пишет она, - в Вильнюс были возвращены мощи православных святых, была открыта духовная семинария, восстановлены и отремонтированы церкви, пострадавшие от военных действий». Заинтересованность союзного центра в том, чтобы Православная Церковь в Литве сохранилась, конечно, имелась, но не из любви к Православию, а из нелюбви к Католической Церкви, безраздельное господство которой над умами и сердцами верующих представлялось

Москве опасным. Пеклось ли советское атеистическое государство в этой ситуации об укреплении структуры и престижа Православной Церкви в Литве? - Озвученные автором этой мысли доводы об этом не свидетельствуют. Разве не открывались Духовные семинарии в России, Белоруссии, Украине? Разве не восстанавливались там храмы и приходы? Что же – и там советская власть заботилась об укреплении и престиже Православной Церкви? – Весьма сомнительно. Было бы вернее сказать, что все эти «блага» советской власти объясняются политикой «церковного нэпа», о которой говорилось выше. Реальным благом этой политики было то, что государство дало Церкви относительную свободу действий, не препятствовало какое-то время налаживанию церковной жизни. В Прибалтике послаблений было больше, но опять же не ради престижа Православной или иной Церкви, а ради престижа советского государства, так как Прибалтика в советское время была своего рода «Заграницей», визитной карточкой СССР в глазах Европы. Здесь верующим дозволялось то, что не дозволялось в центральной России; даже в годы т.н. «хрущёвского гонения» на Церковь формы и размах его здесь были менее brutальные, чем, скажем в Белоруссии и Российской Федерации. Следует отметить и то обстоятельство, что Литовская епархия как епархия Русской Православной

Церкви, ставшей ещё со времён митрополита Сергия (Патриаршего Местоблюстителя) на путь мирного сосуществования с советской властью, не представляла для последней такой опасности, как Католическая Церковь, поэтому основное «внимание» уделялось последней, и все притеснения и ограничения в первую очередь направлялись на неё. Так что за «широкой спиной» Католической Церкви православной епархии, действительно, дышалось несколько легче. Но, с другой стороны, с самого начала местные «руководители Коммунистической партии Литвы и Совет Министров вовсе не были заинтересованы в укреплении позиций Православия в Литве» (57). Достаточно указать, что именно по настоятельному требованию Совета Министров Литовской ССР была закрыта Вильнюсская Духовная Семинария (в августе 1947 г.) и делались неоднократные усилия к закрытию Свято-Духова монастыря. Так что даже в период послевоенной «оттепели» священноначалию нашей епархии довелось трудиться далеко не в тепличных условиях. Даже сами обстоятельства возвращения св. мощей, которые якобы возвращались «в целях укрепления структуры и престижа Православной Церкви», однозначно об этом свидетельствуют. Получив из Москвы извещение о том, что св. мощи прибывают в Вильнюс самолётом 26 июля, архиепископ Корнилий обратился к республи-

канскому уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви за разрешением встретить мощи свв. Виленских мучеников на аэродроме и торжественно крестным ходом препроводить их в Свято-Духовскую церковь, но получил отказ: минимум огласки. Понятно, что и средства массовой информации (газеты, радио) не оповестили об этом долгожданном для православных событии. Тем не менее, «на встречу святыни в ограде Свято-Духова монастыря и на прилегающих к нему улицах собрались тысячные толпы народу» (52). Память о святых угодниках Божиих не померкла в сердцах верующих, несмотря на более чем 30-летнее их отсутствие и происшедшие перемены, наоборот, - пребывание святых мощей в Москве обрело новую известность. Эта известность была двоякого рода. Во-первых, и сами мощи, и икона с их частицами прославились новыми чудесами: исцелениями болящих, прибегавших к помощи свв. мучеников. Во-вторых, они вошли в историю в связи с т.н. «ДЕЛОМ ВИЛЕНСКИХ УГОДНИКОВ» - судебным процессом, состряпанным следователем Народного Комиссариата Юстиции (далее НКЮ) «по особо важным делам» тов. Шпицбергом. Суть дела, в формулировке этого следователя, состояла в том, что «игуменя Владимиром-Екатерининского монастыря... Серафима, получив от патриарха Тихона частицы мощей т.н. виленских угодников Иоан-

на, Антония и Евстафия, занимается спекуляцией на почве распространения религиозных суеверий среди отсталых крестьянских масс о чудесных явлениях, происходящих с большими после прикосновения их к этим предметам». К такому заключению следователь по особо важным делам пришёл в виду следующих обстоятельств. У раки свв. Виленских мучеников, которая находилась в Донском монастыре г. Москвы и была доступна для молящихся, в 1919 г. произошло несколько исцелений. Свидетельницей одного из них была уроженка Смоленщины Евдокия Андреевна Волкова. Ей, как она позднее пояснит на допросе, «очень захотелось привезти частицу мощей Виленских угодников в ту местность, откуда я сама прихожу». Она обратилась к настоятельнице Владимиром-Екатерининского женского монастыря (на Смоленщине) с предложением отвезти в Москву, имевшуюся в монастыре икону св. Виленских мучеников с тем, чтобы вложить в неё частицу мощей этих святых. Получив от игуменни благословение и образ свв. Виленских мучеников и привезя его в Москву, Евдокия обратилась со своей просьбой к управляющему Донским монастырём архиеп. Назарию, а последний, в свою очередь, доложил о поступившей просьбе Святейшему Патриарху. Святейший Патриарх Тихон не только дал благословение, но и лично принял благочестивую ста-

рушку. В конце августа 1919 г. икона с вложенной в неё частицей мощей свв. Антония, Иоанна и Евстафия вернулась во Владимиро-Екатерининскую обитель. Спустя некоторое время игуменья Серафима в письме Святейшему Патриарху сообщала следующее: «...Принесли к образу святых мучеников больного мальчика пятнадцатилетнего, жителя станции Уваровки, у которого как два года ноги были без движения. Отец больного на руках поднёс мальчика к образу мучеников, он приложился к святому их образу и тут же почувствовал движение в своих ногах и встал. Теперь мальчик этот ходит без помощи других». А так как вся входящая и исходящая корреспонденция Патриарха перлюстрировалась работниками ВЧК, то 19 мая 1920 г. НКЮ получил предписание «собрать весьма точные сведения об обстоятельствах инсценировки указанных в письме «чудес», причём ставится вам задачей разоблачить эту грубую инсценировку, несомненно, имевшую место, если только самоё письмо Серафимы не является сплошной выдумкой, ... произвести надлежащее дознание, могущее дать материал для изобличения виновных по обвинению их в шантаже под религиозным флагом...». Шантаж, по определению, это – «запугивание, угроза разглашения позорящих, компрометирующих сведений (действительных или ложных) с какой-либо определённой целью» («Словарь иностранных слов»). В чём заклю-

чался шантаж процитированного выше сообщения игуменья Серафимы, понять вряд ли возможно, тем не менее, Народный суд г. Москвы признал её виновной и в «религиозных шантажах», и «в контрреволюционных действиях». Виновными были признаны и мощи свв. Виленских мучеников. Суд постановил: «Так называемые «мощи виленских угодников», а в действительности «мумифицированные трупы», передать в музей древности. Брошюры «Страдания виленских мучеников»... уничтожить». Патриарх Тихон, обращаясь с жалобой на это решение к Председателю ВЦИК М.И. Калинину, писал: «...Что касается постановления суда о передаче мощей свв. Виленских мучеников в музей, то я со всей решительностью протестую против этого. Святые мощи – предмет культа, им место в храмах, а не в музеях. Никакого обмана или подделок при освидетельствовании их не оказалось, и подвергать их «ссылке» не за что. Да и помимо всего мощи сии находятся здесь временно (эвакуированы из Вильно в 1915 г.), не составляют собственности РСФСР, а принадлежат Церкви, находящейся в Литовском государстве, и подлежат возврату в Вильну...». Тогда, в 1920 г., протест Патриарха Тихона, в отношении которого органы тоже готовили уже «дело», остался не услышанным. И только спустя 26 лет святые мощи Виленских угодников были возвращены в Литву.

Для православных нашего края новое обретение мощей свв. Антония, Иоанна и Евстафия явилось великой радостью и утешением. Да и не только для верующих нашей епархии. Развёр-

26 июля 1946 года. Прибытие мощей св. мучеников Антония, Иоанна и Евстафия в Свято-Духов монастырь.

нутая в Советской России в 1919-1920 гг. кампания по ликвидации мощей свв. угодников Божиих не прошла бесследно: многие епархии лишились своих святынь. В Литву вплоть до конца XX в. (до распада СССР) поклониться мощам свв. Виленских мучеников приезжали богомольцы со всех концов Советского Союза. День возвращения мощей (26-го июля) стал в епархии ежегодным праздником, более массовым и торжественным, чем день мученической кончины

страстотерпцев – 27 апреля.

По возвращении из Москвы святые мощи были временно помещены на солее Свято-Духовского храма, а в начале 1949 г. рака с мощами была перенесена в отреставрированную к этому времени пещерную церковь, где они находились до их эвакуации в Москву.

В конце 1948 г. архиепископ Корнилий был переведён на Горьковскую кафедру, а на Литовскую назначен архиепископ ФОТИЙ (Топиро). Он управлял епархией три года, до декабря 1951 г. включительно. Это был ещё период «сталинской оттепели», но «первые звоночки» уже прозвучали: в 1948 г. была закрыта приходская церковь в Ужпалай, приписные (т.е. обслуживаемые священниками соседних приходов) храмы в Биржай, Пасвалисе и Дукштасе; в 1949 г. – приходские церкви в Алитусе и Меркисе, Тихвинская часовня на Евфросиньевском кладбище в Вильнюсе. Давали о себе знать и проблемы иного характера: в епархии нехватало священнослужителей, недовоставало сил и средств на восстановление постра-

Архиепископ Фотий (Топиро)

давших в годы лихолетья церквей. По состоянию на 1949 г. в епархии имелось 48 священников (и 6 диаконов) на 60 зарегистрированных церквей. Это значит, что 12 храмов (и 2 молельных дома) были приписными, т. е. не имели своих постоянных священников, и прихожане этих церквей обслуживались по возможности священниками из других приходов.

Но были и отрядные события. Так, несмотря на материальные затруднения, к концу 1951 г. был полностью восстановлен существенно пострадавший во время войны Александро-Невский храм женского Маринского (св. Марии Магдалины) монастыря.

Будучи архиепископом Литовским и Виленским владыка Фотий вплоть до конца 1951 г. исполнял и обязанности Экзарха Московской Патриархии в Западной Европе. Но в конце 1951 г. был освобождён от обоих послушаний и переведён на Львовскую кафедру, где вскоре (20-го августа 1952 г.) и скончался. «Медленный в движении и разговоре, сухой в обращении с подчинёнными, не терпящий возражений, характера скрытого и подозрительного, Владыка не вызывал среди большинства окружающих особого расположения, а посему и отъезд его во Львов был воспринят довольно равнодушно» (40).

С февраля 1952 г. по август 1955 г. Литовская епархия временно управлялась архиепископом Рижским ФИЛАРЕТОМ (Лебедев).

Родился Александр Михайлович (мирянское имя Владыки) в Рязани (в 1887 г.) и там же окончил (в 1908 г.) Духовную Семинарию, но большую часть дальнейшей жизни провёл в Латвии. Здесь он был рукоположен во иерея (в 1914 г.), здесь с 1915 по 1918 годы служил полковым священником. Затем, по независящим от него обстоятельствам, должен был выехать из Латвии. В 1946 г. о. Александр овдовел и спустя некоторое время, 20 апреля 1948 г., принял монашеский постриг с именем Филарет, а вскоре (7 мая 1948 г.) состоялось наречение его во епископа Рязанского и Косимовского. И вот, спустя 20 с небольшим лет (в марте 1951 г.), жизнь вновь привела его в Латвию, в качестве архиепископа Рижского и Латвийского. Вдовствующей, после архиепископа Фотия, Литовской епархией он управлял по совместительству и не долго (в течение трёх лет), но успел сделать для неё очень важное дело: исхлопотал у Московской Патриархии значительную дотацию на ремонт вильнюсских храмов. Именно в годы его управления и был фактически закончен

Архиепископ ФИЛАРЕТ
(Лебедев)

Архиепископ ФИЛАРЕТ (Лебедев)

ремонт столичных церквей. Значимость этого дела определяется не только сутью сделанного, но и своевременностью: вскоре, в результате изменения политики Государства по отношению к Церкви, Московской Патриархии запрещено было выделять епархиам дотации.

Это ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ связано со временем так называемых «хрущёвских гонений». «Сталинская оттепель», о которой говорилось выше, вовсе не означала прекращения идеологической борьбы с религией и Церковью: она была вызвана историческими обстоятельствами (войной) и носила прагматический характер. Антирелигиозная деятельность, несколько обузданная в военные и послевоенные годы, со смертью Сталина (в 1953 г.) вновь была в скором времени востребована Коммунистической партией. За какие-то 10-12 лет (с 1942 г.) жизнь полностью опровергла основные постулаты марксизма-ленинизма об отмирании религии. Становилось очевидным, «что в стране начинается победное шествие религии, к которой примыкают и которую поддерживают достаточно широкие круги народа, начиная с рабочих и колхозников и кончая квалифицированной интеллигенцией» (22). Такая ситуация не могла не волновать верных ленинцев, в том числе и пришедшего к власти Н. С. Хрущёва, который ещё при жизни Сталина зарекомендовал себя «большим стали-

нистом, чем сам «отец народов» (29). Уже 7 июля 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», в котором призвал «покончить с запущенностью антирелигиозной работы» и наметил целый ряд мероприятий, направленных на то, чтобы «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачить реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан нашей страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве». Вдохновленные «новым» веянием, антицерковники на местах так рьяно взялись за дело, что спустя четыре месяца ЦК пришлось принять корректирующее постановление (от 10 ноября 1954 г.) «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». «Оба постановления..., по существу, пересматривали, перечёркивали сложившиеся при Сталине в 40-ых годах, новые, довольно доверительные взаимоотношения государства и церкви» (1). «Разница в церковной политике Сталина и Хрущёва состояла в том, что Сталин, увидев во время Отечественной войны реальные силы воздействия Церкви на народ, решил использовать её патриотизм в интересах государства и ради этого установил кое-какой «модус вивенди» для Церкви в системе тотальной диктатуры. Хрущёв и его группа

коммунистических фундаменталистов и фанатиков из идеологического отдела ЦК партии во имя утопического проекта построения атеистического коммунистического общества в СССР решили уничтожить Церковь – единственное, как они думали, историческое и идеологическое препятствие их амбициозным планам» (7).

Архиепископ Филарет управлял Литовской епархией в первые годы перехода к этой новой политике, потому успел ещё сделать то благое дело, о котором сказано выше. Его преемнику епископу (с 1957 г. архиепископ) АЛЕКСИЮ (Дегтяреву) пришлось управлять епархией уже в более трудное время, хотя и годы его управления падают на время перехода от, так сказать, «мирного сосуществования» государства с Церковью к активному наступлению государства на

позиции Церкви. При владыке Алексии было ещё закончено благоустройство женского Мариинского монастыря, открыта после капитального ремонта Свято-Тихоновская часовня на Евфросиньевском кладбище в Вильнюсе, начато строительство двухэтажного (один этаж предназначался для свя-

Архиепископ Алексий

ценнослужителей, второй – как гостиница для паломников) домика на территории Мариинской обители. Но это были уже последние созидательные деяния в жизни епархии в советский период: в дальнейшем приходилось заботиться более о выживании, нежели о созидании.

Интересна биография архиепископа Алексия. Он родился в Литве (в Вильнюсе) в 1889 г. Здесь же окончил классическую гимназию и морское училище дальнего плавания в г. Либаве (в 1911 г.). Революция в России и события происшедшие в Европе, коренным образом изменили жизненный курс морского офицера: в начале 40-ых он оказался в Чехословакии в обители преп. Иова Почаевского (Карловацкой юрисдикции). Здесь в 1935 г. он принял монашество с именем Алексия (мирское имя было Александр) и через три года стал иеромонахом. Вторая мировая война застала его уже в Египте, в качестве настоятеля православной (состоящей в основном из российских эмигрантов) общины в г. Александрии. Эту общину в 1945 г. посетил, совершая паломническую поездку по странам Ближнего Востока, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. В результате община во главе со своим настоятелем иеромонахом Алексием изъявила желание перейти в юрисдикцию Московского Патриархата. До этого времени община находилась под опекой т.н. Зарубежного (по-другому – Карловацкого)

синода. «В день Вознесения Господня состоялось принятие александрийской православной общины в юрисдикцию Московской патриархии» (50), а сам о. Алексей через год возведен был в сан архимандрита. Карловчане, обозлившиеся на о. Алексея за его «измену», стали ему «пакости десяти»: писать на него доносы гражданским властям, выставляя его, как опасного для государства человека. В конце концов, эти доносы возымели действие. Когда началась война с Палестиной и в стране начали действовать законы военного времени, архимандрит Алексей был арестован как опасный элемент и без суда и следствия брошен в тюрьму. Вот как описывал позднее эти события сам Владыка: «В августе 1948 г. я был арестован на дому арабской полицией и препровождён в арабскую крепость Ком Эль Дин (в Александрии). Арестован я был обманным путём, т.к. мне было заявлено, что я еду в гувернат для делового свидания с представителем Министерства внутренних дел полковником Эйзад-беем. На самом же деле меня отвезли в крепость и передали начальнику тюрьмы». Девять месяцев томился будущий архипастырь «в каменном мешке» Александрийской тюрьмы (где сильно подорвал своё здоровье) пока не был освобождён (в мае 1949 г.) как советский подданный и отправлен в СССР.

В ноябре 1949 г. архимандрит Алексей был откомандирован в близкую ему Чехословакию

в распоряжение Экзарха РПЦ в Чехословакии митрополита Елевферия (Воронцов). Вскоре (3 февраля 1950 г.) здесь состоялось наречение архимандрита Алексея во епископа Пряшевского и его хиротония (12 февраля). «На Пряшевской кафедре еп. Алексей пробыл до осени 1955 г., а затем вернулся в СССР, где вскоре же по его возвращении Святейший Патриарх и Священный Синод поручили ему временно управлять Виленской епархией, а в ноябре того же года удостоили его епископом Виленским и Литовским» (ЖМП, 1959, №6). Так закончилось «дальнее плавание» А. Дегтярёва: покинув Литву морским офицером, он, спустя почти полвека, вернулся сюда кормчим древней Литовской епархии. Здесь, на родной земле, он и почил в Бозе (19 апреля 1959 г.).

За три с небольшим года своей архипастырской деятельности архиепископ Алексей успешно продолжил дело своего предшественника архиепископа Филарета: восстановление храмов епархии. По его ходатайству Московская Патриархия умудрялась ещё переводить необходимые средства на эти нужды, так что благополучно отремонтированы были находящиеся в плохом состоянии провинциальные храмы. Незадолго до смерти Владыка Алексей с удовлетворением докладывал Святейшему Патриарху, «что 3-х летний план восстановления храмов епархии закончен благополучно» (40).

ПРЕЕМНИКОМ архиепископа Алексия стал эстонец по национальности архиепископ **РОМАН** (по паспорту – Роман Иоганович Танг). Происходил (родился на острове Эйзеле в 1893 г.) он из смешанной в религиозном плане семьи (отец – лютеранин, мать – православная) служащего и очень рано остался без отца. По окончании общеобразовательной школы, сам стал служащим – работал в судебном ведомстве. В Первую мировую войну находился в рядах русской армии. Война и последовавшие затем перемены заставили Романа Иогановича задуматься о дальнейшем

Архиепископ Роман
(Танг)

жизненном пути. И здесь дала о себе знать заложенная матерью, весьма набожной и трудолюбивой женщиной, в детскую душу любовь к Церкви: свою дальнейшую жизнь он решил посвятить служению Православной Церкви. Своим благочестием и силой веры он обратил на себя внимание церковного священноначалия и в 1930 г., будучи celibатом, был рукоположен во иерея и назначен для служения в Пюхтицкий женский монастырь, а

через некоторое время – на приходское служение в г. Йыхви. В том и другом месте он зарекомендовал себя, как достойный служитель Христовой Церкви. Поэтому, когда в 1949 г. встал вопрос о подходящем кандидате на пост епископа Таллинского, выбор пал на о. Романа: достойного священнослужителя и человека, знающего страну и язык её коренного населения. В 1950 г. состоялась его хиротония во епископа Таллинского и Эстонского, затем он был викарием митрополита Ленинградского, епископом Ивановским, епископом Курским и, наконец, снова был направлен в Прибалтику – епископом Виленским и Литовским. Следует отметить, что в епархию нашу он прибыл серьёзно больным уже человеком (болел сахарным диабетом), а после перенесённой тяжёлой операции вообще «стал заметно слабеть». «Епархиальным делам уделял мало внимания, полагаясь на помощь окружающих лиц» (40)

НО НЕ ТОЛЬКО плохим состоянием здоровья правящего архиерея объясняется «мёртвый сезон» в жизни епархии в эти годы. Существенно изменилась к тому времени атмосфера жизнедеятельности Церкви в целом. «Уже к концу 1959 г. обнаружилось, что власть, поняв неудачу своих трёхлетних попыток – ограничить и идеологически разоружить религию, начинает переходить в открытое наступление, в «любовую атаку», базирующуюся, главным образом, (если

отбросить всю словесную маскировку происходившего) на голом администрировании и беззаконии, а также на совершенно цинично-откровенном насилии, вопреки собственным законам и собственной Конституции» (22). С 1958 г. был увеличен налог на свечное производство Московской Патриархии и вообще на доходы Церкви, что существенно осложнило и подорвало её экономическое положение, на что, собственно, и было направлено это действие. Инструкцией от 16 марта 1961 г. реанимировалось законодательство 1929 г., запрещавшее организовывать в приходах какую бы то ни было благотворительную деятельность, а «религиозным центрам» запрещалось «представлять финансовую помощь приходам и монастырям, которые не пользуются поддержкой местного населения». Постановление Совета Министров СССР, подписанное Н. С. Хрущёвым с пометкой «не для печати», фактически запрещало колокольный звон («принять решение об ограничении колокольного звона») и «пробовало провести в 1961 г. учёт религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества (как известно, такого рода учёты использовались для закрытия церквей). Оно подтверждало налогообложение духовенства и всех церковных доходов по статье 19 указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г., т.е. с максимальным налогом в 81%» (38). Непомерно воз-

росло вмешательство Совета по делам РПЦ во внутреннюю жизнь Церкви. В так называемом «Открытом письме», написанном в ноябре 1965 г. священниками Н. Эшлиманом и Г. Якуниным, эта ситуация излагается следующим образом: «Совет по делам Русской Православной Церкви коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа-посредника в орган неофициального управления Московской Патриархией. Ныне в Русской Церкви создано такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от... административного вмешательства со стороны Совета по делам Русской Церкви, его уполномоченных и местных органов власти, вмешательства, направленного на разрушение Церкви...». Что положение было таковым, видно и из слов самого Патриарха Московского и всея Руси Алексия, который в беседе с заместителем Председателя Совета по делам РПЦ В.Фуровым, состоявшейся 10 апреля 1961 г., говорил: «Уполномоченные, выполняя волю местных органов власти, стали командовать епархиями, не считаясь с желанием верующих сохранить церкви и молитвенные дома. Правящим в епархии считается архиерей, но архиерей в настоящее время не управляет, а архиерействует, а уполномоченный управляет». Ещё раньше уполномоченные Совета по делам РПЦ были наделены правом регистрации приходской общины (без чего приход не мог ле-

реально существовать), а также осуществляли регистрацию (выдавали подтверждающую «Справку») священнослужителей, без которой последние не могли приступить к исполнению своих обязанностей. Это ставило духовенство в зависимость от уполномоченного, который мог не дать необходимую «Справку» или аннулировать таковую за какую-либо действительную или надуманную провинность. В этот период, вошедший в историю как «период крушёвских гонений на Церковь», была закрыта значительная часть монастырей, духовных семинарий, сокращено число епархий, закрыто много православных храмов. Статистика свидетельствует, что за 10 лет (с 1953 по 1963 г.) число приходов РПЦ сократилось на 40%. Из восьми имевшихся до этого семинарий, пять (Ставропольская, Саратовская, Киевская, Луцкая, Минская или Жировицкая) были закрыты. Закрыто было более 30 монастырей, а в оставшиеся (осталось 16) запрещено было принимать лиц моложе 30 лет. Власти требовали от священноначалия РПЦ частого перемещения архиереев с кафедры на кафедру (с тем, чтобы не создавались прочные контакты с верующими и общественностью вообще), а священников – с прихода на приход. В этот период под давлением властей Русская Православная Церковь вынуждена была даже изменить устав своей деятельности – «Положение об управлении Русской

Православной Церковью» – в той его части, которая касалась положения настоятеля прихода. Выставлено было требование привести «Положение» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях», которое устраняло священнослужителей как лиц, не имевших избирательного права, от участия в хозяйственных делах приходов. По настоянию властей 18 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре был проведён чрезвычайный Архиерейский Собор. «Это совещание с трудом может быть названо собором, – напишет позднее о нём канадский исследователь проф. Д. Поспеловский, – поскольку епископы приехали по телеграммам от Патриарха, в которых ничего не говорилось о цели вызова». «...В присутствии трёх представителей правительства, сидевших за отдельным столиком за спиной епископов» (13), Святейший Патриарх Алексий так изложил подоплёку этого Собора: «В апреле этого года Совет по делам Русской Православной Церкви известил нас о том, что Совет Министров СССР вновь обратил внимание на многочисленные случаи нарушения со стороны духовенства советского законодательства о культах и указал на необходимость внести надлежащий порядок в жизнь приходов, а именно в вопросе восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части финансово-хозяйственной деятельности, в соответствии с

законодательством о культах». Необходимо было изменить статус настоятеля прихода: предлагалось «освободить» его от управления приходом, от участия в финансово-хозяйственной деятельности прихода, оставив за ним лишь заботу «об удовлетворении религиозных нужд прихожан». «Настоятель храма, - говорилось в новой редакции «Положения», - памятуя слова апостола: «А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (Деян.6,4) - осуществляет духовное руководство прихожан, наблюдает за благолепием богослужений, за своевременным и тщательным удовлетворением религиозных нужд прихожан». Фактическое же руководство приходом по новому «Положению» передавалось всецело в руки мирян - Приходскому Совету, практически - Исполнительному Комитету, состоявшему из трёх человек: старосты, помощника старосты (или секретаря) и казначея, избираемых Приходским Советом из числа прихожан. Уполномоченные и местные власти всеми правдами и неправдами старались провести в эту тройку своих людей, нередко - совершенно не церковных, так что интересы этого руководства зачастую не совпадали с интересами Церкви и верующих. «Устранение настоятелей и клириков от административно-хозяйственных дел ставило их в ложное положение, затрудняло и в духовном окормлении паствы; власть старост, не всегда имевших твёрдые христианские

убеждения, приобрела неподобающие, непомерные масштабы» (50). Утешением была лишь надежда на то, «что лишение священников всякой финансовой ответственности оградит их от обвинений хотя бы в финансовых злоупотреблениях» (38), ибо в предшествующее время по лживым обвинениям в присвоении церковных средств были уже приговорены к тюремному заключению несколько епископов и немало священников. Так что, воистину, «нет худя без добра»: отстранение духовенства от хозяйственно-финансовой деятельности прихода выводило его из-под такого рода обвинений.

Церковь, конечно, пыталась ЗАЩИТИТЬ себя от столь тоталитарного попрапия её прав и свобод, но возможности у неё были не велики. Патриарх Алексей с 1959 г. добивался встречи с Н.С.Хрущёвым, чтобы обсудить назревшие проблемы, но так и не добился. «По всем данным... встреча не состоялась» (38). Оставались без ответа и письменные обращения. «В начале 1960 г. церковное руководство решает вынести вопрос о гонениях на Церковь на суд общественности» (38). Совершенно определённо, хотя и мягко, сделал это сам Патриарх Алексей, выступая на «Конференции советской общественности за разоружение», состоявшейся 16 февраля 1960 г. в Москве. Обрисовав, кратко, но ярко, тот большой вклад, который внесла наша Церковь в становление и развитие Отечества,

Святейший далее заметил: «Правда, несмотря на всё это, Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людей, *от людей же испытывает нападки и порицания* (курсив – наш), тем не менее, она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви». Позднее стало достоянием гласности, пусть даже в не очень широком кругу, заявление восьми архиереев, во главе с архиепископом Калужским Гермогеном (Голубевым), подвергающее критике изменение положения о приходах, проведённое властями через Архиерейский Собор 1961 г.. Ещё больший резонанс получили т.н. «открытые письма» священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, направленные в ноябре 1965 г. руководителям государства, Святейшему Патриарху и всем епархиальным архиереям (вскоре опубликованные также за границей), в которых был представлен богатый фактический материал, свидетельствующий о широком и целенаправленном гонении на Церковь. «Сор», таким образом, был «вынесен из избы», вызвал неблагоприятную для СССР реакцию Запада, и это несколько остудило пыл гонителей. Сыграла свою роль и внешняя политика РПЦ, направленная на создание и укрепление связей с межцерковными, всемирными организациями, позволяющая Церкви выйти за так называемый «железный занавес». Установившиеся внешние контакты, участие РПЦ в международных (церковных) органи-

зациях тоже в какой-то мере связывали руки гонителям Церкви, не желавшим предстать такими в глазах международной общественности. Ленинградские духовные школы, например, в известной мере спасло от их ликвидации своевременное открытие при них факультета для иностранных студентов. Исследователи отмечают, что «к концу 1965 и к началу 1966 г. в антирелигиозной политике советского правительства начали намечаться некоторые изменения. Гонения на Церковь и религию в целом не прекратились, но их интенсивность в некоторых областях и их brutальность начали, как будто бы, спадать» (22).

Хотя в ПРИБАЛТИКЕ, как мы отмечали это выше, наступление на Церковь не было столь масштабным и brutальным, тем не менее местные уполномоченные и другие органы власти старались «идти в ногу» с центром, так что описанная только что ситуация была характерна, пусть даже в более смягчённом варианте, и для Прибалтики. Поэтому 60-ые годы XX века были и в жизни Литовской епархии временем стагнации и потерь. Так, постановлением Совета Министров Литовской ССР от 12 июня 1959 г. был снят с регистрации женский Марие-Магдалинский монастырь. «Его недвижимость, денежные средства, находившиеся на банковском счёту и предназначенные на строительство, переходили в собственность государства. С этим

не хотели мириться верующие. В архиве сохранилось датированное ноябрём 1959 г. письмо прихожан Александро-Невской церкви, адресованное Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущёву. Его авторы – приходская двадцатка – просили не закрывать церковь, восстановленную после войны усердием мариинских монахинь, не выселять их из домов, построенных собственными руками и на средства Православной Церкви» (52). Понятно, что эта просьба осталась «гласом волиющего в пустыне». Участь монастыря и храма была решена: 23 августа 1960 г. часть насельниц монастыря (28 чел.) были переселены в отдельный корпус Свято-Духова мужского монастыря, а часть – нашли пристанище в Пюстицком монастыре в Эстонии. Александро-Невская церковь была закрыта (в последствии в ней устроили клуб для несовершеннолетних преступниц), а в монастырских строениях была размещена колония для трудновоспитуемых девочек. В следующем году была

закрыта одна из древнейших православных святынь г. Вильнюса – церковь Параскевы - Пятницы, в которой в своё время был крещён «арап Петра Великого» И. Ганнибал, прадед великого русского поэта А. С. Пушкина. Закрыты были церкви в г. Каунасе (Воскресенская), Швенченеляй, Побяне и Юрбаркасе (приписные), Свято-Тихоновская часовня на древнем Евфросиньевском кладбище в Вильнюсе. Был ликвидирован т.н. «святая колхоз» – сельскохозяйственная община в пос. Михново, состоявшая в основном из монашествующих и чающих монашеского жития людей.

В связи с закрытием большинства Духовных Семинарий с каждым годом всё острее ощущался дефицит священнослужителей. Старшее поколение постепенно умирало, а восполнять потери удавалось с большим трудом. Власти всеми правдами и неправдами старались не допустить поступления в духовные школы, а с посвящением подходящих кандидатов, не имевших духовного образования, тоже были большие сложности. По данным 1962 г. в епархии имелось 52 храма и лишь 33 священника (и 3 диакона). «Большинство православных приходов Литвы состояло из немногочисленных общин верующих, которые вскоре совсем обеднели...», – пишет местный исследователь Р.Лаукайтис. Поэтому материальное положение духовенства

(напомним, что духовенство находилось на содержании приходов) вследствие этого и особенно вследствие непосильных государственных налогов было довольно плачевным. Руководство епархии, не имея возможности и права оказывать материальную помощь, старалось поддержать его хотя бы морально. Архиепископ Роман, например, был щедр на награды духовенству. «У духовенства, - говорил он, - много невзгод, испытаний и скорбей; пусть хотя бы награды - внимание начальства - подымут их настроение» (40).

13 июля 1963 г. после вторичного кровоизлияния в мозг архиепископ Роман скончался, а уже 3 августа в Литовскую епархию был назначен **НОВЫЙ АРХИПАСТЫРЬ** - Епископ **АНТОНИЙ** (Варжанский). Для него это было первое (оно же оказалось и последним) место архиерейского служения; можно сказать, что он был хиротонисан для Литовской кафедры. До этого Михаил Варжанский (мирское имя Владыки) прошёл немалый (хиротонисан на 73 году жизни) и нелёгкий жизненный путь. По окончании

Архиепископ Антоний
(Варжанский)

Житомирской Духовной Семинарии (в 1911 г.) он обучался в Петербурге в Неврологическом институте, а затем (в 1915 г.) поступил в Юрьевский университет на историко-филологический факультет и до 1917 г. успел успешно пройти 8 семестров. Затем была служба в армии, работа преподавателем, служба в Церкви - псаломщиком и в 1937 г. проследовало рукоположение во священнический сан. До начала Великой Отечественной войны о. Михаил служил на разных приходах Волынской епархии. Буквально на третий день войны о. Михаил овдовел, потеряв матушку при налёте немецких бомбардировщиков. «В период немецкой оккупации был отстранён от служения на приходах, за отказ подчиниться «Автокефальной Украинской Церкви» (40). По окончании войны имел место служения в г. Луцке и до 1958 г. преподавал в Волынской Духовной Семинарии. В 1958 г. был направлен в ГДР, где служил настоятелем православного прихода в г. Дрездана, а позднее в течение года работал секретарём при епископе Берлинском и Германском. По окончании (в 1961 г.) заграничной командировки, в январе 1962 г. был назначен на должность ректора Одесской Духовной Семинарии. Вскоре, однако, 3 августа 1963 г., последовало постановление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода, в котором говорилось, что «ректору Одесской Духовной

Семинарии прот. Михаилу Варжанскому, по пострижении в монашество и возведении в сан архимандрита, определено быть епископом Виленским и Литовским». Этому постановлению способствовало совпадение интересов (хотя и совершенно разных) Церкви и властей предрешающих. Церковь была заинтересована в том, чтобы поставить на Литовскую кафедру образованного и авторитетного архипастыря, власти же не были заинтересованы в том, чтобы такого иметь на посту ректора ОДС, которую они намеревались вскоре закрыть. Так что можно сказать, что при общем согласии 73-х летний маститый старец получил повышение и стал епископом Виленским и Литовским. Вскоре, 25 августа того же 1963 г., «в виду высокого положения Литовской епархии среди епархий Русской Православной Церкви и во внимание к многолетней усердной службе Церкви Божией, епископ Антоний возводится в сан Архиепископа с правом ношения алмазного креста на клобуке» (40). Думается, однако, что слова о высоком положении Литовской епархии в описываемый период являются более «перешитком прошлого», чем действительностью. Известно, и мы об этом говорили, что в предшествующие времена Литовская епархия действительно занимала особое положение, ибо она являлась форпостом Православия на северо-западных рубежах РПЦ. До Октябрьской рево-

люции Московская Патриархия направляла сюда, как правило, маститых и многоопытных архиереев. Советская власть, взяв курс на искоренение религии как таковой, поставила в положение гонимых все исповедания и, таким образом, перед лицом общей беды, отошли на второй план старые обиды и споры, угас пламень соперничества. Католической церкви, как и всем другим, приходилось больше думать о том, как выжить, нежели помышлять о каком-либо прозелитизме. Отношения между католиками и православными в это время были лучше, чем когда-либо, почти братскими. Не единичны были случаи, когда более состоятельные в материальном отношении костёлы, помогали обнищавшим православным приходам с ремонтом церкви или при других обстоятельствах. Поэтому в описываемый период значимость Литовской епархии как форпоста Православия утратила свой смысл. И для многих архиереев назначение на небольшую обнищавшую Литовскую епархию виделось как прешение, опала, или, в лучшем случае, как место временного пребывания в ожидании лучшего назначения. В дальнейшем мы увидим, что некоторые архиереи действительно долго здесь не задерживались. Архиепископ Антоний, к счастью, пробыл на Литовской кафедре почти восемь лет. «За этот период явил себя Владыка твёрдым администратором, проницательным человеком,

духовно строгим, требовательным, но в то же время и справедливым, к своим сослуживцам, вникая в нужды приходов» (40). Годы правления архиепископа Антония падают на вторую половину 60-ых годов прошлого столетия. В политической жизни страны в эти годы произошли существенные перемены: 14 октября 1964 г. был отстранён от власти Н.С. Хрущёв и наступила «эпоха» Л.И. БРЕЖНЕВА, вошедшая в историю как «годы застоя». Эти перемены изменили положение Церкви в лучшую сторону. Прекратилось, например, массовое закрытие храмов, прекратились требования частых переводов архиереев, хотя вмешательство государства, в лице Совета по делам РПЦ, во внутреннюю жизнь Церкви всё ещё сохранялось, правда, происходило оно в более цивилизованной форме. Храмы, закрытые в годы хрущёвских гонений, так и остались закрытыми, а в отдельных случаях закрытие храмов даже продолжалось. В нашей епархии в 1964 г. под предлогом малочисленности прихожан, были закрыты приписные церкви в Каролишкяй и Мариямполе. Следует отметить, что к этому времени, когда ушло из жизни поколение, получившее хоть какое-то религиозное воспитание, число прихожан действительно стало уменьшаться. «Состарились те, кто вернулся в Церковь в военные и послевоенные годы, а приток молодых людей в Церковь почти иссяк; обращения

были немногочисленные, в основном в среде столичной интеллигенции» (50). На положении сельских приходов сильно сказалась миграция сельского населения в города. И хотя «в советский период численность населения русской национальности в Литве возросла в десятки раз, однако число верующих почти не увеличилось... Православная Церковь здесь стала хиреть. Община пришла в упадок, хотя структура Церкви изменилась мало». «Из-за скудного числа верующих и священников изменилась карта приходов епархии: одна за другой церкви превращались в приписные, в результате чего большинству священников, за исключением вильнюсских, приходилось обслуживать по 2-6 храма» (57). Церковь (и не только Православная) в полной мере пожинала плоды секуляризации общества. В такой ситуации наличие во главе епархии умного, культурного, образованного, глубоковерующего и набожного архиерея было немалым благом. Владыка Антоний служил молитвенно, чинно и на его богослужения (а служил он чаще всего в Свято-Духовской церкви и Пречистенском соборе) по-прежнему стекалось много народа, в том числе среднего и ниже среднего возраста.

Основной задачей священноначалия в эти годы оставалось сохранение и обеспечение жизнедеятельности существующих приходов. Таковой она оставалась и для последующих пре-

Еп. Гермоген

Еп. Анатолий

Еп. Герман

Архиеп.
Викторин

емников архиепископа Антония – епископа Гермогена (Орехов; 1971.06.25 – 1972.08.25), епископа Анатолия (Кузнецов; 1972.09.03 – 1974. 09. 03), епископа Германа (Тимофеев; 1974.09.03-1978.04.19), епископа (с 1982 – архиепископ) Викторина (Беляев; 1978.04.19-1989.04.10). В этот период церковная жизнь, хотя и была более менее стабильной и протекала без особых потрясений, всё ещё находится в СОСТОЯНИИ СТАГНАЦИИ. Правда, в «центре», в РПЦ как таковой, произошёл ряд значительных событий – и радостных, и печальных (например, 17 апреля 1970 г. скончался Патриарх Алексий). В 70-ые годы юрисдикционно оформились отношения с Японской и Американской православными общинами; произошла канонизация просветителя Японии, равноапостольного Николая (Касаткина); состоялся (30 мая-2 июня 1971 г.) Поместный Собор РПЦ, избравший нового предстоятеля Церкви – Патриарха Пимена (Извекова), отменивший клятвы «на

старые обряды и на придерживающихся их» (т.е. на староверов), определивший сбалансированный подход по отношению к «Русской Православной Церкви Заграницей» (т.н. карловчанам), принявший ряд других заявлений и обращений; активно велась работа по подготовке к Всеправославному Собору; состоялись важные встречи нового Патриарха с другими Патриархами Православного Востока; произошёл ряд других событий. Но на жизнь периферии, в частности, на течение церковной жизни в Литовской епархии события эти заметного влияния не оказывали и здесь, по-прежнему, был «мёртвый сезон». Правящие архиереи Гермоген (1971-1972), Анатолий (1972-1974), Герман (1974-1978) инициативной деятельностью не отличились в виду кратковременности и временности своего пребывания на Литовской кафедре, а архиепископ Викторин (1978-1989) – в виду преклонного возраста, зависимости от посторонних лиц и чрезмерного послушания местному уполномоченному. Оживление произошло лишь в конце XX века в связи новыми политическими переменами в жизни страны.

ВЕСНОЙ 1985 г. политическим руководителем СССР стал М. С. Горбачёв, вошедший в историю как «архитектор ПЕРЕСТРОЙКИ» – провозглашённого процесса обновления советского общества, происходившего под лозунгом «демократия и гласность». «Демократизация

политической системы, широкое освящение в печати беззаконий 30-50-ых годов, в результате которых тяжело пострадала Церковь, озабоченность широких общественных кругов проблемой духовного оздоровления народа создали обстановку, в которой для Русской Православной открылись новые возможности» (50). Со стороны государства и общества наметился новый более позитивный подход к Церкви. Особенно заметно это стало после встречи Святейшего Патриарха Пимена и членов Священного Синода РПЦ с Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С.Горбачёвым, которая состоялась 29 апреля 1988 г. в Кремле. «Мы ясно видим,- сказал на этой встрече Генсек,- всю глубину наших мировоззренческих различий, но вместе с тем реалистически учитываем ситуацию. Верующие – это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения». Как на свидетельстве перемен, происшедших в отношении государства к Церк-

ви в период перестройки. М.С.Горбачёв указал на то, что «отвечая на просьбы верующих, Советское государство передало в ведение церкви Свято - Данилов монастырь в Москве, исторический памятник «Оптина пустынь» в Калужской области, Толгский монастырь в Ярославской области, Государство обеспечило необходимые условия для проведения в стране празднования 1000-летия введения христианства на Руси». Ситуация с празднованием этого юбилея была, наверное, наиболее наглядным свидетельством происшедших перемен. Первоначальная установка партии сводилась к тому, чтобы сделать этот юбилей внутренним делом Церкви, незаметным для советской общественности, а тем более для мировой. Ещё в 1985 г. перед партийными организациями ставилась задача «усиления атеистической работы в связи с 1000-летием Крещения Руси» и в средствах массовой информации стали появляться негативные по отношению к Церкви и предстоящему юбилею публикации и передачи. Но видя, что этот юбилей получает мировой резонанс (Генеральная Ассамблея ЮНЕСКО призвала отметить «1000-летие введения Христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре», своё внимание этому событию уделила ООН, Всемирный Совет Церквей и другие международные организации) и, сообразуясь с духом «перестройки», Государство

сменило «гнев на милость» и начало оказывать Церкви необходимое содействие в проведении празднования юбилея на должной высоте. В контексте «перестройки» следует рассматривать и смену руководства Совета по делам религий: на смену поставленного во главе Совета во время «хрущёвского гонения» В. Куроедова (называемого в церковных кругах «попоедовым») пришёл более толерантный и дипломатичный К. С. Харчев. Во время встречи с руководством РПЦ М.С.Горбачёв сообщил, что разрабатывается новый закон о свободе совести, «где будут отражены и интересы религиозных организаций». Этот закон («О свободе совести и религиозных организациях») увидел свет лишь 1 октября 1990 г.. В смысле декларируемых прав верующих этот Закон был на порядок выше всего предшествующего советского законодательства о религии и Церкви. В нём нашли отражение многие чаяния верующих. Церковные организации, например, получили право юридического лица, право собственности, облегчена была возможность и упрощена процедура регистрации религиозных организаций; граждане, работающие в религиозных организациях, обрели равные права с рабочими и служащими. «Налогообложение доходов от работы в религиозных организациях, получаемых гражданами, включая священнослужителей, осуществляется по ставкам, установленным для рабочих и служащих госу-

дарственных предприятий, учреждений и организаций», - говорилось в 26-ой главе Закона. Наравне с рабочими и служащими устанавливалось социальное обеспечение и страхование граждан, работающих в религиозных организациях; на общих основаниях, в соответствии с законодательством, определялась и пенсия.

Главными событиями, происшедшим в этот период в церковной жизни, были события связанные с юбилеем 1000-летия Крещения Руси. Ещё в предъюбилейное время состоялись три международных научно-богословские конференции – в Киеве (1986 г.), Москве (1987 г.) и Ленинграде (1988 г.), - посвящённые вопросам, связанным с предстоящим юбилеем, в которых приняли участие многие церковные и светские учёные из разных стран. Но центральным событием был, конечно, **ПОМЕСТНЫЙ СОБОР Русской Православной Церкви**, состоявшийся в Свято-Троицкой Лавре в дни юбилейных торжеств с 6 по 9 июня 1988 года. На Собор прибыло 272 представителя от 67 внутренних и 9 зарубежных епархий РПЦ, духовных школ и монастырей, в том числе и представители нашей епархии – Архиепископ Викторин, архимандрит Свято-Духова монастыря Никита (Якеревич) и игумен того же монастыря Адриан (Ульянов), а также староста кафедрального собора В. Тарасонис. Гостями Собора были Предстоятели и представители всех Поместных

Православных Церквей (за исключением Константинопольской и Греческой), Древних Восточных Церквей, Римско-католической Церкви, Старокатолической Церкви, Протестантских церквей и конфессий, международных экуменических и миротворческих организаций, всего – более 500 человек. На Соборе был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви». «Хотя Устав и не восстановил во всей полноте соборность, которая была принята Собором 1917-1918 гг., но он явился крупным шагом в этом направлении, как и в отношении восстановления канонического положения настоятеля прихода, лишённого всякого права управления приходом правилами, навязанными Церкви советским правительством в 1961 г. В новом Уставе решительно указано, что настоятель является главой приходской общины...» (38). Значительным событием были канонизация девяти святых (св. благоверного великого князя Московского Дмитрия Донского, преп. Андрея Рублёва, преп. Максима Грека, святителя Макария митрополита Московского и всея Руси, преп. Паисия Величковского, блаженной Ксении Петербургской, святителя Игнатия Брянчанинова, преп. Амвросия Оптинского и святителя Феофана Затворника), и принятие ряда «Обращений», в том числе – братское «Обращение к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью», сформули-

рованное в духе христианской любви и надежды.

Всё это свидетельствует о значительных подвигах в лучшую сторону, которые произошли в жизни РПЦ в 80-ые годы минувшего столетия.

В ПРИБАЛТИКЕ перестройка очень скоро вылилась в борьбу за выход из СССР и восстановление независимости. Этот процесс обошёлся без болезненной реакции Кремля и событий, приведших в Литве к пролитию крови и гибели людей, но закончился для Прибалтийских республик успешно. Православную епархию Литвы к этому времени возглавлял (с

Еп. Антоний (Черемисов)

апреля 1989 г.) епископ Антоний (Черемисов) – воспитанник Виленского Свято-Духова монастыря, в последнее время подвизавшийся в Свято-Даниловом монастыре г. Москвы. Но его пребывание во главе нашей епархии было непродолжительным: в конце 1989 г. он был

уже переведён на Тобольскую кафедру. А в следующем 1990 г. Литва провозгласила свою независимость, и Литовская епархия РПЦ оказалась в заграничном государстве, которое вскоре приняло свои законы, регулирующие отношения Государства и Церкви.

В НЕЗАВИСИМОЙ ЛИТВЕ

Ещё на волне перестройки Совет Министров Литовской ССР отменил (9 мая 1989 г.) постановление о закрытии Мариинского женского монастыря в Вильнюсе. 14 февраля 1990 г. вышел в свет ЗАКОН Высшего Совета Литовской ССР «О возвращении молебных домов и других зданий религиозным общинам», положивший начало процессу возвращения церковного имущества. На основании этого закона православным возвращены были Александроневская (в Мариинской обители) и Пятницкая церкви в г. Вильнюсе и Воскресенская в г. Каунасе, закрытые в годы лихолетья. Не обошлось

в этом процессе и без накладок: «в 1992 г. по соглашению литовской Католической Церкви и Правительства был возрождён и получил права юридического лица орден Большого монашества св. Базилия со штаб-квартирой в Вильнюсе, на ул. Аушрос Варту, 7а – церковь Святой Троицы» (Ю. Фабиенавичус). 25 января 1994 г. последовало решение Правительства: «Вернуть Вильнюсской архиепископии право собственности на здание Базилианского монастыря (так именуется церковь Св. Троицы; прим. наше) в Вильнюсе на ул. Аушрос Варту, 7а». Свято-Троицкая церковь – это древняя православная церковь, воздвигнутая в XIV в. «супругою Великого князя Ольгерда-Андрея Гедеминовича, на месте мученичества святых трёх мучеников литовских Антония, Иоанна и Евстафия... Устройство каменного храма вместо состарившегося деревянного относится к первой четверти XVI в. и принадлежит князю Константину Острожскому, как знак благодарности за победу под Оршей в 1514 г.» (18). Так называемой Восточно-обрядовой Католической церкви в Литве эта православная церковь теперь «возвращалась» на том основании, что после провозглашения (в 1596 г.) Унии ею (как, между прочим, и всеми остальными церквами Вильны), вместе с бывшим при ней Свято-Троицким монастырём, завладели униаты, и она находилась в их владении до воссоединения униатов с право-

славными в 1839 г.. После воссоединения Троицкая церковь, естественно, вновь находилась в ведении Православной Церкви и оставалась таковой до

закрытия в годы лихолетья. Следовательно, передача этой церкви «Восточно-обрядовой Католической церкви в Литве» не связана с восстановлением исторической принадлежности. Она не связана и с насущной необходимостью, ибо, как

вынужден признать, спустя три года после передачи её католикам, и упомянутый выше Юозас Фабиенавичус, «в Литве католическая община восточного обряда является немногочисленной», а в Вильнюсе и вообще – пересчитать членов этой общины можно, как говорится, «на пальцах одной руки». Вместить такую общину вполне мог бы, скажем, чисто униатский храм, находящийся на ул. Савичяус в Вильнюсе. Совершенно очевидно, что здесь сыграли свою роль не историческая справедливость, а совершенно иные соображения. Во всяком случае, закон, о кото-

ром идёт у нас речь, в таком решении Правительства не повинен. Этот закон получил дальнейшее развитие в ЗАКОНЕ Литовской Республики от 21 марта 1995 г. (№ 1-822) «О порядке восстановления права религиозных общин на сохранившиеся недвижимое имущество». Согласно этому закону «правом на возврат недвижимого имущества обладают религиозные общины, которые действовали в Литовской Республике до 21 июля 1940 г. и имущество которых было отчуждено государством» (п.2). На основании этого закона православные приходы постепенно обрели своё недвижимое имущество, отчуждённое советской властью в 1940 г.. Имевшиеся в связи с этим некоторые проблемы возвращения, были связаны в основном с т.н. «человеческим фактором» – местными чиновниками. В том же 1995 г. Сейм Литовской Республики принял ЗАКОН (№ 1-1057, от 4 октября 1995 г.), регламентирующий отношения Государства с Церковью в целом. Закон не говорит об отделении Церкви от Государства, но обозначает, что «в Литве нет государственной религии» (п.2), и что «религиозные общины и сообщества не выполняют функции государства, а государство не выполняет функции религиозных общин и сообществ» (п.7). Закон провозглашает «право на свободу вероисповедания», «равенство людей независимо от религии», «свободу отправлять религиозные об-

ряды», предоставляет права юридического лица всем зарегистрированным общинам, а самой регистрации общин придаёт скорее фиксирующий, чем санкционирующий характер. «Религиозные общины могут быть зарегистрированы, если они объединяют не менее 15 членов – совершеннолетних граждан Литовской Республики» (п.11). Отказ в регистрации предусматривается в случае, если деятельность общины, означенная в её уставе или осуществляемая на практике, связана с нарушением «прав и свобод человека либо общественного порядка». Православную Церковь закон относит к числу 9 «традиционно существующих в Литве религиозных общин и сообществ, составляющих часть исторического, духовного и социального наследия Литвы...» (п.5). Статус «традиционно существующих» «означает, что государство оказывает поддержку духовному, культурному и социальному наследию религиозных сообществ» (п.6). Эта поддержка выражается и в оказании финансовой помощи. Она выделяется в соответствии с количеством «религиозных общин» (в нашем случае – приходов) и т.о. на практике львиная часть этой помощи приходится на наиболее многочисленное сообщество, да и размер этой помощи, в силу общего финансового положения в стране, на сегодняшний день - не ахти какой, но здесь ценна тенденция, а она говорит сама за себя. Благоклонное отно-

шение Государства к Церкви выражается и в том, что «доходы всех религиозных общин, сообществ и центров... не подлежат налогообложению в случае их направления на строительство, ремонт или реставрацию молитвенных домов, для оказания благотворительности, на культуру и просвещение» (п.16), другими словами, - на обеспечение жизнедеятельности общин. «Священнослужители могут содержаться за счёт средств религиозной общины или сообщества в соответствии с установленными ими порядком либо получать содержание непосредственно от верующих за оказание религиозных услуг» (п.17). Принцип, в общем-то, не новый – благоприятный для священнослужителей «богатых», многочисленных приходов, каковых в нашей епархии немного.

Наличие в нашей епархии приходов, которые не в состоянии содержать священника, наряду с унаследованной от прежних лет нехваткой священнослужителей, и обуславливают практику обслуживания одним священником нескольких приходов. Следует ещё отметить, что согласно Закону «доходы священнослужителей, церковнослужителей и обслуживающего персонала... подоходным налогам с физических лиц не облагаются» (п.16). После печально известной 19-ой статьи налогообложения недавнего прошлого (доводившей величину налога до 81%), совершенное освобождение тружеников

Церкви от подоходного налога воспринимается верующими как момент истины.

Говоря о нынешнем церковном (т.е. имеющем отношение к религиозным обществам и сообществам) законодательстве в целом, следует отметить, что по некоторым положениям нынешние законы Литовской Республики относительно Церкви – более благоприятны, чем законы России и некоторых других государств, где находятся епархии РПЦ. А, говоря о нынешнем положении Православной Церкви в Литве, следует сказать, что нынешний период (а, точнее говоря, его начало) в церковном отношении является наиболее благоприятным и мирным. Как только что было сказано, современное законодательство является для Церкви весьма благоприятным. Благоприятным для всех исповеданий. Католическая Церковь, как Церковь верующего большинства, безусловно, играет в жизни общества доминирующую роль, и к голосу её нынешняя власть, прежде всего и прислушивается, но на положении других исповеданий, это обстоятельство до сего дня отрицательно не сказывалось. Предшествующий период (опять же - нет худа без добра) приучил верующих разных конфессий к толерантности и солидарности. Этот дух толерантности сохраняется и до сего дня. Имевшая место в этих землях вековая конфронтация Католической и Православной Церкви в наши дни не даёт о себе

знать, и в отношениях между этими церквями в наши дни сохраняется, так сказать, принцип мирного сосуществования. По сути дела его не нарушило и упомянутое выше создание общины католиков восточного обряда – этого реликта бывшего «похода на Восток», обернувшееся для православных потерей Свято-Троицкой церкви. В глазах православных эта община является, конечно, «миной замедленного действия», но в ней, к счастью, нет «пороха» - взрывчатого вещества, каковым может быть подходящая среда (прежде всего наличие верующих, желающих стать униатами, чего сегодня нет и в ближайшем будущем не ожидается) и соответствующая политика государства (подобная политике короля Сигизмунда III, или Яна Собесского, чего сегодня тоже нет). Так что у нас есть основания сказать, что нынешний период – это **НОВЫЙ ПЕРИОД** в жизни Литовской православной епархии, подобного которому в её истории, пожалуй, не было. Церковь Православная не имеет сегодня ни нажима и преследований со стороны светской власти, как это было во времена польских королей, ни парализующего покровительства государства, как это было в период Российской империи, ни гонений, как это было в годы советской власти. Нет сегодня здесь и печально известного межконфессионального соперничества. Сказанное, однако, не означает, что у

православных сегодня нет никаких проблем. Они были, есть и, наверное, будут и в дальнейшем.

Не простым было, прежде всего, само вхождение в этот новый период. Начался он, как мы уже сказали, вместе с выходом Литвы из СССР и последовавшем затем полным распадом Советского Союза. Большинство православных Литвы нежданно-негаданно оказались как бы за границей, как бы не у себя дома, на бытовом уровне могли даже услышать, что они - «оккупанты». Ломалась привычная государственная система, ломался уклад жизни, трудовая занятость. Было немало недовольных происходящим, было немало страхов, эмоций как у «иноплеменников», так и у «коренного населения». В этой ситуации перед нашей Церковью и, в первую очередь, перед её священноначалием стоял вопрос: «С кем вы, служители Церкви?». Решающим фактором в этом самоопределении была общая позиция РПЦ по отношению к происходящим в этот период событиям. А позиция эта была определена Священным Синодом ещё 3-го апреля 1990 г.: «Православная Церковь не может встать на сторону тех или иных групповых или партийных интересов, или связать свою судьбу с тем или иным политическим курсом».

Православную епархию Литвы в это переломное время возглавил архиепископ (с 2000 г.

– митрополит) ХРИЗОСТОМ (Мартишкин), назначенный на Литовскую кафедру 26 января

Митрополит Хризостом
(Мартишкин)

1990 г. До назначения на нашу кафедру владыка Хризостом несколько лет работал в Отделе внешних церковных сношений (в качестве одного из заместителей Председателя Отдела) Московской Патриархии, возглавлял епархию Курскую и Белгородскую, а перед назначением на Литовскую кафедру – Иркутскую.

В 80-ых годах прошлого столетия достоинством гласности стал секретный доклад зам. Председателя по делам РПЦ В.Фурова ЦК КПСС о положении Русской Православной Церкви. В этом докладе, помимо прочего, содержалась характеристика иерархии Русской Православной Церкви на предмет её лояльности государству и соблюдению законодательства по религиозным вопросам. Архиепископ Хризостом (тогда Курский и Белгородский) отнесён был к наихудшей категории – «религиозных консерваторов», старающихся «обойти законодательство о культах». «Преступление» же его заключалось в том, что, обнаружив по прибытии

в епархию 60 церквей из 175 недействующими (по причине отсутствия священников), он предпринял «решительные действия по оживлению религиозной жизни» (38). Подобную «строптивость» проявлял архиепископ Хризостом и будучи правящим архиереем Иркутской епархии. И теперь именно этому преосвященному и суждено было дать ответ на поставленный выше вопрос О ПОЗИЦИИ Православной Церкви в Литве в связи с новыми историческими условиями. О сути этого ответа можно судить, по словам Владыки, сказанным корреспонденту журнала «Русское слово» А. Матвееву: «Я не политик, и не смог бы быть политиком, а в политических событиях принимал участие только как глава православных верующих в Литве. Мне было близко то, что происходило тогда, в 1990-1991 годах. Каждый раз, когда меня спрашивали в то время, какую позицию я занимал, я отвечал, что приветствую стремление народа к свободе в свободном государстве, и отмечал, что того же хочу и для России, ведь российский народ не меньше других пострадал от тирании». «Когда в Литве началось движение за независимость, КГБ начал давать мне рецепты моего поведения: я должен был поддержать компартию Литвы, общество «Единство» во главе с Ивановым. Я встречался и со вторым секретарём ЦК КПЛ (КПСС) Шведом, и с Валерием Ивановым, но не согласился с тем, что

они мне предлагали, отверг сотрудничество с ними – их позиция для меня как верующего неприемлема ... Я принял не их сторону, а сторону «Саюдиса», сторону литовского народа». Не всем русским Литвы такая позиция православного иерарха пришлась по нраву, было со стороны определённой части их немало упреков за такую лояльность, обвинений и обид. Но эта позиция уберегла православных от ярлыка «врагов народа», а желание навесить такой ярлык, как мы видели, идёт ещё со времён Речи Посполитой, и избавила Православную Церковь Литвы от ненужной, неостулированной действительностью, конфронтации с новой властью. Позиция архиепископа Хризостома публично и недвусмысленно была явлена и заявлена в самые напряжённые и ответственные моменты новой истории: в дни штурма десантниками Советской Армии Вильнюсской телебашни, и критической ситуации у здания парламента. Пролитие крови «на улицах Вильнюса» однозначно осудил и глава Русской Православной Церкви Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. «Со всей определённой должен сказать, – заявил Святейший, – использование военной силы в Литве является большой политической ошибкой. На церковном языке – грех» («Известия, 15 января 1991 г.). В дальнейшем, когда признана была независимость Литвы, архиепископ Хризостом сознательно отошёл

от участия в общественной и политической жизни страны, сосредоточив внимание и силы на решении церковных задач.

Мы уже говорили о позитивных переменах, которые произошли в жизни Церкви (в её, главным образом, правовом положении) в независимой Литовской Республике. Но, наряду с этим, возникли и некоторые ПРОБЛЕМЫ. Довольно остро встала проблема материального состояния приходов и, особенно, монастыря. Установившиеся границы с Беларусью, Украиной и Россией, а также позитивные для жизни Церкви перемены, тоже происшедшие в этих странах, до минимума снизили приток в Литву православных паломников, а вместе с этим - и доходы монастыря и некоторых, главным образом, городских церквей. Далее, с распадом СССР, некоторая часть традиционно православного населения Литвы, по разным причинам вынуждена была эмигрировать из Республики, что сказалось на численности православных, а позднее немало православных уехало за границу «на заработки». Большая же часть сохранившегося православного населения Литвы страдает унаследованным от недавнего прошлого тяжёлым недугом секуляризации. Эта болезнь века среди традиционно православного русскоговорящего населения Литвы сказывается острее, чем среди традиционных приверженцев, скажем, Католической Церкви. Проводившаяся в 2001 г. пе-

репись населения показала, что, примерно, из 8 % русскоговорящего населения Литвы к православно верующим себя почислили около 4%, что в количественном выражении составляет 141821 человек. При этом данная цифра показывает лишь число номинально православных (своего рода - резерв), число же так называемых практикующих или церковных людей - намного меньше. Так что традиционные «источники материального обеспечения» (т.е. прихожане, паломники) монастыря, приходов и церковных учреждений в рассматриваемый нами период не возросли, а скорее уменьшились, в то время как потребности в материальных средствах увеличились. Увеличились потому, что в предшествующий период многие храмы пришли в не лучшее состояние, и теперь, когда ничто (кроме недостатка материальных средств) не препятствовало их ремонту, каждый неленостный настоятель стремился привести свой храм в должное состояние. Понадобился административный талант и прагматизм, в первую очередь, архипастыря епархии и, не в последнюю, - самих настоятелей, чтобы изыскать дополнительные источники существования для содержания монастыря и приходских храмов. И надо сказать, что, несмотря на отмеченные выше трудности, за истекшие 10-12 лет большинство храмов епархии, особенно городские, были отремонтированы и приведены в надлежащее состояние.

Более того, были построены новые храмы: в городе «атомщиков» (работников Игналинской АЭС) Висагинасе, в курортном городе Паланга, в г. Шальчининкай, близится к завершению строительство большого храма в г. Клайпеде.

Новый храм в курортном г. Паланга

Сделаны первые шаги по возрождению деятельности церковных братств. В 1994 году тринадцать приходов епархии высказались за создание единого Православного Братства Литвы, и 8-го ноября состоялось его учреждение. В своей деятельности учреждённое Братство не призвано быть копией своих исторических предшественников: оно создано в других условиях и при иных возможностях. Но основную идею – «служить нуждам и благу православного

Учредительное собрание Православного Братства Литвы

населения Литвы» (из Устава Братства) – оно сохранило. Учредители, однако, не выработали до конца структуру управления жизнедеятельности этого Братства и оно не обрело формы общественной организации, став своего рода отделом Архиепископии. В своей деятельности Православное Братство Литвы основное внимание уделяет вопросу воцерковления тех потенциальных православных, о которых говорилось выше, особенно подрастающего поколения. С этой целью Братство проводит важную работу по организации отдыха христианской молодёжи, ежегодно устраивая летние лагеря в курортном городе Паланге, при общине Скорбященской церкви в Михново, при церкви Александра Невского в Ужусаляй.

ОТРАДНОЕ СОБЫТИЕ в жизни епархии

произошло в 1997 году. В это лето благодати Божией Вильнюсско-Литовская епархия отмечала два знаменательных юбилея: 650-летие со дня кончины первых христианских мучеников в Литве, православных исповедников Антония, Иоанна и Евстафия, и 400-летие Свято-Духова монастыря. К этим торжествам и было приурочено означенное событие – посещение Виленско-Литовской епархии Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Впервые в истории епархии её посетил глава Русской Православной Церкви. Для православно верующих людей Литвы это было поистине отрадное эпохальное событие, укрепившее их дух и веру. Четыре года назад, в сентябре 1993 г. Литва встретила первоиерарха Римско-Католической Церкви – Папу Иоанна Павла II. Дни его пребывания на земле Литвы стали незабываемым праздником для проживающих здесь католиков. И вот теперь – пришёл праздник и «на нашу улицу». Признаком времени можно считать то, что к этим визитам перво-

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

иерархов спокойно, даже дружелюбно относились традиционно соперничавшая Церковь. Так, во время визита Папы Павла Иоанна II на главное событие (святая месса в парке Вингис) были приглашены и присутствовали в качестве гостей представители Православной епархии (во главе с архиепископом Хризостомом), а во время визита Патриарха Алексия II за Богослужением в Свято-Духовом монастыре в подобном качестве присутствовали представители Католической Церкви (во главе с архиепископом митрополитом Аудрисом Юозасом Бачкисом). В слове приветствия и назидания, обращённом к собравшимся на мессу в парке Вингисе, из уст Римского Понтифика прозвучали и следующие слова: «Хочу приветствовать представителя нашей сестринской Ортодоксальной Церкви архиепископа Хризостома». «С этих земель, – продолжал Папа на русском языке, – составляющих естественный мост между Центральной и Северной Европой и Европой Восточной, я особо приветствую соседнюю Россию, и в особенности христианские общины, над которыми благодаря своему историческому значению и славной традиции возвышается Православная Церковь, возглавляемая Его Святейшеством Патриархом Московским». В свою очередь во время своего визита Патриарх Московский и всея Руси посетил католическую часовню у Аушрос Вартай в Вильнюсе, где находится Остро-

На совместную молитву у Остробрамской иконы Божией Матери.

брамская икона Божией Матери, и совершил там совместную молитву с главой Католической Церкви в Литве архиепископом митрополитом Аудрисом Юозасом Бачкисом. «Со священным почтением ступил я на эту землю, на которой многие поколения христиан, прежде всего католиков и православных, славили Бога, где погибли за Христа святые мученики Антоний, Иоанн и Евстафий, где многократно являла свою милость Пресвятая Богородица, перед образом которой мы сейчас находимся», - сказал Святейший Патриарх Алексей, обращаясь к собравшемуся у Святых Ворот народу. «Особенно меня радует то, - продолжал Святейший, - что православные Литвы пользуются в этой стране лю-

Святейший Патриарх Алексей II совершает Божественную литургию в Пречистенском кафедральном соборе г. Вильнюса.

бовью и почётом, поддерживают хорошие отношения как с государственной властью, так и с другими религиозными общинами, прежде всего с Римской Католической Церковью».

Помимо встреч с церковными деятелями главы Русской Православной Церкви состоялись также встречи с государственными деятелями – Президентом Литовской республики Альгирдасом Бразаускасом и Премьер-министром Литвы Гядиминасом Вагнориусом. Святейший Патриарх Алексий дал высокую оценку политике Литовского государства относительно национальных меньшинств страны. «Мы признательны руководству Литовского государства, – сказал Святейший, – что русские люди Литвы или русскоязычные, не чувствуют себя людьми второго сорта.... И здесь люди не делятся по национальному признаку. Я думаю, что это большое достижение в Литовской Республике, и Литва является хорошим примером для тех регионов, где возникают конфликты на международной почве и где русское население чувствует себя иногда людьми второго или третьего сорта...». Правительство Литвы тоже высоко оценило деятельность Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, наградив его орденом Великого Князя Литовского Гядиминаса первой степени.

В свете современных дипломатических норм все эти знаки взаимной доброжелательности и

уважения не являются чем-то особенным. Но в свете исторического прошлого они весьма показательны. Вспомним, какие страсти кипели в своё время вокруг приезда в Литву (а вернее – проезда через Литву) Константинопольского Патриарха Иеремии II.

Визит в Литву Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II проходил с 25 по 27 июля и пришёлся, таким образом, на ежегодное празднование по случаю возвращения (26 июля 1946 г.) из Москвы в Вильнюс целебных мощей свв. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Это обстоятельство ещё более увеличило торжество. Его кульминационным моментом было совершение (26 июля) Святейшим Патриархом (в сослужении иерархов соседних Прибалтийских епархий и духовенства епархии) Божественной Литургии в Свято-Духовом монастыре, в храме, где почивают мощи св. мучеников. Незадолго до визита Святейшего, по окончании основательного внутреннего ремонта храма, проходившего в 1996-1997 гг., рака с мощами свв. мучеников была поднята из пещерного храма, где она до этого хранилась, и помещена в центральном храме, напротив Царских Врат, что сделало поклонение им мошам более доступным и удобным для всех желающих поклониться свв. угодникам Божиим. Патриаршая служба в этот день собрала массу народа, так что храм Свято-

Духова монастыря не смог вместить всех собравшихся, и часть из них стояла под открытым небом, во дворе монастыря, слушая Богослужение из специально установленных звукоусилителей. Переполнен был и кафедральный Пречистенский собор, где Святейший Патриарх совершил Богослужение на следующий день – в воскресенье 27-го июля. Множество народа

Посещение Святейшим Патриархом Алексием II Евфросиньевского кладбища.

собралось и на Евфросиньевском кладбище, которое Святейший и сопровождающие его иерархи посетили вечером 26 июля. Здесь на кладбище, помимо церкви преп. Евфросинии Полоцкой, находится упоминаемая уже нами Свято-Тихоновская часовня, воздвигнутая на месте погребения основного ктитора кладбища

и храма купца Тихона Зайцева. Одно время (перед Первой мировой войной) часовня использовалась как зимняя церковь, и её освящение совершил тогда архиепископ Виленский и Литовский Тихон, ставший впоследствии Патриархом Московским и всея Руси. У этой часовни и помолвился нынешний Патриарх об упокоении душ усопших рабов Божиих, «зде лежащих» (на этой земле погребенных), а у мемориала жертвам фашизма, сооружённого на месте расстрела и захоронения военнопленных, совершил отдельную за них молитву. Позднее, вспоминая о своём визите на литовскую землю, Святейший Патриарх скажет корреспонденту литовской газеты: «Два года назад я посетил вашу страну и до сих пор с теплотой вспоминаю происходившие там встречи... Особенно памятно посещение Евфросиньевского кладбища в Вильнюсе, где собрались тысячи людей, и не только верующих. Пришли и те, кто сегодня лишь на пути к нашей вере» («Республика», 19 августа 1999 г.).

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ в епархии имеется 51 (вместе с монастырским и молитвенными домами) храм, 48 приходов, 36 священников и 6 диаконов. Подавляющее большинство духовенства закончили (очно или заочно) духовные школы, 4 юношей (по состоянию на конец 2004 г.) учатся в Духовных семинариях. В епархии имеется 13 приходских воскресных школ, в том

ЭПИЛОГ

Итак, дорогой читатель, перед нашим взором прошёл тысячелетний исторический путь Православной Церкви на «земле Марии» – в Литве. На этом пути было немало трудностей, соблазнов, испытаний. Временами (во времена Речи Посполитой, в советское время) казалось, что Православие в этой земле обречено на исчезновение. Но затем происходили некие события и Православие, подобно волшебной птице Феникс, восставало «из пепла», получало новое дыхание. «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют её», – сказал Господь о Своей Церкви (Мф.16,18). Судьба маленькой клеточки этой Церкви – Литовской православной епархии, может быть наглядным свидетельством истинности этих слов Спасителя. Она говорит верующему сердцу, что воистину с нами Бог, ибо это по Его воле происходили те «некие» события, которые давали новое дыхание изнемогающей Церкви.

Обозревая свою историю, мы могли видеть, что в ней немало было недостойного Православия, неугодного Богу. Но Господь – долготерпелив и многомилостивый и потому не оставляет Он до конца Свою милостию и даже таких «православных», если они до конца не оставляют Его. Для сегодняшних православных, а равно и для потомков наших, многотрудная история Православия в Литве, если посмотреть на неё глазами верующего, может быть лишь утешением и укреплением, ибо она свидетельствует, что Господь «во вся дни» со

свою Церковью, и пребудет с нею «до скончания века» (Мф.28,20). Вопрос лишь в том, насколько мы сами будем составлять эту Церковь, насколько будем живыми клеточками этого церковного организма, называемого Православием.

Этот исторический обзор закончился на утешительной ноте: Православная Церковь в Литве находится сегодня в нормальных для её жизни и деятельности условиях. Нормальных, однако, в смысле своего правового положения в государстве, в смысле отношения государства и общества к нашей Церкви. В целом же, как таковые, условия нынешние – далеко не нормальные. Если уже пару веков тому назад раздавались печальные заключения: «не плоть, а дух растлился в наши дни» (Ф.Тютчев), то в наш век впору сказать, что и плоть, и дух растлился в наши дни, и это растение человека продолжается сегодня с особым усердием и со всех сторон. Поэтому, повторимся ещё раз, судьба Православия «в роле сем прелюбодейном и грешном» (Мк.8,38), его дальнейшая судьба, зависит больше всего от самих православных: от их любви и верности Богу, от их любви и живой связанности со своей Церковью. Только в живой связи с Телом Христовым, с Церковью можно собрать душу свою в этом мире от растений, в мире, который, по словам Христа, «во зле лежит» (Ин.5,19). А Господь, как мы видели, всегда со Своею Церковью и не оставит её «до скончания века».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

Список архиереев, управлявших православной епархией Литвы в период с XIII по XXI столетие.

Феофил (1315-1330)
 Феодорит (1352-1354)
 Роман (1354-1362)
 Киприан (1375-1389)
 Фотий (1408-1431)
 Григорий /Цамблак/ (1415-1420)
 Герасим (1433 - 1447)
 Григорий II (1458-1473)
 Мисаил /Пеструч/ (1475 - 1480)
 Симсон (1481 - 1488)
 Иона /Глезна/ (1489-1499)
 Макарий/Черт/(1495-1497)
 Иосиф/Болгаринович/ (1498-1501)
 Иона II (1503-1507)
 Иосиф II /Солтан/ (1507-1521)
 Иосиф III (1522-1534)
 Макарий II (1534-1556)
 Сильвестр /Бельквич/ (1556-1567)
 Иона III /Протасевич/ (1568-1576)
 Илия /Куча/ (1577-1579)
 Онисифор /Девоч(к)а/ (1579-1588)
 Михаил /Рагоза/ (1589-1596)
 Иов /Борецкий/ (1620-1631)
 Исаия /Копинский/ (1631-1633)
 Петр /Могилла/ (1633-1647)
 Сильвестр II /Коссов/ (1647-1657)

Иосиф /Нелюбович-Тукальский/ (1664-1675)
 Гедеон /Святополк-Четвертинский/ (1685-1690)
 Виктор /Салковский/ (1795-1793)
 Иосиф /Семашко/ (1839-1868)
 Макарий /Булгаков/ (1868-1879)
 Александр /Добрынин/ (1879-1885)
 Алексей /Лавров-Платонов/ (1885-1890)
 Донат /Бабинский-Соколов/(1890-1894)
 Иероним /Экземплярский/ (1894-1898)
 Ювеналий /Половцев/ (1898-1904)
 Никандр /Молчанов/ (1904-1910)
 Агафангел /Преображенский/ (1910-1913)
 Тихон /Белавин/ (1913-1917)
 Елевферий /Богоявленский/(1917-1940)
 Сергей /Воскресенский/ (1941-1944)
 Даниил /Юзьвюк/ (1944)
 Корнилий /Попов/ (1945-1948)
 Фотий/Топиро/(1948-1951)
 Филарет /Лебедев/ (1952-1954)
 Алексей /Дехтярев/ (1955-1959)
 Роман /Танг/ (1959-1963)
 Антоний /Варжанский/ (1963-1971)
 Гермоген /Орехов/ (1971-1972)
 Анатолий /Кузнецов/ (1972-1974)
 Герман /Тимофесв/ (1974-1978)
 Викторин /Беляев/ (1978-1989)
 Антоний /Черемисов/ (1989-1990)
 Хризостом /Мартишкин/ с 1990

Приложение №2
УСТАВ
ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА ЛИТВЫ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

1. Православное братство Литвы является неприбыльной, просветительно-культурной общественной организацией граждан Литовской Республики православного вероисповедания.
2. Братство, унаследовав лучшие традиции ранее существовавших Видняюских братств, ставит себе целью служение нуждам и благо людей Литвы православного вероисповедания.
3. Братство является юридическим лицом, имеет круглую печать, эмблему и другие атрибуты, имеет право открывать банковские счета и заниматься издательством.
4. Свою деятельность Братство осуществляет, руководствуясь Конституцией ЛР, законом об Общественных организациях, другими законами ЛР, и данным Уставом.
5. Адрес организации – Аушрос Варту 10, Вильнюс.

1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ БРАТСТВА.

Преследуя основную цель – служение нуждам и благо православных людей Литвы – Братство:

1. помогает нормальному функционированию православных церквей и деятельности приходов;
2. помогает религиозно-духовным просвещению и воспитанию;
3. проявляет заботу о том, чтобы Православная Церковь духовно обогащалась и чтобы большее количество людей участвовало в церковной жизни;
4. заботится о том, чтобы православное общество было единым и жизнеспособным;
5. заботится о сохранении и развитии православных культурных традиций, о сохранении и развитии православных традиций и обычаев в Литве;
6. оказывает по возможности помощь бедным, бездомным, сиротам, одиноким, немощным и людям преклонного возраста, учреждая дома опеки и применяя другие формы социальной помощи;
7. для пополнения своих средств учреждает предприятия по установленному законом порядку.
8. Осуществляя свои цели, Братство может:
 1. налаживать связи с государственными органами и организациями ЛР;
 2. в различных формах сотрудничать с общественными организациями Литвы;

3. налаживать необходимые контакты с заграничными религиозными и общественными организациями, преследующими похожие цели, а также с международными организациями, заключать с ними соглашения, не противоречащие Конституции ЛР, этому и другим Устам;
4. учреждать свои отделения, клубы и другие организационные единицы на территории ЛР;
5. организовывать, придерживаясь законов, общественные мероприятия, благотворительность и дракони;
6. участвовать в общественной жизни ЛР;
7. учреждать и создавать благотворительные фонды.

1. ЧЛЕНСТВО В БРАТСТВЕ.

1. Членами Братства могут быть граждане ЛР православного вероисповедания, признающие Устав, цели и задачи Братства и помогающие воплотить их в жизнь.
2. Имя почетного члена Братства присуждается особо отличившимся деятелям, внесшим большой вклад в деятельность Братства, а также особо почитаемым и заслуженным лицам.
3. Настоящий член Братства имеет право:

- 3.1. избирать руководящие органы Братства и быть избранными в них;
- 3.2. участвовать с правом голоса в подготовке и принятии общих планов и решений;
- 3.3. предлагать к обсуждению свои цели и предложения по деятельности Братства;
- 3.4. получать от руководящих органов Братства необходимую информацию о деятельности Братства, организуемых мероприятиях, выполнении принятых решений;
- 3.5. получив от управляющих органов Братства соответствующие полномочия, представлять Братство в общественных мероприятиях, проходящих в Республике и за ее пределами, а также в государственных учреждениях и организациях.
4. Члены Братства имеют равные права.
5. Члены Братства могут в любое время выйти из Братства.
6. Руководство Братства составляет список его членов, который легко доступен каждому члену Братства.

1. РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ И СТРУКТУРЫ.

1. Высшим органом Братства является Конференция, собираемая не реже чем 1 раз в год, информируя о ней всех членов Братства.
2. Решения Конференции, за исключением решения о ликвидации Братства, являются законными и принятыми, если в Конференции

участвовало не менее \neq членов Братства, а за соответствующие решения голосовало не менее \times членов Братства, участвовавших в Конференции.

3. Высший орган Братства – Конференция:

3.1. принимает, меняет и дополняет Устав;

3.2. избирает правление Братства и председателя правления, регламентирует и устанавливает стратегию деятельности Братства;

3.3. принимает решения о реорганизации или ликвидации Братства;

3.4. принимает важнейшие решения.

4. Главный орган управления Братством между конференциями – Правление Братства, состоящее из пяти членов (включая Председателя).

5. Правление Братства имеет право учреждать общественные предприятия и фонды благотворительности и поддержки.

6. Правление Братства выполняет следующие функции:

6.1. руководит деятельностью Братства между конференциями;

6.2. планирует работу Братства;

6.3. утверждает и контролирует бюджет Братства;

6.4. назначает руководителей общественных предприятий и благотворительных фондов, учрежденных Братством;

6.5. организует созыв конференции Братства.

7. Председатель правления Братства выполняет следующие функции:

7.1. представляет Братство в государственных, общественных и др. учреждениях и организациях, в судах и всюду, где это предусматривает деятельность Братства и законы ЛР;

7.2. подписывает трудовые договора, договора об аренде и др., платежные поручения;

7.3. подписывает документы, протоколы заседаний Правления, протоколы конференций, решения и др.;

7.4. председательствует в заседаниях Правления и работе конференции;

7.5. выдает доверенности лицам исполнять те функции, решение которых находится в его компетенции.

8. Отделения Братства в Литве могут учреждаться, если не менее 10 членов изъявили желание участвовать в деятельности отделения. Отделения руководствуются данным Уставом.

9. Отделениям Братства могут быть предоставлены права юридического лица, они имеют право отделиться от Братства. В этом случае имущество и средства отделения достаются Братству.

1. ИМУЩЕСТВО И СРЕДСТВА:

1. добровольные взносы и одноразовые пожертвования членов Братства;

2. средства, подаренные (пожертвованные) благотворительными организациями и фондами;

3. доходы, полученные от деятельности учрежденных предприятий;

4. прочие законно полученные средства;

5. проценты кредитных учреждений за хранимые средства Братства;

6. средства заемного капитала;

7. средства, подаренные (пожертвованные) негосударственными организациями, международными общественными организациями.

8. При добровольном выходе из Братства или при исключении из него уходящие члены Братства не претендуют на часть имущества и финансовых средств или на какую-либо компенсацию.

1. КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ

1. Финансовую деятельность Братства контролирует Ревизионная Комиссия, избранная на конференции.

2. Ревизионная Комиссия контролирует финансовую деятельность Братства, проверяет использование средств и их распределение. Регулярно, не реже двух раз и не чаще четырех раз в году выполняет ревизию финансовой деятельности.

3. За свою деятельность Ревизионная Комиссия отчитывается перед конференцией. О проведенных проверках и состоянии дел, о найденных нарушениях Ревизионная Комиссия в течение трех дней извещает Правление Братства.

1. ЛИКВИДАЦИЯ БРАТСТВА

1. Решение о ликвидации Братства может принять Конференция, если не менее 2/3 участников конференции проголосует за это.

2. Для решения и выполнения практических вопросов, возникающих в связи с ликвидацией, Правление Братства создает Ликвидационную Комиссию.

3. Оставшееся имущество и финансовые средства Братства, после удовлетворения кредиторов и расчета с работающими по трудовому договору, используются в порядке, установленном законом.

Новая редакция Устава Братства принята на конференции 2000.10.01

Приложение №3

Ответ Льва Салеги, канцлера Великого княжества Литовского, на письмо Полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича от 12 марта 1622 г.

Перевод с польского.

«Преосвященный архипастырь Полоцкий! Не хотел бы вступать с Вашим Преосвященством в переписку и споры; но видя упорство, с каким вы отстаиваете свои убеждения, не вникая никаким резонам, нахожу себя вынужденным отвечать, вопреки моему желанию, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я забочился о деле унии и что было бы неблагоприятно оставить это дело; но мне никогда и на ум не приходило то, что В. Пр. будете присоединять к ней столь насильственными мерами. Всевышний зовёт к Себе кратко: *прийдите ко Мне вси* и проч..... а не хочет и не приемлет рабов, влеконых насильно. А вы своим неосмотрительным насилем подстрекнули и, так сказать, принудили народ русский к сопротивлению и нарушению присяги, данной Его Королевскому Величеству (разумеем здесь отпадение Москвы от избранного ею в король Владислава). Вам трудно в этом запереться, когда вас уличают жалобы, поданные русскими начальникам польским и литовским. Разве вам не известен рапорт нерассудительного народа, выразивший желание его принять турецкое подданство, чем терпеть такое притеснение своей веры и благочестия? По вашим словам, противятся унии некоторые только монахи из епархий Борецкой и Смотрицкой и несколько лиц из киевской шляхты; но прошение Королю о том, чтобы он утвердил в сих епархиях Борецкой и Смотрицкой, а вас с прочими удалил, подано не несколькими монахами, а всем запорожским войском. Горе тому, кто легковерен! В этом прошении обстоятельства унии являются совсем в новом виде. А мало ли получаем мы жалоб на сеймах не от монахов только, но от всей Украины и Руси? Мало того, что казаки ожидают решения назначенной по этому предмету комиссии; дело в том – принесёт ли она пользу? Результат заседаний этой комиссии сулит нам только надежду неизвестного блага; а потому безрассудно было бы пагубным насилем нарушать вожделенное согласие и подобающее Королю повиновение. Руководствуясь не столько любовью к ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотребили своей властью, своими поступками, противными священной воле и приказаниям Речи Посполитой, зажгли те опасные искры, которые всем нам угрожают пагубным и всестребляющим пожаром. Вы пишете, «что и политика обращает на них (?) внимание, а я прибавлю:

не только политика но и правительство; ибо от повиновения их (православных) больше пользы для края, нежели от вашей унии. Поэтому вы должны соображать власть свою и обязанности пастыря с волею Короля и намерениями правительства. - помня, что власть ваша ограничена и что затишье, противные спокойствию и общей пользе, будут сочтены оскорблением Величества. Если бы вы осмелились сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, вас бы там научили уважению к постановлениям и политическим намерениям правительства.

Вы пишете «об обращении и о том, чтобы было *едино стадо и один Пастырь*; но нужно это делать благоприятно и сообразно с обстоятельствами времени, как дело, зависящее от свободного согласия, - особенно в нашем отечестве, в котором решительно не применима сентенция: «понуди внити». Согласно учению Св. Писания, нужно заботиться, чтобы наша ревность и желание единоверия основывались на правилах любви; но вы уклонились от наставления сего Апостола, а потому неудивительно, что подвластные вам вышли из повиновения. Что касается опасностей, угрожающих вашей жизни, на это можно сказать: каждый сам бывает причиной своего несчастья. Нужно уметь пользоваться благоприятными обстоятельствами, а не предаваться безрассудным увлечениям, - особенно, когда дело касается перемены веры, начальники подвергаются бесчисленным опасностям.

«Я обязан, говорите вы, подражать епископам» и проч. Подражать св. епископам в терпении, славословии Бога, подражать напр., Златоустому и другим великим иерархам, - дело похвальное; но нужно подражать им и в благочестии, учительстве, долготерпении и примерной жизни. Прочитайте житие всех благочестивых епископов, прочитайте творения Златоустого, - вы не найдёте в них ни жалоб, ни процессов, ни затей, ни судебных объявлений, ни *позвов* к суду антиохийскому или константинопольскому - о гонениях, низвержении, о казни благочестивых священников, - а найдёте только то, что способствует к умножению славы Божией, назиданию душ человеческих и умиротворению разгневанной на служителей Церкви Евлогии.

Теперь обратимся к деяниям В. Пр.: вы наполнили земские суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископские канцелярии поэзиями, тужбами, доносами, чем не только нельзя распространить унии, но можно расторгнуть и последний союз любви в обществе и наполнить сеймы и управы разладом и ссорами. Пишете, «что они(т.е. апостолы и другие ревнители Божии) не взирали ни на царя, ни на кесаря и проч...». *Не!*! Всемогуший Бог ведит уважать их, ибо *противляйся власти Божиию велению противляется; несть власти аще не от Бога*.

говорит Он. Для того и Христос сказал: *воздадите Божие Богам, и кесарево кесареви*. Поэтому и каждый должен помнить, что все люди, исполняющие закон Божий, должны повиноваться воле своего повелителя.

Снова пишет: «если неправоверные нападают на меня, то я по неволе должен защищаться» и проч. Не так (поступать) учит нас Христос! Вedomый, *яко овца, на закланье*, имевший для своей защиты *лггоны ангелов*. Он молился за врагов своих; так и нужно поступать и В.Пр. Мудрый человек должен употребить все меры благоразумия, прежде – чем возьмётся за оружие, – не писать коликх писем к начальству Его Кор. Величества, не отвечать ему угрозами, как это делаете вы. Апостолы и другие святые никогда так не поступали.

Продолжаете, «что вам вольно топить неунитов, рубить им головы» и пор. Нет! Не должно так поступать с ними; потому – что божественное Евангелие строго внушает всем мстителям, в том числе и вам: *Мне отмщение, Аз воздам*. Сколько апостолов, учеников Господних, сколько христиан запечатлело своею жизнью славу распятого Господа, претерпело ради Его жесточайшие мучки! И однако нигде нет в Св. Писаниях ни одной их жалобы или протестов на Неронов, Тивериев, Диоклетианов. но «*идящу радующеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобившася прияти*».

«На сеймах, продолжаете вы, поднимаются голоса не только вредные для унии, но для всего правоверного духовенства римского» и проч. Кто же тому причину? Одна уния – виновница всех этих несчастий! Когда вы делали насилье совести человеческой, запирали церкви – для того, чтобы люди погибли без богослужения, без христианских обрядов и таинства, как неверные; злоупотребляя милостями и преимуществами королевскими, вы обходились без нас; а когда нужно усмирять смуты, возбужденные в народе вашим отсутствием, вы хотите нами запирать двери. Оттого противная сторона думает, что мы с вами составили заговор, направленный к насилью совести и нарушению всеобщего спокойствия, чего, конечно, не бывало. Довольно и того, что В. Пр. с нами в унии, так и берегите эту унию про себя и в *звании, в неже звание бысте*, оставившие себе спокойно, не подвергаяте нас общенародной ненависти, а себя явной опасости и всеобщему нареканию.

«Не принимающих унии, пишете далее, нужно изгнать из государства» и проч. Избави Бог нашу отчину от этого безрасудства! Давно уже в наших странах водворилась р. Католическая вера, и пока она не имела подражательницы себе в деле благочестия и подчинения святому Отцу (Папе), до тех пор славилась любовью к спокойствию, могуществом внутри и вне государства, но как только

связалась с какой-то сварливой и беспокорной подругой, терпит, по её милости, при всяком собрании народном, при всяком уездном заседании, разные раздоры и нарекания. Лучшее бы, кажется, было сделать разрыв с этою неугомонною союзницей; потому что мы никогда не видели в нашей отчизне таких настроений, какие поселяла среди нас эта благодивная уния. Христос не запечатывал и не запирает церквей!...

«Имеют они, говорите, достойных священников» и проч. Дай Бог, чтоб их было довольно! Этого мало, что вы сами хвалите их: собственная похвала всегда подозрительна. Нужно, чтоб иноверные *видели добрая дела их и прославляя Отца, иже на небсехх*, последовали бы стезям их. Но я знаю, каких вы рукополагаете священников, таких, т.е., которые способны скорее разорить, нежели создать Церковь (Христову). Отовсюду слышится ропот, что у нас нет достойных священников, а больше слепых. Невежественные ваши попы *волят в пагубу и народ*.

«Отдавать, говорите церкви на поругание» и проч. Не печатать (т.е. печатывать, закрывать; прим. наше) и запираеть церкви, глумиться над кем-либо, не есть ли столько же пагубный разрыв братского единомыслия и взаимного согласия... Укажите В.Пр. кого вы приобрели, кого уловили такою суровостью вашею, строгостью, печатанием и запираением церквей? Окажется, что в (самом) Полошке вы потеряли и тех, которые (доселе) были вам послушны. Из овец вы превратили их в козлищ, подвергли в опасность государство, а , может быть, в погибель и всех нас католиков. Вместо радости, пресловутая ваша уния наелала нам только хлопот, беспокойств, раздоров, и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без неё: так много по её милости, мы терим беспокойств, огорчений и докуч. Вот плод вашей пресловутой унии! Сказать правду, она приобрела известность только смутами и раздорами, которые произвела она в народе и в целом крае! Если – избави Бог – отчизна наша потрясётся (вы своею суровостью пролагаете к тому торную дорогу), что тогда будет с вашею униею?

«По крайней мере, пишите вы, я получил в этом деле предписание Верховного пастыря и его наместника» и проч. Противиться верховному пастырю есть проклятое покушение; но я уверен, что если бы св.Отец (Папа) знал все те смуты, какие породила ваша уния в нашей отчизне, он позволил бы всё, чему вы у нас так упорно противитесь. Мы знаем из опыта снисхождение Св. Отца, который, будучи отцом, а не отчимом Церкви Христовой, так мудро управляет ею, что весьма многое разрешил в некоторых странах, для их общего блага, что у нас запрещено как грех смертный.

В силу всего этого Король приказал В. Пр. распечатать и отворить

церкви в Могилёве, о чём и извещают вас по его приказанию. Если же и после настоящего напоминания вы этого не сделаете, то по повелению Его Величества, я сам прикажу распечатать и отдать церкви (православным), дабы они в тех церквах отправляли своё богослужение, согласно с уставами своими. *Жидам и татарам позволено в областях королевства иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви!* Оттого и ходит везде молва, что они (православные) лучше хотят быть в подданстве неверных турков, чем терпеть такое насилие своей совести.

Быть может, вы скажете: «было бы несправедливо делать это снисхождение под предлогом сомнительного спокойствия в будущем?» Не только справедливо, но и необходимо! Потому что, если мы станем ещё более стеснять их религию, то произойдут неизбежные раздоры в обществе. Повсюду уже раздаётся молва, что они навсегда желают разорвать всякую с нами связь. Что касается до полочан и иных против вас возмутителей, то может статься они и в самом деле таковы, а всё таки скажу, что *вы сами расположили их возмущению*. Они были вам послушны, не оставили вашей церкви, а *вы сами от себя оттолкнули их*. Уже ваша уния отторгла от нас Новгород-Северский, Старолуб, Козелец и мн. другие крепости. Она и теперь главною причиною того, что народ московский устранился от королевича (Владислава), как это видно из писем русских к вельможам государственным и начальникам великого княжества Литовского. И потому то мы не хотим, чтоб эта, столь пагубная для нас, уния до конца погубила нас.

Вот ответ на письмо ваше! Желал бы я на будущее время быть свободным от состязания с вами. Прошу только Всевышнего о ниспослании вам вождельных для вас благ и, вместе с тем, о ниспослании вам духа кротости и любви к ближнему. Остаюсь с почетом. В Варшаве, 12 марта 1622 г.

Приложение №4

«Временное положение о приходах» митрополита Сергия (Воскресенского), которым руководствовалась епархия в период немецкой оккупации.

I. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ.

1. Настоящее положение, подлежащее применению во всех приходах Экзархата, устанавливается в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени и предназначено действовать вплоть до восстановления нормальных условий мирной жизни.

2. О времени и порядке введения в действие сего Положения Епархиальные Архиереи дают надлежащие распоряжения по своим епархиям.

II. ПРИХОДСКОЕ СОБРАНИЕ.

3. Созыв Общих Приходских Собраний воспрещается: изъятия из этого правила допускаются лишь в чрезвычайных случаях и лишь с особого каждый раз разрешения Епархиального Архиерея и гражданской власти.

4. В Приходском собрании могут участвовать только полноправные прихожане; таковыми почитаются лица обоего пола, внесённые в списки прихожан, достигшие совершеннолетия, ежегодно исполняющие христианский долг исповеди и Св. Причастия и уплачивающие исправно приходские взносы.

5. К числу полноправных прихожан не могут принадлежать лица, которые /а/ состоят в браке без церковного венчания, /б/ исключены из духовного звания или состоят под запрещением, /в/ повинны в том, что поносят Св. Православию веру, её учения и установления, /г/ известны тем, что ведут предосудительный образ жизни или имеют предосудительные занятия и /д/ опорочены по суду или состоят под судебным следствием.

6. Епархиальный Архиерей разрешает созыв Приходского собрания по почину своему или благочинного или приходского настоятеля.

7. Разрешая созыв Приходского собрания, Епархиальный Архиерей назначает его председателя, которому даёт предписание о том, для рассмотрения каких именно дел данное собрание созывается и какою именно порядком подлежит соблюдению на таковом.

8. Постановления Приходского собрания представляются председателем его на утверждение Епархиального Архиерея.

III. ПРИХОДСКОЙ СОВЕТ.

9. Приходской Совет содействует настоятелю прихода в ведении имуществ, финансами и хозяйством прихода, а также в

попечении о благолепии храма и об удовлетворении духовных нужд прихожан.

10. В Приходской Совет входит: а/ все штатные члены клира и б/ от пяти до двенадцати светских членов из числа подноправных прихожан.

11. Епархиальный Архиерей, по представлению благочинного, определяет число светских членов Приходского Совета для каждого прихода в отдельности, сообразуясь с общим количеством его прихожан.

12. Светские члены Приходского Совета назначаются Епархиальным Архиереем сроком на один год, считая год с 1-го января по 31 декабря; они представляются к назначению приходским настоятелем через благочинного.

13. Председателем Приходского Совета состоит настоятель прихода; Приходской Совет избирает из своей среды товарища председателя, церковного старосту, кассира и секретаря; по представлению настоятеля прихода они утверждаются в должности благочинным; по особому каждый раз разрешению Епархиального Архиерея допускается совмещение должности кассира с должностью секретаря.

14. Заседание Приходского Совета созывается его председателем или, по поручению последнего, товарищем председателя; заседание правомочно, если в нём присутствуют не менее половины членов Совета, в том числе его председатель или товарищ председателя; на заседании дела решаются простым большинством голосов; при равенстве голосов голос председательствующего даёт перевес.

15. Если настоятель прихода не согласен с постановлением Приходского Совета, принятым либо в его отсутствие, либо вопреки мнению, которое он выразил в заседании, то он может, приостановив исполнение сего постановления, представить дело на решение Епархиального Архиерея.

16. Приходской Совет выдаёт доверенность на ведение дел прихода в судебных и других учреждениях; доверенность совместно подписывается четырьмя лицами – настоятелем прихода, секретарём Приходского Совета и ещё двумя членами Приходского Совета по особому каждый раз поручению такового.

17. Отчёты, сметы и постановления Приходского Совета, нуждающиеся прежде в утверждении Приходского Собрания, представляются на утверждение Епархиального Архиерея.

IV. БЛАГОЧИННЫЙ.

18. Благочинный, осуществляя надзор над приходами своего округа, имеет право в любое время их ревизовать и требовать объяснений от приходского причта и приходских Советов; обо всех заме-

ченных упущениях благочинный докладывает Епархиальному Архиерею; по поручению Епархиального Архиерея благочинный производит следствие по делам священно- и церковнослужителей своего округа.

19. Настоятель прихода и Приходской Совет сносятся с Епархиальным Архиереем не иначе, как через благочинного; последний сопровождает своими отзывами их ходатайства, представления, доклады и отчёты.

V. РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ.

20. В приходе действует Ревизионная Комиссия, состоящая из пяти членов; члены Ревизионной Комиссии назначаются Епархиальным Архиереем сроком на один год, считая год с 1 января по 31 декабря; они представляются к назначению благочинным; в приходе самого благочинного они представляются к назначению Епархиальным Советом.

21. В члены Ревизионной Комиссии могут быть назначены только лица, удовлетворяющие следующим условиям: а/ состоящие подноправными прихожанами данного прихода, б/ не принадлежащие к составу Приходского Совета, в/ не состоящие в супружестве с членами Приходского Совета и г/ не имеющие с ними близкого родства в качестве их детей или родителей, братьев или сестёр.

22. Ревизионная Комиссия избирает из своего состава председателя и товарища председателя; заседание Ревизионной Комиссии правомочно, если в нём присутствует не менее трёх её членов, в том числе председатель или товарищ председателя; на первое заседание Ревизионную Комиссию, по предписанию благочинного, созывает настоятель прихода.

23. Ревизионная Комиссия проверяет денежную отчётность, кассу и имущество прихода; проверка производится не менее одного раза в год, но, по инициативе благочинного или самой Ревизионной Ко-

24. Отчёты Ревизионной Комиссии представляются благочинному на рассмотрение; о состоявшихся ревизиях и их результатах благочинный докладывает Епархиальному Архиерею.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. В. Алексеев, Русский Православный епископат в Советском Союзе, 1941-1953 гг., Нью-Йорк, 1954, (машинипись).
2. Архим. Арсений, Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные, от Рождества Христова до 1879 года, СПб, 1880.
3. Архиеп. Афанасий (Мартоз), Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Минск, 1990
4. Проф. Т. Барсов, Константинопольский патриарх и его власть над Русскою Церковью, СПб, 1878.
5. Н. Бантыш-Каменский, Историческое известие о возникшей в Польше унии, Вильна, 1864.
6. Проф. В. Беднов, Православная Церковь в Польше и Литве, Минск, 2002.
7. Протопр. В. Баровой, О богословских трудах митрополита Никодима (См. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Человек Церкви, Москва, 1999).
8. Н. Воейков, Церковь, Русь и Рим, Минск, 2000.
9. М. Вострышев, Патриарх Тихон, Москва, 1995.
10. Н. Гайдук, Брестская униа 1596 года, Минск, 1996.
11. Е. Гергей, История папства, Москва, 1996.
12. Прот. М. Голенкович, Воспоминания...б/г., (Машинипись).
13. Еп. Григорий, Русская Церковь перед лицом господствующего зла (См. Библийский сборник в память 1000-летия Крещения Руси, Джорданвилл, 1988).
14. И. Григулевич, Папство. Век XX, Москва, 1981.
15. Прот. К. Зноско, Исторический очерк церковной унии, Москва, 1993.
16. Диакон Г. Иванов-Тринадцатый, Ватикан и Россия, Монреаль, 1989, (Брошюра).
17. Прот. Н. Извеков, Исторический очерк состояния Православной Церкви в Литовской епархии за время с 1839 - 1889гг., Москва, 1899.
18. Архим. Иосиф (Соколов), Остробрамская чудотворная икона Богородицы в г. Вильне. Историческое исследование, Вильна, 1890.
19. Н. Карамзин, История государства Российского, Москва, 1988.
20. Проф. А. Карташев, Очерки по истории Русской Церкви, Париж, 1959.
21. Проф. Г. Киприянович, Исторический очерк Православия, Католичества и Унии в Белоруссии и Литве, Вильно, 1895.
22. Прот. Д. Константинов, Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР), Нью-Йорк, 1967.
23. Проф. М. Ковалович, Чтения по истории Западной России, СПб, 1884.
24. П. Кукольник, Исторические заметки о Северо-Западной России, Вильна, 1867.
25. Л. Левшун, Леонтий Карпович. Жизнь и творчество, Минск, 2001.
26. Митр. Макарий (Булгаков), История Русской Церкви, т.IV, Москва, 1995.
27. П. Мавицкий, Руководство по истории Русской Церкви, Москва, 2000.
28. Протопр. И. Мейсндорф, История Церкви и восточно-христианская мистика, Москва, 1997.
29. Д-р У. Навишки, Канфессія на Беларусі, Минск, 1998.
33. Иерей О. Ореханов, На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция, Москва, 2002.
34. М. Пашкевич, Виленское Свято-Троицкое впоследствии Свято-Духовское

- Братство (Исторический очерк), Вильна, 1890.
35. Проф. С. Платонов, Лекции по русской истории, Москва, 1993.
36. Акад. С. Платонов, Учебник русской истории, СПб, 1994.
37. А. Попов, Историческо-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян, Москва, 1875.
38. Проф. Д. Поспеловский, Русская Православная Церковь в XX веке, Москва, 1995.
39. Л. Ретельсон, Трагедия Русской Церкви 1917-1945, Париж, 1977.
40. Прот. Л. Савицкий, Летопись церковной жизни, Вильно, 1965, (машинипись).
41. Проф. А. Свитич, Православная Церковь в Польше и её автокефалия. (См. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917-1950 гг., Москва, 1977).
42. Прот. В. Сковородко, К истории Православия в Литве (См. журнал. Вестник Православия в Литве, Вильно, 1990, №1).
43. С. Соловьев, История России с древнейших времен, Москва, 1960.
44. В. Теглова, З. Зуева, Уния в документах, Минск, 1997.
45. Проф. Ф. Титов, Русская Православная Церковь в польско-литовском государстве в XVI-XVII-XVIII вв., Киев, 1905.
46. М. Толстой, История Русской Церкви, Валаам, 1991.
47. Архиеп. Филарет (Гумилевский), История Русской Церкви, СПб, 1894.
48. А. Флатава, Христианские канфесии насяла галучэння Беларусі да расійскай імперыі (1772-1860), (См. У. Навишки, Канфесіі на Беларусі, Минск, 1998.)
49. Прот. Г. Флоровский, Пути русского богословия, Париж, 1981.
50. Прот. В. Цыпин, История Русской Православной Церкви, 1917-1990, Москва, 1994.
51. И. Чистович, Очерки истории Западно-Русской Церкви, СПб, 1882 (ч.1), 1884 (ч.2).
52. Г. Шлевис, Православные светлани Вильноса. Страницы истории, Вильносо, 2003.
53. Протопр. А. Шеман, Исторический путь Православия, Москва, 1993.
54. Е. Шмурало, Курс русской истории. Русь и Литва, СПб, 2000.
55. M. Bendza, Prawosławna diecezja przemyska w latach 1596-1681, Warszawa, 1982.
56. J. Jaroszewicz, Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, Wilno, 1844
57. R. Laukaitis, Stačiatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje, Vilnius, 2003.
58. C. Loiseau, La politoque de Strossmayer, (См. Le Mond Slave, №330.)
59. A. Marcinkevičius, S. Kauhrys, Lietuvos Stačiatikių Bažnyčia 1918-1939, Vilnius, 2003.
60. Prof. A. Mironowicz, Metropolita Jozef Niechubowicz-Tukalski, Białystok, 1998.
61. Prof. A. Mironowicz, Sylwester Kossow, biskup białoruski, metropolita Kijowski, Białystok, 1999
62. E. Woronicz, Zagadnienie autokefalji Prawosławnej w państwie Polskiem, Wilno, 1923 (Брошюра).

ПЕРИОДИКА

1. «Вера и жизнь», Рига, 1936.
2. «Вестник Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области», Каунас, 1943-1944.
3. «Вестник Виленского Свято-Духовского Братства», Вильна, 1907-1916.
4. «Вестник Православия в Литве», Вильноус, 1990.
5. «Вестник Православной Митрополии в Польше», Варшава, 1923-1924.
6. «Виленские Епархиальные Ведомости», Вильна, 1922-1923.
7. «Виленский вестник», Вильна, 1863.
8. «Голос Литовской православной епархии», Вильна 1924-1940.
9. «Гроаненские Епархиальные Ведомости», Гродно, 1909.
10. «Журнал Московской Патриархии», Москва, 1945-1997.
11. «Исторический вестник», Вильна, 1885-1900.
12. «Литовский вестник», Вильна, 1935-1939
13. «Литовские Епархиальные Ведомости», Вильна, 1864-1915.
14. «Литовские Епархиальные Ведомости», Вильна, 1921-1922.
15. «Литовские Епархиальные Ведомости», Вильна, 1943, №1 (машиннопись).
16. «Przegląd prawosławny», Warszawa, 1998.
17. «Rocznik teologiczny», Warszawa, 1968, 1969.
18. «Холмская церковная жизнь», Холм, 1909.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, изд. Виленской Археографической Комиссией. Вильна, 1889.
2. Акты Юго-Западной России, СПб, 1865.
3. Документы, объясняющие историю Западнорусского края и его отношении к России и Польше, СПб, 1865.
4. Памятники православия и русской народности в Западной России в XV-XVII вв., т.1, Киев, 1905.
5. Памятники православия и русской народности в Западной России в XVIII в., т.2, Киев, 1905.
6. Алексеев В., Иллюзии и догмы, Москва, 1991.
7. Митрополит Антоний (Храповицкий), Сборник избранных сочинений, Белград, 1935.
8. Литгонович В., Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, Киев, 1885.
9. Баричевский И., Православие и русская народность в Литве, Вильно, 1881.
10. Батюшков П., Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края, СПб, 1890.
11. Белевиц Э., Православная Церковь Латвии под сенью снастики (1941-1944), Рига, 1967.
12. Белоруссия в эпоху феодализма, т. 2, Минск, 1960.
13. Верховский П., Очерки по истории Русской Церкви в XVI-XVII и XIX ст., Варшава, 1912.
14. Голубинский Е., История Русской Церкви, Москва, 1900.
15. Дмитрик К., Униатские крестоносцы: вчера и сегодня, Москва, 1988.

16. Довгялло Д., На память о высокопросвещеннейшем Ювеналии, архиеп. Литовского и Виленского, Вильна, 1904.
17. Довнар-Запольский, Акты Литовско-Русского государства (1340-1524 г.), Москва, 1899.
18. Киприанович Г., Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с Православною Церковию в 1839 году, Вильна, 1897.
19. Костомаров Н., Последние годы Речи Посполитой, СПб, 1870.
20. Коялович М., Литовская церковная уния, СПб, 1859.
21. Коялович М., История воссоединения западнорусских униатов, Минск, 1999.
22. Любавский М., Литовско-русский сейм, Москва, 1901.
23. Лобавский М., Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, Москва, 1915.
24. Мараш Я., Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века, Минск, 1974.
25. Миловидов А., Заслуги графа М.Н.Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае, Харьков, 1900.
26. Нарбут Т., История литовского народа, т. 1-9, Вильно, 1835-1841.
27. Орловский Е., Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794-1890), Гродно, 1903.
28. Павлов А., Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян, СПб, 1827.
29. Патриарх Сергий и его духовное наследие, Москва, 1947.
30. Попов А., Гонение на Православие и руссия в Польше в XX веке, Белград, 1937.
31. Приселков М., Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, СПб, 1913.
32. Салунов А., Витебская старина, т.1-5, 1883-1888.
33. Салунов А., Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии, Витебск, 1910.
34. Титов Ф., Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII-XVIII вв. (1654-17950), Киев, 1905.
35. Фирсов С., Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-ых - 1918 гг.), Москва, 2002.
36. Флеров И., О православных церковных Братствах, противоборствующих унии в Юго-западной России, в XVI, XVII, и XVIII столетиях, СПб, 1857.
37. д'Эрбни М. (d'Herbigny), Церковная жизнь в Москве, Париж, 1926.
38. Шкаровский М., Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов (сборник документов), М, 2003
39. Щербинский О., Что дала православным западно-русской уния? Вильна, 1913.
40. Chodymcki, Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny (1370-1632), Warszawa, 1934.
41. J. Danilowicz, Latopisiec Litwy i kronika Ruska, Warszawa, 1827.
42. Kolbuk W., Kościoły wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej 1772-1914, Lublin, 1992.
43. Sakowicz E., Kościół prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788-1792, Warszawa, 1935.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Напутствие	1
Предисловие	4
Вступлениe	7

I. ОТ НАЧАЛА ДО ДИНАСТИЧЕСКОЙ УНИИ (при кн. Югайле) ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ

1. Время и обстоятельства появления православных в Литовских землях ..	10
2. Учреждение Литовской митрополии и её первый митрополит	16
3. Кафедра православных литовских митрополитов	20
4. Митрополит Роман	23
5. Митрополит Кириан	25
6. Митрополит Фотий	27
7. Митрополит Григорий	29
8. Митрополит Герасим	33

II. ОТ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИИ ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ

1. Отношение к Флорентийской унии	38
2. Возвышение Московского митрополита и реакция Литвы; митрополит Григорий II	41
3. Митрополит Мисаил	44
4. Митрополит Симеон	45
5. Митрополит Иона	46
6. Призвание в Литву доминиканских монахов	48
7. Митрополит Макарий	49
8. Митрополит Иосиф	50
9. Митрополит Иона II	54
10. Митрополит Иосиф II	56
11. Виленский собор 1509 г.	57
12. Патронат и право «подавания»	57
13. Появление Протестантизма в Литве	64
14. Митрополит Иосиф III	66
15. Митрополит Макарий II	68
16. Митрополит Сильвестр	71
17. Митрополит Иона III	73

III. ОТ ЛЮБЛИНСКОЙ (государственной) ДО БРЕСТСКОЙ (церковной) УНИИ

1. Образование Речи Посполитой	74
2. Призвание иезуитов и их деятельность	75
3. Православные братства и их значение	79
4. Митрополит Илия	82
5. Митрополит Онисифор	82
6. Приезд Константинопольского Патриарха Иеремии II	86

7. Митрополит Михаил	94
8. Начало тайных действий по подготовке Унии	97
9. Ипатий Потей и его роль в «сотворении» Унии	104
10. Выход из подполья и начало открытых сношений с Римом	107
11. Противостояние идеям Унии	114
12. Заключение Унии в Риме	118
13. Королевский универсал о созыве собора для принятия Унии	124

IV. ПЕРИОД НАСАЖДЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ (до раздела Польши)

1. Брестский собор	126
2. Начало репрессий, связанных с насаждением Унии	141
3. Начало борьбы на «идеологическом» фронте	143
4. Униатский митрополит Ипатий Потей и изгнание православных из Свято-Троицкого монастыря	146
5. Отнятие храмов у православных Вильноса королем Сигизмундом III	148
6. Оскудение православной иерархии	152
7. Приезд Иерусалимского Патриарха Феофана и поставление православных епископов	154
8. Новая волна репрессий	157
9. Действия Иосафата Кунцевича и их последствия	159
10. Митрополит Иов	167
11. Митрополит Исаия	171
12. Петр Могила	172
13. Избрание новой иерархии	177
14. Решения Варшавского сейма 1635 г.	180
15. Реформаторская деятельность митрополита Петра	182
16. Письменное наследие митрополита Петра	188
17. Митрополит Сильвестр	192
18. Анонимный «Мемориал» по вопросу церковной Унии	195
19. Съезд по вопросу церковной унии	196
20. Зборовский договор	200
21. Королевский Универсал 1650 г.	203
22. Посвящение новых епископов	206
23. Очередное ухудшение ситуации: Белоцерковский договор	207
24. Соединение Украины с Россией	210
25. Вопрос юрисдикции Литовской епархии	211
26. Митрополит Дионисий	215
27. Голяцкий договор	216
28. «Междоусобная брань» за Киевскую кафедру: митрополит Иосиф	219
29. Курс польского Правительства на полную ликвидацию Православия	226
30. Новые попытки утвердить Унию	228
31. Сворачивание в Унию православной иерархии	230
32. Митрополит Гедеон	236
33. Включение Киевской митрополии в юрисдикцию Московского и всей Руси Патриарха	237
34. «Вечный мир» России с Польшей и его последствия для Церкви	240
35. Возникновение вероисповедных конфедераций	245
36. «Вечный трактат» 1768 г. и права православных	249
37. Положение униатов	254

38. Первый раздел Польши и положение православных на оставшейся территории Речи Посполитой	259
39. Судьба назначенного на эти территории епископа Виктора	261
40. Шаги польского Правительства по созданию в Польше независимой от Российского Святейшего Синода Православной Церкви	265
41. Пинский конгресс	269
42. Реакция Католической Церкви на решения Конгресса	275

V. В ГОДЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Присоединение православных Литвы к Минской епархии	279
2. Ситуация в Униатской церкви	280
3. Иосиф Семашко и начало процесса воссоединения униатов с Православной Церковью	284
4. Полоцкий собор 1839 г. и принятие Акта о воссоединении	289
5. Обрежение мощей свв. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия	295
6. Образование (или возрождение) Литовской епархии и назначение бывшего униатского епископа Иосифа Семашко архиепископом Литовским и Виленским	297
7. Перевод в Вильно архиерейской кафедры и дальнейшие шаги по устройению епархии	301
8. Восстание 1863 г. и его последствия	305
9. Митрополит Макарий (Булгаков)	311
10. Архиепископ Александр (Добрынин)	315
11. Архиепископ Алексей (Лавров-Платонов)	318
12. Архиепископ Донат (Бабинский-Соколов)	323
13. Архиепископ Иероним (Эземплярский)	326
14. Архиепископ Ювеналий (Половцев)	331
15. Выделение Брестского викариатства в отдельную епархию	338
16. Освящение Знаменской церкви в Вильносе	340
17. Архиепископ Никандр (Молчанов)	343
18. Правительственный указ о веротерпимости	345
19. Отпадения от Православия и причины происшедшего	345
20. Собрание Виленского духовенства и предложения по поводу церковных реформ	356
21. Первый съезд представителей церковных Братств	366
22. Второй съезд представителей церковных Братств	370
23. Недуги приходской жизни	372
24. Архиепископ Агафангел (Пресображенский)	376
25. Участие епархии в предвыборной компании в Госдуму	378
26. Архиепископ Тихон (Белавин)	382

VI. В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1. Задачи, вставшие перед епархией в военное время	386
2. События в России и их влияние на жизнь епархии	387
3. Архиепископ Елевферий (Боговяльский)	389
4. Перемены в жизни епархии, приннесенные внешними событиями	390
5. Перипетии с провозглашением автокефалии православных приходов в Польше	391

6. Проблемы вызванные присоединением Польшей т.н. «Виленского края»	394
7. Разделение епархии на Виленскую и Литовскую	396
8. Обстоятельства избрания митрополита Варшавского Димонсия	400
9. Положение Православной Церкви во II Речи Посполитой	401
10. Положение православных в «Ковенской Литве»	407
11. Очередная попытка реанимировать Унию	415
12. Полги Литовской епархии в начале XX столетия и возникшие проблемы	418
13. Воссоединение Виленской и Литовской епархии	424
14. Провозглашение архиеп. Феодосием «Временного Совета»	426
15. Возстановление канонического положения объединённой епархии	428
16. Общая характеристика периода	431
17. В Литовской ССР	433

VII. В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

1. Митрополит Сергей (Воскресенский) и его позиция	436
2. Прибалтийский Экзархат	439
3. Концепция немецких властей относительно Церкви	441
4. Правовое положение Церкви в период оккупации	445
5. «Временное положение о приходах» митрополита Сергея	450
6. Проблемы стоящие перед епархией	452
7. Архиепископ Даниил (Юзвюк)	457

VIII. В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. Архиепископ Корнилий (Попов) и положение епархии	461
2. Напряжённость в отношениях с Католической Церковью	463
3. Возвращение из Москвы мощей свв. Виленских мучеников	468
4. Об «укреплении» православных центральной властью	469
5. «Дело Виленских узодников»	472
6. Архиепископ Фотий (Топиро)	477
7. Архиепископ Филарет (Лебедев)	478
8. Изменение государственной политики относительно Церкви	480
9. Архиепископ Алексей (Делгарёв)	482
10. Архиепископ Роман (Танг)	486
11. Разгар «хрущёвских гонений»	487
12. Защитные действия Церкви	493
13. Ситуация в Прибалтике	495
14. Епископ (архиепископ) Антоний (Варжанский)	498
15. Перемены в жизни Церкви с наступлением «эры Брежнева»	502
16. «Застойный» период и в жизни Церкви	504
17. Время «перестройки»	505
18. Поместный Собор РПЦ	509

IX. В НЕЗАВИСИМОЙ ЛИТВЕ

1. Закон 1990 г. (о возвращении храмов)	512
2. Создание «общины Восточного обряда» и передача ей Свято-Троицкой церкви в Вильносе	513
3. Законы 1995 г.	515

4. Характеристика нового периода в жизни епархии	517
5. Архиепископ (митрополит) Хризостом (Мартышкин).....	521
6. Самоопределение Православной Церкви в новых условиях	
7. Проблемы и их решение	524
8. Визит в Литву Патриарха Московского и всея Руси Алексия II	527
9. Нынешнее положение и перспективы	535
Эпилог	538
Приложения	540
Цитируемая литература	554
Периодика	556
Вспомогательная литература	556

Протоиерей Василий Новинский
Очерк истории православия в Литве

Подписано в печать 09.02.2005. Тираж 1000.
Отпечатано в типографии ЗАО „Салту сала“
ул. С. Монпоцкос 21, Вильнюс

VILNA LITVANIAE Metropolis.

1. The Holy Ghost.	17. The Holy Spirit.	33. The Holy Spirit.	49. The Holy Spirit.
2. The Holy Spirit.	18. The Holy Spirit.	34. The Holy Spirit.	50. The Holy Spirit.
3. The Holy Spirit.	19. The Holy Spirit.	35. The Holy Spirit.	51. The Holy Spirit.
4. The Holy Spirit.	20. The Holy Spirit.	36. The Holy Spirit.	52. The Holy Spirit.
5. The Holy Spirit.	21. The Holy Spirit.	37. The Holy Spirit.	53. The Holy Spirit.
6. The Holy Spirit.	22. The Holy Spirit.	38. The Holy Spirit.	54. The Holy Spirit.
7. The Holy Spirit.	23. The Holy Spirit.	39. The Holy Spirit.	55. The Holy Spirit.
8. The Holy Spirit.	24. The Holy Spirit.	40. The Holy Spirit.	56. The Holy Spirit.
9. The Holy Spirit.	25. The Holy Spirit.	41. The Holy Spirit.	57. The Holy Spirit.
10. The Holy Spirit.	26. The Holy Spirit.	42. The Holy Spirit.	58. The Holy Spirit.
11. The Holy Spirit.	27. The Holy Spirit.	43. The Holy Spirit.	59. The Holy Spirit.
12. The Holy Spirit.	28. The Holy Spirit.	44. The Holy Spirit.	60. The Holy Spirit.
13. The Holy Spirit.	29. The Holy Spirit.	45. The Holy Spirit.	61. The Holy Spirit.
14. The Holy Spirit.	30. The Holy Spirit.	46. The Holy Spirit.	62. The Holy Spirit.
15. The Holy Spirit.	31. The Holy Spirit.	47. The Holy Spirit.	63. The Holy Spirit.
16. The Holy Spirit.	32. The Holy Spirit.	48. The Holy Spirit.	64. The Holy Spirit.

